

Коркунна

слобода

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 13

Ишим ◦ 2016

К статье Г. А. Крамора «Век Покровской церкви на станции Ишим».

*Покровская церковь. Вид с юга.
Январь 2007 г. Фотография автора.*

Коркнна слобода

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
РОССИЙСКОГО ПРИИШИМЬЯ

Выпуск 13

Ишимский историко-художественный музей

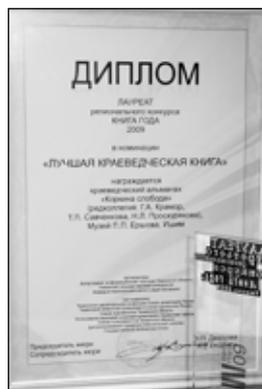
2016

Победитель российского конкурса краеведческих периодических изданий (Санкт-Петербург, 2010).

*Лауреат
регионального
фестиваля
«Тюменская пресса»
(Тюмень, 2006).*

*Лауреат
регионального
конкурса «Книга года»
(Тюмень, 2009).*

*Дипломант
XI межрегионального
фестиваля
«Православие и СМИ»
(Тобольск, 2011).*

*Лауреат
регионального
конкурса «Книга года»
(Тюмень, 2013).*

*Альманах издан при поддержке
Международного грантового конкурса «Православная инициатива 2016-2017».*

Редакционная коллегия:
Г. А. Крамор (главный редактор),
Л. С. Нечаева, Н. Л. Проскурякова, Т. П. Савченкова.

Рисунки: Рудольф Симанов.
Вёрстка, оформление: Геннадий Крамор.

На 1-й странице обложки:
А. Ф. Шорохов. Победа. 1985. Холст, масло. Собственность художника.

© МАУК «Ишимский историко-художественный музей», 2016.
© Авторы публикаций и иллюстраций, 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОТОСНИМОК НОМЕРА

- 5 Воинская икона Георгия Победоносца
6 Сведения об авторах. Принятые сокращения

Исторические штудии

- А. А. Валитов, В. С. Сулимов*
9 Труд военнопленных Первой мировой в Тобольской губернии
Л. Ю. Оленькова
13 Забытые трагедии Первой мировой
Г. А. Крамор
17 Два письма из 1915 года
В. А. Шулдяков
20 «Свободный народ, объединённый в борьбе с коммунизмом». Роль казачества в складывании «Народной дивизии» западно-сибирских повстанцев 1921 года
В. И. Шишкин
31 О новой концепции Западно-Сибирского мятежа
В. И. Шишкин
35 Ишимский судебный процесс 22-28 февраля 1921 г.
К. С. Иванов
46 Недостаток вооружения как одна из причин неудачи восстания 1921 года
К. С. Иванов
50 Повседневная жизнь ишимцев в годы Великой Отечественной войны

О архивной полке

- 61 Частушки о Первой мировой войне
62 «Не на словах, а на деле...». Приказы мятежного года

Культура края

- Г. А. Крамор*
67 Зданию Ишимского духовного училища – 130 лет
Н. А. Антуфьева, Г. А. Крамор
72 «Летняя Пасха» Сибири
Г. А. Крамор
75 Век Покровской церкви на станции Ишим
Г. А. Крамор, М. А. Сезёмова
85 Ишимский музей. Начало

Пресса лет былых

90 «Ишимская правда» о первых годах музея

Музейный хронограф

119 2016 год

Пытливый посох странника

Т. П. Савченкова

139 Свияжск и Ершов

Ершов и его современники

Т. П. Савченкова

144 «Радужный деятель», или Некоторые факты биографии Петра Ершова

А. К. Омельчук

152 Слово о великом Петре

А. К. Омельчук

154 «Тёплый Ишим» Сергея Козубенко

Впечатления

В. П. Колесникова

157 «Бог нас наградил словами...»

Г. А. Крамор

161 Научная дискуссия в Ишиме: есть ли предел Гражданской войне?

Памятные записи

Н. Я. Молодых

164 Деревня Волинкина на реке Ишим. 1920-е годы

Лики прошлого и настоящего

Г. А. Крамор

184 Православное духовенство и восстание 1921 года

О. А. Ожгибесова

194 «Не могу отказаться быть священником...».

Судьба Михаила Красноцветова

В. И. Озолин

201 Герои Советского Союза земли ишимской

Л. И. Марикова

206 Веды красоты Анатолия Шорохова

Паш вернисаж

В. М. Лузина

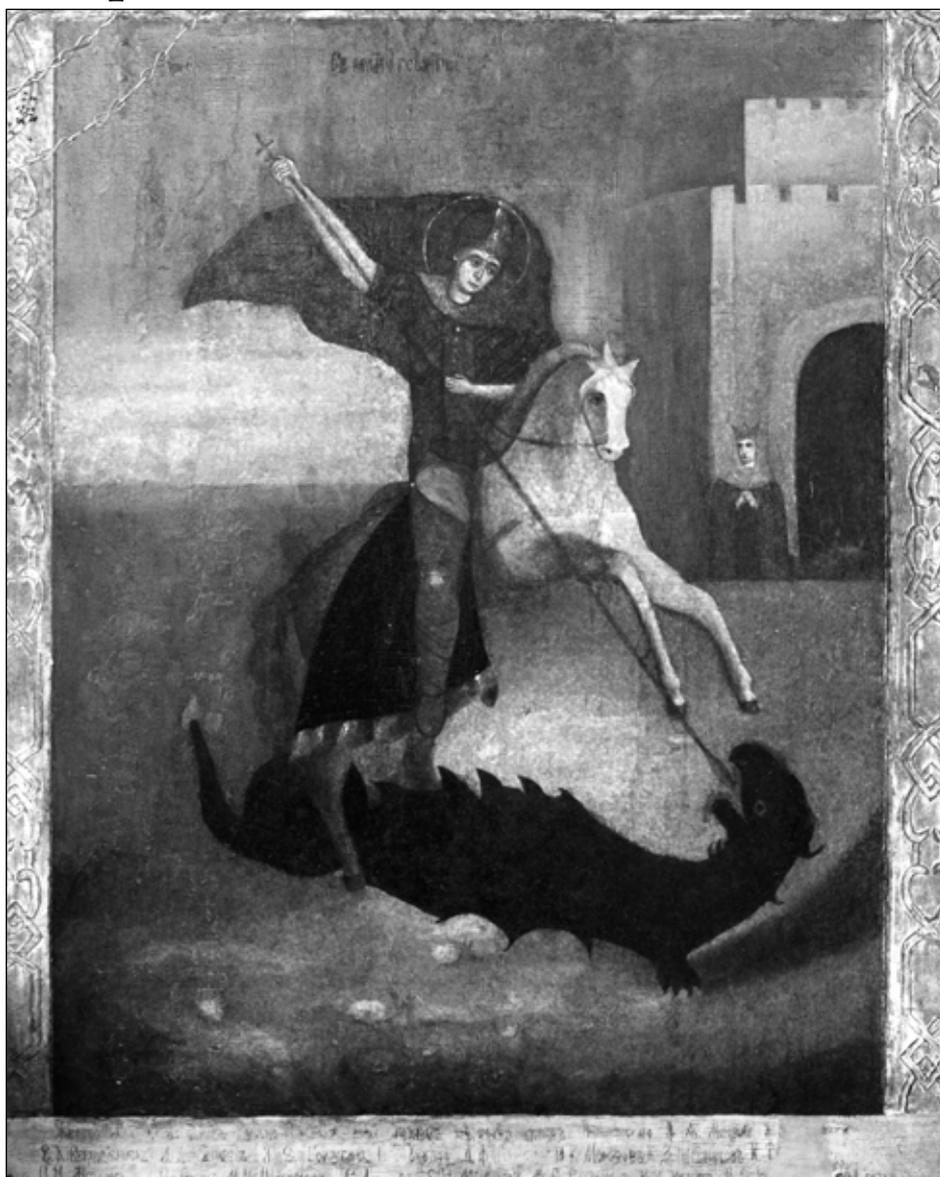
215 Актуальный реализм художника Анатолия Шорохова

Ряд материалов посвящён 100-летию Первой мировой войны, 95-летию Западно-Сибирского восстания 1921 года и 75-летию начала Великой Отечественной войны.

ФОТОСНИМОК номера

Воинская икона Георгия Победоносца

В начале XX века в Никольской церкви появилась икона Георгия Победоносца, отреставрированная в Тобольской семинарии. Привёз её в Ишим из Лангенаса протоиерей Владимир Ашмарин. Во время реставрации открылась надпись, идущая по нижнему полю доски: «Жертвована сия икона в память Русско-Германской войны казакам 124 (?) сотни поселка Черниговского Ф.Я. Морозов, (...), Е.А. Верходенцев, Л.Д. Стивеев, Л.Е. Голубин, В.Т. Укузов, Д.Ф. (...), И.К. Морозов, К.З. Шахматов, К.Т. (...), П.И. Ягодин, В.А. Паланин, М.Н. Шивкасов, Б.А. ...в, (...), Я.Б. Баранов, К.З. Иванов, Н.С. (...) 1914 года».

СВЕДЕНИЯ ОБ авторах

Антуфьева Надежда Леонидовна, старший научный сотрудник НИИ Истории науки и техники Зауралья Тюменского индустриального университета. Руководитель краеведческого клуба «Тюменская старина» (1997-2013). Автор многочисленных краеведческих публикаций, а также поэтических сборников «Встреча» (Тюмень, 2005), «Кто в домике живет» (Тюмень, 2008), библиографических указателей «Казаки Западной Сибири» (Тюмень, 1993), «Тюменская область. Природа. История. Экономика. Культура» (в соавторстве; Тюмень, 2004) и др. Составитель сборников «Тюменская старина» (Тюмень, Т.1. 2006, Т.2. 2012), «Когда бабушка была маленькой» (Тюмень, 2012).

Валитов Александр Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории освоения Сибири Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук, общественный деятель, педагог. Научные интересы: общественный быт Тобольска в конце XIX - начале XX вв., военнопленные Первой мировой войны в Тобольской губернии. Автор многочисленных публикаций в научных изданиях.

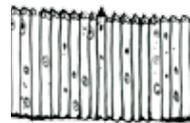
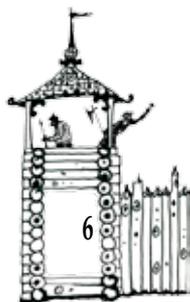
Иванов Константин Сергеевич, научный сотрудник ИИХМ. Выпускник исторического факультета Тюменского государственного университета. Участник научных конференций, автор публикаций в научных и краеведческих изданиях. Научные интересы – повседневная жизнь в годы Великой Отечественной войны, история вооружения.

Колесникова Валентина Прокопьевна, кандидат филологических наук. Многие годы работала в ИГПИ им. П.П.Ершова. Автор научных работ и публикаций в местной прессе.

Крамор Геннадий Андреевич, заместитель директора ИИХМ по научной работе. Лауреат фестивалей «Тюменская пресса-2006», «Православие и СМИ» (2007), областного конкурса молодых литераторов к 50-летию Тюменской писательской организации Союза писателей России (2013) и др. Автор статей в региональной и местной прессе, научных сборниках, «Ишимской энциклопедии» (Тюмень, 2010). Автор-составитель серии буклетов об истории Приишимья, мини-альбомов «Ишим – мой город на синей реке» (Ишим, 2007), «ОБЪЕКТИВно об Ишиме» (Ишим, 2008). Соавтор фотоальбома «По Ершовским местам» (Ишим, 2015). Краеведческие интересы – история православия в Сибири, провинциальная архитектура.

Лузина Валерия Михайловна, искусствовед. Автор статей по истории культуры края. Автор-составитель альбомов «Скульптор Вениамин Сидоренко» (Ишим, 2015), «Севастопольский альбом Анатолия Шорохова» (Ишим, 2016). Сфера интересов – творчество ишимских художников XX-XXI вв.

Марикова Людмила Ивановна, журналист, собственный корреспондент ОАО «Тюменский издательский дом». Автор документально-публицистических книг ««Моё дыхание – завод...» Очерк 60-летней истории Ишимского механического завода» (Ишим, 2001), «Долг особый. Страницы истории Ишимской ж.д. больницы» (Ишим, 2004), «Край людьми славен» (Тюмень, 2010); редактор-составитель изданий «Родники Ишимские» (Ишим, 2006), «Ишим: От Думы к Думе» (Ишим, 2008), «90 лет ишимскому комсомолу» (Ишим, 2009), статей и очерков о людях и событиях Приишимья в област-

ных и региональных изданиях, ответственный секретарь изданий «Ишимская энциклопедия» (Тюмень, 2010), «Согретье Сибирью» (Тюмень, 2012).

Ожгибесова Ольга Адольфовна, журналист, писатель, редактор издательского отдела Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И.Менделеева. Член Союза писателей России. Лауреат премии Союза журналистов России «За журналистское мастерство», обладатель Главного приза всероссийского телефестиваля «Профи-2007» в номинации «Лучший сценарий», дипломант и лауреат ряда других региональных и всероссийских конкурсов. Автор публикаций в тюменских, екатеринбургских и московских изданиях, в коллективных сборниках. Автор книг «В поисках родины» (2010), «С другом любо и в тюрьме. Частная жизнь декабристов в Сибири» (2010), «Бабье лето» (2011), «Гольшманово: 100 лет спустя» (2011), «Белый бог с голубыми глазами» (2012), «У бабочки век короткий» (2012), «Перекрёсток любви» (2013), «Аромашево: о прошлом для будущего» (2013).

Озолин Владимир Иванович, общественный деятель. В 1984 г. избран заместителем председателя Ишимского горисполкома, в 1987-1991 гг. – председатель горисполкома, член бюро ГК КПСС, в 1991-2000 гг. – первый заместитель главы (мэра) города. В 2002-2010 г. – заместитель председателя Ишимской городской Думы. Избирался депутатом Ишимского горсовета (1977-1991), членом Тюменского обкома КПСС. Главный инициатор создания «Ишимской энциклопедии» (1 том – Тюмень, 2010; 2 том – Тюмень, 2015, издан на CD). Соавтор-составитель книг «Ишимский край в рекордах, событиях, достижениях и судьбах» (Ишим, 2013), «Ишим в год 70-летия Тюменской области» (Ишим, 2014). Почётный гражданин г. Ишим.

Оленькова Лариса Юрьевна, заместитель директора ГБУ ТО «Государственный архив в г. Ишиме». Автор краеведческих публикаций на основе материалов архива в местной прессе.

Омельчук Анатолий Константинович, журналист, прозаик, критик, краевед. Член Союза журналистов (1970), член Союза писателей России (1987), заслуженный работник культуры РФ (1995). С 1992 года – президент Государственной телерадиокомпании «Регион-Тюмень». Автор многочисленных очерков и более десяти книг. Обладатель звания «Золотое перо России» (2000), лауреат ряда литературных и журналистских премий.

Проскуракова Надежда Леонидовна, директор Музея П.П.Ершова (структурное подразделение ИИХМ). Краеведческие интересы – культура края, крестьянское восстание 1921 года. Автор статей и сценариев документальных фильмов по истории Ишима и Приишимья. Редактор познавательного журнала для семейного чтения «Конёк-Горбунок».

Савченкова Татьяна Павловна, кандидат филологических наук. Многие годы работала в ИГПИ им. П.П.Ершова. Научные и краеведческие интересы – жизнь и творчество П.П.Ершова, региональное литературоведение, история сибирской архитектуры. Редактор ряда краеведческих сборников, «Ершовского сборника». Автор многих научных и популярных статей, в т.ч. в «Ишимской энциклопедии» (Тюмень, 2010), книг «Ишим и литература. Век XIX-й» (Ишим, 2004), «Пётр Павлович Ершов (1815-1869). Архивные находки и библиографические разыскания» (Ишим, 2011), «Летопись жизни и творчества П.П.Ершова (1815-1869)» (Ишим, 2014). Соавтор фотоальбома «По Ершовским местам» (Ишим, 2015). Почётный гражданин г. Ишим.

Сулимов Вадим Сергеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории Тобольского педагогического института им. Д.И.Менделеева (филиал ТюмГУ). Сфера научных интересов: Романовы в Зауралье, светская школа Западной Сибири в кон. XIX – нач. XX вв., польская ссылка, некрополистика, генеалогия. Автор многочисленных научных публикаций по истории народного образования, педагогике, психологии.

Сезёмова Мария Александровна, научный сотрудник ИИХМ. Выпускник исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). Участник студенческих науч-

ных конференций, автор публикаций в краеведческих изданиях. Научные интересы – история культуры и народного образования Ишима.

Шишкин Владимир Иванович, доктор исторических наук, заведующий сектором общественно-политического развития и член Учёного совета Института истории СО РАН. Признанный специалист в области изучения революции и Гражданской войны в России, аграрной и продовольственной политики Советской власти в 1917-1922 гг., государственного строительства в Сибири в советский период. Автор более четырёхсот вышедших в России и зарубежье научных публикаций и монографий, соавтор ряда коллективных монографий. Наиболее крупные работы последних лет: «За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921)» (Новосибирск, 2000), «Сибирская Вандея» в 2-х тт. (Москва, 2000-2001), «Процесс над колчаковскими министрами (май 1920 г.)» (Москва, 2003), «Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.)» (Новосибирск, 2007).

Шудьяков Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент Омского автобронетанкового инженерного института – филиала Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны РФ (ОАБИИ). Сфера научных интересов – история казачества, Гражданская война в Омске и Сибири, история Омского кадетского корпуса. Автор двухтомного издания «Гибель Сибирского казачьего войска. 1917-1922» (2004) и многочисленных публикаций в научных, научно-популярных и периодических изданиях России и зарубежья.

Принятые сокращения:

АУФСБОО – Архив Управления Федеральной службы безопасности по Омской области
АУФСБТюмО – Архив Управления Федеральной службы безопасности по Тюменской области (г. Тюмень)

БАН – Библиотека Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГАКО – Государственный архив Курганской области (г. Курган)

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области (г. Новосибирск)

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)

ГАТО – Государственный архив Томской области (г. Томск)

ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области (г. Тюмень)

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольске

ГА в г. Ишиме – Государственный архив в г. Ишиме

ГИАОО – Государственный Исторический архив Омской области (г. Омск)

ИГПИ – Ишимский государственный педагогический институт им. П.П.Ершова

ИИХМ – Ишимский историко-художественный музей

ИРЛИ (ПД) РАН – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

КОХМ – Курганский областной художественный музей

ОГАЧО – Объединённый государственный архив Челябинской области

ОмГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

РГО – Русское географическое общество (г. Санкт-Петербург)

РГВА – Российский государственный военный архив (г. Москва)

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)

РГИА – Российский государственный архив (г. Санкт-Петербург)

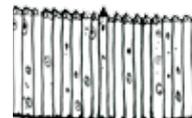
РНБ – Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)

СГА КНБ РК ПГА – Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по г. Алматы (г. Алма-Ата)

СГА КНБ РК ПКО – Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Карагандинской области

ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

ТОЦДНИ – Тюменский областной центр документации новейшей истории

Исторические штудии

А. А. Ваилов, В. С. Сушилов

Труд военнопленных Первой мировой в Тобольской губернии

В период Первой мировой войны военнопленные представляли собой внушительную дополнительную рабочую силу, поэтому правительство Российской империи постановлением от 24 сентября 1914 г., вскоре после начала военных действий, предложило использовать их труд на местах в земском и городском хозяйстве¹. Учитывая пожелания с мест и практическую значимость труда пленных, 27 октября этого же года вышли дополнительные циркуляры и правила, детально регламентирующие применение труда военнопленных², отправлявшихся также и в наши края.

¹ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 511. Л. 10.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 9.

Согласно правилам, привлечение военнопленных к различным работам должно было сделать их труд «заметным для общества, и тем самым в какой-то мере удовлетворить его стремление к справедливому возмездию за те страдания, которые испытывали русские воины в германском плену». Преимущество отдавалось работам, носящим «капитальный» характер и имеющим широкое общественное значение. Другим принципом стало «человеколюбивое» (гуманное) отношение к ним как к законным защитникам своего отечества. Официально провозглашённой цели войны – освобождению и объединению славянства – соответствовал третий принцип: создание более благоприятных условий содержания и работы для военнопленных славян (чехов, словаков) по сравнению с немцами, австрийцами и мадьярами (венграми). Правилами было разрешено привлекать славян как «дружественный» элемент к труду на добровольных началах (по желанию), а также отпускать на вольные работы по найму³.

На бесплатные работы военнопленных назначали партиями не менее ста человек. Земским учреждениям и городским общественным управлениям следовало снабдить их одеждой, обувью, бельём и всем необходимым. Размещаться пленные должны были казарменным способом в бараках, а при их отсутствии могли селиться в частных домах.

Питаться во время работы нижние чины (рядовые) должны были из общего котла на одинаковом положении с нижними чинами русской армии. По распоряжению губернского начальства надзор за военнопленными возлагался на вооружённых десятников и сторожей⁴.

Все расходы на содержание военнопленных, работавших на земских и общественных работах, финансировались из средств Государственного казначейства, которые были не всегда достаточными. Например, пленные, работающие на исправлении земского тракта, от Ивановского монастыря полу-

⁵ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 511. Л. 20.

⁶ Сибирский листок. 1915. № 73. С. 1-2.

⁷ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 511. Л. 9.

⁸ Там же. Лл. 53-56.

⁹ Там же. Л. 269.

¹⁰ Там же. Лл. 82-83.

¹¹ Там же. Л. 248 с об.

¹² ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 520. Л. 269 об.

¹³ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 519. Л. 72.

¹⁴ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 521. Л. 56.

¹⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3297. Лл. 2 об.-4.

¹⁶ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 520. Лл. 225, 226.

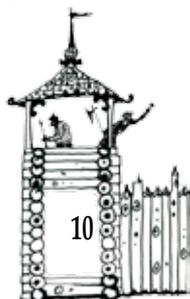
¹⁷ Сибирский листок. 1915. № 65. С. 2.

¹⁸ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 516. Л. 56.

¹⁹ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 511. Л. 326.

²⁰ Сибирский листок. 1915. № 73. С. 1-2.

²¹ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 519. Л. 72.

чали хорошее питание, к тому же тобольский губернский инженер Л.И. Шокальский добился небольшого материального поощрения для них. Другая часть из военнопленных-славян прокладывала дорогу от сельскохозяйственной школы (д. Соколовка) до города, она была лишена чаю и сахару, получала сокращённое довольствие, но продолжала добросовестно работать⁵.

В населённых пунктах Тобольской губернии пленные привлекались к хозяйственным, дорожным, ирригационным работам. В Тобольске они чистили речки в нижнем посаде, собирали валежник, заготавливали дрова. В селе Самарово (ныне г. Ханты-Мансийск) 300 военнопленных собирали булыжники для ремонта мостовых. В Ивановском монастыре 200 пленных исправляли земский тракт, прокладывали дорогу от Соколовской сельскохозяйственной школы до Тобольска, строили концентрационный лагерь и лазарет, наводили порядок на улицах города⁶.

Но прежде всего военнопленные привлекались к сельскохозяйственным работам. Так, 95 % обитателей Тобольского лагеря работали летом в уезде на пашне и на огородах⁷. К осени они возвращались обратно, многие оставались на зиму в сельской местности.

Установление добровольного труда пленных-славян входило в противоречие с потребностями экономики. Так, губернское совещание 31 марта 1915 г. высказалось в пользу принудительного труда военнопленных всех народностей. Следствием многочисленных жалоб стало распоряжение штаба Омского военного округа: «Никакого согласия пленных не спрашивать, никаких условий не предлагать, должны работать за цену вами установленную»⁸. Несмотря на принятие решения, политика обособления славян от венгров и немцев при разных работах сохранялась⁹.

В начале 1915 года были изданы правила для устройства военнопленных на работы. Приоритет при найме отдавался славянам всех народностей, а также румынам, итальянцам. В случае нарушения режима и условий проведения работ пленных не отпускали на работу. Первоначально вопрос оплаты труда устанавливался по взаимному соглашению работодателей и военного начальства.

В марте того же года были окончательно утверждены правила отпуска военнопленных для работ на частных предприятиях. Статья I правил ограничивала число отпускаемых военнопленных (не более 25 человек для каждого из частных предприятий)¹⁰. Это не удовлетворяло тех хозяев, которым требовалось гораздо больше рабочих. Особенно в них нуждались пароходные товарищества и головные конторы Тобольска. В октябре 1915 года российское правительство сняло ограничения на число военнопленных, занятых в частных предприятиях. Теперь они могли быть представляемы предприятиям исключительно для работы за плату, размер которой устанавливался «соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ»¹¹. Военнопленный получал на руки 75 % заработка, а четверть переводилась в министерства на особые счета за содержание рабочих-иностранцев.

Много недоразумений и проволочек было связано с отпуском военнопленных на общественные и казённые работы. 20 января 1916 г. Генеральный штаб принял решение, согласно которому все вопросы, связанные с выполнением работ военнопленными, передавались от местного начальства в ведение Генштаба в Петрограде. Такая централизация крайне затруднила процесс получения рабочих. Весной 1917 года центр вернул эту функцию на места¹².

Для оперативных действий с военнопленными при штабе округа были созданы межведомственные комиссии по распределению пленных на работы¹³. В некоторых городах России были организованы специальные конторы – «бюро труда» для военнопленных.

Российские власти игнорировали статью 6-ю Гагской конвенции, согласно которой работа пленных в военных целях запрещалась¹⁴. Так, в Тобольске в 1915 году в сапожных мастерских военно-промышленного комитета трудилось 18 мастеров и 40 чернорабочих из пленных-славян¹⁵.

Согласно отчёту за 1917 год, военнопленные в Тобольске трудились в 43 местах, как на общественных работах, так и в частных предприятиях. Самое

Курсы лепки и плетения корзин в Ишиме, 1916 г. Во втором ряду слева – преподаватель корзиноплетения К. Саламанек, справа – преподаватель лепки И. Пахобрадский, в центре – инспектор народных училищ В.П. Куминов. Фотография И.Г. Фёдорова из архива семьи Юдиных-Черняевых. ИИХМ.

большое количество было занято в качестве дровосеков – 120 человек, затем следовали санитары – 60 человек, работали сапожниками – 33, на сельхозработах – 33, трудились чернорабочими в разных предприятиях – 23, кожевниками – 10, матросами – 10, по 2 могильщика и пожарника, 4 перевозчика и 5 мельников. Повар Тобольской акушерской школы, зубной техник у врача Ренделя и мясник на частном предприятии Уженцева – также военнопленные¹⁶. В основном городские предприятия были небольшими, поэтому там работали малые партии пленных. На принудительных казённых и общественных работах в Тобольской губернии использовалось более 2 тысяч человек. Более четверти военнопленных, живших в Тобольске, числились нетрудоспособными ввиду болезни или инвалидности¹⁷.

Предприниматели сами узнавали о профессиях пленных и часто в прошениях указывали необходимое им лицо. Например, крестьянин М.А. Гусев, владелец булочно-кондитерского заведения в Тобольске, узнав, что среди пленных есть пекарь Михаил Нидзук, просил прислать его в свою пекарню¹⁸.

В основном пленные трудились добросовестно. Хорошие отзывы поступали из Мариинской женской гимназии, где работало четверо человек, выполнявших разные работы за небольшое жалование¹⁹.

Первоначально правилами запрещалось привлечение пленных на «грязные» работы, но в 1915 году военное ведомство разрешило использовать и там труд пленных, так как после возвращения с сельских сезонных работ они оставались зимой незанятыми в городах, где отсутствовали крупные промышленные предприятия.

В Тюмени для предотвращения продовольственного кризиса пленные в пригороде устроили огороды, обеспечив себя на зиму овощами. В Тобольске же огородничество не удалось наладить²⁰.

Военнопленные, обладавшие востребованными специальностями, открывали свои мастерские. Так, австрийский подданный механик И.А. Троутлан в 1916 году просил у губернатора разрешения открыть в Тобольске часовую мастерскую. Германский подданный И.И. Витковский имел в городе свою сапожную мастерскую, которая приносила хороший доход²¹.

С начала 1915-1916 учебного года в Ишимском железнодорожном двухклассном училище пленные чехами велись занятия по плетению из лозы

²² ГА в г. Тобольске.
Ф. 502. Оп. 1.
Д. 72. Л. 98об.

²³ ГА в г. Тобольске.
Ф. 152. Оп. 44.
Д. 520. Л. 240.

²⁴ ГА в г. Тобольске.
Ф. 152. Оп. 44.
Д. 511. Л. 82-83.

²⁵ ГА в г. Тобольске.
Ф. 152. Оп. 44.
Д. 519. Л. 36.

²⁶ ГА в г. Тобольске.
Ф. 152. Оп. 24.
Д. 520. Л. 23.

²⁷ ГА в г. Тобольске.
Ф. 272. Оп. 3. Д. 3.
Лл. 160-164.

²⁸ ГА в г. Тобольске.
Ф. 152. Оп. 44.
Д. 522. Лл. 20, 24.

и лепке из глины. Эти занятия имели большое воспитательное значение и вносили «оживление в однообразную школьную жизнь», не требуя при этом больших затрат на оборудование и материалы, будучи доступными самой небогатой школе. Инструменты можно было изготовить по образцам в ремесленных отделениях. Прутья резались из тальника по берегам реки Ишим. Там же доставалась илистая глина для лепки. Кроме всевозможных корзин, ящиков, шкатулок, подставок для цветов, из прутьев изготовлялась очень красивая и весьма прочная мебель. Эти виды мастерства были доступны не только мальчикам, но и девочкам, которые могли изготавливать более мелкие вещи, не требующие большой физической силы.

Считая оба вида ручного труда полезными для начальных училищ, а корзиноплетение ещё и очень прибыльным делом, инспектор народных училищ 5 района Тобольской губернии В.П. Куминов хотел познакомить с ними учителей начальных школ, находящихся на летних каникулах в городе. Потому инспектор считал полезным устроить под его наблюдением летом 1916 года в помещении Ишимского высшего начального училища выставку изготовленных в железнодорожном училище изделий по корзиноплетению и лепке и открыть там же месячные курсы для учителей. Преподавателями должны были стать военнопленные чехи, «люди вполне приличные и хорошие мастера»: по лепке – Иван Пахобрадский и по корзиноплетению – Карл Саламанек²².

Тобольский губернский училищный совет 21 мая 1916 г. одобрил предложение Владимира Павловича, выделив ему из земских сборов требуемую сумму. На курсы записалось 35 учительниц и 1 учитель.

К сожалению, данная практика не получила широкого распространения в школах Западно-Сибирского учебного округа.

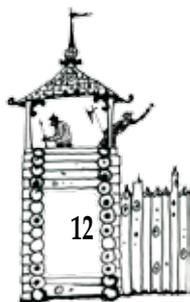
После Февральской революции изменился порядок оплаты труда военнопленных. Теперь на руки им выдавалось 20–50 копеек, в зависимости от продуктивности работы. Остальную часть зарплаты, за вычетом всех расходов на содержание пленного, следовало сдавать казне. Тем самым государство пыталось пополнить бюджет за счёт военнопленных, что было воспринято ими, конечно, негативно. Вскоре военный министр Временного правительства А.Ф. Керенский вернул прежние правила²³.

Изначально пленные офицеры к работам не привлекались. В каждую партию работающих назначался один офицер из пленных славян, выполнявший функцию наблюдателя²⁴. Но по приказу военного министра от 22 марта 1917 г. младшие офицеры также стали привлекаться к обязательному труду²⁵. Эти меры были связаны с нехваткой рабочих рук.

По этой же причине в январе 1917 года губернские власти получили телеграмму с предписанием немедленно забрать у частных лиц военнопленных, занятых в качестве домашней прислуги, приказчиков, конторщиков и отправить на сельскохозяйственные работы. Согласно телеграмме министерства от 17 июня 1917 г. приоритет в назначении на работы пленных также отдавался сельскому хозяйству²⁶.

После установления советской власти в Тобольской губернии осенью 1919 года военнопленные стали выполнять те же обязанности, что и советские граждане. Вскоре военнопленных в возрасте от 18 до 45 лет стали привлекать к трудовой повинности. Исключение составляли лица нетрудоспособные – больные или инвалиды²⁷. Из 360 пленных, состоящих на учёте в Тобольском уездном эвакуационном комитете в 1920 году, 13 не работали в связи с инвалидностью, в том числе один старший унтер-офицер; все остальные были заняты трудом в разных областях²⁸.

Таким образом, военнопленные Первой мировой войны, находившиеся в Тобольской губернии, оставили значительный след в развитии торговли и ремесла городов, а также принимали участие в различных сельскохозяйственных работах.

Забутые трагедии Первой мировой

В августе 2014 года исполнилось 100 лет с момента начала Первой мировой войны. Из-за масштабности военных действий её поначалу называли «Великой войной», после, в советское время – империалистической, а в народе просто – «германской». Тридцать восемь государств, в том числе Россия, вовлекли в эту войну более одного миллиарда своих граждан. Военное противостояние Антанты и Тройственного союза обернулось настоящим бедствием как для целых народов, так и для конкретных людей.

Сухие исторические факты, известные современникам из школьного курса, не могут передать всей полноты людского страдания. Рассказы же самих участников войны давно, что называется, «быльём поросли». И теперь только архивные первоисточники – единственные свидетели тех событий – безмолвно хранят забытые трагедии Первой мировой...

Документы Ишимского госархива не дают возможности представить общую картину военного времени в городе и уезде, поскольку здесь находятся на хранении документы советского периода. Но отдельные штрихи к портрету Первой мировой набросать возможно по документам фондов 18 и 135. Можно пролистать списки «пострадавших от Германской войны или пропавших без вести» и списки сирот и вдов войны, проживавших по волостям Ишимского округа. По ведомостям получения пособий можно увидеть, в какую сумму государство оценило подвиг своих героев. Скорбный образ войны проступает сквозь многие документы того времени. Протоколы обследования инвалидов, анкеты и опросные листы пострадавших семей наполнены горем, болью и какой-то безысходностью в поисках сострадания и помощи. Искалеченные войной люди выживали, кто как мог, уповая на волю Господа и милость чиновника.

Вражеские горнисты в Ишиме

Приишимье было далеко от эпицентра военных баталий тех времён, но война коснулась нашего края косвенно, хотя бы в виде потока военнопленных.

Большие партии разоружённых солдат вражеской армии направились в Россию после первоначальных успехов русских войск в Галиции. Военнопленных австро-венгров на нашей территории нужно было учитывать, чем-то кормить, где-то размещать. В условиях сибирской зимы проблема тёплого жилья – одна из самых актуальных.

В документах архива не обнаружено сведений о местах проживания военнопленных и их трудовой занятости на стройках или лесозаготовках. По отдельным спискам, анкетам, заявлениям за 1923-1925 годы видно, что военнопленные австро-венгерской армии (немцы, поляки, австрийцы, иудеи, мадьяры, сербы, хорваты и др.) проживали на территории Ишимского уезда (впоследствии – округа) с 1914-1916 годов. Они были на особом учёте в окружном административном отделе, имели ограничения в правах. Многие из военнопленных обзавелись семьями, подсобным хозяйством.

По архивным документам общий портрет пленного солдата австро-венгерской армии выглядел таким образом: мужчина от 20 до 45 лет, рядовой, беспартийный, неграмотный или малограмотный бедняк-горожанин или

Военнопленные австрийцы у барака – подобный ему был построен и в Ишиме.

1916 г. Фотография С.М.Прокудина-Горского. Библиотека Конгресса США.

крестьянин, являющийся гражданином Польши, Румынии, Сербии, Австрии, Чехословакии, Германии, занимающийся в России хлебопашеством или крестьянским хозяйством. Реже в графе «профессия» написано «лекарский помощник», унтер-офицер, горнист и др.¹

«Желаю уехать на родину...»

Актом милосердия победителя считается сохранение жизни пленным солдатам и предоставление им возможности вернуться домой по окончании войны.

С началом массовой депортации военнопленных на родину эвакстол Тюменской губернии направил в Ишим распоряжение: «...в срочном порядке произвести точную регистрацию всех Иностранно-подданных беженцев и военно-пленных Империалистической войны. Строго руководствоваться прилагаемой формой... Списки составить по национальностям...»².

Со всех волостей округа заспешили курьеры в Ишим, доставляя списки военнопленных или справки об отсутствии таковых. В каждом населённом пункте на видных местах расклеивались объявления о прохождении обязательной регистрации иностранцев, о порядке их отправки на родину. В фонде документов Ишимского окружного административного отдела сохранились не только сами списки пленных, но и текст объявления с подробной инструкцией и перечнем документов, которые необходимо было при себе иметь.

К сожалению, сводного списка военнопленных по Ишимскому округу в фондах госархива не обнаружено, поэтому привести точной статистики об общем их количестве по всему округу пока не представляется возможным.

Выезд военнопленных на родину был добровольным и поначалу производился бесплатно «за счёт Советского Государства»³, а после 1924 года – «на свои личные средства». Резолюция: «Препятствий к выезду со стороны Ишим-полит Бюро нет», – была неременным атрибутом многих документов. На одном из списков по диагонали красными чернилами написано: «Едут только в марте месяце за неимением одежды».

Своё желание выехать на родину военнопленные излагали в заявлениях, с которыми обращались в административный отдел (орфография источника сохранена): «Я, Егор Рошу... попал в плен во время Империалисти-

Все ссылки даны на дела ГА в г. Ишиме.

¹ Ф. 135, оп. 1, д. 89, лл. 22,31,39,42.

² Ф. 18, оп. 3, д. 31, л. 1.

³ Ф. 135, оп. 1, д. 10, л. 170.

⁴ Ф. 135, оп. 1, д. 8, л. 124.

⁵ Там же, л. 43.

⁶ Ф. 18, оп. 3, д. 31, л. 151.

⁷ Ф. 18, оп. 3, д. 37.

⁸ Ф. 135, оп. 1, д. 10, л. 36.

⁹ Ф. 135, оп. 1, д. 138, л. 75.

¹⁰ Там же, лл. 144, 148, 151.

ческой войны... желаю уехать на родину Румыния... прошу не отказать в просьбе»⁴; «Прошу выдать мне справку, подтверждающую факт моей регистрации в органах на предмет выезда в Москву, а оттуда на родину в Чехословацкую Республику. Потоцкий»; «В виду того, что моё положение не особенно завидное, я желаю поехать в Австро-венгрию, то есть на родину, в чём и подписываюсь Iosif Fritseh 30/I 24 г.»⁵. Сохранились и другие заявления, мотивированные тоской по родине, своим близким. К концу 1924 года массовая депортация военнопленных закончилась, хотя единичные случаи отправки продолжались ещё несколько лет.

«Обязался семейным положением...»

Но вернуться смогли не все. Кому-то повезло меньше: затерявшись среди бескрайних широт Сибири, они так и умерли на чужбине – либо из-за отсутствия личных документов, либо из-за неверного написания фамилий при транскрибировании их с иностранного на русский.

В госархиве сохранились запросы полномочных иностранных представителей в управление Ишимской уездной рабоче-крестьянской советской милиции о розыске своих граждан. По окончании Первой мировой войны представительства направляли отношения в ЦентрЭвак Сибири с просьбой «навести справки» о военнопленных, проживающих или проживавших на территории Ишимского округа⁶. В случае смерти военнопленного предлагалось «соблаговолить препроводить оформленное о том свидетельство» или «метрическую выписку о смерти». Из документов управления следует, что некоторые военнопленные, прибывшие в Ишимский округ, не имели при себе личных документов. Поэтому при первичной регистрации они не были внесены в соответствующие списки⁷, и, следовательно, на момент розыска в округе «таковые не значились». Свидетельства о смерти на иностранцев, не имевших при себе документов, также могли быть не выписаны.

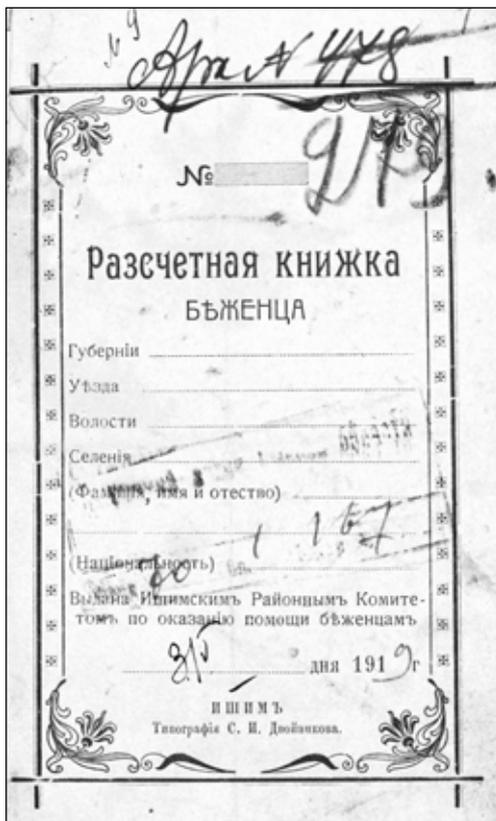
В архивных документах есть сведения и о военнопленных, которые по окончании Первой мировой пожелали остаться в России. Сохранились их заявления на ломаном русском, в которых с трудом прочтываются слова и фразы, но улавливается основной смысл: не хочу на родину, так как здесь имею своё крестьянское хозяйство, «свою хату и семейство и 5 лет занимаюсь хлебопашеством, а на родине не имею ни клочка земли...». И для большей весомости добавлено: «существующу советску власть уважаю и не желаю подчиняться капиталистам, которые управляют на моей родине... В чём и расписался Осип Шапер» (другие имена: Леймарт Егор, Simo Domokos...). «В 1915 году я попал в плен во время Империалистической Австро Германской Войны в пределы России, где и обязался семейным положением, а поэтому я решил навсегда остаться на территории РСФСР с обязательством, верноподданным Республики. К сему подписуюсь Данчес Пётр...»⁸.

Решение остаться в России для многих военнопленных наверняка не было лёгким. Но ради детей, семьи оно было принято. Получив российское гражданство и паспорт, навсегда оставив родину, они осели в Ишимском округе, продолжая свой род уже на сибирской земле.

«Мы твои деньги пропили...»

Есть ещё одна категория граждан, пострадавших от империалистической войны – беженцы с оккупированных территорий Прибалтики, Украины, Белоруссии и др. Целыми семьями люди уезжали из родных мест, бросив дома, имущество, хозяйство. В госархиве сохранились списки оптантов (лиц, имеющих право выбрать гражданство) и беженцев империалистической войны, «проживающих в Ишимском уезде и довольствующих из котла Уездэвака». И жизнь в Сибири, и возвращение домой для многих беженцев стали настоящим испытанием судьбы.

Расчётная книжка беженца из Ковенской губернии Игнатия Матвеевича Пакольниса. Отпечатана в ишимской типографии С.И.Двойникова в 1914-1916 гг. ГА в г. Ишиме.

каких документов ни дадим. Мы твои деньги пропили... Выгнал меня из управления, угрожал посадить в тюрьму за домогательство открыть моё дело и сказать, кто продержал мою визу...»¹⁰. Из документов видно, что необходимые справки П. Видунас представил вовремя и получил визу, действительную до 15 декабря 1924 года, согласно которой его семье был «разрешён выезд за пределы СССР в Литву». По какой причине виза не была вручена адресату, остаётся лишь догадываться. Документы умалчивают, чем закончилась данная история репатриации, но в 1928 году семья Видунасов ещё проживала в Ишиме.

Так беспощадно прошла война по судьбам людей, касаясь кого-то в большей, кого-то в меньшей степени. Других же не пощадила вовсе. И пусть круглая дата великого бедствия, смешавшего границы, народы, судьбы, напомним современникам и о наших героических предках, об их скромном, незаметном, но важном труде и воинском подвиге.

Репатриация граждан и их семей за счёт иностранных дипмиссий закончилась в декабре 1924 года. Перед выездом на родину беженцы обязаны были в трёхмесячный срок «соблюсти формальности, указанные в инструкции НКВД № 25»: собрать множество справок «на предмет благонадёжности и несостояния под судом и следствием», оплатить гербовый сбор, приложить две фотографии и представить все документы в «иностранный стол». При отсутствии «компрометирующих материалов с политической стороны, препятствующих к разрешению выезда» ситуация разрешалась положительно. Иногда процесс возвращения домой затягивался на несколько лет. Вот один из примеров.

В документах архива сохранились многочисленные заявления и прошения в «соответствующие органы» о выдаче нужных справок Петра Францевича Видунаса – «репатрианта Литвы с 1915 года... временно проживающего в Ишиме по Малой Садовой улице в землянке № 42, напротив нового кладбища»⁹. Отчаявшись получить запрашиваемые документы, наслушавшись насмешек, П. Видунас обратился к ишимскому окружному прокурору с жалобой на административный отдел «за невыдачу мне документов и за опсмеивание мне... Начальник канцелярии сказал, что надо мне обратиться к врачу, потому что у меня ума не хватает. Признал меня дураком. Я обратился к начальнику админотдела. Он сказал, что иди куда хочешь, мы тебе ника-

Два письма из 1915 года

Первую мировую войну в наше время называют «великой и... забытой». Действительно, нам сложно представить даже повседневную жизнь ишимцев в эти годы. Тем удивительнее бывает обнаружить письменные источники, которые приоткрывают завесу исторического забытья...

Здание бывшего
1-го приходского
училища неза-
долго до сноса.
Ноябрь 2009 г.

Непрочитанное письмо

«Нет худа без добра», – переводит народная мудрость на житейский язык один из законов диалектики. Снос исторического здания в Ишиме обернулся находкой нераспечатанного письма, датированного 1915 годом.

Открытие произошло 30 ноября 2009 года во время разбора здания № 23 на ул. Советская. Оно было построено в 1912 году для 1-го приходского училища; некоторое время в них квартировала мужская гимназия. В советское время здесь также находи-

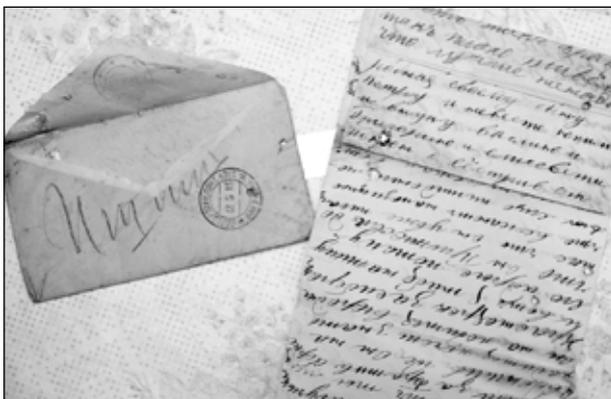
лись школы под разными номерами, дольше всего – школа рабочей молодёжи, или вечерняя школа.

За орнаментированной деревянной пилястрой, украшавшей вход в учительскую, обнаружился пожелтевший конверт, пробитый гвоздями. На письме – написанный чернилами адрес: «В город Илим Табольск. губерне, 702 дружины 3 роты 3 звуду, получить Петру К. Орлику». Илим – описка малограмотного отправителя; её исправили сотрудники почты. Судя по штемпелю, письмо отправлено из села Комаргород Подольской губернии (Украина) 24 мая, а 29 мая уже поступило в Ишим. Завидная скорость для того времени!

Находка произошла перед очередным занятием краеведческого кружка в Культурном центре П.П. Ершова. Процедура вскрытия послания вековой давности стала захватывающим зрелищем для юных краеведов. Заклеенный клапан конверта был аккуратно прогрет над паром из кипящего чайника... и на свет явились два листка, исписанных крупным неровным почерком. Датировка – 20 мая 1915 года.

Расшифровка не столь длинного послания заняла немало времени. Терпкая смесь украинского и русского не позволяла понять смысл слов с первого прочтения. Потому и цитировать письмо практически невозможно. Пишет, по всей видимости, младший брат старшему: «Здравствуй, дорогой Брат Петру, что ты не забываешь за нас... Кирил не пишет ни одного письма, как пошёл на службу...». Судя по письму, на войну призвали троих членов семьи, но ни за одного мать не получала пособия. Помогло письмо, полученное от Петра. Другой брат Евдоким Орлик находится в Красноярске, в 14-м Сибирском запасном батальоне, но скоро должен выехать «на позиции», т.е. на фронт. Далее передаются поклоны – от матери, и «от сёстрив», и от брата Павла (не он ли – автор письма?), «и от всех сосед ближних и от далёких и от титок...», а дядькив нема ни одного, всих попырли» (видно, призвали на войну). Напоследок – горестное признание: «Так, Брат, так плохо живём, что лучше не надо, потому что негде заработать, а всё дорого, и (поскольку) не было дождя (с) самой осени, то у нас хлеба нет... И такая ужасная новость, что только забирают и забирают, уже по де-

вятнадцать год (19-летних) забрали, и вот меня загадали на осень... Оставайся жив и здоров, и давай скоро ответ...».

Но ответа на это письмо не последовало. Почему оно оказалось невскрытым? И как попало в здание 1-го приходского училища? Об этом можно строить только предположения. Какие воинские команды формировались в Ишме во время Второй Отечественной войны (так называли тогда Первую мировую войну) – тема неисследованная. Историк Вадим Сулимов указывает, что в 1916 году были освобождены для постоя солдат здания 2-го и 3-го приходских училищ. Вероятно, ещё раньше, в мае 1915-го, превратили во временную казарму и здание 1-го приходского училища. О пребывании в нём солдат свидетельствует ржавый штык, найденный рабочими при разборке пола в одном из классов. Письмо же было в спешке засунуто за плинтус (у кровати новобранца?) и провалилось в щель между доской и стеной. Позднее, при укреплении стен, оно оказалось пробито гвоздями.

Волнующие вопросы остались. Кем был Пётр Орлик? Где он жил до того, как попал в 702-ю дружину? Какова его дальнейшая судьба? Всё это – пока загадки.

Судя по содержанию письма, у Петра была семья и трое детей. Может, откликнется кто-то из потомков и прочтёт письмо своего прадеда?..

Сорок первая карточка

Второе письмо эпохи Первой мировой, напротив, дошло до адресата – и непостижимою волею судеб, став предметом коллекционирования, вернулось в Ишим. Оно было приобретено в августе 2008 года в Киеве.

Это открытое письмо, или, в просторечии, открытка, с фототипией – изображением вида Ишима с колокольни Богоявленского собора («вид на запад»). Такие карточки издавались по заказу магазина Я.В.Башмачникова в начале 1910-х годов. Марок на карточке нет, зато почти во всю длину красуется малиновый оттиск: «Военно-пленных корреспонденция». И – алые штампы военных цензоров: русского (в Омске) и австрийского.

Всё свободное поле карточки с обеих сторон испещерно мелким текстом на немецком языке, написанным тёмно-бордовыми чернилами старомодным готическим стилем. Именно из-за этой особенности прочитать его не так-то просто даже свободно владеющему этим языком. В нашем случае помогло обращение к священнику Русской Православной Церкви Заграницей протоиерею Андрею Сикоеву. И вот какие подробности быта австро-венгерских военнопленных хранит на себе этот прямоугольный кусочек полукартона:

*Frau Marie Punchocar
Goldschlagstraße Nr. 30
Wien, Austria*

*Meine innigst geliebte Marie!
Ich teile Dir mit, daß ich Gott sei Dank gesund bin, was ich auch von Dir und der Mirzerl wünsche. Es geht mir ziemlich gut und das Geld wird halt immer weniger. Ich habe noch zwölf Rubel. Wie geht es Dir, mein Engel. Hoffentlich geht*

es Dir besser wie mir. Wwie lange wird es noch dauern? Weißt Du gar nichts. Es ist halt schwer, etwas darüber zu schreiben. Herzliche Grüsse und Tausend Küsse verbleibe ich Dein treuer Franz.

Liebe Marie / Ich warte Tag für Tag auf ein liebes Schreiben / aber kann(e)s nicht erwarten / es wird schon zwei Monat wo ich nichts von Dir bekommen habe / das ist die 41 Karte was ich schreibe / abend.

Ischim 31. Juli 1915.

*Госпоже Марии Пунчокар,
улица Гольдшлаг, д. 30
г. Вена, Австрия*

Моя нежно любимая Мари!

Сообщаю, что я здоров, слава Богу, чего желаю вам и г-ну Мирзеру. Я чувствую себя довольно хорошо, но денег всё меньше и меньше. У меня осталось ещё 12 рублей. Как ты поживаешь, мой ангел? Надеюсь, что лучше меня. Как долго это может продолжаться? Вы ничего не знаете. Трудно написать что-нибудь об этом. С сердечным приветом и тысячей поцелуев, остаюсь верным Вам, Франц.

Дорогая Мари! Я жду изо дня в день дорогое мне письмо от вас, но, возможно, оно будет идти пару месяцев, раз я до сих пор не получил от вас ничего, а ведь это уже 41-я карточка, что я вам пишу каждый вечер.

Ишим, 31 июля 1915 года.

Как сложилась судьба этого несчастного военнопленного? Сумел ли он пережить всё лихолетье Гражданской войны и вернуться на родину? Сложно сказать – мы даже не знаем его имени. Нет уже на свете ни его самого, ни его нежно любимой Мари. А «сорок первая» карточка с немецкими письменами на фотографии Ишима – сохраняется, в память и назидание потомкам...

Фотографии автора.

¹ Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 312.

² Сибирская Вандея / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Т. 2. 1920–1921. М., 2001. С. 285, 369, 221, 250, 277, 330, 347, 355, 405; Шудряков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска (1917–1922). М., 2004. Кн. 2. С. 205–226.

³ Панькин С. И. Народные армии // Челябинская область: энциклопедия / Гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск: Камен. пояс, 2008. Т. 4. М–О. С. 499; Панькин С.И. Первая «Народная армия» Пресногорьковского района в 1921 г. // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.). Ишим, 2006. С. 209, 211–213.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 42об.

⁵ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 355.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 42об.

⁷ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 355, 405.

⁸ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 178об.

«Свободный народ, объединённый в борьбе с КОММУНИЗМОМ»

Роль казачества в складывании «Народной дивизии» западносибирских повстанцев 1921 года

Одним из ярчайших и трагических эпизодов Западно-Сибирского народного восстания против коммунистического режима стало отступление части повстанцев из Западной и «Стенной» Сибири через казахские степи в Китай, а также их совместные с «белым» Оренбургским корпусом генерала А.С. Бакича боевые действия против советских, китайских и красномонгольских войск в Синьцзяне, Внешней Монголии, Урянхае. Необыкновенные упорство и живучесть этого отряда восставших, получившего в корпусе Бакича наименование «1-я Сибирская Народная дивизия»¹, ставят перед исследователями целый ряд взаимосвязанных вопросов, а именно: из каких людских источников, где и при каких обстоятельствах сложилась данная дивизия, как выкристаллизовывалась и менялась её организационная структура, кто из вождей и командиров восстания вёл эту дивизию в боях и походах?

Во второй половине февраля 1921 г. в долине р. Ишим южнее г. Петропавловск в ходе боёв за обладание приишимскими станицами сложилась повстанческая 1-я Сибирская казачья дивизия подхорунжего С.Г. Токарева (1000–1500 чел., штаб в станице Вознесенская). Её ударной силой являлись 1-й и 2-й Сибирские казачьи полки (командиры, соответственно, вахмистр О.П. Зубков и подхорунжий И. Винников). 1-й полк был создан (в станице Архангельская, скорее всего, 16.II.1921 г.) отступившими из Петропавловска казаками-повстанцами Архангельской, Вознесенской, Надеждинской и Боголюбовской станиц. Инициатива принадлежала, видимо, боголюбовцам; из их числа был и комполка-1 О.П. Зубков. 2-й полк сформировала многочисленная и зажиточная станица Вознесенская. Создали казаки приишимских станиц Петропавловского уезда и военно-политический орган управления восстанием (16 или 17.II.1921 г.), а именно: «Главный штаб объединённого Сибирского казачьего войска» (или «Штаб Казачьей народной армии»; станица Новоникольская, начштаба – А.Ф. Кудрявцев).

С 18 февраля 1921 г. начались ожесточенные бои за обладание казачьей частью долины р. Ишим, причем в течение пяти суток они шли с переменным успехом. В схватках с регулярными частями РККА 1-я Сибирская казачья дивизия, хоть и «упорно отстаивала каждый населённый пункт», но, будучи плохо вооружена и почти без патронов, потерпела ряд тяжёлых поражений: у станицы Новокаменская 23 февраля, в районе оз. Оджебай 2 марта, под с. Новоявленное 4 марта. Тем не менее, её ядро и штаб смогли избежать уничтожения и распада, отступив от с. Новоявленное вверх по Ишиму, по его левобережью. Если верить показаниям в плену повстанца А. Белоусова, 1-й Сибирской казачьей дивизией в это время командовал вахмистр О.П. Зубков, а 1-й Сибирский казачий полк принял от него Погребных. 5 марта казачья дивизия находилась в с. Никольское, где вступила во взаимодействие со сводным отрядом крестьян сёл Никольское, Новотроицкое и д. Кубичи (Кубыши)².

Победители – Омский губком ВКП(б) после изгнания белых. Омск, декабрь 1919 г. Сидит в центре председатель Омгубревкома Евгений Венедиктович Полудов, бывший хорунжий 3-го Сибирского казачьего полка, до мировой войны учитель из казаков станицы Павлодарской, член РСДРП с 1907 г. Фотография из собрания А.В. Поварницына.

⁹ См.: ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 178об.; Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии: Из истории Каркаралинской партийной организации // Вопросы истории КПСС. Алма-Ата, 1974. Вып. 2. С. 181.

Несколько очагов казачьего повстанчества возникло на Пресновской линии бывшего Сибирского казачьего войска: вдоль Петропавловско-Звериноголовского почтово-земского тракта. Вследствие растянутости полосы казачьих земель восставшие станичники входили здесь в ближайшие к ним повстанческие соединения крестьян: в «Народную армию Петуховского района» и др. Самую заметную роль сыграли казаки в создании и действиях «1-й Народной армии» Пресногорьковского района (до 1,5 тыс. чел., штаб в станице Кабановская). В отличие от приишимского казачества эта «армия» не успела подняться до уровня организации полков и дивизии. Вследствие больших потерь, понесённых в неудачной атаке на станицу Пресногорьковская (21.II.1921 г.) и в тяжелейших с переменным успехом боях за с. Баксары (21.II–01.III.1921 г.), началось разложение «армии». Восставшие сдали красным Кабановскую (05.III.1921 г.)³. Они еще смогли несколько оправиться, подготовить удар на станицу Пресновскую и занять её район. Однако ввиду дальнейшего распада отрядов и давления противника повстанцы были вынуждены оставить районы станиц Пресновская и Новорыбинская (к 8.III, без боя)⁴ и двинулись на юго-восток, по маршруту Троицкий – Спасское – Кубичи, на соединение с 1-й Сибирской казачьей дивизией. Они, согласно приказу № 20 «начальника штаба передовых отрядов Народной повстанческой армии Петропавловского уезда» (И.И. Дурнева? – В.Ш.), надеялись на «слитие» с дивизией С.Г. Токарева/О.П. Зубкова, а также с «кокчетавскими войсками» и на «совместное фронтовое наступление»⁵.

Уже бой 11 марта за пос. Троицкий показал, что повстанцы приступили к объединению сил, т.к. они, по оценке красных, ввели в дело до 2 тыс. чел. пехоты и конницы при 500 винтовках⁶.

На соединение с кокчетавскими казаками-повстанцами надеялся и Главный штаб объединённого Сибирского казачьего войска. Его начальник А.Ф. Кудрявцев с несколькими сотрудниками своего штаба, с семьями и, вероятно, с небольшим отрядом отправился (около 10.III.1921 г.) на юг в Кокчетавский уезд.

В начале 10-х чисел марта к 1-й Сибирской казачьей дивизии присоединилась одна из группировок, отступивших с Пресновской линии – «Народная армия Михайловского района». Совместное совещание комсостава обоих казачье-крестьянских повстанческих образований постановило слить все силы в одну дивизию и тайным голосованием переизбрало «Главный штаб» и командиров частей. Фактически дивизия была переформирована. Она стала состоять из двух полков: конного (командир – Погребных, помощник – Богданов) и пехотного (Чушкин, помощник – Смоляр), а также пулемётной команды (Семидоцкий, Астапчик). Начдивом был избран С.Г. Токарев, его помощником – Лещенко, адъютантом начальника дивизии – Гноевых. Вместо отбывшего на Кокчетав и дискредитированного постоянными поражениями А.Ф. Кудрявцева совместное совещание избрало начальником Главного штаба вахмистра О.П. Зубкова, его помощником – Шевченко, адъютантами – Звягина и Артемия Кулинича, делопроизводителем штаба – Акишина. Сам штаб стал называться по-другому – «Главный штаб Южной Сибирской народной армии»⁷, что, очевидно, стало следствием увеличения доли и влияния в повстанческой «армии» крестьян.

В показаниях в плену С.Г. Токарев называл свой отряд того времени бригадой, а себя – комбригом⁸. Действительно, двухполковый состав более соответствует уровню бригады, а не дивизии. По-видимому, в начале 10-х чисел марта казачья дивизия предприняла наступление на Пресновскую линию – на станицу Михайловская.

В середине марта 1921 г. советское командование попыталось окружить 1-ю Сибирскую казачью дивизию (бригаду) между Пресновской линией и р. Ишим согласованными действиями крупных сил: Южного отряда 21-й

Новые хозяева станции. 1920-1922 гг. Стоит в центре казак пос. Песчаный станицы Пресногорьковская Пётр Михайлович Трошин. Фотография из архива С.А. Угренинова.

¹⁰ Сибирская Ван-дея. Т. 2. С. 411, 425, 445-446.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 187об.

¹² Специальный государственный архив КНБ РК по г. Алматы. Д. 013004. Л. 5-5об.

¹³ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 187-187об.

¹⁴ Сибирская Ван-дея. Т. 2. С. 446.

стрелковой дивизии, 5-й Кубанской отдельной кавбригады и Отряда особого назначения ВЧК. Однако дивизия Токарева с боем смогла вырваться из окружения в районе станицы Михайловская⁹. 1-му кавполку 5-й Кубанской кавбригады, действовавшему от Транссиба на юг, около 15 марта удалось нанести тяжёлое поражение 1-му Сибирскому казачьему (конному) полку. Но основные силы Токарева отступили в юго-восточном направлении; они обошли 2-й кавполк Кубанской бригады и Отряд особого назначения ВЧК, наступавшие от р. Ишим на запад – северо-запад, а затем оторвались от их преследования¹⁰.

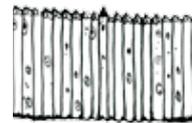
Дивизия Токарева пришла в с. Корнеевское (узел грунтовых дорог, западнее тракта Петропавловск – Кокчетав, примерно равноудалённое от обоих городов). Сюда же из района д. Кубичи отступила часть сил «1-й Народной армии» Пресногорьковского района под командованием старшего урядника И.И. Дурнева. Бойцы Дурнева влились в казачью дивизию, а сам он был избран командиром 1-го Сибирского казачьего полка («около 400 сабель»).

В Корнеевском повстанцы переформировали свою дивизию «по строго армейскому типу». В ней теперь было три полка, несколько отдельных отрядов, комендантских и конвойных команд, хозчасть¹².

16 марта в с. Корнеевское к С.Г. Токареву из-под г. Кокчетав явился посланец «Главного штаба объединённого Сибирского казачьего войска», т.е. от А.Ф. Кудрявцева, подьесаул И.З. Сизухин с предложением часть сил отправить на «Кокчетавский фронт», в район станицы Лобановская. Но к тому времени Токарев и его окружение ввиду бесперспективности борьбы без боеприпасов уже решили уходить в Китай. 17 марта под напором противника токаревцы перешли из Корнеевское в с. Малиновское, а 18 марта – в с. Многоцветное¹³.

Ввиду угрозы тракту Петропавловск–Кокчетав штаб Кокчетавской группы РККА немедленно начал выбрасывать навстречу им разведки и заслоны. Но к 20 марта дивизия Токарева, пройдя по маршруту Малиновка – Заградовка – Розовка – Кременчугское – Богатыревское, уже проскочила через тракт и находилась в 25 км восточнее него, в д. Сухотино¹⁴. Красные оценивали силы этой «банды» в 1500 чел., в том числе 1000 чел. пехоты и 500 чел. конницы, при 3 пулемётах; огнестрельное оружие якобы имела вся конница и до 700 чел. пехоты при 30-50 патронах на ствол. Наперерез токаревцам из станицы Щучинская в пос. Восточный был двинут батальон Сводного полка, а в преследование брошены подразделения 253-го стрелкового и 26-го кавалерийского полков с артвзводом¹⁶. Но повстанцы обошли батальон Сводного полка, а авангарду преследователей (2-й эскадрон 26-го кавполка, полурота 253-го полка) дали бой и отбросили его. Операция Кокчетавской группы РККА по уничтожению токаревцев была сорвана. Они прорвались в направлении г. Акмолинск и к исходу 25 марта уже занимали д. Макинская на тракте Кокчетав–Акмолинск¹⁷.

20–25 марта 1921 г. где-то в районе Сухотино–Макинская повстанцы провели ещё одну реорганизацию: Главный штаб Южной Сибирской народной армии (Южного фронта) упразднили, была «организована дивизия»; начдивом выбрали С.Г. Токарева, а начштаба – И.З. Сизухина (псевдоним – Барбетов)¹⁸. Видимо, именно тогда, а не позже (в Каркаралинске), окончательно сложилось боевое соединение из казаков и крестьян, вошедшее в историю как «Народная дивизия» или «1-я Сибирская Народная дивизия». Более вероятно, что остатки крестьянских отрядов Курганского, Петропавловского, Ишимского уездов (части 1-й Курганской освободительной дивизии и др.) присоединились к казакам именно в начале похода в Китай, так

Красный сибирский казак Константин Матвеевич Зенеприцов. Фотография из семейного архива С.А. Угренинова.

¹⁵ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 446, 453.

¹⁶ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 446.

¹⁷ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 453.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Лл. 178об.-179, 187об.

¹⁹ Шалагинов В.К. Последние. Новосибирск, 1973. С. 118; Сидоров П. Курганское восстание в январе 1921 г. (по личным воспоминаниям) // Пролетарская революция. М.;

как в глуби казахских степей встреча повстанческих отрядов могла быть только случайной и потому маловероятна. Во всяком случае, за время следования по Кокчетавскому и Акмолинскому уездам силы Токарева, по красным данным, возросли до 2500 чел., в том числе около 1500 чел. конницы, а пехота, раненые, семьи, запасы везлись на 700 санях²⁰.

Поскольку Акмолинск был прикрыт красным заслоном (в с. Никольское на тракте Кокчетав–Акмолинск) С.Г. Токарев от Макинской повёл свою дивизию на юго-восток – на станицу Баян-Аульскую Павлодарского уезда. Преследовать её пытался Акмолинский сводный отряд А. Крокса, но скоро отстал, так как повстанцы забирали свежих лошадей, увозили или уничтожали запасы продовольствия и фуража. Выпав на время из поля зрения противника, токаревцы, пройдя с. Еленинское (100 км северо-восточнее Акмолинска), повернули сильнее на юг и вместо Баян-Аульской двинулись на Каркаралинск, уездный город Семипалатинской губернии²¹.

Каркаралинские власти не знали точно, в каком месте ждать повстанцев. Население находилось в оппозиции к режиму. 2 апреля ЧК раскрыла заговор казаков станицы Каркаралинская (станичники составляли пятую часть населения города). Его организаторов братьев Рязанцевых арестовали, но расстрелять не успели. Сил у местных руководителей оставалось мало: с полсотни штыков гарнизона (9-я рота 236-го полка) и 58 коммунистов.

«В пути своего следования полки бандитской дивизии чередовались, выдвигая то один, то другой полк авангардом и арьергардом». В наступлении на Каркаралинск в авангарде шел 1-й Сибирский казачий полк И.И. Дурнева. Один выставленный из Каркаралинска заслон – отряд особого назначения И.А. Семенов в 70 чел. при 1 пулемёте, – токаревцы просто обошли. Другой заслон, оставленный в с. Буга-гора, полк Дурнева разгромил в бою, зарубив около 50 чел. красных²².

Вечером 6 апреля 1921 г. дивизия Токарева внезапно без боя заняла Каркаралинск. Конные казаки окружили казарму и разоружили гарнизон. Уездные власти, хотя были предупреждены посыльным от И.А. Семенова, недооценили скорость движения противника и не приняли меры к обороне. Они лишь успели собрать в «Народном доме» экстренное собрание коммунистов, ответработников и комсостава с целью обсудить положение, чем только облегчили задачу повстанцам. Часть коммунистов была арестована в «Народном доме», а успевшие разбежаться выловлены с помощью населения по городу. Повстанцы перебили в Каркаралинске, по разным данным, от 75 до 123 коммунистов и сочувствующих. Им досталось 2 пулемёта и около 400 винтовок разных систем, в том числе на складах военкомата более 200 трёхлинеек и 16–17 тыс. патронов к ним²³.

За шесть суток стоянки в Каркаралинске повстанцы «снабдили себя оружием»²⁴, отдохнули, заменили санный обоз на колесный и, по данным В.К. Григорьева, провели очередную реорганизацию. Начдив и начштаба остались прежние: С.Г. Токарев и И.З. Сизухин (Барбетов)²⁵.

Между тем, во время следования Народной дивизии от Каркаралинска до китайской границы красные сводки и приказы называли её только так: «банда есаула Гноевых»²⁶. Гноевых сначала был адъютантом начдива Токарева²⁷, а затем, по-видимому, стал командовать одним из отрядов (или полком). Широкой известности Гноевых у населения и противника, вероятно, способствовало то обстоятельство, что в апреле 1921 г. он был повстанческим комендантом Каркаралинска²⁸. Возможно также, что именно его отряд (полк) при оставлении Каркаралинска шёл в арьергарде и единственный из Народной дивизии вступал в боевое соприкосновение с преследователями.

Полковник Иван Захарович Сизухин (1885–1922), казак станицы Кокчетавской – один из руководителей восстания 1921 г., начальник штаба повстанческой «Народной дивизии», прорвавшейся в Китай. Пленён в Монголии, расстрелян в Новониколаевске. Фотография 1909–1910 гг. из собрания ОмГИКМ.

Л., 1926. № 6 (53). С. 106; Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии: Из истории Каркаралинской партийной организации // Вопросы истории КПСС. Алма-Ата, 1974. Вып. 2. С. 186.

²⁰ Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 182.

²¹ Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 181, 182.

О сколько-нибудь точной структуре дивизии в докитайский период, к сожалению, данных нет. Красные упоминали дивизионы Кожедубова и Ланцева²⁹. Входили ли они в отряд Гноевых или нет, и что за отряд был под началом Гноевых: один из трёх-четырёх полков дивизии или же какой-то особый ударный, – на эти вопросы ответов пока нет. В принципе, в условиях жесточайшего дефицита всего и вся разумно было собрать лучших людей, лошадей, вооружение и основную часть патронов в ударный отряд, которым и действовать, обеспечивая путь остальным частям и обозам дивизии.

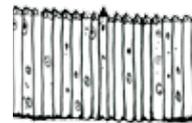
Пока повстанцы приходили в себя в Каркаралинске, севернее него накапливались красные. К Семененко подошли Акмолинский (Крокса) и Баян-Аульский отряды. Образовавшийся сводный отряд А. Крокса (пять рот и эскадрон 39-й стрелковой дивизии – всего до 800 чел.) получил приказание «энергичным ударом занять г. Каркаралинск» 14 апреля. Но 12 апреля Народная дивизия незаметно для противника оставила Каркаралинск и двинулась на юго-восток – на г. Сергиополь Семиреченской области.

Обнаружив уход повстанцев 13-го и заняв 14-го город, сводный отряд Крокса начал преследование. И вскоре стал нагонять токаревцев. Штаб Народной дивизии попытался оторваться, резко изменив направление: перейдя с Сергиопольской дороги на тракт Каркаралинск–Семипалатинск. Но обмануть Крокса не удалось. 22 апреля восточнее аула Нуксумбай, в 160 км от Каркаралинска, его конная разведка села на тракте на хвост Народной дивизии и преследовала его 15 вёрст, взяв в плен 6 повстанцев³⁰. Теперь красные оценивали силы дивизии в 2000–3000 чел., в том числе до 700 конных, при 3 пулемётах и обозе в 600–800 подвод. Большой разброс был в оценке количества винтовок: от 600 до 1500 штук. Но однозначно – патронов было мало³¹. Преследовавший Крокс имел 550 штыков, 70 сабель, 6 пулемётов³².

Утром 23 апреля 1921 г. Крокс настиг противника у р. Ащу-су (около 200 км юго-восточнее Каркаралинска). Прижатая к разлившейся реке Народная дивизия была вынуждена отчаянно сопротивляться. Сначала наступали красные. Но Токарев ввёл в дело всю свою дивизию. После четырёхчасового боя повстанцы перешли в контратаку, рассекли и опрокинули фронт противника. Крокс считал виновниками своего поражения «киргизов» (казахов) Баян-Аульского отряда, которые в критический момент боя запаниковали и побежали. Красные потеряли более 300 чел., канцелярию штаба сводного отряда и 1 пулемёт, оставленный якобы испорченным. Сам Крокс был ранен и потерял управление. Оставшиеся от его отряда три группы бежали в разных направлениях³³. Победители порубили пленных. На судебном процессе 1925 г. над И.И. Дурневым утверждалось, что в самом бою «в горах около Каркаралинска» и в ходе расправы после его окончания повстанцы уничтожили «в общей сложности 360 красноармейцев»³⁴. После этой победы о преследовании со стороны Каркаралинска уже не могло быть и речи. Сила Народной дивизии возросла в глазах врага аж до 5000 чел., правда, включая женщин и детей³⁵.

Дивизии предстояло выйти на тракт Семипалатинск–Сергиополь. Советское командование двинуло на неё от Семипалатинска 76-й кавполк 13-й кавдивизии, которому была поставлена задача войти в соприкосновение с «бандой есаула Гноевых», не выпуская из-под удара, отбросить её на Сергиопольский отряд РККА (две роты 17-го Туркестанского стрелкового полка с кавэскадром и артвзводом) и уничтожить³⁶. Но повстанцы, избегая боя, проскочили Сергиопольский тракт. 76-й кавполк пошел по пятам и 5 мая 1921 г. в 25 км юго-восточнее горы Кусмурун настиг их. Токарев ввёл в дело до 800 чел. конницы и до двух рот пехоты при 4 пулемётах. Бой, в котором повстанцы проявили «значительное упорство и активность», шёл семь часов и закончился их победой. Глубоким обходом в тыл противника они заставили 76-й кавполк отступить к горе Кусмурун (60–70 км юго-западнее Кокпектинска), а сами продолжили движение на юго-восток³⁷.

Народная дивизия начала обходить с юга г. Кокпектинск. Красные решили перехватить ей путь между оз. Зайсан и пограничным хребтом Тар-

Казак станицы Вознесенская П.Ф. Граборев – в 1921 г. командир одного из повстанческих полков. Фотография из семейного архива А.М. Белокрыса.

²² Специальный государственный архив КНБ РК по г. Алматы. Д. 013004. Лл. 5об., 7; Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 184.

²³ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 481-482; Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 182-186, 189.

²⁴ Специальный государственный архив КНБ РК по г. Алматы. Д. 013004. Л. 7об.

²⁵ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 480-481; Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 186.

багатай, для чего на линию пикет Базарский (80 км юго-восточнее Кокпектинска) – Базарский волостной дом – урочище Уйчилик (50–60 км юго-западнее пикета Базарского) стягивались 1-й и 2-й батальоны и команда конных разведчиков 261-го стрелкового полка, рота 359-го полка и рота Коммунистического полка под общим командованием комполка-261 Верещагина. Заслон должен был задержать повстанцев и постараться отбросить их на возобновивший преследование 76-й кавполк, подкрепленный эскадронами 73-го кавполка³⁸. Этим сил, учитывая превосходство в пулемётах и патронах, было более чем достаточно, чтобы разгромить Народную дивизию. Но пехота заслона не успела собраться, а главное – токаревы обошли линию её развертывания с юга. 8 мая они переправились через р. Тебезге возле аула Аленбек, в 8 км юго-западнее урочища Уйчилик. От Аленбека оставалось всего 35–40 км до пограничного перевала Хабарасу, к которому и устремились повстанцы³⁹.

Все переброски войск из г. Зайсан и Семиречья на Хабарасу сильно запоздали. Повстанцы сняли заставу 349-го стрелкового полка на перевале, чем открыли себе путь в Китай⁴⁰. Но переправа через Хабарасу, особенно обозов, требовала времени. Красные могли успеть прижать к горам и разгромить. Поэтому, начав переход госграницы, Народная дивизия выставила на господствующих высотах заслон. Действительно, 9 мая в 8.30 утра подоспевший 76-й кавполк завязал бой. По свидетельству комполка-76 Трофимова, противник «яростно оборонялся». Упорный бой длился девять часов. И только обеспечив переправу всех обозов, аррьергард токаревы стал медленно, «задерживаясь на сопках» и сопротивляясь, отходить на перевал. Границу он перешёл вечером 9 мая около 20 часов⁴¹.

В пересёкшей границу Народной дивизии было около 2000 чел. и 700 подвод⁴². Она оказалась примерно в 70 км северо-восточнее г. Чугучак, центра Тарбагатайского округа провинции Синьцзян. Разведка, высланная дивизией, нашла на р. Эмиль, в 40 км юго-восточнее Чугучака, лагерь Оренбургского корпуса генерала А.С. Бакича, интернированного китайцами в 1920 году⁴³. Бакич и Токарев обменялись делегациями, решив вопрос о соединении⁴⁴. «Постояв на границе»⁴⁵ и переведя дух, Народная дивизия двинулась к Чугучаку. Навстречу ей вышли и перегородили путь два китайских отряда. Китайцы потребовали от повстанцев сдать всё оружие и интернировать⁴⁶. В связи с приходом повстанцев и обострением в целом русского вопроса в Синьцзяне китайские власти провели в районе Чугучака поголовную мобилизацию своих подданных и стали готовить город к обороне⁴⁷. У Чугучака дивизия сдала китайцам, по одним данным, 700–800 винтовок⁴⁸, по другим – 400, но совсем без патронов⁴⁹. Лучшее оружие, а также боеприпасы повстанцы спрятали в своих обозах. Китайские власти предложили дивизии пройти вглубь Китая, но «большая часть» токаревы самовольно двинулась на присоединение к Бакичу. Китайские войска якобы расступились. Народная дивизия обошла Чугучак и к Эмильскому лагерю явилась, имея в своем составе около 1700 чел. (в том числе не менее 1200 бойцов), сохранивших на вооружении более 700 винтовок и 4 пулемёта⁵⁰. Токаревы присоединились к Бакичу, по одним данным, 14-го⁵¹, по другим – 16 мая 1921 года⁵².

Соединение произошло не без шероховатостей. Имевшие лозунг «За Советы без коммунистов», повстанцы были для белых «чем-то вроде эсеров». И красный флаг Народной дивизии, по свидетельству современника, сначала поверг штаб Оренбургского корпуса «в большое смущение»⁵³. Однако ситуация, складывавшаяся в Синьцзяне, заставила стороны забыть о разнице в политической окраске. В качестве «1-й Сибирской дивизии» повстанцы вошли в состав Оренбургского корпуса⁵⁴. В обиходе их стали называть «народниками»⁵⁵. За боевые отличия Бакич произвёл в полковники Токарева, Сизухина (Барбетова)⁵⁶, Дурнева⁵⁷ и, возможно, Гноевых. Вооружение Народной дивизии, чтобы о нём не узнали китайские власти, «перепрятано было по разным частям» корпуса. Но патронов повстанцы привезли мало⁵⁸.

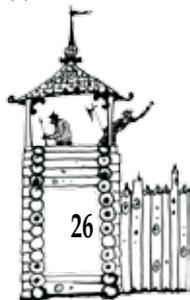

Казаки пос. Песчаный станицы Пресногорьковская. Конец XIX – начало XX вв. Сидит в центре Андрей Федорович Панков – участник восстания 1921 г., пропавший без вести. Семья его во время коллективизации была раскулачена. Фотография из семейного архива С.А. Угренинова.

²⁶ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Л. 154, 159об.-160, 162, 173об., 184, 191, 197, 210об.

²⁷ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 405.

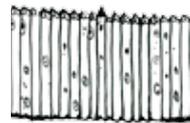
²⁸ Спец. гос. архив КНБ РК по Карагандинской обл. Д. 02393. Л. 251.

Бакич реорганизовал 1-ю Сибирскую (Народную) дивизию. Скорее всего, это произошло не сразу, а в июле-августе 1921 г., во время мирной передышки в Алтайском округе Синьцзяна. Известны структура, комсостав и общая численность дивизии к началу сентября 1921 года. Начдив – полковник С.Г. Токарев. Его заместитель – полковник Васильев. Начштаба дивизии – полковник И.З. Сизухин (Барбетов). Дивизия состояла из следующих частей: 1-го Сибирского казачьего полка (командир полковник Могиленский, или Могилев), 2-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка (есаул, или полковник, Погребных), 3-го (Смирнов) и 4-го (подьесаул Афанасьев) пехотных полков, дивизионной пулемётной команды (5 пулемётов), конвойной команды. Всего в Народной дивизии было до 1200 чел., «хорошо вооружённых»⁵⁹ и мотивированных на продолжение вооружённой борьбы с коммунистами. Токаревцы прекрасно знали об массовых казнях красными восставших крестьян и казаков и как активные повстанцы не рассчитывали на пощаду и сами в своём бегстве в Китай никого не щадили. «Народники» ещё не остыли от похода и боёв (а у них были и, несомненно, удачные операции), были уверены в антинародном характере и внутренней слабости советского режима, мечтали о своём возвращении на Родину с оружием в руках, об освобождении России от коммунистов. «Настроение токаревцев было весьма воинственное, – вспоминал очевидец. – Заразившись, начали бряцать оружием и бакичевцы, но бряцали расслабленно и неуверенно»⁶⁰.

Войдя в состав Оренбургского корпуса, Народная дивизия разделила его дальнейшую судьбу. Во время Чугучакской наступательной операции Сводного отряда Туркестанского фронта и китайских войск (23.V – VI.1921), пытавшихся окружить и уничтожить «Гноевых и Бакича» в Эмильском лагере, Оренбургский корпус смог ускользнуть в восточном направлении. При отступлении Бакича из района Чугучака «замыкали движение народники»⁶¹. Возможно, что отход корпуса прикрывал отряд сибирских казаков под командованием Гноевых, который, кстати сказать, был убит как раз во время похода от р. Эмиль к Шара-Сумэ⁶². Красные оценивали арьергард противника в триста сабель. Вечером 31 мая арьергард оставил пикет Чагоз (при отметке 1800), а 1 июня в 20 км восточнее Чагоза имел двухчасовой бой с преследователями. Красным удалось взять 20 пленных с винтовками. Сбитый арьергард, отступая, уничтожил мост на р. Чумпазы⁶³. Бакич занял г. Чумпазы и двинулся далее на восток⁶⁴. Сводный отряд Туркфронта упустил противника.

В тяжелейшем бою 3 июня 1921 г. на перевале Орлыгун-даба у р. Кобук корпус Бакича смог сбить преградивший ему путь заслон из частей Семипалатинской группы РККА. Затем, оперируя против китайских войск, занял 2 июля крепость Шара-Сумэ (г. Тулта) на р. Кран – центр Алтайского (Шарасумэского) округа Синьцзяна, а 6 июля – г. Бурчум, западнее Шара-Сумэ. С конца июля основные силы Народной дивизии дислоцировались в районе г. Бурчум. Здесь 1 сентября 1921 г. они потерпели жестокое поражение от Сводного отряда 13-й кавдивизии РККА, но смогли прорваться на Шара-Сумэ. 6 сентября в 8 верстах южнее Шара-Сумэ, на р. Темерчек, произошла «бешеная атака Народной дивизии», которая не привела к перелому на фронте, но дала возможность белым эвакуировать Шара-Сумэ. Через горные перевалы Монгольского Алтая Оренбургский корпус ушёл в Западную Монголию. В Народной дивизии оставалось тогда около 500 человек. 21 сентября «пикачи» из её состава участвовали в неудачном штурме куры Саруль-Гун, в котором сидел в осаде советско-монгольский отряд К.К. Байкалова.

Один из руководителей ликвидации восстания 1921 г. Е.В. Полюдов (1887–1937, расстрелян).

Участвовал в борьбе с повстанцами в Омском и Петропавловском уездах, в качестве командующего Южной группы подавил восстание в станциях Кокчетавского уезда. Фотография из собрания автора.

²⁹ Сибирская Вандея. Т. 2. С. 481.

³⁰ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Лл. 137об., 147, 170, 162об.; Сибирская Вандея. Т. 2. С. 479; Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 186.

³¹ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Лл. 147об., 162; Сибирская Вандея. Т. 2. С. 481.

³² Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 186;

С 22 сентября 1921 г. начался распад Народной дивизии: в этот день две сотни из её состава перешли в «Сводный русско-инородческий отряд войск Горно-Алтайской области» есаула А.П. Кайгородова и отправились в его составе к с. Кош-Агач, чтобы там прямо по Чуйскому тракту ворваться в Советскую Россию. После поражения у Кош-Агача (27.IX.1921 г.) с разрешения Кайгородова большинство русских из его отряда во главе с полковником В.Ю. Сокольниковым ушли в Северный Китай, где интернировались. Меньшинство, в том числе и некоторые бывшие бойцы Народной дивизии, вместе с Кайгородовым и алтайцами Курайской тропой всё-таки проникли в Горный Алтай.

После жестокого поражения у Хонур-Улена (26.X.1921 г.), нанесённого регулярными частями РККА, спешившими на помощь осаждённому Бакичем Байкалову, от Оренбургского корпуса откололись «остатки Народной дивизии», которые, соединившись с частью оренбуржцев, «двинулись по направлению к русской границе, на север», очевидно, сдаваться.

Только небольшая часть западносибирских повстанцев пошла с Бакичем через хребет Тану-Ола и по р. Элегест в Урянхайский край, некоторые оставались с ним до самого конца. Бывший начштаба Народной дивизии полковник И.З. Сизухин сдался красным в Урянхае вместе с корпусным обозом после разгрома у д. Атамановка. Полковник С.Г. Токарев попал в плен в декабре 1921 года в г. Улангом. Вероятно, он сдался монголам 30 декабря вместе с самим Бакичем и с последними 700 бакичевцами.

Токарев и Сизухин разделили судьбу Бакича и его ближайшего окружения – были переданы монголами советской стороне (г. Урга, 03.II.1922), судимы Сибирским отделением Военной коллегии Верховного ревтрибунала при Президиуме ВЦИК (Новониколаевск, 25.V.1922), приговорены к смертной казни и расстреляны (17.VI.1922)⁶⁵.

Итак, Народная дивизия зародилась в ходе восстания в Петропавловском уезде, в казачьей части долины р. Ишим, как 1-я Сибирская казачья дивизия. Хотя первыми поднялись на коммунистов крестьяне, казачество живо откликнулось и сразу же продемонстрировало более высокую способность к самоорганизации, чем в целом крестьянство. Казачья община была не только земельной, но еще и военной. Станичники до революции и при белых не только распределяли сельхозугодия и земские повинности, но ещё и самонаряжались на службу, сами вели воинский учет, формировали команды призываемых на воинскую службу и т.д. В казачьих общинах было гораздо больше членов, выслужившихся за годы Мировой и Гражданской войн в офицеры. Не забудем и про навыки войсковой внутрисословной демократии, приобретённые в 1917-1919 гг. Заслугой казаков – А.Ф. Кудрявцева и его сподвижников, – можно считать инициативу по созданию общеповстанческого аппарата власти, их готовность подчиниться ради этой цели малоавторитетному «Главному штабу Сибирского фронта» В.А. Родина. Хотя инициатива и не была реализована, тем не менее, о координации действий казаков приишимских станиц и Пресновской линии с крестьянством Петропавловского и юга Ишимского уездов вполне можно говорить. Главному штабу Сибирского казачьего войска не удалось объединить хотя бы три казачьих повстанческих очага: приишимский, пресновский и кокчетавский. Помешали дефицит времени, крайне неблагоприятная боевая обстановка и географическая удалённость очагов друг от друга. Однако станичные сотни, полусотни, взводы Приишимья успели слиться в казачью дивизию – одно из самых стойких и боеспособных соединений Западно-Сибирского восстания.

В марте 1921 года к дивизии присоединились осколки казачьих отрядов Пресновской линии того же Петропавловского уезда. Вопрос о наличии в составе Народной дивизии казаков Омского и Кокчетавского уездов остаётся открытым. В принципе, те же Гноевых и Сизухин могли явиться в дивизию не в единственном числе (первый из Исилькуля, второй из Кокчетава), а во главе небольших отрядов.

В ходе боёв и походов дивизия многократно переформировывалась, переизбирался её комсостав. Вызывалось это большими потерями, утратой

Казаки пос. Песчаный на службе в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку, начало XX в.

Справа Иван Платонович Угренинов, сыгравший видную роль в подавлении восстания 1921 г. в районе станицы Пресногорьковская. Фотография из семейного архива С.А. Угренинова.

РГВА. Ф. 7828.
Оп. 1. Д. 50. Л. 147, 162об.

³³ РГВА. Ф. 7828.
Оп. 1. Д. 50. Л. 170-170об.; Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 186.

командирами доверия со стороны бойцов, вливанием новых отрядов, более рациональным перераспределением по частям личного состава, оружия, боеприпасов. Этот процесс преобразований из-за скудности источников пока не поддается детализации.

Неизвестно даже когда дивизия из чисто казачьей стала казачье-крестьянской, а также когда закрепилось название «Народная»: в китайский период или ранее, и после какого реформирования? Прежде всего, в состав дивизии попали, конечно, крестьяне Петропавловского уезда, с которыми казаки взаимодействовали с самого начала: в боях за г. Петропавловск и приишимские станицы. Также в дивизии оказались крестьяне Ишимского и Курганского уездов⁶⁶. В.К. Григорьев считал, что «Народная дивизия» была образована во время передышки повстанцев в Каркаралинске и что там при реорганизации в числе других крестьянских отрядов в неё вошла и «Курганская освободительная дивизия»⁶⁷. Последняя информация сомнительна. Вероятно, влились лишь отдельные части и подразделения Курганской освободительной дивизии. Скорее всего, основная масса

крестьян Петропавловского, Ишимского и Курганского уездов вошла в состав дивизии во второй половине марта 1921 г. в районах сёл Корнеевское и Сухотино. Так как более вероятно, что изгнанные из родных мест остатки крестьянских отрядов присоединились к казакам в самом начале похода в Китай; в глуби казахских степей встреча повстанческих отрядов могла быть только случайной.

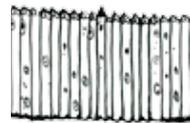
2-й казачий полк Народной дивизии, если верить Н.Ф. Евсееву, назывался 2-м Сибирским казачьим Ермака Тимофеевича полком⁶⁸. Хотя традиционно у сибирцев имел шефство Ермака и носил его имя 1-й полк: первоочередной полк 1-го военного отдела, укомплектовывавшийся казаками Кокчетавского, Атбасарского, Акмолинского и западной половины Петропавловского уездов. Этой смене нумерации можно дать такое объяснение. В ходе Западно-Сибирского восстания 1-й казачий полк сложился к югу от Петропавловска, в станицах, расположенных в долине р. Ишим. Эти станицы до ликвидации Сибирского войска относились ко 2-му его отделу. Полк этот, судя по всему, до конца сохранял первый номер, т.к. он действительно был первым. Позже к 1-й Сибирской казачьей дивизии присоединились повстанцы западной половины Пресновской линии – казаки 1-го отдела, в большинстве проходившие срочную службу в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку. Вероятно, именно они в конечном итоге составили 2-й казачий полк Народной дивизии, дав ему дорогое имя атамана Ермака. Но это лишь версия.

Зачинщиками восстания 1921 года и ядром 1-й Сибирской казачьей дивизии стали как раз те станицы (Боголюбовская, Вознесенская, Надеждинская), которые в 1919 году не хотели защищать режим А.В. Колчака, они предпочли тогда примирение с советской властью и расказачивание⁶⁹.

Среди руководителей восстания – активисты «трудового казачества».

Создатель 1-го Сибирского казачьего полка, некоторое время начдив⁷⁰, а затем начальник Главного штаба Южного фронта⁷¹ О.П. Зубков при белых был арестован в своей Боголюбовской станице за «большевизм и сочувствие советской власти» (18.V.1919)⁷² и в августе 1919 г. находился под стражей⁷³.

Начальник Народной дивизии С.Г. Токарев, вернувшись с Кавказского фронта, был весной 1918 г. председателем Екатеринбургского станичного исполкома, а осенью 1919 г. за участие в бунте 4-го Сибирского казачьего полка сидел под арестом два с половиной месяца⁷⁴.

Казаки ст. Боголюбовская Петропавловского уезда, ноябрь 1918 г. Справа Исидор Матвеевич Турецкий (1897–1921) с женой Матроной Давидовной и сыном Кузьмой. Активного участия в восстании, видимо, не принимал, т.к. посмерт оставься с семьей. По занятию станицы красными каратели выволокли его из дома, привязали верёвкой к лошади и на галопе проволокли в одном исподнем белье по станице; потом добились, тело семье не выдали. Фотография из архива Т.К. Бадюлиной.

Начштаба дивизии И.З. Сизухин весной 1917 г. был товарищем председателя дивизионного комитета Сибирской казачьей дивизии⁷⁵, а при «первой Советской власти» – председателем Кокчетавского станичного исполкома⁷⁶.

Более половины приишимских станиц были основаны крестьянами в степи с внешней стороны границы. В 1846 г. государство записало этих самостоятельных хлебопашцев в казаки, оторвав от освоенной ими земли и погрузив в муштру военно-поселенного Сибирского линейного войска. Когда вследствие реформ Александра II началось превращение казачества из служилого сословия в «военное крестьянство», приписные казаки Приишимья окрестянились быстрее всех, т.к. не утратили навыков, мышления земледельцев, не привыкли к казачьему образу жизни. Обременительная казачья воинская повинность мешала им сконцентрироваться на трудоёмком, но доходном земледелии. Поэтому в 1917 г. они и выступали за расказачивание, в 1919 г. не хотели защищать тяготившую их военно-сословную организацию, а с ней и Белую Россию. Боголюбовская, Вознесенская, Надеждинская станицы

были многопосевными, житочными (к тому же многонаселёнными и расположенными рядом друг с другом), они были обречены пострадать жестоко от продразвёрстки. В 1919 г. казаки этих станиц не хотели слушать офицеров, священников, стариков, предупреждавших о сути советской власти. В 1921 г. в условиях тотального давления режима на общины у расказаченных приписных казаков сработал, наконец, инстинкт самосохранения, и они вспомнили о казачьем войске как средстве сословной самозащиты. Первой их реакцией в самом начале восстания было воссоздать Сибирское войско путём объединения взявшихся за оружие станичных обществ. Это была попытка, предпринятая снизу, самими массами. Отсюда выборы «Главного штаба объединённого Сибирского казачьего войска» во главе с А.Ф. Кудрявцевым. Более того, оказавшись в Синьцзяне, «трудовые казаки» нашли общий язык с белогвардейцем А.С. Бакичем.

Однако почти сразу казаки поняли, что без крестьян им не справиться. И вот уже 22 февраля 1921 г. съезд представителей казаков и крестьян Петропавловского, Ишимского, Курганского и Ялуторовского уездов в с. Юдино, около станции Петухово, под председательством казака Боголюбовской станицы Якова Рогачёва ставит перед всеми восставшими такую задачу: «Объединение всех слоев населения – и братское отношение между всеми ними, – как-то: интеллигенции, крестьянства, казачества и рабочих, – под названием “свободные граждане, свободный народ, объединенный в борьбе с коммунизмом”». А 26 февраля военное совещание повстанцев в том же с. Юдино выдвинуло лозунг момента: «Победа или смерть!»⁷⁷. Это боевое братство перед лицом общего врага послужило духовной и психологической основой для объединения казаков и крестьян в составе единой дивизии.

Народная дивизия проявила в борьбе с коммунистами исключительные упорство и живучесть. Успешность похода повстанцев из Приишимья в Синьцзян во многом объясняется тем, что составлявшие ядро дивизии сибирские казаки прекрасно знали условия передвижения и выживания в степи. Казаки Петропавловского уезда ходили степью на срочную службу в Семиречье и обратно, а казаки Каркаралинской станицы, частью присоединившиеся к дивизии, хорошо знали пути на Чутучак. Руководители повстанцев, имея богатейший опыт конной службы и участия в Первой мировой и Гражданской войнах, благодаря своевременному, искусному ма-

³⁴ Специальный государственный архив КНБ РК по г. Алматы. Д. 013004. Л. 7об.

³⁵ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Л. 173об.

³⁶ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Л. 175об.-176об.

³⁷ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Л. 197, 204об.

³⁸ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Л. 191об., 197-199 с оборотами.

³⁹ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Л. 210об., 212-212об.

⁴⁰ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Л. 201-201об., 208.

⁴¹ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Л. 214 соб.

⁴² Померанцев П. Красная Армия Сибири на внутреннем фронте: Борьба с восстаниями в тылу за 1920 – 1922 гг. // Красная Армия Сибири. Новониколаевск, 1923. № 3/4. С. 92.

⁴³ Камский. Русские белогвардейцы в Китае. М.: Красная Новь, Главлитпросвет, 1923. С. 62, 63.

⁴⁴ Богданов М.А. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича в 1921 году // Учёные записки. Вопросы истории

неврированию и знанию местности многократно выводили свою дивизию из-под ударов и из оперативного окружения.

Заметная роль офицерства (И.З. Сизухин, А.А. Гноевых, Ф.Л. Погребных и др.) – ещё одна черта Народной дивизии, сильно отличающая её от других отрядов западносибирских повстанцев 1921 года. В отличие от крестьян у казаков изначально не было такого сильного недоверия к офицерам. Прежде всего потому, что они были своими – казачьими, часто одностаничниками, которых знали с детства и уважали за личные и деловые качества. Крестьяне-односельчане служили в армии в разных частях. У казаков же до ликвидации войска советской властью был сословно-территориальный, очередно-возрастной принцип комплектования войсковых частей. И военная служба каждого проходила на глазах одностаничников-одногодков. К тому же большинство казачьих офицеров, занимавших у повстанцев командные должности, являлись выходцами из рядовой массы. Почти все они были офицерами военного времени, произведёнными за боевые заслуги или после окончания школ прапорщиков. Казачьих офицеров Народной дивизии нельзя рассматривать как внешнюю силу, навязывавшую повстанцам собственные лозунги и цели, чуждые рядовой массе. Наоборот, почти все они являлись лучшими, наиболее яркими представителями самой этой массы, выразителями её коренных интересов, думавшими и чувствовавшими с нею в унисон.

Эпопея Народной дивизии, её удивительный поход от р. Ишим до Китая, Монголии и Урянхая – это трагическая и в то же время героическая страница в истории сибирского казачества и крестьянства.

СССР. Т. XXIV. Вып. 4. Ульяновск, 1972. С. 149; Ганин А.В. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России. М., 2011. С. 247.

⁴⁵ Камский. Русские белогвардейцы в Китае. С. 63.

⁴⁶ Богданов М.А. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича в 1921 году. С. 150.

⁴⁷ Камский. Русские белогвардейцы в Китае. С. 63.

⁴⁸ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 187об.

⁴⁹ Богданов М.А. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича в 1921 году. С. 150.

⁵⁰ Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 141; Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 187; Молоков И.Е. Разгром Бакича. Омск, 1979. С. 11; Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 144.

⁵¹ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 187об.

⁵² Богданов М.А. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича в 1921 году. С. 150.

⁵³ Камский. Русские белогвардейцы в Китае. С. 63.

⁵⁴ Ганин А.В. Черногорец на русской службе... С. 144.

⁵⁵ Петров В.И. Мятёжное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 312.

⁵⁶ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 185об.

⁵⁷ Специальный государственный архив КНБ РК по г. Алматы. Д. 013004. Л. 1об., 8.

⁵⁸ Ганин А.В. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России. М., 2011. С. 248.

⁵⁹ Евсеев Н.Ф. Разгром генерала Бакича // Красная Армия Сибири. Новониколаевск, 1923. № 5/6. С. 28; Ганин А.В. Черногорец на русской службе... С. 198.

⁶⁰ Камский. Русские белогвардейцы в Китае. С. 64.

⁶¹ Петров В.И. Мятёжное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 316.

⁶² Шалагинов В.К. Последние. Новосибирск, 1973. С. 96.

⁶³ РГВА. Ф. 7828. Оп. 1. Д. 50. Л. 269об.-279об.

⁶⁴ Богданов М.А. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича в 1921 году. С. 152.

⁶⁵ О пребывании Народной дивизии в Китае и Монголии подробнее см.: Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С.143-174; Шулдяков В.А. «Народная дивизия» западносибирских повстанцев (февраль – декабрь 1921 г.) // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 1: История. С. 122-133.

⁶⁶ Шалагинов В.К. Последние. Новосибирск, 1973. С. 118; Сидоров П. Курганское восстание в январе 1921 г. (по личным воспоминаниям) // Пролетарская революция. М.; Л., 1926. № 6 (53). С. 106.

⁶⁷ Григорьев В.К. О Каркаралинской трагедии... С. 186.

⁶⁸ Евсеев Н.Ф. Разгром генерала Бакича // Красная Армия Сибири. Новониколаевск, 1923. № 5/6. С. 28.

⁶⁹ См.: Шулдяков В.А. Преступление и наказание «Трудового казачества» в годы Гражданской войны // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 2007. С. 163-166.

⁷⁰ Сибирская Вандея. С. 369.

⁷¹ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 178об.

⁷² ИАОО. Ф. 1706. Оп. 2. Д. 2. Л. 94.

⁷³ РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 10. Л. 20об.

⁷⁴ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 174, 177об.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 5266. Оп. 1. Д. 298. Л. 8.

⁷⁶ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 185.

⁷⁷ Сибирская Вандея. С. 261, 294.

О НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ Западно-Сибирского мятежа

Восстания, охватившие в феврале-апреле 1921 года огромную территорию Западной Сибири, Зауралья и современного Казахстана и получившие в советской историографии обобщённое, но не совсем точное название Западно-Сибирского мятежа, бесспорно являются одним из крупнейших событий гражданской войны в России. В общей сложности в рядах повстанцев в разное время сражалось не менее 70 тысяч человек. Количество же бойцов и командиров регулярных частей Красной Армии и иррегулярных коммунистических формирований, принявших участие в подавлении этого восстания, достигало численности полевой советской армии. Боевые действия, которые велись на охваченной мятежом территории, вполне можно приравнять, как минимум, к армейской операции периода гражданской войны. Тем не менее, в отечественной историографии Западно-Сибирский мятеж (в отличие от таких типологически тождественных ему событий того же 1921 года, как «антоновщина» и Кронштадское восстание, которые он превосходил и по количеству участников и по территориальному охвату) до сих остаётся темой, слабо изученной.

Причины восстания

Прежде всего хотелось бы остановиться на анализе причин Западно-Сибирского восстания. Его возникновение советские историки объясняли слабостью местных органов так называемой диктатуры пролетариата, зажиточностью западносибирского крестьянства и высоким удельным весом кулачества в его составе, организационно-политической деятельностью контрреволюционных сил, входивших в «Сибирский крестьянский союз», недовольством крестьян отступлениями от классового принципа и нарушениями революционной законности при проведении продразвёрстки.

В публикациях 1990-х годов доказана беспочвенность таких утверждений. Современные исследователи среди причин восстания последовательно называют недовольство крестьян политикой «военного коммунизма» (продразвёрстками, мобилизациями и трудовыми повинностями), методами её осуществления, злоупотреблениями и преступлениями сотрудников продовольственных органов, а в качестве непосредственного повода указывают на объявление в середине января 1921 года семенной развёрстки. Но к этим выводам я бы сделал три дополнения.

Во-первых, наряду с семенной развёрсткой непосредственным поводом для восстаний послужил также вывоз хлеба с внутренних ссыпных пунктов к линии железной дороги и его последующая отправка в центральную Россию.

Во-вторых, при анализе причин восстаний нельзя забывать и о чисто политических факторах. На территории восстаний изначально имелись группы населения, которые были противниками советской власти в принципе и её коммунистической разновидности в том числе. Особенно значительная доля настроенных таким образом сибиряков имела среди казаков, лишённых коммунистическим режимом своего традиционного социального статуса и привычного смысла существования. Противники компартии

были и в крестьянстве, среди интеллигенции, служащих, предпринимателей. В общей массе населения их количество было невелико, но необходимо учитывать, что они были решительнее других категорий населения нацелены на борьбу с диктатурой пролетариата и пользовались авторитетом у основной массы местных жителей в силу своей грамотности, самостоятельности, трудолюбия, хозяйственных успехов и т. п.

В-третьих, следует особо подчеркнуть, что разнообразие форм, а также концентрация произвола и насилия партийно-советских работников, осуществлявшегося в Ишимском уезде в конце 1920 – начале 1921 года, были для местного населения невиданными. Как утверждали сами крестьяне, в том числе сельские коммунисты и советские работники, по преступности деяний и жестокости поведения посланцы города в деревне превзошли всё то, что полтора-два года тому назад вершили колчаковские каратели.

Следует подчеркнуть, что партийно-советское руководство Ишимского уезда и Тюменской губернии было достаточно полно и своевременно информировано обо всем происходившем в деревне, однако не видело в царившем там беззаконии ничего ни предосудительного, ни опасного.

Происхождение и динамика восстания

Современные исследователи убедительно доказали и то, что восстание носило преимущественно стихийный характер. При этом началось оно в нескольких местах. Его первые очаги возникли примерно в одно и то же время (конец января – начало февраля) и независимо друг от друга в разных районах Ишимского, Ялуторовского, Тюменского, Тюкалинского уездов. Среди этих очагов Абатский район выделялся тем, что восставшие в нём крестьяне сразу же вступили в вооружённый конфликт с находившимися там продотрядами и отрядами войск внутренней службы, охранявшими сыпные пункты и занимавшимися сопровождением продовольственных грузов. В результате информация о восстании в Абатском районе немедленно поступила по военной линии в уездный и губернский центры, благодаря чему создалось ошибочное впечатление об этом районе как о первоисточнике мятежа.

Так благодаря чему мятежи одновременно поразили несколько смежных уездов Урала и Сибири и приняли столь массовый характер?

Как уже отмечалось, разные слои населения Урала и Сибири были недовольны коммунистическим режимом по разным причинам. На протяжении 1920 – начала 1921 гг. это недовольство углублялось и расширялось, время от времени прорываясь наружу серией крестьянских протестов, волнений и вспышек мелких восстаний. С помощью вооружённой силы власти легко расправлялись с недовольными и бунтовщиками. При этом иногда дело доходило до кровопролития, но относительно небольшого, иногда всё завершалось «миром»: арестами нескольких десятков «зачинщиков» и «главарей».

Такое поведение властей имело двоякие последствия. С одной стороны, недовольство населения перешло в злобу на коммунистов за применение оружия и репрессий. С другой стороны, репрессии были не настолько жестокими, чтобы донельзя запугать население, как это было при подавлении восстаний в Алтайской, Семипалатинской и Томской губерниях летом 1920 года, когда были убиты, ранены и арестованы тысячи людей. Тем самым политическая обстановка в Тюменской губернии и в смежных с ней уездах обострилась до крайности: население было доведено до отчаяния, озлоблено, но не запугано и не сломлено. Всё остальное местные власти сделали собственными руками. Объявление семенной развёрстки, совпавшее по времени с началом интенсивного вывоза хлеба в центр, дало не только последний толчок, вызвавший стихийный взрыв восстаний, но и синхронизировало выступления населения разных районов.

*Памятник
жертвам тра-
гических собы-
тий 1921 года.
Ишим. Скульптор
Г.П.Вострецов.
Открыт 22 мая
2011 г. Фотография
Г.А.Крамора.*

Характер восстания и его участники

Не могу хотя бы кратко не остановиться на вопросе о характере Западно-Сибирского восстания (о социальном составе его участников, расстановке сил внутри повстанческого лагеря, политических целях и задачах, которые ставили перед собой и реально осуществляли мятежники), поскольку в концепции истории этого события он занимает центральное место.

В советской историографии по вопросу о социальном составе участников Западно-Сибирского мятежа существовал большой разброс мнений в диапазоне от «чисто крестьянского» до «чисто белогвардейско-кулацкого». В современных публикациях состав мятежников определяется иначе: в них подчёркивается преобладание среди повстанцев крестьян, принадлежавших ко всем без исключения социальным слоям, отмечается активное участие казаков, наличие представителей интеллигенции и служащих.

На основании анализа программных документов и лозунгов повстанцев исследователи пришли к выводу о том, что у них отсутствовало единство взглядов по вопросам общественного и политического устройства России. Вместе с тем они убедительно

доказали, что подавляющее большинство мятежников объединяло неприятие коммунистического режима (наиболее распространённый лозунг – «За советы без коммунистов!»), и только в этом смысле восстание можно отчасти квалифицировать как контрреволюционное. В то же время восстание неправомерно называть белогвардейским, поскольку такая струя в нём присутствовала номинально, практически не располагая поддержкой в массах.

Столь же неверна характеристика восстания и как антисоветского, но уже по другой, прямо противоположной причине. Документы свидетельствуют о том, что в большинстве освобождённых от коммунистов районов мятежники на практике стремились воплотить в жизнь лозунг, под которым они поднялись на борьбу, создавая в качестве органов гражданского управления советы без коммунистов.

Военно-боевая деятельность

Эта сторона восстания – военно-боевая деятельность противоборствовавших сторон, поведение рядовых бойцов и командиров на линии фронта, их взаимоотношения между собой и отношение к мирному гражданскому населению – в сочинениях советских историков освещалась тенденциозно. В них мятежники наделялись всевозможными социальными и индивидуальными пороками, тогда как сторонники коммунистического режима изображались в героико-романтическом ключе.

На самом деле в обоих лагерях были свои герои и трусы, сердобольные и садисты, идеалисты и негодяи, люди, предпочитавшие смерти в бою дезертирство или сдачу в плен. Жестокость также проявляли обе стороны. Однако пальму первенства всё же нужно отдать коммунистам. Об этом говорят цифры о соотношении потерь красноармейцев и повстанцев. По авторитетному свидетельству председателя Сибревкома И.Н. Смирнова, относящемуся к середине марта 1921 года, они составляли 1 к 15.

Причины, объясняющие такое соотношение потерь, заключаются не только в том, что мятежники были гораздо хуже вооружены, организова-

ны, не имели должного боевого опыта и т. п. Дело еще и в политике коммунистических властей по отношению к повстанцам и мирному населению. Если со стороны мятежников террор и насилия носили преимущественно «выборочный» (индивидуальный или групповой, но узко направленный) характер – например, против коммунистов, продработников, – то совершенно иначе вел себя противник. Приказы советского командования содержат требования расстреливать на месте без суда всех, захваченных с оружием в руках, брать и расстреливать заложников за разрушение железнодорожной линии и телеграфной связи, за оказание помощи повстанцам, сжигать и уничтожать артиллерийским огнем целые деревни, поддерживавшие мятежников или оказывавшие упорное сопротивление.

Кроме того, широкое распространение в советских и особенно в коммунистических частях получили безсудные расстрелы мирных жителей. Отсюда такие колоссальные потери среди местного населения. По данным того же И.Н. Смирнова, менее чем за первые полтора месяца боёв в Ишимском уезде было убито около 7000 и в Петропавловском – 15000 крестьян.

Значение восстания

Несмотря на удалённость от пролетарских центров, являвшихся опорой диктатуры пролетариата, Западно-Сибирское восстание представляло для коммунистического режима серьёзную опасность. Мятеж отрезал центральные районы советской России от Сибири, которая тогда наряду с Северным Кавказом являлась основным источником продовольствия для Красной Армии, Москвы и Петрограда. При этом никаких фактов прямого или хотя бы косвенного характера относительно влияния Западно-Сибирского мятежа на изменение продовольственной политики РКП(б) не известно. Местные же коммунистические организации вышли из мятежа ослабленными численно, но ещё более сплочёнными идейно и организационно.

*Публикуется в сокращении. Полный текст:
Шишкин В.И. К вопросу о новой концепции Западно-Сибирского мятежа // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1997. № 2. С. 46-54.*

ИШИМСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС 22–28 ФЕВРАЛЯ 1921 Г.

22 февраля 1921 г. в 11 часов 30 минут в Ишиме открылось публичное заседание выездной сессии революционного военного трибунала Сибири. Весьма вероятно, что аналогичного судебного разбирательства в советской истории не было ни до, ни после этого. Его уникальность состояла в том, что на скамье подсудимых одновременно оказались две группы людей, представлявших диаметрально противоположные политические позиции. К суду было привлечено шесть продовольственных работников, т.е. представителей коммунистического режима, с одной стороны, и 93 местных крестьянина, арестованных за участие в вооруженном мятеже против этой власти, – с другой.

Организация ишимского судебного процесса была инициирована 11 февраля 1921 г. Сибирским бюро ЦК РКП(б). Конкретным поводом для принятия такого решения высшим партийным органом Сибири послужило несколько десятков документов о злоупотреблениях продовольственных работников, совершенных в Ишимском уезде в ноябре 1920 – январе 1921 г. и представленных в распоряжение председателя реввоен трибунала республики К.-Ю.Х. Данишевского бывшим руководителем Ишимской уездной коммунистической организации А.Е. Карякиным¹.

Дополнительную злободневность данному вопросу придавало то обстоятельство, что 31 января 1921 г. в Ишимском уезде началось крестьянское восстание, которое стремительно разрасталось и принимало все более угрожающий характер. Десять дней спустя мятеж уже полыхал в прилегающих к Ишимскому уезду волостях Курганского, Омского, Петропавловского, Тарского, Тобольского, Тюкалинского и Ялуторовского уездов, а также в части волостей Камышловского, Тюменского и Шадринского уездов. 6 февраля в районе станций Вагай и Голышманово повстанцы перерезали северную ветку Транссибирской железнодорожной магистрали, а 10 февраля в полдень около полутора тысяч мятежников с трёх сторон ворвались в Ишим, вели бой на его улицах, но, понеся большие потери, были вынуждены оставить город.

Вторично вопрос о судебном процессе в Ишиме – его целесообразности, идеологии и сценарии – был обсужден на секретном заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 15 февраля 1921 г. Сиббюро ЦК приняло решение направить в Ишим выездную сессию во главе с председателем реввоен трибунала Сибири В.Е. Опариним. Однако первоначальный замысел процесса претерпел существенное изменение. Если 11 февраля предполагалось судить только продработников, допустивших уголовные преступления и дискредитировавших советскую власть, то сейчас акценты были расставлены принципиально иначе. Сиббюро ЦК постановило образовать «комбинированный процесс, использовав его в качестве защиты прод[овольственной] кампании». Планировалось, что в роли обвинителя кулака-мятежника выступит председатель Сибирского продовольственного комитета П.К. Коганович, а политического защитника – заведующий отделом Сиббюро ЦК Н.Ф. Преображенский². На следующий день председатель Сибирского революционного комитета И.Н. Смирнов дал находившемуся на пути из Омска в Ишим В.Е. Опарину соответствующую директиву. В ней говорилось: «Цель процесса – оправдать советскую политику и продовольственную практику, не щадя преступников»³.

¹ Сибирская Ван-дея. Составитель и научный редактор В.И. Шишкин. - М., 2001. - Т. 2 (1920–1921). - С. 150–152. Значительная часть предоставленных А.Е. Карякиным документов была опубликована нами в первой главе данного сборника.

² Там же, с.188–189.

³ Там же, с.198.

16 февраля 1921 г. выездная сессия Сибреввоен трибунала в составе В.Е. Опарина, А.А. Ганина, А. Марцинковского, Н.М. Романовича и военного следователя Е.И. Михалаша прибыла в Ишим и приступила к ведению предварительного следствия. К этому времени мятеж приобрел еще более грозные очертания. В районе станции Мамлютка и Петухово повстанцы перерезали южную ветку Транссибирской железнодорожной магистрали, вышли на линию железной дороги в районе станций Мангут и Маслянская, грозя отрезать Ишим от Омска. 14 февраля они дважды на короткий срок захватывали Петропавловск, вплотную подошли к Ялуторовску. Их отряды находились в 10–15 верстах от Тюмени, в 25–30 верстах от Кургана. Ожесточенные бои велись в двух десятках верст южнее самого Ишима.

Чтобы хотя бы частично нейтрализовать и успокоить население Ишимского уезда, председатель Сибревкома И.Н. Смирнов 15 февраля 1921 г. дал командующему советскими вооруженными силами района Омск – Тюмень комбригу Н.Н. Рахманову приказ созвать 18 февраля в Ишиме представителей от сел и волостей «в целях выяснения причин недовольства крестьян». 18, 20 и 23 февраля 1921 г. такие совещания, на которое прибыли прокоммунистически настроенные делегаты от нескольких десятков сел и деревень Ишимского и Тюкалинского уездов, состоялись. На втором из них вместе с председателем уездного исполкома советов И.Я. Кузьминым и губернским военным комиссаром П.М. Хрустальевым приняли участие А.А. Ганин, А. Марцинковский и Н.М. Романович. Благодаря этому сессия Сибреввоен трибунала получила дополнительную информацию о действиях продработников и причинах восстания почти из первых рук⁴.

Кроме того, сессия располагала материалами, предоставленными ей К.-Ю.Х. Данишевским, и имевшимися в распоряжении местных гражданских и военных властей, политбюро и милиции. В их числе находились некоторые документы штаба Северного фронта повстанцев Ишимского уезда, Голышмановского, Кротовского и Чуртанского волостных военных штабов. Она также получила возможность допросить несколько десятков находившихся в Ишиме пленных мятежников. В результате сессия получила неполную, но достаточно объективную информацию о причинах и обстоятельствах возникновения восстания.

«При производстве предварительного следствия выяснилось, – сообщал месяц спустя в реввоен трибунал республики В.Е. Опарин, – что значительная доля вины в возникновении антисоветского настроения, вылившегося в открытое восстание, падает на неумелую, нетактичную и в массе случаев прямо преступную деятельность продработников, работавших среди населения Ишимского уезда»⁵.

Такова была подлинная оценка причин мятежа, данная председателем выездной сессии и основанная на относительно беспристрастном и объективном, насколько это в принципе возможно для коммуниста и сотрудника реввоен трибунала, изучении добытого следствием материала.

Исходя из такого понимания ситуации, 20 февраля 1921 г. сессия Сибреввоен трибунала произвела аресты десяти руководящих продработников, на которых имелось наибольшее количество компрометирующего материала. В их числе оказались председатель губернской контрольно-инспекторской комиссии по проведению продовольственных разверсток в Ишимском уезде А.С. Крестьянников, член этой же комиссии М.А. Лаврис, ишимский уездный продкомиссар И.М. Гуськов, его заместитель С.А. Полякевич, председатель чрезвычайной продовольственной «тройки» по Абатскому и Викуловскому районам В.Г. Соколов, абатский райпродкомиссар В.И. Николаев, большесорокинский райпродкомиссар А.Ф. Коротков, викуловский райпродкомиссар М.Г. Заплетин и ишимский райпродкомиссар И.И. Гуцин.

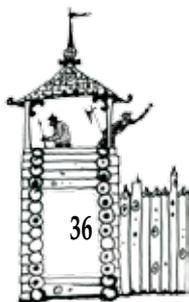
Как известно, сущностной чертой коммунистической идеологии, политики и морали всегда являлся «двойной» стандарт. Судебный процесс в Ишиме изначально ставился в соответствии с такой «двойной» установкой. Его задача заключалась не в том, чтобы выявить подлинные причины восстания и наказать виновных в мятеже, а для того, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать правильность коммунистической политики, с другой

⁴ ГАРФ, ф. Р-1235, оп.140, д.22, лл.59–61.

⁵ ГАОО, ф. Р-1374, оп.1, д.15, л.37.

⁶ Сибирская Ванда, т.2, с.213–214.

⁷ ГАРФ, ф. Р-1235, оп.140, д.22, л. 61.

Попытка повстанцев захватить Ишим 10 февраля 1921 года. Художник Рудольф Симанов.

– «назначить» и покарать виновных в восстании, милостиво отпустить прощение ошибавшимся и введенным в заблуждение. Довольно подробную директиву относительно того, какие обвинения должны быть предъявлены подсудимым продработникам и повстанцам, заранее подготовил для сессии реввоен трибунала И.Н. Смирнов⁶. Она была типичным образчиком реализации в советском судопроизводстве именно такого «двойного» подхода. Правда, кажется, она не была передана по назначению, но сохранилась в архиве председателя Сибревкома.

Справедливости ради следует сказать, что сотрудники Сибреввоен трибунала и без указаний И.Н. Смирнова знали существовавшие правила игры. Иначе бы они не работали в таком ведомстве. Публично их линия поведения довольно четко обозначилась уже на проходившем 20 февраля в Ишиме втором совещании представителей от сел и волостей.

Вот, например, что говорил на нем приехавшим делегатам А.А. Ганин: «При проведении разверстки некоторые советские работники, некоторые продработники не умели подойти к крестьянству, и вот на этой почве пошла агитация, и в результате [произошло] выступление крестьян против власти. Проглядывают среди крестьян и шкурнические интересы. Они зачастую не шли [навстречу] интересам государственным [...]. Нужно ли было брать пики? Нет, товарищи, можно было сговориться с сельскими советами, волисполкомами. Этого не было. Агенты Колчака, агенты контрреволюции вас толкали против коммунистов, против советов, и вы пошли»⁷.

Таким образом, ответственность за возникновение мятежа возлагалась уже не только на бесчинствовавших в деревне продработников, но и на контрреволюцию, а также на самих крестьян.

Еще более жестко точка зрения о трех выше названных источниках мятежа была сформулирована в заключительном постановлении по делу о вооруженном восстании в Ишимском уезде, подготовку которого 21 февраля 1921 г. завершил Е.И. Михалаш, ранее служивший членом коллегии Екатеринбургской губчека, но 28 марта 1920 г. уволенный за проступки президиумом ВЧК из органов без права впредь служить в них. Причем событийный ряд и причинно-следственные связи были выстроены Е.И. Михалашем в заключительном постановлении принципиально иначе, чем в выступлении того же А.А. Ганина.

В заключительном постановлении утверждалось, что главным виновником происшедших событий являлась контрреволюционная организация,

поставившая себе целью свергнуть советскую власть и для приведения своего плана в жизнь решившая опереться на крестьянство.

«...Данными следствия установлено, – говорилось в заключительном постановлении, – что зачинщики и руководители восстания, стремясь привлечь на свою сторону широкие массы крестьянства, использовали демагогически главным образом деятельность некоторых агентов власти при проведении государственных разверсток, чтобы восстановить крестьянство против власти».

Что касается продработников Ишимского уезда, то заключительное постановление гласило, что часть из них, «забыв свой долг и ответственность перед трудовым народом и его советской властью, совершили ряд преступлений и дали врагам народа, организаторам восстания, повод говорить крестьянам, что эти действия совершались советской властью, и тем самым возбуждать крестьянство против этой власти».

В заключительном постановлении было предложено привлечь к суду реввоен трибунала шесть продработников (И.М. Гуськова, М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова, М.А. Лауриса, С.А. Полякевича и В.Г. Соколова) и 93 взятых в плен повстанцев – крестьян Викуловской, Голышмановской, Маслянской, Сладковской, Челноковской и Чуртанской волостей. Последние в зависимости от тяжести инкриминируемого им обвинения были разбиты на две группы. 42 из них составляли первую группу и были позиционированы в заключительном постановлении как организаторы и руководители мятежа, а 51 повстанец вошел во вторую группу, членов которой квалифицировали как рядовых участников.

Нужно отметить, что предварительное следствие было проведено, а заключительное постановление составлено Е.И. Михалашем в худших чекистских традициях. Относительно хорошо были документированы и персонально прописаны обвинения, предъявленные только продработникам. Что же касается бывших повстанцев, зачисленных в первую группу, то следствие не выявило достаточной доказательной базы и смогло предъявить им обвинения в самой общей форме, не раскрывавшей характера содеянного каждым из них преступления. Например, жителю Чуртанской волости К.В. Николаеву и Я.Ф. Беспятову инкриминировалось участие в какой-то военной комиссии, соответственно, в качестве ее члена и секретаря. Все обвинение жителя Челноковской волости М.П. Назарова сводилось к формулировке «активный участник восстания в с. Назаровом», его земляка И.Г. Охотникова – к тому, что последний «охранял арестованных коммунистов». Такое же обвинение было предъявлено жителю Викуловской волости П.О. Щетникову. Все обвинение против Г.С. Прокофьева из Маслянской волости и Е.И. Дьякова из Голышмановской волости свелось к фразе «разбирал железную дорогу». Бывшим повстанцам, зачисленным во вторую группу, было предъявлено одно обвинение на всех: участие в вооруженном восстании против советской власти. Тем не менее такое заключительное постановление в тот же день было рассмотрено и утверждено на распорядительном заседании реввоен трибунала Сибири⁸.

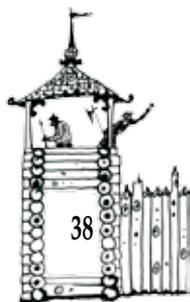
Однако постановка комбинированного политического процесса, на котором суду подлежали не только мятежники, но и ответственные продработники, являвшиеся к тому же членами РКП(б), встретила решительный протест со стороны партийно-советского руководства Ишимского уезда. Причины такой реакции с его стороны вполне понятны. Главными из них являлись корпоративная солидарность и боязнь того, что следующими на скамье подсудимых могут оказаться они сами. Поэтому 21 февраля 1921 г. Ишимский уездный комитет РКП(б) постановил просить сессию Сибреввоен трибунала отложить слушание дела о продработниках до того времени, когда в его разбирательстве сможет участвовать руководство Тюменской губернии. Одновременно было решено послать в Тюмень шифротелеграмму с просьбой принять срочные меры для защиты арестованных продработников. Поскольку ишимцы сознавали, что Сибреввоен трибунал их просьбу не удовлетворит, было также принято решение делегировать со своей стороны на суд двух защитников, назначив в качестве таковых заместителя ишимского уездного продкомиссара Н.Ф. Карпова и Овчинкина⁹.

⁸ За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921). Сборник документов. Составитель и ответственный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2000, с.244–252.

⁹ ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.60, л.13.

¹⁰ АУФСБТюМО, ф.6491, т.1-2, л.119.

¹¹ Там же, л.120.

Как уже говорилось, открытое судебное заседание выездной сессии Сибреввоен трибунала началось 22 февраля 1921 г. В первоначальный состав суда входили В.Е. Опарин в качестве председателя, А. Марцинковский и Н.М. Романович – членов, А.А. Ганин – запасного члена, В.Д. Устьянцев – секретаря. Назначенные Сиббюро ЦК РКП(б) П.К. Коганович и Н.Ф. Преображенский, занятые более важными делами, естественно отсутствовали. Вместо первого из них на роль государственных обвинителей из Омска были присланы юристы М.А. Готлиб, Е.М. Темкин и Клюев, а защитниками стали военный следователь М.Д. Усевич и некто Талалаев. Кроме того, по просьбе Н.Г. Гуськова, заявленной от имени всех подсудимых продработников, в качестве защитников были допущены к участию в суде также Н.Ф. Карпов, Овчинкин и работавший судьей в Ишиме член РКП(б) В. Бернштам.

Первой неожиданностью для суда стало то, что после оглашения заключительного постановления отказался признать себя виновным в предъявленных ему обвинениях М.А. Лаурис, шлейф уголовных преступлений за которым тянулся еще с декабря 1919 г., когда он служил военкомом Маслянской волости. Видимо, М.А. Лаурис надеялся, что в очередной раз его возьмет под свою защиту партийно-советское руководство уезда. В то же время он посчитал нужным найти некоторые реальные, на его взгляд, оправдательные мотивы своему жестокому отношению к крестьянам при проведении продразверстки. М.А. Лаурис объяснил свое поведение категорическими приказами, поступавшими из губернского центра. Нам, продработникам, утверждал он, «угрожали из центра расстрелом, если не будет выполнена разверстка»¹⁰.

В ответ обвинитель Е.М. Темкин был вынужден ходатайствовать о допросе свидетелей, в первой половине 1920 г. занимавшихся расследованием уголовных походов М.А. Лауриса: члена уездного бюро юстиции П.Ф. Герчеса и народного следователя А.С. Масальского. Оба свидетеля подтвердили имевшиеся в заключительном постановлении конкретные факты уголовного свойства. А.С. Масальский, кроме того, дал характеристику деятельности М.А. Лауриса на продовольственном поприще. «Вообще [там], где появлялся Лаурис, – заявил он, – начиналась паника, все прятались»¹¹.

Вслед за М.А. Лаурисом отказались признать предъявленные им обвинения, за исключением отдельных частных эпизодов, Н.Г. Гуськов, М.Г. Заплетин, А.С. Крестьянников и В.Г. Соколов.

Подавляющее большинство из 42 повстанцев, отнесенных в заключительном постановлении к организаторам и руководителям мятежа, себя виновными также не признали. Одни из них заявили, что не занимали приписываемых им командных и штабных должностей, другие – что приняли участие в мятеже по настоянию своих обществ («по принуждению народа» – Г.И. Знаменщиков, «был привлечен народом» – К.В. Николаев), третьи утверждали, что повстанцами не являлись, а по распоряжению штабов и обществ выполняли обязанности писарей, секретарей, караульных, подводчиков. Нужно сказать, что эти показания далеко всегда соответствовали действительности. Но, категорически отказываясь признать себя виновными, подсудимые таким образом надеялись на смягчение своей участи судом.

Лишь семь из 42 подсудимых, входивших в первую группу, признали себя виновными. Среди них были житель Викуловской волости П.О. Щетников*), житель Чуртанской волости С.И. Ладин, два жителя Челноковской волости – В.Т. Буданов, ранее служивший председателем сельского совета д. Пороги, и А.Т. Москвин – и жители Голышмановской волости А.Г. Афонасев, Е.А. Афонасев и С.В. Стариков. Первый из этих семи подсудимых признался в том, что «караулил арестованных коммунистов», второй – был сотрудником штаба, третий – участвовал в конвоировании арестованных коммунистов в волостной центр, четвертый – в их избииении. А.Г. Афонасев сознался, что был начальником местного штаба, его сын Е.А. Афонасев – являлся командиром взвода, а С.В. Стариков – разведчиком, причем первый из них объяснил, что «действовал по принуждению», второй – «был назначен однодеревенцами после мобилизации», а третий в порядке само-

* В документах встречается и другое написание фамилии этого человека – Шетников.

защиты показал, что после бегства повстанческого штаба по собственной инициативе «выпустил воззвание о сложении оружия повстанцами».

По требованию государственного обвинителя М.А. Готлиба для доказательства предъявленных обвинений сессия реввоен трибунала заслушала показания свидетелей, в качестве которых выступили жители Викуловской волости С.М. Копеко и А.М. Парыгин. 19-летний председатель Викуловского волисполкома советов, член РКП(б) С.М. Копеко еще во время предварительного следствия указал на многих крестьян волости как участников мятежа. Здесь же он еще раз заявил, что главарями восстания в волости считает Ф.Т. Бабушкина, А.В., И.В. и В.М. Климовых, Д.С. Шадрина и М.П. Ярославцева, причем о Ф.Т. Бабушкине он сказал, что тот «открытого участия [в мятеже] не принимал, но, как кулак, бывал на собраниях». А.М. Парыгин руководителями восстания назвал погибшего В.А. Ключенко, действительно бывшего начальником волостного повстанческого штаба, Ф.Т. Бабушкина, Буракова, Стрельцова, Д.С. Шадрина, братьев В.П. и М.П. Ярославцевых.

Подавляющее большинство подсудимых из числа бывших повстанцев держало себя на суде достойно. Весьма показательно, что только двое из них – житель Викуловской волости А. Касаткин и житель Гольшмановской волости В.П. Скарედнов – дали во время заседания сессии реввоен трибунала свидетельские показания против находившихся рядом с ним односельчан. В качестве руководителей мятежа в членской волости А. Касаткин назвал И.В. Климова, Д.С. Шадрина и Г.А. Чергушкина, а В.П. Скарედнов указал на П.С. Баженова и А.И. Таскаева как на принимавших участие в аресте коммунистов.

Протокол судебного заседания сессии реввоен трибунала зафиксировал также выступления государственных обвинителей и защитников. Однако содержание их речей не было записано, кроме речи В. Бернштама. Из протокола известно, что В. Бернштам огласил несколько приказов и телеграмм Тюменского губпродкомиссара Г.С. Инденбаума и члена коллегии губпродкома Я.З. Маерса.

Приведем короткие фрагменты только из двух процитированных телеграмм, 17 и 22 декабря 1920 г. направленных Г.С. Инденбаумом на имя А.С. Крестьянникова, находившегося тогда в Петуховском районе.

«Должна быть самая беспощадная расправа вплоть до объявления всего наличия хлеба деревни конфискованным», – говорилось в первой из них.

«Не останавливайтесь ни перед чем, – требовал Г.С. Инденбаум во второй телеграмме. – [У] селений, растративших продукты, забирайте всё, оставляя их на голодной норме»¹².

Эти документы подтверждали заявление М.А. Лауриса об ультимативных требованиях губернского центра относительно выполнения продрозверстки. Суд был вынужден приобщить их к делу. На этом судебное следствие было завершено, а в заседании объявлен перерыв до следующего дня.

Однако 23 февраля, как было обещано и вопреки утвердившейся практике, сессия Сибреввоен трибунала свое заседание не возобновила. Ничего необычного в таком повороте событий искать не нужно. Напротив, взятый сотрудниками Сибреввоен трибунала перерыв хорошо понятен и легко объясним. Суд явно не справлялся с поставленной перед ним высшим партийным органом Сибири и председателем Сибревкома задачей. Судебное следствие показало несостоятельность обвинения большинства из 42 крестьян как организаторов и руководителей мятежа. Это с одной стороны. С другой – документально было установлено, что произвол продрозработников в деревне во многом был обусловлен и санкционирован директивами Тюменского губернского центра.

Скорее всего, В.Е. Опарин сообщил о возникших в ходе суда затруднениях в Сиббюро ЦК или Сибревком и получил распоряжение прибыть для более подробной информации в Омск. Во всяком случае уже 24 февраля 1921 г. его доклад был заслушан на секретном заседании Сиббюро РКП(б). Выступившие в порядке обсуждения доклада К.-Ю.Х. Данишевский, П.К. Коганович, В.В. Косиор, С.Е. Чупцаев и Е.М. Ярославский единодушно подвергли работу сессии Сибреввоен трибунала критике. Особенно резко выступил П.К. Коганович.

¹² Там же, лл.114–115, 120–122.

¹³ Сибирская Ванда, т.2, с.282.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАНО, ф. Р-1146, оп.1, д.3, л.32.

¹⁶ ГАНО, ф. П-1, оп.9, д.15а, лл.75, 77.

¹⁷ Там же, лл.54–55.

«Трибунал, – заявил он, – создает себе популярность. Создали объективный трибунал. Впечатление – суд над продовольственниками. Проба трибунала неудачна. Комбинированный процесс без пристрастия ставить нельзя. [В] результате работа сорвана»¹³.

Сиббюро ЦК приняло решение, что главной задачей сессии Сибреввоентрибунала является ликвидация восстания, поэтому карать необходимо преимущественно мятежников, прежде всего их руководителей, уличенных в убийстве коммунистов и советских работников, разрушавших железную дорогу. В то же время Сиббюро санкционировало применение репрессий против советских работников в случаях, если будет установлено «злостность и уголовный характер их служебной деятельности». В случае вынесения смертных приговоров Сиббюро ЦК предложило трибуналу их в исполнение сразу не приводить, а доводить до сведения председателя Сибревкома. Поскольку В.Е. Опарин не справился с поставленной задачей, Сиббюро ЦК поручило К.-Ю.Х. Данишевскому временно взять на себя руководство выездной сессией Сибреввоентрибунала¹⁴.

Вместе с тем председатель Сибревкома И.Н. Смирнов считал необходимым наделить В.Е. Опарина, возвращавшегося в Ишим, дополнительными полномочиями, чтобы нейтрализовать любое вмешательство в работу сессии со стороны местных властей, незаинтересованных в выяснении подлинных масштабов царившего в уезде произвола. 26 февраля В.Е. Опарин получил мандат за подписью И.Н. Смирнова, в котором говорилось, что он является «политическим уполномоченным Сибревкома по выяснению причин и обстоятельств, вызвавших недовольство крестьян, выразившееся в разрушении железнодорожных и телеграфных линий в районе Ишимского уезда». В.Е. Опарин наделялся правом восстанавливать органы советской власти, назначать и распускать исполкомы советов и ревкомы, арестовывать и предавать суду Сибреввоентрибунала и даже «давать всем местным органам ЧК оперативные задания»¹⁵.

27 февраля 1921 г. В.Е. Опарин вместе с делегацией от Омской партийной организации на X съезд РКП(б), направлявшейся в Москву, выехал в Ишим. В составе этой делегации находились К.-Ю.Х. Данишевский и Н.Ф. Преображенский. Во время совместной поездки эта «тройка» обсудила и по сути дела вынесла окончательное решение относительно результатов ишимского процесса, который оформила в виде проекта приговора сессии Сибреввоентрибунала, написанного рукой Н.Ф. Преображенского¹⁶.

В то время, пока В.Е. Опарин ездил за получением дополнительных указаний в Омск, советские войска выбили так называемую «голышмановскую пробку» и установили прямую железнодорожную и телеграфную связь Ишима с Тюменью. Возвратившиеся 26 февраля 1921 г. из Ишима в Тюмень губвоенком П.М. Хрусталева и председатель губревтрибунала, заместитель председателя губчека Н.И. Иванов доложили своему губернскому центру о том, что руководство подавлением восстания взяли на себя омские власти, а также о деятельности сессии Сибреввоентрибунала и начале ишимского судебного процесса.

Тюменцы были крайне недовольны вмешательством Омска в их компетенцию, грозившему им дискредитацией перед Москвой, и резко на него отреагировали. В тот же день председатель Тюменского губисполкома советов, член ВЦИК С.А. Новоселов и секретарь губкома РКП(б) С.П. Агтеев направили Помглавкому В.И. Шорину, председателю сессии Сибреввоентрибунала, Ишимскому уездному исполкому советов и комитету РКП(б) пространную телеграмму с протестом против действий омичей, мотивируя свою позицию соображениями формально-юридического порядка.

Далее в телеграмме говорилось: «Губисполком принимает меры [к] выяснению причин [и] виновников беспорядка [...]. Результаты ваших действий могут повлечь за собой большие осложняющие серьезное положение последствия. Категорически предлагаем приостановить действия сессии трибунала, ни в коем случае не вынося приговор, [а] имеющийся материал обвинения препроводить [в] Тюмень [в] губчека».

В случае невыполнения данного требования Омском тюменцы грозились немедленно принять меры воздействия через президиум ВЦИК советов¹⁷.

Ответная телеграмма из Омска не заставила себя долго ждать. 28 января 1921 г. ее собственноручно написал И.Н. Смирнов и отправил на имя С.А. Новоселова. Эту телеграмму можно считать образцом политического ликбеза, который старший в партийной «табели о рангах» и более эрудированный товарищ дал своему младшему коллеге, еще не усвоившему азы коммунистической этики и революционной практики. Телеграмма начиналась абсолютно нейтральным, лишенным всякой эмоциональной нагрузки словом «Сообщаю». И далее следовал тоже совершенно спокойный, но исключительно жесткий по содержанию и тем более по существу текст.

Вот его фрагмент, непосредственно относящийся к работе сессии Сибреввоен трибунала в Ишиме: «Для подавления восстания [в] Ишимском уезде, перебросившегося [в] Омскую губернию, была образована тройка [в] составе ПредСибревкома, Помглавкома и ПредСибЧека, которой были подчинены все воен[ные] силы и местные советские аппараты. По предложению ПредРевтриб[а] республики Данишевского было организовано два воен[ных] трибунала, посланные [в] Ишим и Петропавловск и действующие по директивам Сибоблбюро ЦК РКП. Привлеченные [к] ответственности продовольственники [-] уголовные преступники, совершившие насилие над женщинами и другие уголовные преступления. Считаю абсолютно недопустимым прекращение сейчас работы трибунала, действующего [в] контакте [с] военным командованием на подавлении [мятежа]». Заканчивалась телеграмма словами: «Для согласования действий прошу установить тесную связь [со] мной»¹⁸.

В Ишиме телеграмма тюменского губернского руководства была получена в ночь на 28 февраля 1921 г. Однако В.Е. Опарин, к тому времени назначенный И.Н. Смирновым чрезвычайными полномочиями, проигнорировал требование тюменцев приостановить судебный процесс. Он ограничился тем, что отправил С.А. Новоселову краткую телеграмму, в которой напомнил председателю Тюменского губисполкома советов о том, что в местностях, объявленных на военном положении, реввоен трибуналы имеют право рассматривать дела о гражданских лицах. 28 февраля в 10 часов утра В.Е. Опарин возобновил работу судебного заседания Сибреввоен трибунала. Попытка председателя Ишимского уездного исполкома И.Я. Кузьмина уговорить В.Е. Опарина прервать слушание дела и переговорить по телеграфу с С.А. Новоселовым также не увенчалась успехом¹⁹.

Для оценки того, насколько состоявшееся 28 февраля 1921 г. заседание сессии Сибреввоен трибунала отвечало нормам судопроизводства, не будет лишним привести два факта. М.Д. Усевич, фигурировавший на первом заседании в роли защитника, но не произнесший в этом качестве ни слова, на втором заседании выполнял функции секретаря сессии. Протокол заседания, длившегося почти семь часов, за составление которого отвечал М.Д. Усевич, уложился в несколько строчек, к сожалению, не дающих даже приблизительного представления о том, как разворачивались события. Вот весь текст этого протокола:

«Слово было предоставлено защитникам т.т. Бернштаму, Овчинкину и Карпову.

После речей защитников председателем было предоставлено последнее слово подсудимым, в котором подсудимые к прежде данным показаниям ничего не добавили.

Выслушав последнее слово подсудимых, трибунал удалился в совещание для вынесения приговора.

В 5 час. вечера председателем был объявлен приговор, после чего судебное заседание по настоящему делу было объявлено закрытым»²⁰.

Сессия Сибреввоен трибунала приговорила 46 подсудимых, в том числе 41 крестьянина и пять продработников (М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова, М.А. Лауриса, С.А. Полякевича и В.Г. Соколова) к высшей мере наказания. Но в отношении В.Г. Соколова, принимая во внимание его заслуги перед советской властью, приговор был сразу же смягчен и расстрел заменен лишением свободы сроком на пять лет с применением принудительных работ. 45 крестьян суд приговорил к пятилетнему условному заключению в доме лишения свободы с обязательным применением принудитель-

¹⁸ Там же, л.58.

¹⁹ ТОЦДНИ, ф.1, оп.3, д.85, лл.43–44.

²⁰ АУФСБТюмО, ф.6491, т.1–2, л.122.

²¹ Сибирская Ванда, т.2, с.304–308.

²² ТОЦДНИ, ф.1, оп.3, д.85, л.45–46. Фактически все выводы ишимского уездного руководства о негативном влиянии приговора сессии Сибреввоен трибунала на политическую ситуацию в уезде были сформулированы за два дня до окончания судебного процесса на заседании президиума уездного исполкома советов (см.: Сибирская Ванда, т.2, с.298).

²³ Там же.

ных работ. Восемь подсудимых, среди которых находилось семь крестьян и продработник И.М. Гуськов, сессия Сибреввоентрибунала признала невиновными. Приговор был объявлен окончательным и ни в каком порядке не подлежащим обжалованию²¹.

Как только был оглашен приговор сессии Сибреввоентрибунала, партийно-советское руководство Ишимского уезда немедленно запиской по прямому проводу доложило в Тюмень С.А. Новоселову о его содержании. Оно истерически утверждало, что «этот приговор парализовал работу всех аппаратов продорганов. Ожидающая очереди [суда] другая партия [арестованных продработников] потеряла всякое самообладание. Приговор на всех местных работников произвел удручающее впечатление»²².

Безусловно, такая эмоциональная оценка была верна только отчасти. На самом деле у ишимских руководящих деятелей после первых же разговоров с В.Е. Опариным существовали опасения, что на скамье подсудимых окажутся не только продработники, но и они сами. Поэтому они умоляли С.А. Новоселова «делайте, что можете», настойчиво просили его оказать давление на Омск и даже на Москву²³.

Полтора часа спустя после окончания заседания суда сам В.Е. Опарин секретной телеграммой проинформировал И.Н. Смирнова о «статистических результатах» судебного процесса²⁴. По поручению И.Н. Смирнова В.Е.Опарину сразу же ответил управляющий делами Сибревкома Л.А.Данцис. В его телеграмме говорилось: «Сиббюро находит целесообразным применить высшую меру лишь в отношении продовольственника Лауриса, остальным считает возможным дать меньшую меру наказания». Если понимать этот текст буквально, то по сути дела В.Е. Опарину было предложено после окончания суда внести изменения в вынесенный и публично оглашенный приговор. Под «остальными», разумеется, имелись в виду только продработники, а отнюдь не 41 крестьянин, судьба которых абсолютно никого из руководителей всех уровней и рангов не интересовала. Отметим также, что в действительности никакого заседания Сиббюро ЦК с обсуждением возникшей ситуации не проводилось. В телеграмме Л.А.Данциса от В.Е. Опарина требовалось после осуществления этой манипуляции сообщить «в Тюмень и нам окончательный приговор», но не приводить его в исполнение «до нашего разрешения». Кроме того, В.Е.Опарину вменялось в обязанность после приведения приговора в исполнение «вернуться в Омск, передав дальнейшую работу тюменским органам»²⁵.

Судя по всему, В.Е. Опарин, как минимум, был удивлен полученному через Л.А. Данциса указанию. Вместо его исполнения он срочно передал И.Н. Смирнову полный текст вынесенного приговора, а также напомнил ему о том, что проект приговора написан Н.Ф. Преображенским и утвержден председателем реввоентрибунала республики К.-Ю.Х. Данишевским²⁶. Тогда И.Н. Смирнов ответил В.Е. Опарину новой телеграммой, в которой говорилось: «Приговор в отношении Крестьянникова, Заплетина и Полякевича приведением [в] исполнении приостановить. Возбуждаю ходатайство перед ВЦИК о смягчении [меры наказания]. Остальное приемлемо». Копию своей телеграммы И.Н. Смирнов направил для сведения в Тюмень С.А. Новоселову²⁷.

1 марта 1921 г. И.Н. Смирнов по прямому проводу обратился к председателю ВЦИК М.И. Калинину с просьбой смягчить приговор реввоентрибунала в отношении М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова и С.А. Полякевича, заменив им высшую меру наказания лишением свободы с применением принудительных работ²⁸. В тот же день В.Е. Опарин доложил о вынесенном приговоре председателю реввоентрибунала республики К.-Ю.Х. Данишевскому, откуда сразу же получил распоряжение приостановить исполнение приговора в отношении М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова и С.А. Полякевича. Не дожидаясь положенных по закону 48 часов после оглашения приговора, В.Е. Опарин 1 марта 1921 г. отдал приказ Ишимскому политбюро привести его в исполнение. В 23 1/2 часа все остальные осужденные, приговоренные к высшей мере наказания, были расстреляны²⁹. Скупая информация о результатах судебного процесса была опубликована сначала в местной уездной газете, а полмесяца спустя – в «Советской

²⁴ ГАНО, ф. П-1, оп.9, д.15а, л.64.

²⁵ Там же, л.71.

²⁶ Там же, л.77.

²⁷ Там же, лл.59–62, 70а; ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.277, л.38.

²⁸ ГАНО, ф.п.-1, оп.9, д.15а, л.70.

²⁹ АУФСБТюмО, ф.6491, т.1–2, лл.128–130; т.3, л.365.

Сибири». Предложение В.Е. Опарина напечатать текст приговора в виде листовки для широкого распространения среди населения И.Н. Смирнов отверг как нецелесообразное³⁰.

Иначе складывалась судьба большинства тех продработников, которые вынудили крестьян взяться за топоры и вилы. Оправданный по суду И.М. Гуськов продолжал находиться на «продовольственном фронте». В июне 1921 г. он стал членом коллегии Тюменского губпродкома и прослужил в этой должности до февраля 1922 г. С апреля 1922 г. он являлся заместителем наркома продовольствия Башкирии, а в августе того же года перешел на работу в систему наркомата внутренней торговли³¹.

Приговоренный к пяти годам лишения свободы В.Г. Соколов умер в Тюменском исправительном доме в конце весны или в начале лета 1921 г.

Что касается М.Г. Заплетина, А.С. Крестьянникова и С.А. Полякевича, то в начале марта 1921 г. Тюменский губисполком советов получил распоряжение председателя ВЦИК М.И. Калинина переслать их дело в президиум ВЦИК³². Так и было сделано. Из президиума ВЦИК оно поступило в реввоен трибунал республики. Военный следователь-докладчик реввоен трибунала республики Дьяконов, рассмотрев имевшийся по делу следственный материал, 5 апреля 1921 г. подготовил заключение, в котором пришел к выводу, что «все пункты обвинения доказанными». Кроме того, Дьяконов при подготовке заключения счел нужным учесть мнение председателя реввоен трибунала Сибири В.Е. Опарина, который в своем докладе специально отметил, что «приостановление этого приговора в отношении трех вышеуказанных лиц может принести с собой нежелательные последствия, так как тамошние красноармейцы и все население вообще, терроризированные обвиняемыми, будут крайне недовольны отменой приговора». Состоявшееся на следующий день распорядительное заседание реввоен трибунала республики согласилось с представленным Дьяконовым заключением, оставив в силе приговор сессии Сибреввоен трибунала³³.

Судя по всему, приговоренные к высшей мере наказания продработники каким-то образом узнали об отрицательном отношении Москвы к их амнистии. Чтобы спасти свои жизни, они стали настойчиво взывать о помощи к губернскому руководству, которое в принципе им всегда сочувствовало. В одном из своих писем на имя С.П. Аггеева, С.А. Новоселова и председателя губчека П.И. Студитова они обратились к тюменскому начальству с просьбой решить вопрос «местными силами». Любопытна логика, которой при этом руководствовались заключенные, уговаривая своих товарищей по партии поступить подобным образом. В одном случае они вполне резонно писали так: «...И если это будет юридически не совсем законно, зато по крайней мере по закону революционной совести»³⁴. В другой раз бывшие продработники задали тюменскому руководству такой вопрос: «...Неужели в губернии не могут сделать всё, хотя бы это и нелегально было, [чтобы осуществить] наше освобождение?»³⁵.

Нужно признать, что руководители Тюменской губернии не оставались равнодушными к судьбам осужденных продработников. Но добиться отмены вынесенного им «расстрельного» приговора они не могли в течение нескольких месяцев. Возможно, этому препятствовала корпоративная солидарность ревтрибунальцев, считавших, что приговор в Ишиме вынесен обоснованно и противившихся его пересмотру. Не исключено, что невольным противником амнистии ишимских продработников, сам того не подозревая, стал В.И. Ленин. Как известно, 15 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) В.И. Ленин – видимо, основываясь на информации, предоставленной ему К.-Ю.Х. Данишевским и Е.М. Ярославским, – заявил, что «ряд тюменских продовольственных работников был расстрелян за порки, пытки, изнасилования и другие уголовные преступления»³⁶. Поэтому настойчиво добиваться от Москвы амнистии тех, о ком В.И. Ленин публично заявил как о вполне заслуженно расстрелянных, было политически некорректно и даже небезопасно.

Но летом 1921 г. ситуация изменилась. Советский продовольственный аппарат, понесший весной большие кадровые потери, остро нуждался в проверенных людях, имевших опыт принудительных заготовок. Особенно

³⁰ ГАНО, ф.п.-1, оп.9, д.15а, лл.89, 104; *Серп и молот (Ишим)*, 6 марта 1921 г.; *Советская Сибирь (Омск)*, 16 марта 1921 г.

³¹ РГАЭ, ф.1943, оп.17, д.9823, лл.1–2;

³² ГАТюмО, ф.р.-2, оп.1, д.153, л.35.

³³ АУФСБТюмО, ф.6491, т.3, лл.373–374; РГВА, ф.24640, оп.1, д.4, л.286.

³⁴ ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.276, л.149.

³⁵ ТОЦДНИ, ф.1, оп.2, д.69, лл.4–5.

³⁶ *Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с.437.*

³⁷ РГАЭ, ф.1943, оп.2, д.2842, л.1.

³⁸ ГАТюмО, ф.р.-2, оп.1, д.153, лл.58, 120.

³⁹ ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.254, л.102.

большой дефицит сотрудников испытывал Тюменский губпродком, который во время мятежа потерял около двухсот ответственных работников³⁷. Используя возникшую ситуацию, Ишимский уездный и Тюменский губернский исполкомы советов стали бомбардировать ВЦИК ходатайствами о пересмотре приговора, вынесенного М.Г. Заплетину, А.С. Крестьянникову и С.А. Полякевичу. При этом они совершенно не стеснялись откровенно дезинформировать центр. Так, в одном из обращений губернского исполкома во ВЦИК утверждалось, что дело ишимских продрработников «было рассмотрено односторонне», большинство предъявленных им обвинений «не соответствует действительности», некоторые проступки «приписаны им совершенно ложно» и т.п.³⁸.

Одновременно партийно-советское руководство Тюменской губернии обратилось в Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком с письмом, в котором предприняло попытку обелить осужденных и, напротив, дискредитировать реввоен трибунал Сибири.

«Решение Сибвоен трибунала, – говорилось в этом документе, – внесенное (так в тексте. – В.Ш.) в обстановке крайнего политического напряжения в Ишимском уезде, по глубокому убеждению губкома и губисполкома, подтвержденному губернской контрольной комиссией РКП, ни в коей мере не соответствует преступлению перечисленных товарищей, вся вина которых заключается лишь в том, что они были подневольными исполнителями тяжелого нажима сверху»³⁹.

Все это возымело действие. 6 июля 1921 г. президиум ВЦИК принял решение удовлетворить ходатайство о замене М.Г. Заплетину, А.С. Крестьянникову и С.А. Полякевичу расстрела пятью годами лишения свободы с применением принудительных работ⁴⁰. В конце этого же месяца президиум ВЦИК дал согласие на освобождение А.С. Крестьянникова из заключения под поручительство Тюменского губкома РКП(б). Постановлением Тюменского губернского рев трибунала от 17 августа 1921 г. под поручительство местного губпродкома были освобождены из-под стражи М.Г. Заплетин и С.А. Полякевич⁴¹.

В августе 1921 г. все они вновь оказались на руководящих должностях в Тюменском губпродкоме. Более того, «за особые труды и энергию», проявленные при сборе продналога 1921\1922 гг., А.С. Крестьянников и С.А. Полякевич были поощрены руководством. Кроме того, определением Тюменского губернского рев трибунала от 26 июля 1922 г. они были полностью освобождены от наказания. После этого С.А. Полякевич по семейным обстоятельствам уволился со службы и покинул Тюмень⁴². А.С. Крестьянников же проработал на различных ответственных должностях в Тюменском губпродкоме до конца мая 1923 г. и, по оценке руководства, за эти годы «проявил себя в высшей степени энергичным и добросовестным работником», неоднократно поощрялся за «блестящее проведение [продовольственных] кампаний»⁴³.

Можно утверждать, что ишимский судебный процесс имел ярко выраженный политический – или, говоря другими словами, заказной – характер. Он был организован по инициативе и ставился по сценарию большевистского руководства, отнюдь не стремившегося к выявлению подлинных причин разыгравшейся на просторах Зауралья и Казахстана кровавой трагедии и к наказанию виновных в ней. Этот суд был скорым и несправедливым по отношению к значительной части ишимских крестьян, поднявшихся на защиту своей собственности и человеческого достоинства от государственного произвола и насилия. Что касается продрработников, то по отношению к ним этот процесс оказался не торжеством правосудия, а пародией на него. Главным результатом ишимского судебного спектакля явилась демонстрация правильности проводимой РКП(б) политики, прочности коммунистического режима и его непобедимости в борьбе с внутренней контрреволюцией. Будучи открытым и показательным по форме проведения, он оказал деморализующее влияние на настроение и поведение поднявшегося на вооруженную борьбу с коммунистами населения.

⁴⁰ АУФСБТюмО, ф.6491, т.3, л.376; ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.276, л.88.

⁴¹ ГАТюмО, ф. Р-2, оп.1, д.153, л.128; ф.р.-11, оп.1, д.2043, л.1.

⁴² ГАТюмО, ф. Р-11, оп.1, д.1040, л.4; д.1428, л.15; д.2043, лл.28, 30; РГАЭ, ф.1943, оп.2, д.584, л.51; д.586, л.49; оп.17, д.18536, л.1; д.28066, л.1.

⁴³ ГАТюмО, ф.р.-11, оп.1, д.1428, л.38.

Первая публикация: сборник «Крестьянство восточных районов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.)» (Ишим, 2006).

Недостаток вооружения как одна из причин неудачи восстания 1921 года

Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года является ещё не до конца изученной и проанализированной темой. Даже количество участников восстания оценивается по-разному – от 30 до 150 тысяч, но чаще всего называют 100 000 человек. Восстанием были охвачены Омская, Тюменская, частично Екатеринбургская губернии, всего около 1,5 млн. км².

Таким образом, и по количеству участников, и по охвату территории Западно-Сибирское восстание является самым масштабным антибольшевистским выступлением за всю историю Гражданской войны в целом. Но, несмотря на это, оно было относительно быстро подавлено частями РККА, частями особого назначения, местных коммунистов. Уже в августе последний открытый очаг сопротивления был ликвидирован, и те из повстанцев, что решили продолжать борьбу либо не хотели сдаваться, перешли к партизанской тактике небольших мобильных отрядов по 20-40 человек, местами дислоцирования которых стали не сёла, а отдалённые пахотные и лесные избы, т.е. постройки, в которых жили пахари во время полевых работ, а также охотники во время промысла. Помимо отсутствия единого командования повстанцам катастрофически не хватало вооружения и боеприпасов.

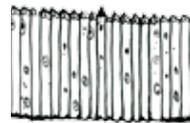
Итак, чем же были вооружены сибирские крестьяне, для подавления восстания которых были привлечены 4 бронепоезда, сотни пулеметов, десятки артиллерийских орудий и от 40 до 50 тысяч хорошо вооружённых красноармейцев, коммунистов, советских работников?

1) Сохранившиеся в каждой волости винтовки, привезённые с фронта солдатами Русской императорской армии в 1917-1918 гг. В большинстве случаев это были трёхлинейные винтовки Мосина; обычно солдаты к винтовке привозили ещё и 100-200 патронов. Данный фактор позволял использовать повстанцам захваченные у красноармейцев боеприпасы, или «огнеприпасы».

2) Скрытое после Гражданской войны оружие. Поскольку многие крестьяне были мобилизованы в армию Колчака, то часть их дезертировала, забирая с собой выданные им винтовки. Это были образцы, что поставлялись Колчаку, а именно 7,71 мм британские винтовки «Ли Энфильд», 6,5-мм японские винтовки и карабины «Арисака» разных моделей, 8-мм французские винтовки «Лебель». Все эти винтовки объединяло одно: после последнего выстрела эти винтовки превращались в бесполезный металл, т.к. патронов данных калибров в Сибири невозможно было найти, а красноармейцы в 1921 году из стрелкового оружия иностранного производства пользовались в основном только пистолетами и пулемётами. Также у повстанцев можно было встретить винтовки Мосина, произведённые в США по лицензиям и заказам ещё царского правительства и поставленные Колчаку. Они отличались отвратительным качеством металла и ненадёжностью механизмов.

3) Оружие, отобранное у продовольственных отрядов и милиции – здесь также встречались образцы различных систем, но в основном это были винтовки Мосина.

4) Охотничьи ружья, однозарядные 10,67-мм винтовки системы Бердана. Данное оружие, заряжаемое дымным порохом, при каждом выстреле демаскировало стрелка пороховым облаком, к тому же дальность боя этого

<i>Выступление против Советской власти</i>	<i>Примерная численность и силы участников восстания</i>	<i>Примерная численность и силы подавляющих восстание</i>	<i>Примерные потери восставших, человек</i>	<i>Примерные потери частей и соединений, подавляющих восстание</i>	<i>Соотношение потерь в соотношении красноармеец: восставший</i>
<i>Кронштадский мятеж</i>	<i>18 000 человек, 140 орудий, 100 пулемётов</i>	<i>24 000 человек, 159 орудий, 433 пулемёта, 25 самолётов</i>	<i>1 000 погибло, более 2000 расстреляно позднее</i>	<i>Около 500 человек</i>	<i>1:2</i>
<i>Тамбовское крестьянское восстание</i>	<i>50 000 человек, 25-30 пулемётов, 5 орудий</i>	<i>55 000 человек, 460 пулеметов, 63 орудия, Бронеавтомобили, Авиаотряды, Химические отряды</i>	<i>Более 11 000</i>	<i>6 000 красноармейцев и коммунистов</i>	<i>1:3</i>
<i>Западно-Сибирское крестьянское восстание</i>	<i>100 000 человек, от 11 пулемётов, 4 орудия</i>	<i>50-60 000 человек, не менее 300 пулемётов, не менее 50 орудий</i>	<i>Около 30-40 000</i>	<i>Около 10 000 красноармейцев, коммунистов, советских работников</i>	<i>От 1:4 до 1:10</i>

оружия несопоставима с дальностью боя винтовок красноармейцев. Но не стоит забывать о том, что у населения было достаточно большое количество пороха, и охотничьи ружья были единственным видом огнестрельного оружия, к которому повстанцы могли самостоятельно отливать пули и снаряжать патроны.

5) Из-за большого количества участников восстания и острейшей нехватки огнестрельного оружия активно использовалось такое холодное оружие, как вилы, пики, сделанные из боронных зубов, и другие примитивные предметы. Какой-либо боевой ценности вооружённый таким оружием человек в огневом боестолкновении XX века из себя не представлял, лишь в очень редких ситуациях, обладая фактором внезапности, можно было нанести противнику какой-либо урон.

6) Мизерное количество боеприпасов было настоящей бедой для всех повстанческих отрядов. Боеприпасами служили патроны, оставшиеся после Гражданской войны, и патроны, отобранные у продотрядов и милиции. Самого ходового русского винтовочно-пулемётного 7,62-мм патрона остро не доставало, так как сибирские повстанцы, в отличие от антоновцев в Тамбовской губернии, а тем более в Кронштадте, не захватывали крупных складов оружия и боеприпасов фронтового и армейского значения.

7) Говоря об орудиях, которые были у повстанцев, стоит упомянуть четыре 76,2-мм дивизионных пушки, или, как их еще называли – «трёхдюймовки», захваченные в Петропавловске. Захват орудий отнюдь не обеспечивал их эффективное использование, т.к. требовались опытные расчёты, и, самое важное, боекомплект. А с ним были точно такие же трудности, как и с патронами – можно было рассчитывать лишь на то, что захватили. В отличие от антоновцев, у сибирских повстанцев не выявлено создание артиллерийских расчетов и распределение орудий по крупным отрядам.

8) Исходя из документов, можно сделать вывод, что у повстанцев было минимум 11 пулемётов. 4 пулемёта было захвачено при ликвидации отряда Петра Шевченко, причём, судя по тому, что в отчёте о проведении данной операции упоминается «большое количество пулемётных лент», можно сделать вывод о том, что это были станковые 7,62-мм пулемёты Максим. Ещё 6 пулеметов досталось повстанцам в с. Ярково, когда на их сторону перешли две роты Казанского полка «с 2 пулемётами Максима и 6 пулеметами Шоша, а также гранаты». (Позже будет упомянуто, как повстанцы из Ярковского района сдались, принеся с собой винтовки, гранаты и пулемёты – те самые, что взяли у красноармейцев). Пулемёт Шоша – оружие

Источники:

1. Сибирская Ван-
дея. Составитель и
научный редактор
В.И. Шишкин. М.,
2001, т. 2 (1920–
1921).

2. ГА в г. Ишиме.
Ф.2. Оп. 1. Д. 114.
Л. 63.

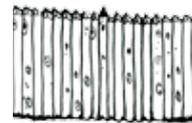
3. ГА в г. Ишиме.
Ф.18. Оп. 1. Д. 5, 7.

крайне ненадёжное, спустя целый век после Первой мировой до сих пор считается худшим пулемётом XX века, потому приобретение для повстанцев – весьма сомнительное. Также в документах упоминается, что одна из «банд» сдалась в полном составе и «при пулемёте». Конечно, на самом деле у повстанцев было больше пулемётов, счёт шёл на десятки штук, но это, учитывая масштабы Сибири, не могло заметно повлиять на соотношение сил противоборствующих сторон.

С момента начала боевых действий стало ясно огневое превосходство РККА и различных советских частей, и оно только увеличивалось. Знание местности и поддержка местного населения давали повстанцам серьёзные тактические преимущества, но на стратегическом уровне уже ничего не могли изменить. Военные хитрости крестьян, вроде имитации звука пулемёта трещотками, вмороженных в землю перевёрнутых борон не могли заменить оружие и боеприпасы. Часто при подходе к занятому противником селу красноармейцы разворачивали 3-4 пулемёта, которые, обладая скорострельностью 600 выстрелов в минуту и достаточным боекомплектом, за несколько минут «обрабатывали» крыши и чердаки, окна, с которых вели огонь повстанцы, а затем прикрывали наступление пехотинцев. Когда же по селу или деревне открывали огонь орудия, всё заканчивалось ещё быстрее, но здесь к боевым потерям добавлялись разрушенные и загоревшиеся дома, а также убитые среди мирного населения (женщины, дети).

Вышеописанное можно назвать не боем, а убоем, убоем сибирских мужиков, не пожелавших отдать хлеб, выращенный своими руками. Соотношение потерь красноармейцев и восставших было 1:7, 1:10, иногда упоминалось соотношение 1:15 и даже 1:25. В отчётах встречаются такие строки: «...наши пулемёты били в упор ...бандиты выбегали из изб по 10-15 человек ...потери у них были огромные». Первоначально во многих отрядах повстанцев была одна винтовка на 5, а то и 10 человек, и недостаточное количество патронов. Так, при ликвидации отряда Шевченко было захвачено 10000 патронов, но много ли это или мало? Стандартную ленту на 250 патронов «Максим» при непрерывной стрельбе расходовал всего за 25 секунд! Нормой того времени был расход патронов при интенсивном бое до 8000 патронов в сутки. Т.е., допуская возможность сопротивления отряда Шевченко в окружении, патронов бы ему хватило на 2-3 дня, после этого бы все четыре пулемёта замолчали, и окружённых можно было легко перебить. В других же отрядах ситуация с боеприпасами была ещё хуже. Именно этим, а не только жестокостью, объясняется, почему пленных коммунаров убивали преимущественно холодным оружием.

Не талант краскомов и храбрость красноармейцев позволяли наносить восставшим поражение за поражением, а самая банальная нехватка у последних винтовок и патронов. Поэтому-то в Сибири, в отличие от Тамбовщины, большевикам не понадобились ни авиаотряды, ни броневые автомобили, ни химическое оружие. С другой стороны, наличие на руках у населения, обладающего достаточным боевым опытом, тысяч стволов и определённого количества боеприпасов, подкреплённое бережливостью и запасливостью русского мужика, заставляло власть принимать меры по изъятию этого оружия. Поэтому объявлялись двухнедельники явок с повинной, когда взамен сданного оружия крестьянина не подвергали репрессиям; создавалась система доносительства, когда одни сельчане за продовольственный паёк рассказывали, где и кто прячет оружие. А прятали его достаточное количество, многие винтовки из-за своей длины в 1,60 м превращались в «обрезы», которые называли после «мечтой кулака». Немалое количество стволов навсегда осталось в лесных схронах – для железа среда в Западной Сибири достаточно агрессивная, и при отсутствии ухода в течение 3-5 лет винтовки ржавели, патроны отсыревали, хранить же дома такое вооружение для большинства было слишком рискованно. В приказе Тюменского губкома говорилось: «Губернский исполнительный комитет напоминает гражданам губернии, что советская власть и в этом вопросе так же, как это было при уничтожении бандитизма, будет тверда и непоколебима в своих обещаниях, пока последняя винтовка, револьвер и шашка не будут сданы государству».

Оружие восстания - из фондов Ишимского историко-художественного музея

Револьверы «Булдогоз». Найдены в Ишиме в 1990-х гг.

Ржавый механизм 7,62-миллиметровой винтовки Мосина. Найден в Ишиме.

Обрез из 10,67-миллиметровой винтовки Бердана.

Револьвер Лефоше. Найден в Ишиме в 1990-х гг.

Большое количество игольчатых штыков обнаруживается повсеместно.

Ручная граната Рдултовского образца 1914 г. Клеймо: «Северное техническое товарищество, г. Петроград». Обнаружена в Ишиме на ул. Ленина.

Корпус гранаты системы Милса. Такие поставлялись в армию Колчака англичанами.

Гильза 76-миллиметрового (трёхдюймового) осколочного снаряда. Найдена 18 августа 2016 г. на территории Ишимского винно-водочного завода.

Повседневная жизнь ишимцев в годы Великой Отечественной войны

Чем дальше от нас годы Великой Отечественной войны, тем сложнее представить, какие бытовые проблемы скрываются за привычной формулировкой «тяготы военного времени».

В предвоенное полугодие*

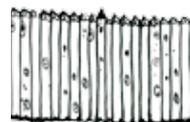
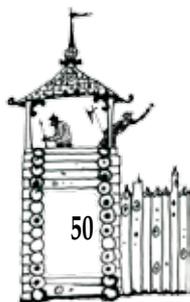
* Очерк написан на основе архивных материалов: ГА в г. Ишиме. Ф. 752. Оп. 1. Д. 111.

За предвоенное полугодие 1941 года, до 22 июня включительно, исполнительный комитет Ишимского городского Совета депутатов трудящихся Омской области провёл 19 заседаний, на которых депутаты слушали доклады и принимали решения по вопросам здравоохранения, образования, благоустройства и развития города, формирования бюджета и многим другим.

Практически в каждом протоколе заседаний упоминается жилищный вопрос. Весной 1941 года в Ишиме насчитывалось «до 40 000 населения», при этом домовый фонд города насчитывал по «частновладельческому сектору 3370 строений, и по обобществлённому 534 строения». Поэтому жилищной площадью обеспечить всех желающих и нуждающихся в ней просто не могли. В первую очередь жильё предоставляли семьям солдат и офицеров РККА, так 17 января 1941 г. исполком решил, что «в связи с тем, что семья кр-ца тов. Ревякина живёт на частной квартире в холодной и сырой обзятать нач. ГЖУ тов. Пуганова предоставить последней квартиру в порядке красноармейской очереди». Уже 24 апреля 1941 г. на заседании руководитель ГЖУ заявил, что «несмотря на тяжёлые квартирные условия в городе, решение Исполкома горсовета со стороны ГЖУ выполнено, особенно по обеспечению квартирами красноармейских семейств».

Активно шло выселение граждан, которые доводили предоставляемое им жильё до антисанитарного состояния, наносили прямой ущерб помещением. «За антисанитарное состояние квартиры, за игнорирование распоряжений домоуправляющего 3-го участка товарища Гельд, выселить из квартиры гражданина Анисимова Е.Г. за убой скота на квартире, дело передать в следственные органы для привлечения виновных к ответственности». «За нарушение установленных правил внутреннего распорядка (стирка белья в комнатах, неотопление кухни) за разрушение здания, предложить начальнику горжилуправления тов. Пуганову кухню изъять под квартиру жильцам». «Слушали акт комиссии ГЖУ о нарушении внутренних правил квартирному распорядку со стороны жильца Манкова, который держал телёнка в комнате». «Ветврач Маругина в течение зимы не отапливала комнату, чем подвергла её размораживанию, сгноила угол в кухне, ввела корову в кладовую квартиры, где держала её в течение зимы, испортила крашеный пол, изрубила его».

Также выселению подлежали и те, кто превращал предоставленное им жильё в дополнительный источник дохода: «Учитывая тяжёлые квартирные условия в г. Ишиме, что ряд специалистов, рабочих стахановцев находится без квартир, а гр. Устинова по ул. Сталина № 57, занимает квартиру из 2-х комнат 18 квадратных метров, гр. Устинова нигде не работает с апреля 1939 года, она пускает к себе на уплотнение жильцов с целью материальных выгод. Выселить из квартиры коммунального хозяйства».

Предвоенный Ишим. Вид с балкона педагогического училища (ныне - ул. им. Ленина, 1). 1938 г. Архив Н.П.Хрулёва.

Непростой была и эпидемиологическая ситуация в городе, вспышки различных болезней требовали быстрых и решительных мер со стороны исполкома. Так, 29 января 1941 г. по решению депутатов «протокол о борьбе с возникновением сыпного тифа утвердить и опубликовать в печати». Вскоре выяснится «об отсутствии в эпидемических отделениях белья» и придётся «отпустить для вышеуказанных целей мануфактуру на сумму 2500 рубл. и систематически отпускать для ГорЗдрава хозяйственного мыла». Количество заболевших тифом явно росло, так как через месяц, 28 февраля 1941 г. в протоколе заседания отмечается: «В связи с наличием тифозных заболеваний по городу и окружающим районам, а также отсутствием топлива в городской бане, санпропускнике, что не даёт возможности производить помывки трудящихся и дезинфекцию их одежды и усугубляет положение борьбы с тифом...».

В конце февраля депутаты исполкома решили «обязать дирекцию школы ФЗО № 3 отвести помещение для изолятора школы, т.к. имеются случаи заболевания чесоткой». Осуществлялось прививание местных жителей: «При проведении мероприятий профилактических прививок против дифтерии выделить по одному санитарному уполномоченному от каждого квартала и закрепить таковых на весь 1941 год. Поручить санинспекции провести инструктаж с выделенными товарищами. Прививки начать с 15 января 1941 г. и окончить к 1 марта 1941 г. Прививки по городу должны быть проведены детям от одного года до 8 лет. Обязать санинспектора тов. Коровкина провести массово разъяснительную работу через газету «Серп и молот» и радио». Стоит заметить, что в дальнейшем, когда в городе разместят тысячи эвакуированных, что приведёт к скученности людей, эпидемиологическая ситуация в городе значительно ухудшится.

Перед тем как рассмотреть работу по благоустройству города, необходимо выяснить, как обстояла ситуация с формированием городского бюджета. Дело в том, что с финансами в 1941 году начались серьёзные проблемы, так как «решением Облсовета от 20.01.1941 г. (протокол № 52) отчисление от налога с оборота с 1 января 1941 г. в горбюджет прекращено, а поэтому... установленную сумму дохода от налога с оборота 118,4 т.р. из кассового плана исключить, покрыв разрыв за счёт увеличения следующих источников дохода:

- Земельная рента на - 12,0 т.р.
- Налог со скота - 10 т.р.
- Культсбор с частных лиц - 3 т.р.
- Отчисления займа - 20 т.р.
- П. налог - 20 т.р.
- С частных лиц - 5 т.р.
- И остаток бюджетных средств на 1.1.1941 - 29,3 т.р.
- Итого: 99,3 т.р.
- Сократить по расходам:
- Возврат парикмахерским изъятый излишек оборотных средств - 3,2 т.р.

Базарному управлению - 5,0 т.р.

ГорОНО по зарплате учителям - 12,3 т.р.».

Это привело к тому, что при составлении кассового плана на 2-й квартал 1941 г. ГорФО «по доходам и расходам в сумме 1074,1 т.р. и 1377,1 т.р.» приняли решение «просить Облисполком образовавшийся разрыв в сумме 302,2 т.р. покрыть за счёт процентного отчисления от налога с оборота». Облисполком ответил отказом, и уже в июне не нашлось денег, чтобы своевременно выплатить учителям их «отпускные».

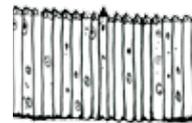
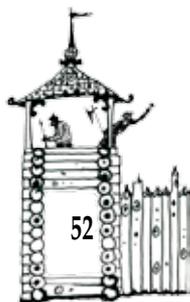
Тем не менее, власти обустроивали город как могли. «Считать целесообразным организовать похоронное бюро при стройконторе для чего обязать начальника стройконторы тов. Салкина произвести подготовку требующегося материала, рабочей силы и начать функцию последнего не позднее 20 января 1941 года. Поручить ГЖУ тов. Пуганову предоставить подходящее помещение под похоронное бюро». 17 января депутаты исполкома решили: «правила уличного движения на 1941 г. утвержденные Облисполкомом отпечатать в типографии брошюрами для распространения. Дислокацию расстановки дорожных знаков по городу на 1941 год утвердить. Обязать начальника ГКХ тов. Соколова осуществить расстановку дорожных знаков по городу к 1 мая 1941 года». На этом же заседании принимают решение «имеющийся ресторан при столовой школы ФЗО № 3 закрыть, а открыть общедоступную столовую, работу которой по обслуживанию населения города производить в свободные часы от обслуживания учащихся школы».

Улучшали и городской сад на берегу реки Ишим. Так, в протоколе от 7 февраля можно встретить следующие меры: «1. Площадь с помещением, ранее выделенную из территории горсада для общества «Спартак» как неиспользованную вернуть для расширения горсада. 2. Обязать директора горсада произвести ремонт помещения, привести в культурный вид для летнего клуба. Восстановить полностью ограду. 3. Проезд между садом и рекой Ишим закрыть. Спланировать берег и организовать водную станцию».

Следует отметить, что облисполком часто выделял средства, необходимые городу, когда затрагивались и интересы области. Так, 14 марта ишимские депутаты запросили 200000 рублей на строительство моста: «Река Ишим из года в год отрезает ряд районов и сёл во время весеннего половодья, что не даёт возможности перевозки посевных материалов, горючего, машин. Совершенно отрезает город и районный центр и ж.д. узел на три месяца от непосредственного руководства и связи с рядом районов и сёл. Из средств бюджета ежегодно тратятся огромные средства на строительство временных мостов 30-35 тыс. рублей. В 1941 г. в связи с открытием военных лагерей необходимость постройки постоянного моста через р. Ишим т.к. переправа воинских частей будет совершенно не обеспечена, что отразится на работе последних». При этом власти города не спешили расставаться с тем, во что вкладывали деньги: «передачу городского сада колхозно-совхозному театру считать нецелесообразным, т.к. вложено 50000 городских денег, а театр областного подчинения».

Про внешний вид Ишима не забывали никогда. Так, 30 мая разрешили «начальнику горкомхоза тов. Орлову в порядке позаимствования взять из средств выпасного хозяйства до 30000 р. на благоустройство города». При этом весь фонд зарплаты выпасного хозяйства на сезон 1941 г. составлял 55689 рублей. Убытков городу в 1941 г. существенно добавило сильное разлив реки Ишим, в результате торфозаготовки были залиты, на осушительные работы потребовалось 70000 рублей. Таким образом, всё первое полугодие 1941 года бюджет Ишима испытывал острый дефицит средств, покрыть который за счёт повышения местных налогов получилось лишь частично.

Большой интерес вызывают заявления граждан на самые разные темы: отмена штрафов, материальная помощь, улучшение жилищных условий и др. Подчас весьма неплохо через эти заявления и реакцию на них просматриваются внешняя политика и идеология государства. Так, 10 января 1941 г. депутаты решили «что тов. Карасёв И.К. ранее до ухода в армию работал на мясокомбинате в качестве грузчика, был контужен во время операций в Северной Буковине. Просить профсоюз и администрацию мясокомбината оказать тов. Киселёву материальную помощь в отправке его на лечение».

Наводнение на реке Ишим. Вид от горсада на ул. Береговая. 1941 год (?). Фоторепродукция Г.П.Кузурманова.

*** Очерк написан на основе воспоминаний ишимцев и архивных материалов: ГА в г. Ишиме. Ф. 752. Оп. 1. Дд. 3, 4, 5, 6, 9, 111.*

7 февраля решили «возбудить ходатайство перед Облисполкомом о назначении персональной пенсии гражданину Салтанову В.М., как участнику ленских событий 1912 года». Обращает на себя внимание и то, что на этом же заседании депутаты отказались другим в повышении пенсии, понижении наследственной пошлины, освобождении от сборов.

Депутаты исполкома периодически проверяли работу предприятий и учреждений города, и, если выявляли серьезные на-

рушения, передавали дела в следственные органы. Так, 2 февраля 1941 г. были заслушаны результаты проверки артели им. Коминтерна:

«1. Брак выпуска продукции (хлеб) принял систематический характер, испорчено хлеба только в период ноября декабря месяцев в количестве 1900 кг. Убыток нанесён на сумму 418 руб.

2. ...имеются случаи запечки стекла в хлеб, ножа, окурка, верёвки и т.д., что вызывает справедливые нарекания потребителя.

3. Бухгалтерией артели производились незаконные наценки на материалы по складу до 300 %, например, гвозди стоимостью 3 р. 75 коп. при строительстве своей же табачной фабрики отпускались по 9 р. 65 коп. за кг, известь вместо 29 коп. по 39,5 коп. за кг.

...Убыток списать на артель. Дело передать в следственные органы для возбуждения уголовного дела».

По ишимским меркам того времени гигантские хищения были вскрыты в организации ГОРТОПа: «...произведено разбазаривание средств через чёрную кассу помимо Госбанка 100,7 т.р. Разбазаривание денежных средств производилось путём бесконечных авансов в подотчет деньгами и продовольственными и промышленными товарами. (Агапетов получил за 5 мес. 5 тыс. рублей). ...приводило к недовольству и текущей рабочей силы и срыву плановых заданий. ...плановику выплачивали 550 р. вместо 400 р., статистику 250 р. вместо 200 р. и машинистке 200 р. вместо 180 р.».

Исполком строго следил за тем, чтобы граждане считались с высоким званием депутата трудящихся. Так, 10 января 1941 г. депутаты решили: «За систематическое оскорбление депутата горсовета товарища Каиновой, а также актива женщин дело гр. Морошкиной передать в следственные органы для привлечения к ответственности».

Порой исполкому приходилось брать на себя ответственность распоряжаться чужим имуществом: «Учитывая, что цистерна находящаяся около старого кладбища в течение 2-х лет находится в безнадзорном хаотическом состоянии и лежит в воде передать данную цистерну во временное пользование в связи с разливом воды для вывозки бензина союзаготтрансу до нахождения её владельца».

Топливные проблемы**

Обеспечением топливом учреждений и жителей города Ишима до войны и в военные годы занималось учреждение, называемое Ишимский гортоп. Поскольку централизованного отопления на тот момент ещё не было, обеспечение запасом топлива своего дома либо квартиры являлось личной задачей практически каждого ишимца. Топливо либо получали от тех организаций, в которых работали, либо покупали, либо заготавливали самостоятельно; особые категории граждан (семьи военнослужащих) также получали его от государства. Топливо было привозным (каменный уголь, добытый в Кузбассе и доставленный по железной дороге) и местным (дрова и торф, которые заготавливались непосредственно в Ишимском районе). До

войны в город ежегодно привозили угля 10-15 тысяч тонн, дров заготавливали 40-50 тысяч кубометров, торфа добывали около 13-15 тысяч тонн.

Наиболее калориен, конечно, каменный уголь. Но его добыча к концу 1941 года резко сократилась ввиду потери Донбасса, который давал до 50 % угля. По всей стране развернулась его экономия.

К этому тяжёлому в истории Родины периоду Ишимский гортоп подошел, имея две серьёзные проблемы. Во-первых, сырьевая – ещё в мае 1940 года было отмечено, что практически «лесные массивы Ишимского района вырублены». Во-вторых, организационная – «баракы в лесу для жилья рабочих не построены, автопарк не используется – горючего нет. Не хватает пил и топоров. Огромная текучесть рабочей силы». При этом с начала войны в город стали прибывать тысячи эвакуированных, были развернуты госпитали, размещены предприятия из европейской части страны.

Гортоп же в этих условиях, как показала финансовая ревизия, погряз в «растратах, хищениях и злоупотреблениях», которые покрывались областными начальниками – «растратчики переводились в другие места, чем усугубилось еще худшее положение ишимского гортопа». В декабре 1941 года, когда выяснилось, что вместо убытков на балансе была указана прибыль, дело передали в Омскую областную прокуратуру. Состояние гортопа было оценено как катастрофическое.

Проблему заготовки дров попытались решить принудительной мобилизацией работников учреждений и предприятий города. Так, в феврале 1942 года было мобилизовано 500 человек, по очередности по 160-170 человек, на 15 дней работы для каждой смены. А летом 1942 года впервые произошло привлечение к заготовке топлива и школьников старших классов (100 человек на дровозаготовки и 50 на торфозаготовки); бригадами становились учителя. Гортоп обеспечивал их инструментом, жильём и питанием.

Нормой выработки для учащихся на дровозаготовках было установлено 50 кубометров на смену в 25 рабочих дней. Выполнившим эту норму гортоп отпускал в качестве поощрения по 4 кубометра дров со склада в Ишиме. Учащимся на торфоразработках при выполнении нормы отпускали по 3 тонны торфа на каждого. Г.П.Кузурманов вспоминает, что «торф добывали недалеко от города, рядом с озером, место называли Камчатка. Сначала убирали слой травы над торфяником и рыхлый верхний слой. После один человек большой прямоугольной лопатой нарезал торф на кирпичи, другой их поднимал, третий раскладывал на траве. Тысячи таких кусков надо было ещё все перевернуть, а потом складывать в штабеля. Мы часто видели, как «артспецы» (курсанты эвакуированной в Ишим 5-й артспецшколы) по 6-8 человек впрягались в конские сани и везли этот торф к себе в расположение».

Для вывозки дров привлекалось 5 машин городского автоуправления, 50 подвод и весь наличный транспорт гортопа. Дрова вывозили к железнодорожной линии, перегружали на платформы и везли в Ишим, где снова перегружали и развозили по организациям.

Ещё в 1940 году в целях экономии дров горсовет рассматривал вариант перевода ряда организаций на торф. В военное время на отопление торфом перевели даже горэлектростанцию, переоборудовав для этого топку парового котла. Экономия получалась внушительная – от 7 до 14 тысяч кубометров дров в год.

Летом 1942 года горсовет принял решение постепенно вырубать на дрова Мещанскую рощу – массив берёзового леса на юго-западной окраине Ишима, занимавший тогда в десятки гектаров. До войны роща была излюбленным местом отдыха ишимцев. Г.П.Кузурманов так описывает это место: «Ещё в 1930-е годы, в пору своего детства, мы собирали на поляне у Мещанской рощи землянику, примерно в районе нынешней школы № 2. Дальше рос крепкий берёзовый лес с густым подлеском – мощные высокие прямые деревья в обхват. Он тянулся в длину от этого места до Красного Яра, в ширину – от реки Ишим до реки Мергенька. В роще были видны углубления в земле в виде окопов, вырытые, скорее всего, во время Гражданской войны...».

Получив от облисполкома положительный ответ, горсовет в августе принимает решение «рощу вывалить, около 3000 кубометров, лес в основ-

Печка-
«буржуйка»
военных времён.
Экспозиция Упо-
ровского районного
краеведческого
музея.

ном 30-летнего возраста, высыхающий и ценности для города не представляет, как стройматериал также не полноценный». Поскольку роща была ближайшим к городу лесным массивом, а транспорта не хватало, она была уничтожена практически за одну зиму.

Широко практиковалось на протяжении военных лет привлечение в приказном порядке одних организаций для оказания помощи в вывозке дров другим. Например, 2 ноября 1942 года горсовет решил обязать «Омторг, Военторг и гарнизон оказать помощь артели Коминтерн в вывозке дров, муки для пекарни с целью освобождения транспорта артели для вывозки дров (1000 кубометров)». Тогда же решили «4 октября текущего года организовать воскресник по вывозке дров для школ, лечебных и детских учреждений».

Важным инструментом в деле мобилизации трудящихся на дровозаготовки явилось постановление СНК СССР от 10.08.1942 г. № 1353 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время». Первый раз горсовет прибегнул к нему 14 ноября 1942 года, решив «мобилизовать на дровозаготовки для нужд социально-бытовых, культурных учреждений 30 человек в распоряжение гортопа на 2 месяца в порядке трудовой повинности». Через три дня это количество увеличили до 78 человек от 56 предприятий города. Особо оговаривается, чтобы предприятия выделяли на лесозаготовки только физически крепких людей,

при этом обеспечивали их теплой одеждой и обувью, инструментом и питанием. Данная мера будет применяться на протяжении всей войны.

Транспортные возможности Ишимского гортопа во время дровозаготовительного сезона 1942-1943 гг. были гораздо ниже, чем в предыдущий год: из трёх автомобилей все три неисправны, многие лошади заболели чесоткой, здоровых осталось только 12. Поэтому из ишимской конторы «Заготскот» было выделено в качестве тягловой силы 30 быков на змний период сроком на 4 месяца. Также обком партии и облсовет обязали председателей колхозов выдвинуть ишимскому гортопу 303 лошади и 520 человек для заготовки и вывозки дров. Председатели, дабы не срывать свои трудовые планы в условиях недостатка рабочих рук и тягловой силы, пытались уклониться от этой обязанности. В итоге горсовет закрепил каждый из выделенных колхозов для вывозки дров за конкретными организациями, от которых послался уполномоченный, и даже потребовал от райсовета за срыв дровозаготовок привлечь к ответственности четырёх председателей колхозов.

Итак, используя административные рычаги, мобилизуя трудящихся города на заготовки и вывоз топлива, регулярно привлекая работников колхозов, переведя ряд предприятий на торф, горсовет смог не допустить кризисной ситуации в отопительный сезон 1942-1943 гг. Но с 1942 года проблема топлива ставится одной из самых актуальных, она упоминается практически на каждом заседании. Самой распространённой была ситуация: одной организации или предприятию из-за отсутствия топлива угрожает остановка работы (либо уже произошла), поэтому транспорт нескольких других срочно мобилизуется для подвоза ей необходимого количества топлива.

К концу 1943 года лесные массивы в Ишимском районе были настолько истощены, что горсовет признал невозможным обеспечить дровами город в 1944 году. Поэтому все крупные топливозаготовители теперь переключались на соседний Казанский район. Все кадры и ценности Ишимского леспромхоза передавались Казанскому, который обязан был проводить заготовку древесины и сплав её по реке Ишим для обеспечения города.

План дровозаготовок гортопа, которому оставили деляны в Ишимском районе для обеспечения социально-бытовых учреждений города, на весь 1944 год теперь составлял 10000 кубометров. Но заготовить их стало ещё труднее ввиду разбросанности большого числа мелких делян, из-за чего возросли трудности вывоза заготовленного ранее топлива: «из-за отсутствия транспорта дрова не вывозятся с места заготовки по 2-3 года и гниют».

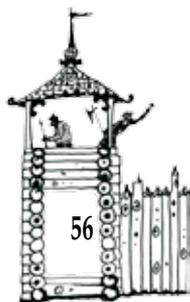
*Здание 1 Советской больницы.
Фотография
1960-х гг.
Снесено в 2000 г.*

критика в адрес городской милиции: «Слабо ведётся борьба городской милиции за сохранение тротуаров, мостов, заборов и даже построек, не законченных строительством. (В ночь на 8 ноября был снят венец и срезаны стойки строящегося каркасного барака и изрезаны на дрова работниками 5-й спецшколы, госпиталя и частных лиц). Расхитители государственной собственности были пойманы и дело передано в милицию, но до сих пор ни один расхититель госсобственности не привлечен к уголовной ответственности». Доходило до крайностей: соседка начальника городской милиции разобрала у него забор, но по неуказанной причине он не стал привлекать её к ответственности. Та же 5-я артспецшкола была обязана восстановить деревянный тротуар, разобранный на дрова её курсантами. Вопросы об использовании общественной собственности в качестве дров жителями города поднимался на заседаниях горсовета ежегодно, с той лишь разницей, что в 1945 году там помимо заборов и построек были упомянуты ещё и нижние ветви деревьев, произрастающих в общественных местах.

Если горожанам и выписывали деляны, то на относительно большом расстоянии от города, ввиду отсутствия близлежащих лесов. Появлялась проблема вывоза дров. Бывало, что на свой риск и страх использовали служебный транспорт. Г.Ф.Дедюхин, работавший подростком в ишимском отделении связи, вспоминает: «Деляну мы выписывали в Плешково (14 км от Ишима). Дрова я привозил на связных лошадях, иногда и нанимался». Некоторые организации города выдавали дрова своим работникам. Г.П.Кузурманов вспоминает: «Мама работала главным бухгалтером в райпотребсоюзе. Ей ежегодно выдавали дрова – берёзовые чурки метровой длины. На лошадях привозили, и уже дома мы вместе с ней пилили их и колоди». Огромное преимущество имели железнодорожники: у каждого из них была топливная книжка, по которой полагалась выдача дров.

Труднее всего приходилось семьям военнослужащих. Их обязаны были снабжать топливом те организации, в которых работали их кормильцы до войны, и поскольку в каждой из них ситуация с топливом была разная, то иногда семьи получали дрова малыми партиями и после многочисленных обращений и жалоб. Например, 25 января 1945 года на заседании горсовета обсуждалась такая проблема: «На мельзаводе семья фронтовика Третьякова живёт в сыром подвале, не пригодном к жилью. Мельзавод оказал помощь только одним кубометром дров». А вот другой пример – начальник вагоноремонтного парка «т. Лосев чутко и отзывчиво относится относятся к нуждам 112 семей фронтовиков...».

Чтобы уменьшить количество сжигаемого топлива, многие ишимцы прибегали к хорошо известному, но опасному способу – закрывать на ночь печные заслонки. Он позволял сохранить тепло в доме площадью 16-20 кв. метров до самого утра, используя до десяти берёзовых поленьев. В военные годы такая практика стала повсеместной, и увеличилось число людей, отравившихся угарным газом. Статистику таких случаев никто не вёл, но практически все, кто в годы войны проживал в Ишиме, вспоминают, что среди их родственников, знакомых, соседей были такие отравления. «Зи-

Здание 2 Советской (хирургической) больницы. Фотография 1960-х гг. Снесено в 2000-х гг.

мой часто закрывали дымоход, из-за этого однажды угорели. Я вышел из дома и сунул голову в снег, потом мне в уши вставили по луковице и сказали держать, чтобы боль прошла. Помогло», – вспоминает А.П.Пятанов.

Ввиду отсутствия мастеров, ушедших на фронт, возросло и количество неисправных печей, что приводило к учащению пожаров. Кроме этого, многие горожане покупали или изготавливали самостоятельно (подчас с нарушениями норм безопасности) железные печи, которые

очень быстро нагревались и требовали мало дров. Г.Ф.Дедюхин вспоминает: «У нас была русская печка, но чтобы её протопить, много дров уходило, поэтому чаще топили маленькую железную «буржуйку», резали картошку на дольки и жарили прямо на ней». Сильный теплообмен «буржуйки» с деревянными стенами помещения иногда становился причиной пожара.

Уже 22 мая 1942 были приняты специальные меры по противопожарной безопасности. Впервые оборудовались пирсы на реках Ишим и Мергенъ. Также было решено «предложить начальнику горкомхоза организовать при ГЖУ трубочистно-печной отряд по очистке дымоходов на заводах, в учреждениях и среди жилого сектора г. Ишима, для этой работы завести домовые книги». Спустя два года появились более детальные требования: «...чистить дымоходы не реже 1 раза в 3 месяца, перед печами иметь железный лист 50 на 70 см. Железные печи разрешается ставить только с разрешения пожарной охраны. Всем домовладельцам обеспечить на чердаки свободный доступ». Кроме этого, организациям, имеющим лошадей и другой скот, было запрещено завозить сено до 15 октября. Также в случае движения пожарного обоза к источнику возгорания все водители были обязаны уступать ему дорогу. Наконец, впервые в истории Ишима запретили разжигать огонь керосином, бензином и денатуратом. Все эти меры улучшили противопожарную безопасность в городе.

В целом же катастрофической ситуации с топливом в частном секторе в годы войны не возникло – не было зафиксировано ни одного случая гибели от переохлаждения ишимцев в собственном доме.

Борьба с эпидемиями***

**** Очерк написан на основе воспоминаний ишимцев и архивных материалов: ГА в г. Ишиме. Ф. 752. Оп. 1. Дд. 3, 4, 5, 6, 9, 94.*

В годы войны в Ишиме сложилась напряжённая санитарно-эпидемиологическая обстановка. Из-за массового наплыва эвакуированных возникла скученность – только 1941-1942 гг. численность населения города увеличилась на 32 %, с 31 500 до 41 000 человек. Шло постоянное сокращение норм жилой площади на одного человека, с 8 до 4 кв.м. Многие эвакуированные прибывали в город с ослабленным здоровьем, после многодневного пребывания в эшелонах, соприкасаясь с заражёнными людьми. Изолировать либо полностью дезинфицировать их было невозможно. По воспоминаниям медсестёр того времени, многие из эвакуированных детей были заражены корью, скарлатиной, чесоткой, дизентерией.

Ухудшало ситуацию и то, что ишимская городская баня работала не в полную силу – её планировали перестраивать во второй половине 1941 года, но из-за начала войны этого делать не стали. Помывку всех желающих баня обеспечить не могла. Не доставало специалистов-эпидемиологов. На всю Омскую область в 1941 году приходилось 23 санитарных врача.

В августе 1941 года в Ишиме единственный раз за всю войну был зафиксирован случай появления сибирской язвы – на улице Кузнечная, 21. Для предотвращения распространения болезни с 23 августа наложили карантин на всю северо-западную часть города. Все городские табуны было ре-

Здание детской
амбулатории.
Фотография
1960-х гг. Снесено.

шено «вывести из пределов г. Ишима и карантинировать их на выпасах». Благодаря этим мерам 12 сентября 1941 года, ознакомившись с актом ишимского ветуправления, горсовет принимает решение «карантин по эпизоотии сибирской язвы в городе считать снятым».

28 ноября 1941 года горсовет отмечал, что в связи с резким увеличением населения и уплотнённости по квартирам в городе «увеличились заболевания детей корью со смертным исходом». Решено было открыть в Ишиме детское корьевое отделение на 50 коек. Медсестра А.А. Ерохина вспоминает: «Вспышка кори. Идешь следом за врачом, вводить контактным корьевую сыворотку, по 30-60 кубиков за день. Вакцина зимой замерзала, в деревянных балеточках разогревали и делали, детей не осматривали».

23 января 1942 года Горсовет принял ряд мер по борьбе с тифом, вспышки которого неоднократно давали о себе знать. Неблагоприятная ситуация с тифом в 1941-1942 гг. была свойственна для Омской области в целом.

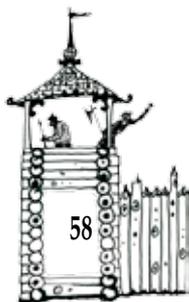
Через газету «Серп и молот» и краткие лекции на рабочих собраниях горожан учили простейшим гигиеническим навыкам и методам борьбы с паразитами – основными переносчиками болезни. Завшивленность людей была высокой, а систематической борьбы с ней ещё не было организовано. Людям разъясняли важность регулярного мытья рук перед едой, ежедневного протирания дверных ручек обеззараживающим раствором, пропаривания одежды. В целом же низкая медицинская грамотность местного населения создавала проблем не меньше, чем недостаток медикаментов или некомплектность штатов медработников. Е.Ф. Игишева так описывала визит врача к её заболевшим детям: «Подъехала подвода, зашла врач в белом халате и с чемоданчиком в руке. Войдя в избу, она сразу увидела на столе кагор, по чайной ложке которого я давала больным детям, и попросила его немедленно убрать. После осмотра детей она велела убрать красные тряпки, которыми мы прикрывали детей против болезней, и снять такую же с окна».

Одна из работниц ишимской санитарно-эпидемиологической станции (СЭС) так описывает борьбу с тифом: «Начиная с 1942 года начались вспышки сыпного тифа, приходилось открывать тифозные бараки для больных. Их обслуживала, лечила, кормила СЭС. Полное отсутствие мыла, недостаточное количество бань у населения, недостаток сухожаровых камер и полное отсутствие дезинфицирующих средств, кроме ледола...».

Активные противотифозные мероприятия имели положительный эффект – несмотря на скученность населения к апрелю 1942 года в городе обнаружено только 4 случая сыпного тифа. Вероятно, подобных фактов было больше, но врачи, как отмечали в Горсовете, «по ошибке ставят диагноз грипп». Когда же по этому поводу началось разбирательство, то выяснилось, что в городской поликлинике «книга учёта лихорадочных больных в поликлинике отсутствует», и «помощь медобслуживания больных на дому крайне неудовлетворительная».

Для эффективной борьбы с распространением болезней горсовет 27 февраля 1942 года принимает важное решение «обязать всех граждан, прибывающих в г. Ишим, как на постоянное, так и на временное жительство, до вселения в общежития, гостиницы, жилые дома, принадлежащие как государству, так и общественным организациям, так и частным лицам, проходить санитарную обработку». В городе стали постоянно работать санпропускники на территории железнодорожной больницы и СЭС на ул. им. Чкалова, 2. Горсовет также запретил ряду учреждений города приём документов от граждан без предъявления ими талонов о прохождении обработки.

В целях предупреждения эпидемических заболеваний и улучшения общего санитарно-эпидемического состояния города горисполком 28 августа 1942 года решил выделить общественно-санитарных инспекторов из

Здание городской
санэпидстанции.
Фотография
1960-х гг.

актива населения (один инспектор на 10 дворов) а также на всех предприятиях города (заводы, столовые, школы и т.д.). Данная мера способствовала более оперативным действиям в случае обнаружения очагов болезней.

В первые два года войны на территории Омской области была обнаружена новая болезнь – омская геморрагическая лихорадка. Было установлено, что инфекция распространялась двумя путями: через узкочерепную мышь-полёвку и через ондатра. Местное население об этом знало и даже присвоило болезни название «ондатровая болезнь». Частота контактов человека с животным была обусловлена изъятием огнестрельного оружия у населения в начале войны и недостатком питания. Для ловли ондатр применялись механические ловушки, а потому были неизбежны случаи укусов людей грызунами.

Ещё одним заболеванием, обусловленным местными природными факторами – реками и множеством озёр – была малярия. Созданный до войны ишимский малярийный пункт ежегодно проводил огромную работу – перед началом вылета комаров начиналось массовое обследование населения на малярию, чтобы начать своевременное лечение только что выявленных и уничтожение паразитов-носителей. За сезон обследовали более двух тысяч человек. С началом войны работа эта активизировалась. В 1942 году малярийный пункт превратился в противомаларийную станцию, которая стала центром борьбы с малярией в городе и районе. Только за 1945 год обследовано 2087 человек, с положительным результатом – 478. Однако малярия перестала регистрироваться в городе только в 1955 году.

В 1942 году при детской поликлинике был открыт гельминтологический кабинет. Занимались не только борьбой с гельминтозом, но и вели изучение природы паразитов, проводили эксперименты на промежуточных хозяевах. Накопленный опыт позволил с каждым годом снижать число заражённых паразитами. Для повышения эффективности противопаразитарной борьбы учителя и воспитатели сдавали зачёт по гельминтозу, а затем на занятиях объясняли детям, как избежать заражения паразитами.

По схожей с гельминтозом причине довольно распространённой стала болезнь глаз трахома. Медсестра Е.Ф. Игишева, которая пешком ходила к трахомным больным – не только по городу, но и в деревни – отмечала: «На такие запущенные формы насмотрелась, особенно у старых – веки без ресниц, с рубцами, вывернуты. Методы лечения были самые простые – промывание и выдавливание фолликулов пинцетом».

Внимание уделяли и борьбе с таким крайне опасным для человека заболеванием как бешенство, основным переносчиком которого являлись заражённые собаки. 4 сентября 1942 года принимается решение «к 1 октября текущего года провести регистрацию собак, запретить нахождение собак на улице и дворах без намордников и без привязи». При обнаружении заболевания бешенством собаки должны были немедленно уничтожаться, трупы их сжигаться или зарываться в скотомогильнике. Горкомхоз обязали «вылавливать безнадзорных собак и уничтожать их». Нарушители данного постановления подвергались «в административном порядке штрафу до 100 рублей или принудительным работам до одного месяца». Горсовет обязал к 20 сентября 1942 года произвести полную очистку территории предприятий и домовладений от нечистот, мусора и захламлённости.

И в следующем 1943 году горсовет обязывал руководителей предприятий и учреждений, а также частных лиц обеспечить привод собак для прохождения регистрации в горсовет Осоавиахима на ул. Сталина, 41. За необеспечение прохождения регистрации взимался штраф до 200 рублей и исправительно-трудовые работы до двух месяцев. Регистрации не подлежали собаки, состоявшие в частях, школах и питомниках РККА и НКВД.

Большое значение имело постановление СНК СССР от 5 января 1943 г. «О мероприятиях по борьбе с туберкулёзом». Согласно ему рабочие, заболевшие чахоткой, в зависимости от степени её тяжести, переводились на работу в дневную и утреннюю смену, имели право переквалификации на менее тяжёлую работу, на лечение и т.д. Связано это было с распространением туберкулёза среди рабочих, в том числе и оборонных предприятий, что представляло прямую опасность для обороноспособности страны. В Ишиме были организованы противотуберкулёзные мероприятия и начался систематизированный учёт заболевших. Был открыт отдельный детский сад для заразившихся детей, но из-за отсутствия антибиотиков, по воспоминаниям медсестёр, «на детей с тяжёлыми формами туберкулёза смотрели как на обречённых». Особенно страшен был туберкулёзный менингит – дети с таким диагнозом жили 1-2 месяца, постепенно угасая на глазах медиков и родителей. Медсестра О.Г. Бакусова, трудившаяся в годы войны дежурной медсестрой в 1-й городской больнице в терапевтическом отделении, вспоминает: «Терапевтическим отделением заведовал врач И.А. Голочков. Отделение на 80 коек, больные с разными диагнозами. Две палаты: женская и мужская с туберкулёзными больными. Мест не хватало, ложили и в коридоре». Полноценный противотуберкулёзный диспансер был открыт только в 1947 году.

3 июня 1943 года горсовет рассматривал вопрос «О мероприятиях по борьбе с желудочно-кишечными заболеваниями». Было решено «обеспечить необходимым количеством продуктов молочную кухню, инфекционное отделение и детское отделение 1-й городской больницы, детские ясли». Также депутаты решили обеспечить восьмерых доноров грудного молока дополнительным пайком, которые на тот момент снабжались по той же норме, что и беременные женщины – ежемесячно 400 г масла, 300 г сахара, 600 г крупы, 6 л молока. Донорское молоко имело огромное значение ввиду того, что из-за недостаточного питания и вызванного войной стресса у многих рожениц пропадало молоко, а детского питания не производилось. Доноры грудного молока проходили обследование, как и доноры крови, и в дальнейшем находились под врачебным контролем. Грудное молоко специвалось в специальном пункте при детской консультации либо на дому под контролем сестры-консультанта и затем поступало в дневные стационары, детские больницы. Плата за него устанавливалась в размере 5 рублей за литр. Донорское молоко спасло десятки ослабленных и заболевших детей.

Для борьбы с туляремией, переносчиками которой являлись грызуны, горсовет обязал директоров элеватора, мельзавода, хлебопекарен тщательно очистить помещения «от мусора и старого зерна до принятия новых запасов зерна и муки, директорам столовых и пекарен хранить все продукты в закрытых ящиках, ларях, шкафах и исключить возможность доступа к ним грызунов». Руководители предприятий и домоуправления обязаны были вести борьбу с грызунами способами: химическим (дератизацией под руководством дезотряда ишимской СЭС, не реже 1-2 раз в месяц) и механическим (ловушками). Кроме этого, руководителей обязали «мусорные ямы оборудовать крышками, использовать отпугивающие дезсредства».

В первом квартале 1944 года из-за роста заболевания брюшным тифом в Ишиме и наличием отдельных крупных очагов заболевания горсовет принимает решение считать прививки против брюшного тифа обязательными для всего организованного и неорганизованного населения. Директоров предприятий и учреждений обязали «организовать свои коллективы для противобрюшнотифозных прививок в сроки, указанные госсанинспекцией».

Лишь своевременное информирование санитарными инспекторами жителей Ишима и самоотверженный труд работников ишимской СЭС позволил не допустить крупных вспышек инфекций в перенаселённом городе. Окончательная победа над заразными болезнями была одержана во второй половине 1940-х благодаря квалифицированным кадрам (вернувшимся с фронта и вновь обученным), новым подходам в работе и совершенно иной, в отличие от военной поры, материальной базе.

С АРХИВНОН ПОЛКИ

Частушки о Первой мировой войне

Живёт в селе Годдобино Ишимского района Александра Сергеевна Щетина. Здесь она родилась 24 февраля 1926 года, работала дояркой, вышла замуж, вырастила семерых детей. На её долю выпало немало трудностей, но сумела сохранить эта удивительная женщина до душевную силу, доброту, любовь к родному краю, независимый характер и крепкую память. Сколько замечательных песен, загадок, частушек можно услышать от неё! И как своеобразно отразилась в них история нашей родины! Хотелось бы познакомить читателей альманаха с малой толикой недавно записанных от Александры Сергеевны фольклорных образцов. Это частушки о «германской» войне, которые пела ей в детстве мама Анна Яковлевна Чупина, родной брат которой Гаврила Яковлевич Лубягин не вернулся с этой войны.

*Ой, германец-оборванец,
Прекрати кровавый бой,
Отпусти моего милого
Нераненым домой.*

*Ой, германская война,
Ты меня обидела,
Любить заставила того,
Кого я ненавидела.*

*Кабы не было зимы,
Бураны не буранили,
Кабы не было войны,
Дак милого не ранили.*

*Ой, боляню ранили,
В госпиталь положили,
Чтобы мне не сообщали,
Сердца не тревожили.*

*Интересна эта пташечка
Летит и говорит:
На войне была и видела,
Что милый твой убит.*

*Седу я, поеду я
По морю Ледовитому,
Приплыву, на грудь паду
Милому убитому.*

«Не на словах, а на деле...».

Приказы мятежного года

В Ишимском госархиве хранится немало материалов, которые могут помочь исследователю событий мятежного и голодного 1921 года. Это и боевые сводки, и сведения о потерях, и фамилии повстанцев, и многое другое. Как правило, эти материалы объединены в дела, имеющие в своих заголовках упоминания о восстании. Но ряд материалов «скрывается» под обложками дел совсем мирного характера, например в делах горкомхоза. Несколько таких документов мы и публикуем в этой подборке. Стилистические особенности и орфография сохранены, явные опечатки исправлены.

I. Приказ № 3. Ишимского Упосевкома. 27 января 1921 года.

§ 1. На основании приказа № 2 Тюменского Губернского Комитета по оказанию посевной площади населению Ишимский Упосевком приказывает Отделу Коммунального Хозяйства в НЕДЕЛЬНЫЙ СРОК изъять весь семенной материал, находящийся в отдельных хозяйствах лиц, проживающих в гор. Ишиме.

§ 2. Изъятый семенной материал должен быть ссыпан при Домовых Комитетах и строго разделяться на культуры и сорта, отнюдь не смешивая разновидности хлеба, для чего допускается хранение в собственных мешках сдатчиков маркируя или прицепляя бирки с надписью кому принадлежат семена, дабы впоследствии была возможность производить отпуск семян обратно владельцу таковых.

§ 3. Граждане, имеющие для продвольствия семенной материал, обязаны обменять таковой в Продконторе на продовольственные

§ 4. Весь семенной материал должен быть пригоден для обсеменения полей и иметь всхожести не ниже 80 %, свежий, без амбарного запаха, не сырой и без посторонней примеси, т.е. хорошо сортированный.

§ 5. Вменяется в обязанность Домовым Комитетам проростить отдельно каждую партию семян и в случае не всхожести немедленно заменить в Продконторе на семянной.

§ 6. Допускается полная свобода граждан, сдавших семена еженедельно проверять свой хлеб, находящийся в общественных амбарах и в случае надобности под контролем Домовых Комитетов производить сушку и провевку его.

§ 7. За несвоевременную или неполную сдачу семенного хлеба в общественные амбары и употребление такового на продовольствие у виновных будут конфискованы все семена, живой и мёртвый инвентарь.

§ 8. За точное и своевременное исполнение настоящего приказа несут личную и имущественную ответственность Преддомкома*.

За Пред. Уисполкома И. Гуськов.
За** Упродкомиссар И. Карпов.
Председатель Уезсконота В. Соколов.
Пред. Укомтруда Жаворонков.
Завед. Земотделом Т. Морев.
Ответ. Секретарь Укомпарта Жилкин.

[Выходные данные:] З. 1478.

* Последнее слово
вписано от руки.
Вариант в другой
листочке: «Пред.
Домкома».

** Вписано от
руки.

Бумага, типографский оттиск.
Ф. 131, оп. 1, д. 55, л. 3; ф. 131, оп. 1, д. 56, л. 1.

II.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ-КРЕСТЬЯНЕ!

Вот уж месяц, как в разных деревнях и сёлах Тюменской губернии и Курганского уезда началось движение против Советской власти. В этих деревнях распространились слухи, что Советская власть пала в Петрограде, Москве и Омске, что пришла какая-то новая власть без коммунистов, власть крестьянская. Тогда крестьяне стали арестовывать свои Исполкомы и сельских коммунистов. Местами коммунистов убивали. И чем дальше, тем больше жестокости делалось. Коммунистов стали не просто убивать, а убивать зверски, мучить, распиливать живых пилами, убивать семьи, женщин и детей.

Такие зверства делались в Ишимском уезде.

Конечно, советская власть не могла спокойно смотреть на все эти вранья и должна была вооружённой рукой подавить мятеж, наказать преступных руководителей, восстановить порядок. В то время, как

только начинались беспорядки, по всем деревням и даже городам пошли слухи о том, что где-то организовалась какая-то народная армия, что её руководит князь Николай Николаевич, что он идёт на помощь. Кому-то нужно было пускать эти слухи и, пользуясь темнотой и доверчивостью крестьян, подбивать их на восстание.

И вот теперь, после месячного кровопролития, безцельных убийств, все вы могли ясно увидеть, что люди, распространявшие эти слухи о падении Советской власти в Омске и Петрограде, и каком-то князе с армией, что эти люди жестоко вас обманули, нагнали и втянули в ненужную, глупую и преступную бойню, из которой надо вам немедленно как-то выбраться.

Конечно, подбившие вас на восстание люди скроются, а вы куда денетесь, куда уйдёте от своих домов и семейств? Будете вести войну с Рабоче-Крестьянской Россией, со всем государством. Дело безнадёжное и глупое.

Рабоче-Крестьянское правительство знает, что сейчас крестьянину очень трудно. Знает, что кроме продовольственной развёрстки страшной тяжестью ложится на деревню гужевая повинность. Но можно ли сейчас обойтись как-либо без этих тяжестей? Можно ли в деревне не брать хлеб путём ли развёрстки или путём налога? Можно ли освободить крестьян от обязанности подвозить дрова к железной дороге?

НЕВОЗМОЖНО.

Во что бы то ни стало надо дать рабочим хлеба. Надо дать дрова, иначе станет дорога. Не дадите хлеба и дров – окончательно станут фабрики и заводы и вся Россия разорится, погибнет. А ни один крестьянин не может прожить без заводских изделий, и вслед за гибелью рабочих разорится и погибнет и крестьянин.

И какая бы власть ни была – хлеб для заводских и фабричных рабочих давать придётся, разница только та, что сейчас у нас власть трудящихся, а тогда на спине восставшего крестьянина приедет помещик и буржуй, которые обязательно потребуют с вас же крестьян возмещения за все убытки, причинённые им гражданской войной.

Если бы действительно Советская власть пала – крестьянину было бы вдвое тяжелее и только.

Крестьянам тяжело, а ещё тяжелее рабочим. И выход у нас только один – это, сохраняя полное спокойствие в эти тяжёлые дни, – все свои силы и в деревне, и в городе отдать на поднятие нашего хозяйства.

Хозяйство у нас одно: Россия. И хозяева – мы сами. Всякий беспорядок, всякое смятение ухудшает наше – рабочих и крестьян – положение, затягивает наши страдания.

Эти беспорядки подготавливают белогвардейцы, все те, кто хочет вернуть прежний порядок. Крестьяне в их руках только игрушка, только пушечное мясо. Берегитесь их!

С белогвардейцами, с колчаковцами советская власть будет беспощадна ибо они являются истинными виновниками этого восстания.

Вам же, трудящиеся крестьяне, советская власть говорит: Положите оружие, возвратитесь к своему мирному труду! У нас с вами одно дело, одна дума – направить хозяйство России и общими силами одолеть ту нужду, нищету, которые сейчас нас с вами давят.

Сибирский революционный комитет заявляет, что сдавшиеся и возвратившие оружие не понесут никакого наказания.

Те же кто упорствует и по неразумению и темноте помогает белогвардейцам, будут уничтожены, как изменники и враги советской рабоче-крестьянской республики.

Сибирский Революционный Комитет.

[Выходные данные:] Государственное Издательство Сибирское Отделение. Р.В.П. Тираж 20000 экз. Омск, 16-го марта 1921 г.

*Бумага, типографский оттиск.
Ф. 135, оп. 2, д. 1, лл. 58об, 59об.*

III. ПРИКАЗ Ишимского Утрудсовещания.

В виду отсутствия дров на складах и близкого наступления распутицы Утрудсовещание, в целях снабжения гражданского населения города топливом постановило:

§ 1. Все граждане, служащие и рабочие г. Ишима, а также и учреждения, имеющие лошадей, мобилизуются для доставки готовых дров в город из дер. Чинчери Ларихинской волости на 27 сего марта.

§ 2. От настоящей мобилизации не освобождается ни одна лошадь, кроме больных и жеребых в последнем периоде, а равно же должны предоставить для данной мобилизации упряжь и сани.

§ 3. Все выданные ранее удостоверения об освобождении для настоящей мобилизации не действительны.

§ 4. За неисполнение настоящего приказа виновные будут привлекаться к самой суровой ответственности по законам военного времени вплоть до конфискации лошадей и упряжи, не на словах, а на деле.

§ 5. За проведением в жизнь настоящего приказа возлагается следить Начальнику Гормилиции.

§ 6. Все расположенные в городе Ишиме военные и санитарные организации приглашаются оказать всемерную поддержку и выслать своих лошадей для усиления подвозки топлива в город.

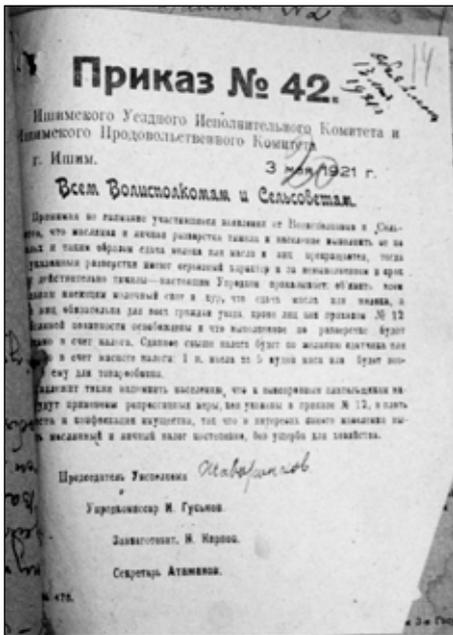
§ 7. Все мобилизованные настоящим приказом и высланные военными и санитарными организациями на подвоз дров должны явиться к зданию Улескома (б. Винный склад) 26 марта в 7 час. вечера, откуда партиями с нарами будут отправлены с руководителями по назначению.

Предтрудсовещания И. Кузьмин.
Предукомтруда Жаворонков.

[Выходные данные:] Зак. № 286. Ишим, 3-я гос. типография. 100 экз.

*Бумага, типографский оттиск.
Ф. 31, оп. 1, д. 55, л. 12.*

* Фамилия
вписана от руки
чернилами.

Надлежит также напомнить населению, что к неисправным плательщикам нами будут применены репрессивные меры, кои указаны в приказе № 12, вплоть до ареста и конфискации имущества, так что в интересах самого населения выполнить маслянный и яичный налог постепенно, без ущерба для хозяйства.

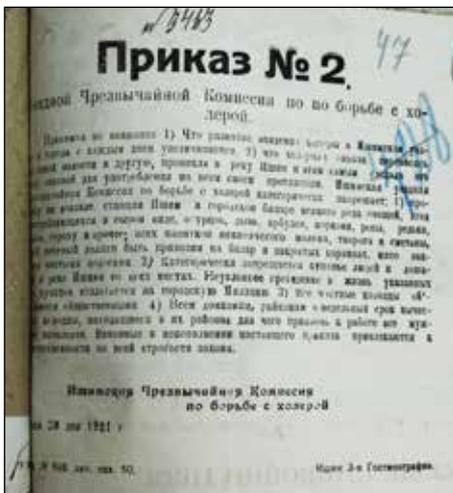
IV.

Приказ № 42.

Ишимского Уездного Исполнительного Комитета
и Ишимского Продовольственного Комитета
г. Ишим. 3 мая 1921 г.

Всем Волисполкомам и Сельсоветам.

Принимая во внимание участвовавшие заявления от Волисполкомов и Сельсоветов, что маслянная и яичная развёрстка тяжела и население выполнять её не в силах и таким образом сдача молока или масла и яиц прекращается, тогда как указанные развёрстки имеют серьёзный характер и за невыполнением в срок будут действительно тяжелы – настоящим Упродком приказывает: объявить всем гражданам, имеющим молочный скот и кур, что сдача масла или молока, а также яиц обязательна для всех граждан уезда, кроме лиц, кои приказом № 12 от маслянной повинности освобождены и что выполненное по развёрстке будет засчитано в счёт налога. Сданное свыше налога будет по желанию сдатчика или засчитано в счёт мясного налога: 1 п[уд] масла за 5 пудов мяса или будет возвращено ему для товарообмена.

Председатель Уисполкома Жаворонков*

Упродкомиссар И. Гуськов.

Завзаготовит. Н. Карпов.

Секретарь Атаманов.

[Выходные данные:] Зак. № 475.

Бумага, типографский оттиск.

Ф. 31, оп. 1, д. 55, л. 14.

V.

Приказ № 2.

Уездной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с холерой.

Принимая во внимание 1) Что развитие эпидемии холеры в ишимском уезде и городе с каждым днём увеличивается, 2) что холерная зараза, переносясь из одной волости в другую, проникла в реку Ишим и этим самым сделала его воду опасной для употребления на всём своём протяжении. Ишимская уездная Чрезвычайная Комиссия по борьбе с холерой категорически запрещает: 1) продажу на вокзале станции Ишим и городском базаре всякого рода овощей, ягод, употребляющихся в сыром виде, огурцов, дынь, арбузов, моркови, репы, редьки, бобов, гороху и прочее; всех напитков, некипячёного молока, творога и сметаны, хлеб печёный должен быть привозим на базар в закрытых корзинах, мясо закрыто чистыми пологами. 2) Категорически запрещается купанье людей и лошадей в реке Ишима во всех местах. Неуклонное проведение в жизнь указанных 2-х пунктов возлагается на городскую Милицию. 3) Все частные колодцы объявляются общественными. 4) Всем домкомам, райкомам в недельный срок вычистить все колодцы, находящиеся в их районах, для чего привлечь к работе всё мужское население. Виновные в не-

исполнении настоящего приказа привлекаются к ответственности по всей строгости закона.

Ишимская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с холерой.
Июля 28 дня 1921 г.

[Выходные данные:] Зак. № 903. Ишим, 3-я гос. типография. 50 экз.

*Бумага, типографский оттиск.
Ф. 31, оп. 1, д. 56, л. 18.*

VI.
Приказ № 111.
Ишимского Уисполкома и Упродкома.
8 сентября 1921 г.

В связи объявления продналога на хлеб, картофель и масляничные семена в пределах Ишимского уезда, дабы быстрее и планомернее провести означенный в жизнь и по выполнении такового пустить в ход кооперацию в смысле товарообмена, где должно быть принято во внимание, что продналог есть обязательство и видно, что поступление слабое, а на рынках хлеб фигурирует, где видимо население не усвоило тех убеждений и положений, изданных центром, что допускается свобода оборота в хозяйстве после выполнения продналога, а на основании вышеизложенного Уисполком и Упродком, для быстрого првоедения означенного в жизнь, ПРИКАЗЫВАЕТ нижеследующее:

1. Прекратить на всех рынках продажу хлеба, картофеля и масляничных семян всем без исключения гражданам, не выполнившим продналога на вышеуказанные продукты и не имеющим на руках зачётных квитанций от продорганов о выплате.

2. Все указанные продукты, оказавшиеся в продаже на рынках после объявления означенного приказа, у последних отчуждаются и сдаются в продконторы, где засчитываются в счёт продналога с отметкой в квитанции об отчуждении.

Примечание: Продукты, отчуждённые у гражданина более, чем положено по продналогу, при продаже засчитываются в фонд детского питания.

3. Продконторам и ссыпным пунктам при приёме означенного продукта делать отметку в зачётных квитанциях, что отчуждено, указав какое количество поступило по продналогу и какое в фонд детского питания.

4. Настоящий приказ вводится в силу: в городе со дня объявления, в уезде со дня получения на местах, для чего предназначается всем инспекторам, волисполкомам и сельсоветам широко опубликовать среди населения, ибо никакие отговорки незнанием и неполучением такового приниматься не будут.

Проведение сего приказа возлагается на уездную, городскую и волостную милицию, Инспектору, Волисполкомы и Сельсоветы и всякое неисполнение настоящего приказа будет считаться преступным по должности и виновные лица будут предаваться суду Прогревтрибунала за бездействие и неисполнение такового.

Предуисполкома Жаворонков.
Упродкомиссар Попов.
Зав. отделом заготовок Сарычев.
Секретарь Калинин.

[Опубликовано как приложение к № 153 газеты "Серп и молот".]

*Бумага, типографский оттиск.
Ф. 31, оп. 1, д. 55, л. 18.*

Публикация – Г. А. Крамор.

Культура края

Т. А. Крамор

Зданию Ишимского духовного училища – 130 лет

История Ишимского духовного училища по сию пору малоисследованна. Наиболее обстоятельная публикация – статья Т. П. Савченковой «Духовное училище» в сборнике «Ишим далёкий – близкий» (1997). Работа историка затруднена тем, что архив ИДУ не сохранился – он или погиб при эвакуации учреждения осенью 1919 года или был «за малоценностью» уничтожен (некоторые листы из дел ИДУ обнаруживаются в делах советских учреждений начала 1920-х гг., которые хранятся в Ишимском госархиве, – на их обороте писались новые документы). Из печатных источников можно назвать ряд публикаций в «Тобольских епархиальных ведомостях» и «Омских епархиальных ведомостях» досоветского времени, а также воспоминания воспитанника училища И. А. Скосырева «Ишимское духовное училище в 1901-1907 годах» (альманах «Коркина слобода», выпуск 7, Ишим, 2005).

При работе в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (РГИА) автору статьи удалось найти новые сведения об истории училища в фондах Хозяйственного управления при Святейшем Синоде (ф. 799), Учебного комитета при Святейшем Синоде (ф. 802), Техническо-строительного комитета при МВД (ф. 1293). В найденных документах, в частности, раскрываются некоторые подробности относительно строительства нового здания училища – ныне это корпус № 1 Ишимского педагогического института им. П.П.Ершова (филиала ТюмГУ) на ул. им. Ленина, 1.

¹ РГИА, ф. 802, оп. 1, д. 10512, л. 20.

² Там же, лл. 98-99.

³ РГИА, ф. 802, оп. 9, год 1868, д. 39, л. 39 с об.

Переезд из Омска

Духовное училище было первоначально открыто в Омске и начало действовать с 1 сентября 1838 года¹. Разместилось оно в приспособленном здании и с первых же лет существования учебного заведения его руководство было озабочено постройкой вместительного и удобного корпуса. Наконец, 13 апреля 1861 года после долгих согласований и переделок проект нового здания в Омске был Высочайше утверждён, но по неизвестной причине «оставлен» при Духовном учебном управлении².

В июне 1870 года общий съезд духовенства Тобольской епархии «заявил о необходимости упразднить существующее духовное училище в г. Омске и открыть такое в г. Ишиме», руководствуясь тем, что «Омское училище, как находящееся далеко не в центре округов Тобольской епархии и в дальнем расстоянии от большинства церквей, всегда было и будет малочисленно по количеству учеников; город же Ишим находится в самом центре епар-

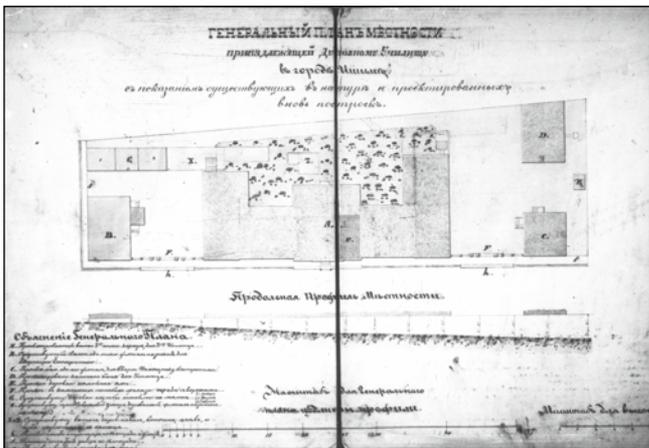

Усадьба ИДУ на углу Соборной площади и Больше-Никольской улицы незадолго до начала строительства. Нач. 1880-х гг. Фрагмент фотопанорамы Ишима. ИИХМ.

1 год) предоставлен купцом Александром Константиновичем Еманаковым; «в доме этом с удобством поместились не только классы, но и Библиотека, Архив, Училищное Правление и Смотритель Училища; казённо-коштные же воспитанники размещены на частных квартирах с платою за их содержание по пяти рублей серебром в месяц»⁴.

Удобство это было, впрочем, весьма относительно – через 15 лет в речи на освящение нового здания училища смотритель В. Часовщиков восклицал: «...Переведённое из довольно обширного города Омска в здешний небольшой глухой город училище обречено было переносить существенные нужды и лишения, сопряжённые с теснотой... вынуждено было помещаться в трёх отдалённых друг от друга пунктах... такое помещение весьма много препятствовало достижению учебно-воспитательных целей. А что терпели бедные мальчики, вынуждаемые за недостатком помещения в общежитии жить на квартирах в таких пунктах, где бывают ярмарочные сборища людей, стесняющих мальчиков и часто вредно влияющих на детские души!»⁵.

План участка, принадлежащего ИДУ, с показанием новостроек. 1875 год. РГИА, ф. 1293, оп. 167, д. 17.

па Ефрема губернский архитектор Д. Черненко командировал в Ишим ко времени созыва съезда «техника из политических ссыльных (поляка) Баржиковского», который «совместно с комиссией, назначенной из депутатов съезда и членов училищного правления предположил устроить: а) новый каменный двухэтажный корпус для классов, спален, кухни и столовой; б) новый каменный флигель для больницы и квартиры помощника смотрителя; в) каменный флигель для бани и г) ограду каменную; существующий каменный дом переустроить под квартиру смотрителя, библиотеку и правление». Незамедлительно Баржиковский составил план и смету на главный корпус (стоимость в 37657 р. 39 ¼ коп.), прочие же документы пообещал исполнить уже в Тобольске; ими располагал следующий съезд, собравшийся в 1873 году⁶.

14 августа 1873 года Тобольский преосвященный Ефрем направил в Синод «одобренные местным епархиальным начальством чертежи на шести листах на постройку и перестройку зданий духовных училищ – Тобольского и Ишимского». Для ИДУ училищное правление и духовенство училищных округов «признало необходимым» помимо вышеуказанных предложений: существующий на усадьбе деревянный флигель перенести вглубь

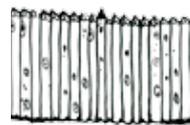
хии и особенно в близком расстоянии от населённых округов», «материальное содержание мальчиков в г. Ишиме гораздо дешевле, чем в Омске», а также тем, что «училищное здание в Омске до того ветхо, что требует не исправления только, а постройки вновь»³. Если бы для Омского училища был своевременно построен новый корпус, перевод его в Ишим был бы сомнителен.

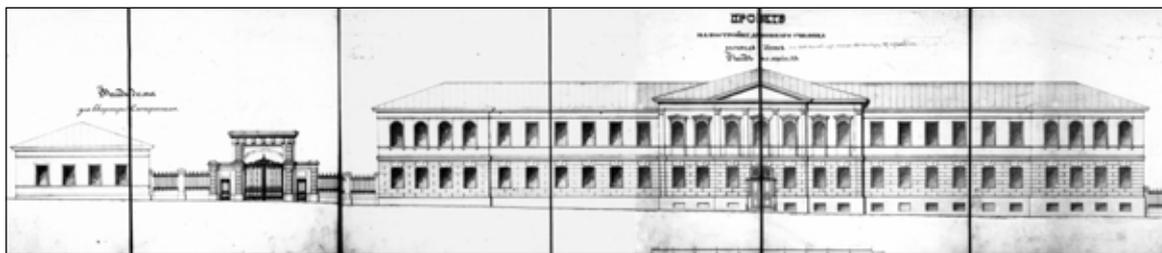
Летом 1871 года переезд состоялся, занятия начались «в определённое после летних вакаций время» в двухэтажном деревянном доме, который был временно и безвозмездно (сроком на

Летом 1871 года переезд состоялся, занятия начались «в определённое после летних вакаций время» в двухэтажном деревянном доме, который был временно и безвозмездно (сроком на

Чертёжные мытарства

Собравшийся в сентябре 1872 года в Ишиме съезд духовенства обсуждал вопрос постройки нового корпуса для училища. По личной просьбе епископа

Первоначальный облик фасада Ишимского духовного училища по проекту З.Полонского. Фрагмент. 1875 год. РГИА.

⁴ РГИА, ф. 799, оп. 2, д. 1916, лл. 3 с об, 8об.

⁵ Торжество Ишимского духовного училища // Тобольские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. № 23-24, 1 и 16 декабря 1886 г., с. 429-430.

⁶ РГИА, ф. 802, оп. 17, д. 160, лл. 2об, 3, 4.

⁷ РГИА, ф. 799, оп. 2, д. 1930, лл. 1-4.

⁸ Там же, л. 8.

⁹ РГИА, ф. 1293, оп. 77, год 1873, д. 156, л. 3.

¹⁰ Там же, л. 4.

¹¹ Там же, л. 11об.

¹² РГИА, ф. 799, оп. 2, д. 1930, л. 24.

¹³ РГИА, ф. 1293, оп. 167, д. 17, л. 1.

двора, деревянные службы «исправить и построить два звена чистого досчатого забора», построить «при здании училища» каменную с железными решётками и воротами ограду». Смета на постройку составила 56394 руб. 68 коп. Источником средств были назначены средства, которые оставались при церквях епархии после «за заменю свечного дохода 21 % сбором» – так, за 1872 год эта сумма составила 47 тысяч рублей, а за три года должна была составить более 142 тысяч рублей, «чего хватит и на постройку, и для остатка в пользу церквей». Основанием для такого решения, принятого духовенством епархии на своих съездах и одобренного епископом, стали указы Синода от 26 апреля и 17 июня 1871 года, согласно которым разрешалось указанный «избыток» оставлять «в местном распоряжении духовенства, с разрешения епархиального архиерея»⁷.

Поскольку согласно закону в губернском строительном комитете рассматривались только проекты и сметы размером не более десяти тысяч рублей, то документация и была препровождена в Синод. Архитектор Хозяйственного управления Синода Н. Свечев одобрил их решением от 5 октября 1873 года⁸, после чего они были отправлены в Техническо-строительный комитет при МВД. Решением ТСК от 12 февраля 1874 года проекты и сметы были признаны «неудовлетворяющими своему назначению и подлежащими переделке»⁹.

Переделка проекта

Возвращённая проектно-сметная документация для двух училищ была переделана тобольскими архитекторами Л.Калининым и З.Полонским и вновь представлена в ТСК 30 мая 1875 года¹⁰. Проекты были вновь признаны «составленными неудовлетворительно» и на этот раз переделаны в самом ТСК; проект ИДУ был утверждён министром внутренних дел 23 октября 1875 года¹¹.

Главный корпус был рассчитан на 200 воспитанников, из них 120 «приходящих» и 80 «пансионеров»¹².

Проект ИДУ, составленный архитектором Полонским, был оставлен в архиве и сохранился в другом деле¹³. Предложенные архитекторами ТСК изменения в проекте были таковы:

«а) сени чрез назначение в них коридора выходят тёмными; коридор должен быть заменён тамбуром;

в) расположение классов окнами по узкой их стороне, - неудобно, т.к. при их ширине в 13 аршин концы столов, отдалённых от окон, не будут достаточно освещены;

с) распределение по аркам в столовой одних концов потолочных балок, поддерживающих перегородки 2-го этажа и устройство на одной из арок печи с коренной трубой нельзя признать удачным в техническом отношении;

д) из трёх палат, назначенных в лазарете [на втором этаже], одна недостаточно освещена, а другая (для труднобольных) обращена к северу, что не может быть допущено;

е) данная проектом высота спален и классов: для первых – 5, а вторых – в 5 ½ аршин, – очень мала, чтобы удовлетворить требуемому отношению между объёмами воздуха в помещениях и количеству людей; высота для спален должна быть принята в 6, а для классов в 7 аршин; расстояние между полом и подоконниками в спальнях должна быть в 1 ¾ аршина;

*Вид на усадьбу
Ишимского ду-
ховного училища.
1909-1911 гг.
Фотография
Л.Г.Сусловой.
Частное собрание.*

¹⁴ РГИА, ф. 799, оп. 2, д. 1930, лл. 24-25 с оборотами.

¹⁵ РГИА, ф. 802, оп. 17, д. 160, лл. 2, 6.

¹⁶ РГИА, ф. 799, оп. 23, д. 51, лл. 1-3 с оборотами, 9, 10.

¹⁷ Корреспонденция из Ишима // Тобольские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. № 11, 1 июня 1884 г., с. 259-261.

¹⁸ Торжество Ишимского духовного училища // Тобольские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. № 23-24, 1 и 16 декабря 1886 г., с. 429-430.

f) фасады главного здания и флигелей совершенно просты, без всякой архитектурной отделки; ворота же – наоборот: с отделкою, аркою и карнизом; всё это как несоответствующее характеру зданий должно быть исключено;

g) предполагаемый по проекту деревянный потолок в бане должен быть замен сводом;

h) во флигеле, назначенном для помощника инспектора классов помещение для отхожих мест должно быть отодвинуто в наружу, во двор».

Кроме того, «деревянные карнизы должны быть заменены кирпичными, с небольшим откосом».

Согласно данным изменения должна была быть пересоставлена и смета, которая составляла в проекте Полонского уже 86278 руб. 55 ½ коп.

Также ТСК предлагал рассмотреть возможность устройство второго этажа над «существующим флигелем для зрителя», что «дало бы много выгод»¹⁴. Данный корпус был приобретён для училища в начале 1872 года. В 1879 году смотритель ИДУ В. Часовщиков отмечал, что правление училища «при содействии местного техника Н. Маджи нашло надстройку верхнего этажа... неудобною, т.к. стены этого здания тонки...»¹⁵. Стоит отметить, что это предложение всё же было реализовано в 50-х годах XX века (нынешний адрес: ул. им. Ленина, 1а).

Переделанный в столице проект был направлен «в работу» и не сохранился.

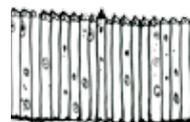
Строительство здания

Переделанный проект ИДУ был использован и для строительства нового здания Тобольского духовного училища. 23 декабря 1883 года епископ Тобольский и Сибирский Василий ходатайствовал об этом перед обер-прокурором Синода ввиду того, что для училища была приобретена земля в нагорной части Тобольска (первоначально предполагалось перестроить корпус подгорного Знаменского монастыря, где и располагалось училище), на что было получено разрешение Синода от 21 марта 1882 года. 18 апреля 1884 года обер-прокурор К. П. Победоносцев телеграфировал преосвященного о разрешении строить здание по указанному проекту; официально это решение было утверждено 19 апреля¹⁶. Построенное в Тобольске здание имеет некоторые отличия от ишимского; наиболее существенное – центральная лестница из чугунного литья (в Ишине – деревянная).

Однако прошло ещё почти десятилетие, прежде чем утверждённый проект стал воплощаться в реальность. Отчего произошла такая задержка, не совсем ясно. Смотритель В. Часовщиков в публикации в «Тобольских епархиальных ведомостях» туманно указывает: «по причине неблагоприятных условий, в том числе местных»; и лишь «благодаря настойчивости и решительности настоящего архипастыря [епископа Василия] затянувшееся дело постройки наконец осуществилось». 10 мая 1884 года была произведена закладка каменного корпуса¹⁷.

Осенью 1886 года строительство успешно завершилось. 21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, состоялось освящение нового здания¹⁸.

На втором этаже в 1891 году была обустроена домовая церковь в честь святых Кирилла и Мефодия, «учителей словенских», почитаемых как покровители тех, кто учится и тех, кто учит. Её местоположение обозначалось шпилем с крестом над фронтоном главного фасада. Церковь была местом для практики воспитанников – будущих церковнослужителей: псаломщиков и регентов (руководителей хоров). Мальчики помогали за богослужением, читали и пели. Училище славилось своим хором¹⁹.

*Вид на усадьбу
бывшего Тоболь-
ского духовного
училища.
1934-1938 гг.
Фотография.
Частное собрание.*

Памятник истории и архитектуры

Долгое время здание духовного училища оставалось наиболее значительным (после Богоявленского собора) зданием Ишима. Когда в начале XX века встал вопрос о переводе училища вновь в Омск, ставший епархиальным городом, то священник из с. Ильинское Ксенофонт Дюков выразил мнение благочиннического съезда о том, что зда-

ние в городе с населением в 6-7 тысяч человек будет просто невостребованно: «Был слух, что город желал купить здание для мужской гимназии. Мысль блестящая. Но, по тем же слухам, хотели предложить сумму 30 000. Более город не в состоянии дать, да и то с рассрочкой платежа... Жаль будет смотреть на это здание, когда оно будет пустым, с разбитыми стёклами, с живущими в нём галками... напоминать какой-то легендарный, заколдованный дом...»²⁰. В итоге училище осталось в Ишиме – вплоть до его закрытия с установлением осенью 1919 года советской власти.

В бытность духовным училищем здание видело много замечательных людей, работавших здесь или ставших выпускниками. О них подробнее можно узнать в очерке Т.П.Савченковой. Немало пришлось пережить зданию и в двадцатом веке. С осени 1919 года здесь располагался госпиталь, в котором месяц находился на излечении будущий Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский и, как считается, работал основатель советского Красного Креста Л.Х.Попов. После целое десятилетие здесь располагался высший орган исполнительной власти Ишимского округа. С 1929 года здание вновь служит делу народного образования. Здесь разместился педагогический техникум, впоследствии преобразованный в педучилище (в военные годы оно выезжало из здания, которое вновь отдали под госпиталь, а затем – под Московскую артспецшколу; несколько послевоенных лет здесь квартировала и школа № 1), учительский институт и, наконец, в 1954 году – в педагогический институт. Для его выпускников старинные стены связаны с годами молодости, и каждый может сказать о них много тёплых слов.

Здание уникально и с архитектурной точки зрения. Главный училищный корпус решён в духе позднего классицизма. Он идеально симметричен, и эту симметрию поддерживают тройные ворота у боковых фасадов здания. В плане же оно представляет собой букву «Е» с укороченной верхней перекладиной. Интерьеры сдержанны в отделке. Очень выразительны коридоры первого этажа, перекрытые цилиндрическими сводами с распалубками и аркады большого зала в северном крыле первого этажа и на парадной лестнице. Об архитектуре здания подробно написано в каталоге «Архитектурное наследие Тюменской области»²¹, потому не будем утомлять читателя терминами. К сожалению, оно до сих пор не имеет охранного статуса и при этом находится в полуаварийном состоянии. Спасти этот памятник истории и архитектуры – благородная задача для нас, живущих в начале двадцать первого века.

¹⁹ Фролов А.В. Храмы земли ишимской // Ишим далёкий – близкий: Очерки / Под ред. Т.П. Савченковой. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 1997. – С. 142.

²⁰ Савченкова Т.П. Духовное училище // Ишим далёкий – близкий. – С. 111.

²¹ Козлова-Афанасьев Е.М. Архитектурное наследие Тюменской области: Иллюстрированный научно-практический каталог. – Тюмень: ООО «Издательство Искусство», 2008. – С. 35-37.

Н. Л. Антурьева,
Г. А. Крамор.

“Летняя Пасха” Сибири

Сто лет назад, 10 июня 1916 года (а по новому стилю – 23 июня) в Тобольске состоялись торжества прославления в лике святых Российской Православной Церкви митрополита Иоанна (Максимовича), служившего на сибирской кафедре с 1712 года до своей кончины в 1715 году. День его преставления стал и днём его прославления, которое состоялось во многом благодаря настойчивости императора Николая II и его супруги Александры Феодоровны. Потому и самого владыку Иоанна часто называют «последним царским святым» – святым, прославленным в последний год монархии в России.

Почитание святителя

Прославление Иоанна Тобольского давно ожидалось церковным народом. К его могиле в приделе Софийско-Успенского собора издавна приходили паломники. Об этом свидетельствовал протоиерей Александр Сулоцкий ещё за полвека до канонизации. А к 1915 году только официально зафиксированных случаев чудесной помощи по молитвам к владыке Иоанну было около полусотни.

Так, священник Никольской церкви села Зарослое Ишимского уезда Александр Асписов свидетельствовал: «18-го числа минувшего апреля месяца жена моя заболела тяжкой формой инфлуэнцы; болезнь прогрессировала, и вот, когда она осложнилась настолько, что вполне можно было опасаться за жизнь матушки, я, собравши своих детей и домочадцев, стал служить молебн святителю Иоанну, и матушка тотчас же почувствовала себя гораздо лучше, а когда я отслужил в тот же день ему ещё два молебна, то болезнь сразу как бы остановилась, и матушка стала быстро поправляться и в настоящее время, слава Богу, совершенно здорова».

Всю жизнь благоговейно хранила историю своего чудесного исцеления и матушка Ангелина, супруга священника Иосифа Моисеева, который в тридцатых годах XX века служил в ишимском Никольском храме. В декабре 1914 года, когда они с мужем жили в таёжных районах Тобольской губернии, неподалёку от Ирбита, она заболела проказой. Лечение не помогало. В феврале 1915 года её муж, прочитав житие ещё не прославленного святителя Иоанна, решил отслужить ему водосвятный молебен, во время которого 18-летняя Ангелина усердно молилась – так, что «как встала на колени, помню, а как я молилась – вот была глубокая вера, что не понимала, где я», по окончании молебна отец Иосиф «обильно окропил меня святой водой, а не разрешалось при проказе даже умыться», и уже на следующий день появились явные признаки исцеления – короста «стала суше, чем вчера», а «через три дня лицо моё совершенно очистилось».

В тяжкие дни испытаний, вызванных военным временем (шла Первая мировая война) желание сибирской паствы обрести ещё одного небесного заступника только укрепилось. В декабре 1915 года, когда отмечалось двухсотлетие кончины святителя, состоялось освидетельствование его мощей, которое совершил будущий Патриарх, а тогда ещё архиепископ Литовский Тихон (Беллавин). 20 января 1916 года императору был представлен синодальный доклад, говоривший о возможности совершить канонизацию. На следующий день Николай II положил на нём резолюцию: «Принимаю предложение Святейшего Синода с умилением и тем большим чувством радости, что верю в предстательство Святителя Иоанна Максимовича, в эту годину испытаний, за Русь православную».

Тобольские заботы

Тобольской Пасхой называют в литературе дни 8-10 июня 1916 года, назначенные определением Святейшего Синода для общецерковного прославления митрополита Иоанна.

Епископу Варнаве предстояло принять небывалое число преосвященных – митрополита Московского и Коломенского Макария и ещё десять архиепископов. Из столицы прибыли обер-прокурор Синода гофмейстер А.Н.Волжин и издатель газеты «Колокол» В.М.Скворцов, из Омска – Степной генерал-губернатор и попечитель Западно-Сибирского учебного округа. Также приехали несколько архимандритов, ректоров духовных семинарий и значительное число духовенства. Среди путешественников – бывший губернатор А.А.Станкевич, почётный гражданин Тобольска и почитатель святителя, по молитвам которого он получил исцеление от тяжкой болезни.

О том, что готовятся торжества, знали не только в столице и Тобольской губернии – знали во всех епархиях и даже на фронте. Богомольцы прибывали в Тобольск водным путём из Тюмени, Омска, Самарово. Со всех сторон епархии шли по грунтовым дорогам пешком, ехали на лошадях. Шли крестными ходами, шли семьями. Это был по большей части простой народ, скорбящий, озлобленный, просящий милости и помощи Божией. Несли ко гробу угодника Господня свои безутешные печали и болезни. На каждом шагу встречались слепые, хромые, увечные, убогие. Прибывали из отдалённых мест. Пешком пришла группа богомольцев из Черниговской губернии, где долгое время служил митрополит Иоанн. Всего в Тобольск прибыло, по разным подсчётам, от 30 до 50 тысяч паломников – население города увеличилось в два с половиной раза!

81-летний митрополит Макарий прибыл в Тюмень поездом 4 июня. Из Москвы он вёз серебряный ковчег для мощей святителя Иоанна и кипарисовый гроб для раки, созданный по образцу гроба Святейшего Патриарха Ермогена в Успенском соборе Кремля. В этот же день на пароходе «Петроград», заполненном множеством духовных лиц и простыми богомольцами, владыка отбыл в Тобольск. Вечером было совершено всенощное бдение. Могучий хор оглашал реку. Заслышав пение, на берега выходили жители деревень, на пристанях собиралось множество народа.

В Тобольске митрополит посетил родное учебное заведение, находившееся тогда в Знаменском монастыре и оставил запись в книге почётных посетителей: «Питомец этой семинарии, убогий Макарий, митрополит Московский». Невдалеке отыскал он и дом, где жил юношей на квартире. Кстати, в Ишиме в духовном училище в эти же годы трудился помощником смотрителя дальний родственник владыки Пётр Петрович Невский.

Ещё 31 мая в Тобольск приехал член Совета МВД тайный советник П.М.Кошкин, командированный для руководства административно-хозяйственной стороной торжеств. Губернатору Н.А.Ордовскому-Танаевскому и комиссии по выработке церемониала предстояла немалая работа. И, несмотря на огромное число паломников, торжества прошли на достойном уровне и без происшествий. Обошлись даже без привлечения войск, как было принято в подобных случаях.

Прибывавших в Тобольск размещали во всех общественных и учебных заведениях города, принимали их на квартиры и жители города. Для продовольствия богомольцев устраивали дешёвые чайные с продажей съестных продуктов, организовывали выпечку хлеба и кренделей в большом количестве. Все дни стояла тихая погода без дождей, так, что многие устраивались на ночлег под открытым небом.

Почти круглые сутки в соборе и на площади совершалась исповедь многочисленных паломников, желающих причаститься Святых Таин. Принимали её десятки священников, съехавшихся в Тобольск. Повсюду слышались песнопения либо речи бесед, которые вели епископ Варнава и митрополит Макарий, который, несмотря на возраст, казалось, не имел ни минуты покоя.

Для того, чтобы все желающие могли участвовать в общей молитве при прославлении святителя, посредине площади перед собором выстроили крытый помост – своего рода церковь-павильон с куполом и алтарём и с электрическим освещением. Здесь в ночь с 9 на 10 июня был поставлен после прославления честный гроб со святыми мощами Иоанна для поклонения.

Образ святителя
Иоанна из иконо-
стаса Шабалин-
ской церкви.

«Светозарная ночь»

Василий Михайлович Скворцов был единственным столичным корреспондентом, подробно описавшим тобольские торжества. Особенно трогательно он пишет об их кульминации:

«Вечером 9 июня благовест тысячепудового тобольского великана соборной колокольни призвал на великий пир веры в честь и славу святителя Иоанна...»

Многие тысячи рук осенили себя крестным знаменем в трепетном чувстве радости и великой благодарности Царю Небесному за осуществление благочестивого упования многих поколений тобольского верующего народа...

Когда вся эта многотысячная масса богомольцев зажгла свечи (при пении «хвалите» и обнесении раки с мощами новопрославленного Угодника вокруг всего кремля и площади), то картина получалась буквально неопишемого церковно-бытового благолепия.

Погода стояла тихая, тёплая. Ни одна свечечка не погасла, не мигала. На тёмном фоне народного моря эти десятки тысяч огоньков представлялись как бы рассыпавшимися и застывшими неподвижно в воздухе искрами разорвавшегося фейерверка...

Пение во время всех торжеств было простое и общенародное, во главе коего был архиерейский хор, одетый в простые обывательские костюмы, почему получалось впечатление, что хора особого и нет в храме, а поёт вся церковь...

Началось изнесение святых мощей из собора, двести лет хранившего под спудом этот яркий светильник веры, поставляемый ныне на «всецерковную подсвещницу»... Со всех колоколен полился «красный звон», обрывавшийся где-то вдали, на широкой водной поверхности стремительного Иртыша...

Выходит на балкон епископ Варнава... Звонким, отчеканивающим голосом владыка воскликнул: «Братья и сестры, у нас ныне «воистину священная, всепразднственная, спасительная, ночь светозарная», «праздников праздник», вторая «Пасха красная»... Будем радоваться о Воскресшем Господе, дивном во святых Своих»... Толпа певцов и певиц заглушает дальнейшие слова архиерея-народолюбца радостным пением пасхального канона...».

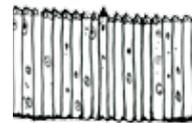
Торжества на приходах

Во всех городах и сёлах России – в том числе в Ишиме и Ишимском уезде – вечером 9 июня также были отслужены всенощные с первым величанием нового святого, а в день прославления 10 июня совершены были повсеместно литургии с молебнами Иоанну Тобольскому.

Ещё за полгода до акта прославления, после выхода определения Синода, иконописные мастерские, а также типографские и литографские заведения взялись за изготовление изображений святителя. Тобольский епархиальный книжный склад в мае заказал иконы св. Иоанна лучшим петроградским и московским живописцам. Было напечатано множество икон на бумаге. И всё же их не хватало многочисленным паломникам, жаждавшим унести в родные города и веи воспоминание о святых днях в Тобольске.

В 1916 году многие приходы озабочиваются приобретением храмовых икон митрополита Иоанна. Их пишут столичные и тобольские иконописцы. Но не только. Так, в строящийся храм в селе Шабалино Ишимского уезда для иконостаса, который изготовляла ишимская мастерская И.А.Хлопотова, была также заказана икона тобольского святителя, написанная, возможно, самим Иосифом Андреевичем. Чудом она пережила бурные события XX века и в 1990-х годах вернулась в сохранившийся чудом же храм. В селе Южно-Плетнёво нынешнего Омутинского района в руинах кирпичного храма также ещё можно увидеть чудом сохранившееся изображение Иоанна, написанное в 1917 году живописцем Павлом Васильевичем Пестовым, пермским мещанином, который работал по найму у Хлопотова.

И поныне владыка Иоанн – один из самых любимых сибирским православным народом святых, и на торжества 22-23 июня в Тобольск собирается множество паломников, надеющихся на его предстательство пред Господом.

Век Покровской церкви на станции Ишим

Страница «Омских епархиальных ведомостей» с извещением об открытии прихода на ст. Ишим.

¹ ГАТюмО, ф. И-12, оп. 1, д. 23, л. 187.

² ГАТюмО, ф. И-12, оп. 1, д. 23, л. 211об.

³ *Серп и молот.* 1924. 18 декабря. № 66. С. 3.

⁴ Фролов Л.В. *Покровская церковь // Ишимский купец.* 1999. 24 июня. № 25. С. 6; Фролов Л.В. *Ишимская краеведческая легенда – явление*

Начало второго десятилетия XX века ознаменовалось для Ишима прокладкой линии Тюмень-Омской железной дороги. Выросший за восточной окраиной города станционный посёлок не только значительно увеличил его население, но и определил новую ось градостроительного развития вдоль самой длинной улицы – Большой Вокзальной (ныне ул. им. К. Маркса).

Для удовлетворения духовных нужд железнодорожников в 1914 году на станции уже стоял молитвенный дом, обустроенный трудами священника Богоявленского собора Николая Покровского¹. Всего через год 45-летний батюшка скоропостижно отошёл ко Господу, оставив супруге троих детей². Возможно, уже строившийся тогда храм был наименован в память о нём.

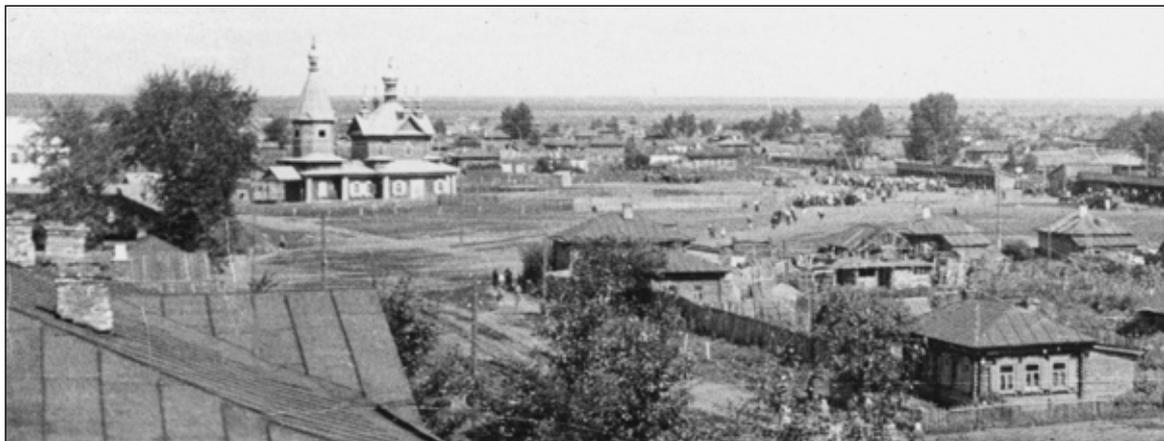
В 1916 году службы стали совершаться в новой деревянной Покровской церкви. Она возведена по «образцовому» (типовому) проекту в духе северорусского деревянного зодчества.

На это указывают шатровое завершение колокольни и двухъярусное – восьмерик на четверике – решение основного объёма храма, который венчают пять маковок с крестами. Церковь долгое время была главным украшением т.н. залинейной части города, иначе называвшейся Алексеевским посёлком (в честь наследника престола цесаревича Алексея Николаевича Романова³; в 1913-м, когда официально открылась станция, в России отмечалось 300-летие Дома Романовых; в 1930-х посёлок стали называть именем наркома путей сообщения Л.М.Кагановича). Стоявший посреди обширной Базарной площади, он был виден издали и словно вступал в спор с другими высотными доминантами посёлка – кирпичной трубой паровозного депо и могучей вертикалью водонапорной башни.

Последний храм дореволюционного Ишима появился в эпоху бурных общественных потрясений, оставившую после себя не только изломанные судьбы, но и разорённые архивы. Отсутствии свидетельств о времени постройки Покровской церкви сделало историю её появления, пожалуй, самой загадочной. Старожилы уже в конце XX века указывали на 1924-1925 годы. Из уст в уста передавалась легенда о том, как ишимские железнодорожники в пору начавшихся гонений на Русскую Православную Церковь ходили к самому Ленину, который якобы подписал пролетарское ходатайство о разрешении собирать средства на достройку станционного храма⁴. Однако найденные-таки в фонде Святейшего Синода (министерства православного вероисповедания) документальные материалы свидетельствуют: в марте 1916 года преосвященный Сильвестр, епископ Омский и Павлодарский, обратился в Синод с просьбой о разрешении открыть приход «при имеющемся на станции Ишим... небольшом деревянном храме», с причтом из священника и псаломщика, которых обязалось взять на содержание правление Омской железной дороги. 22 марта того же года на заседании Синода это прошение было удовлетворено; указ вышел 30 апреля 1916 года⁵ и был опубликован в «Омских епархиальных ведомостях»⁶.

Первым священником новооткрытого храма стал 36-летний иерей Андрей Сивиллов, выпускник Тобольской духовной семинарии. Десять лет – с 1915 по 1925 год – он отдал станционному приходу. Был женат на Варваре

Покровская церковь и Базарная площадь в панораме станционного Алексеевского посёлка (в 1930-1950-х гг. - пос. им. наркома путей сообщения Л.М.Кагановича). 1946 г. Фотография Н.П.Хрулёва.

провинциальной культуры // Коркина слобода. Вып. 3. Ишим, 2001. С. 7.

⁵ РГИА, ф. 796, оп. 202, II отд., 2 ст., ед.хр. 165, лл. 1-2.

⁶ Епархиальные известия // Омские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1916. 19 июня. № 25. С. 1.

⁷ Архив УФСБ по Тюменской обл., архивные следств. дела № 1853, 2032.

⁸ Сивиллова Т.А. Успокойся, моя память // Коркина слобода. Вып. 8. Ишим, 2006. С.

Викторовне Калугиной, дочери настоятеля градо-Ишимского Богоявленского собора. С 1926 года служил в городской Троицкой церкви, а после её закрытия – в селе Шаблыкино. В 1933 году был арестован, обвинён в антисоветской деятельности (заметил в разговоре, что крестьяне «умирают от того, что плохо питаются» – в районе свирепствовала эпидемия септической ангины) и этапирован в Тобольскую тюрьму⁷. Жену с тремя дочерьми выгнали из родного дома, лишили всего имущества. Последовав за мужем и отцом, как за гонимым Христом, они тоже отправились в древнюю столицу Сибири. После освобождения из заключения отец Андрей вернулся к родным исхудавшим, с выпавшими зубами. Работал кучером в больнице. В 1937 году его арестовали вновь и поспешно расстреляли. Его дочь Татьяна в 2008 году, в возрасте 82 лет, впервые после долгого перерыва вновь посетила Ишим и Покровскую церковь, поделившись воспоминаниями о своих родителях⁸. К сожалению, в семейном архиве не сохранилось ни одного снимка о. Андрея в рясе – все они были изъяты при аресте. Осталась на память лишь карточка семинарской поры, где будущий батюшка стоит без бороды и в студенческой тужурке – следователи его просто не узнали.

В послереволюционное время история приходов нигде не записывалась. Поскольку Церковь отделили от государства, то светские архивы приходским делопроизводством уже не интересовались, а архивы епархиальных канцелярий исчезали с упразднением епархий – к началу 1940-х годов на территории Сибири осталось только два действующих прихода вместо нескольких епархий. Верующие считались «неполноценными» гражданами Страны Советов, и только учётные картотеки да следственные дела становятся подспорьем историкам.

Так, в 1924 году была объявлена перерегистрация приходов в органах исполнительной власти – вся церковная собственность с 1918 года была объявлена государственной, и общины должны были заключать договора пользования на храмовые здания. Списки членов церковного совета отправлялись в местное отделение ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление) для проверки на «благонадёжность». Более половины заявлений возвращались назад – впредь до корректировки списков. И на заявление Покровской общины последовал ответ от 9 апреля 1925 года: «Сообщается, что вновь избранные... 1) Шангин, 2) Кожевников, 3) Малышев, политически не благонадёжны, зачастую ведут агитацию против мероприятий Соввласти и РКП(б), а поэтому Окротдел ОГПУ просит выше указанных лиц не утверждать в члены общины»⁹. На жалобу верующих окружному прокурору административный отдел окрисполкома в июне 1925 года ответил, что «согласно разъяснения инструкции НКЮ и НКВД от 19/VI-23 г. § 5 передачу храмов и заключение договоров надлежит производить исключительно с внушающими доверие гражданами», потому «лица политически неблагонадёжные и не пользующиеся доверием советской власти не могут быть утверждены членами общины, а тем более членами церковного совета»¹⁰. Только 10 августа 1925 года обновлённый список утверждён ОГПУ, и адмотдел смог зарегистрировать приходской устав¹¹.

Прихожане и священники Покровской церкви о. Константин Протопопов и о. Иоанн Овчинкин в Пасхальные дни. Сер. 1930-х гг. Фотография из архива Н.К.Ивановой (Протопоповой).

139-166; Крамор Г.А. «Меня принёс на родину Конёк-Горбунок...» // Коркина слобода. Вып. 10. Ишим, 2008. С. 181-189.

⁹ ГА в г. Ишиме, ф. 135, оп. 2, д. 12, л. 53.

¹⁰ Там же, л. 80.

¹¹ Там же, л. 103.

¹² ГА в г. Ишиме, ф. 135, оп. 2, д. 3, лл. 139об-140.

Из общего списка приходов, составленного адмтделом, также нам известно, что в 1926-1927 годах в Покровском храме служили священники Михаил Догаев и Иоанн Овчинкин (1861-1937)¹².

В начале 1930-х годов, спасаясь от раскулачивания, в Ишим с Урала переехала большая семья протоиерея Константина Протопопова (1881-1937), которого назначили настоятелем станционной церкви. Чуткий к человеческому горю, безотказный в исполнении просьб прихожан, отец Константин даже в самые тяжёлые дни голода 1933 года, сам доведённый до истощения, имеющий на своём попечении семью из пяти несовершеннолетних детей, жены и её матери, находил силы для помощи нуждающимся. Отбросив страх перед властями, собирал средства для помощи семьям осуждённых священников Андрею Сивиллову и Василию Жилиякову и другим – всё это было поставлено ему в вину на следствии. В ночь с 23 на 24 июня 1937 года он в числе прочих ишимских священноцерковнослужителей был арестован. В одном вагоне с ссыльным епископом Дмитриевским Серафимом (Звездинским), которому о. Константин по праздникам передавал освящённый хлеб¹³ (в ишимские храмы ссыльный владыка не ходил, чтобы не компрометировать духовенство – впрочем, это не помешало следователю предъявить обвинение: «по заданию еп. Звездинского на протяжении ряда последних лет Протопопов среди окружающего его населения ведёт контрреволюционную агитацию, направленную против руководства партии и правительства, [агитирует] население за восстановление церквей и укрепление религии, под лозунгом “спасения души и очищения грехов”») его отправили в Омск, где, не изменив Христу, 26 августа 1937 года он принял мученическую кончину. Его судьбу разделил и второй священник 76-летний о. Иоанн Овчинкин, прослуживший на Покровском приходе десять лет¹⁴.

После той роковой ночи оба действовавших ишимских храма – и обновленческий Никольский и твёрдо державшийся «тихоновской» традиционалистской ориентации Покровский – были закрыты и переданы Госстрахфонду под зерносклады¹⁵. Когда в ноябре 1941 года было принято решение о создании Ишимского железнодорожного училища № 2, то здание станционной церкви предполагалось отдать ему под учебную мастерскую¹⁶. Судя по всему, это решение не было исполнено и церковь продолжали использовать под склад, о чём свидетельствует ответ горисполкома от 27 августа 1943 года на «заявление граждан г. Ишима в количестве 20-ти чело-

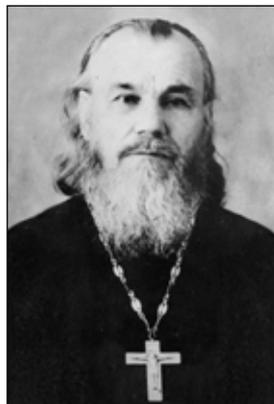

Семинарист Андрей Сивиллов (1880-1937).
Тобольск, 1900-е гг.

Протоиерей Константин Протопопов (1881-1937).
Ишим, 1935 г.

Протоиерей Парфений Ерёмченко (1882-1974).
Ишим, 1950-е гг.

Иерей Димитрий Олейник (1892-1966).
Ишим, 1962-1965 гг.

¹³ Все вы в сердце моём: Жизнеоп. и дух. наследие свмч. Серафима, еп. Дмитровского / Сост., предисл. И.Г.Менькова. – М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. – С. 88.

¹⁴ Архив УФСБ по Тюменской обл., архивное следств. дело № 1985.

¹⁵ ГА в г. Ишиме, ф. 179, оп. 1, д. 1, л. 117, 118.

¹⁶ ГА в г. Ишиме, ф. 752, оп. 1, д. 4, л. 277. Выявлено Л.Ю.Оленьковой.

¹⁷ ГА в г. Ишиме, ф. 752, оп. 1, д. 5, л. 84. Выявлено К.С.Ивановым.

¹⁸ Молитва всех вас спасёт: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, еп. Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О.В.Косик. – М.: Изд-во ПСТБИ, 2000.

век о регистрации религиозного общества» и предоставлении помещения храма: «Учитывая, что молитвенное здание (бывшая Покровская церковь), на которую претендует группа верующих граждан, в настоящее время используется Госсортфондом для хранения семян, других свободных помещений не имеется, так как в городе Ишиме в период отечественной войны размещены эвакуированные предприятия, военные учебные заведения и детские учреждения – жилого здания выделить для этой цели возможности не представляется, вследствие того, что многие семьи фронтовиков до настоящего времени не обеспечены нормальными жилищными условиями, исполком горсовета решил: От регистрации религиозного общества в городе Ишиме воздержаться, в предоставлении молитвенного помещения группе верующих граждан – отказать»¹⁷.

В начале 1943 года в Ишим после освобождения из лагеря приехал на поселение епископ Ковровский Афанасий (Сахаров; 1887-1962). Он – один из составителей служб Всем святым, в земле Российской просиявшим, участник Всероссийского поместного собора 1917 года, пострадавший за твёрдое стояние в вере Христовой и верность святоотеческим правилам. Жил он неподалёку от Покровской церкви, в доме № 10 на ул. Тупиковская (ныне ул. Герцена). Поскольку в Ишиме не осталось ни одного священника, православные жители города обратились к владыке с просьбой возглавить приход при одном из храмов. Епископ дал принципиальное согласие, хотя и сомневался. Ему хотелось вновь заняться богословским трудом и он уже выписал себе необходимые книги. Сомнения же были связаны с вопросом: признавать или нет правящего митрополита Сергия главой Русской Церкви. Ведь епископ Афанасий тогда относился к числу непринявших Декларацию о лояльности советской власти и «непоминающих» – к духовенству, полагавшему, что митрополит узурпировал полномочия местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра Крутицкого, заняв его должность, когда последний был ещё жив. Но 9 ноября владыка Афанасий был вновь арестован и продолжил исповеднический путь в сибирских лагерях¹⁸.

Однако той же осенью на фоне переговоров с союзниками политика государства по отношению к религиозным организациям смягчилась. В стране стали открываться храмы, монастыри, духовные школы, разрешили провести выборы Патриарха (они состоялись 8 сентября 1943 года). В 1944 году верующим Ишима передали Никольскую церковь. Покровская стала вторым новооткрытым храмом.

Совершилось это уже после войны, 3 сентября 1946 года, благодаря настойчивым требованиям жителей станции, – властям, естественно, не хотелось получать выговор за размножение в городе «очагов мракобесия». Назначенный настоятелем священник Михаил Жовняк сумел неустанными трудами за два месяца подготовить к освящению разорённый храм, в котором были выбиты стёкла, разобрана и украдена часть пола и потолка, отсутствовали иконостас, иконы, облачения, книги, утварь. 22 декабря

¹⁹ Архив благочинного Омской епархии по Тюменской области. 1946 год.

²⁰ Архив благочинного... 1947 год.

²¹ Личное дело прот. Парфения Ерёмченко из архива Омско-Тюменской епархии.

²² Архив благочинного... 1960 год.

²³ Чёрные дни русского православия / Сост. А.В.Чернышов. Тюмень: ТО «Лад», ТюмГУ, «ТРИАН», 1992. С. 164-166.

²⁴ Архив благочинного... 1960 год.

²⁵ Евтихий, еп. (И.Т.Курочкин). На стезе церковного служения // Коркина слобода. Вып. 8. Ишим, 2006. С. 73.

²⁶ Там же.

²⁷ Личное дело запрещ. священника Н.Бондарука из архива Омско-Тюменской епархии.

²⁸ Архив благочинного... 1961 год.

²⁹ Дело о назначении пенсии вдове священника Константины Олейник из архива Омско-Тюменской епархии.

³⁰ Архив благочинного... 1962 год.

³¹ Архив благочинного... 1961 год.

1946 года по благословию Новосибирского архиепископа Варфоломея (Городцова) отец Михаил в сослужении с настоятелем Никольской церкви Иоанном Ветошкиным совершил освящение храма. На него пришло столько народу, что многие были вынуждены стоять во дворе, слушая песнопения в исполнении двух хоров через открытые двери. Сразу после литургии был совершён молебен Божией Матери с многолетием владыке, после которого настоятель произнёс проповедь о необходимости любви к Матери-Церкви и родной стране¹⁹.

По какой-то причине деятельный батюшка был вскоре вынужден покинуть приход. Последующие годы стали чередой смены священников – такова была тактика уполномоченных по делам религии, без санкции которых епископ не мог поставить священнослужителя на приход. Частая смена настоятелей не способствовала укреплению прихода, а чем слабее община – тем она уязвимее для ударов извне.

В 1947 году в храме уже служит иерей Николай Смирнов, а в конце того же года на его место назначен священник Парышев (имя в документах не сохранилось)²⁰.

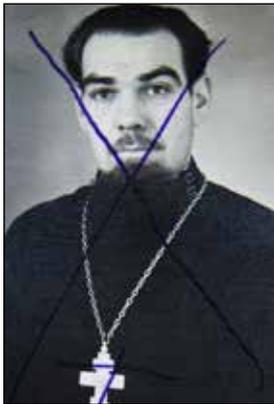
В 1952-1954 и 1956-1959 годах приход возглавлял протоиерей Парфений Ерёмченко (1882-1974). За его плечами – не только многолетнее служение Христу (в 1952-м ему исполнилось 70 лет!), но и понесённые за это служение страдания – пять лет Карагандинских лагерей и пять лет принудительных работ. Как вспоминал еп. Евтихий, ноги его были черны от перенесённых болезней, ему было тяжело ходить и стоять. Но почти до самой своей кончины он старался быть полезным Церкви, трудясь псаломщиком²¹.

Затем о. Парфения на несколько месяцев сменил иерей Михаил Непомнящих. В конце 1959 – начале 1960 годов служил уже священник Иоанн Ларин. До июня 1960-го – протоиерей Иоанн Воронин. Это был самый разгар нового периода усиленной борьбы с «религиозным опиумом» – обратная сторона хрущёвской «оттепели». Правдами и неправдами власти добились закрытия всех сельских храмов в Приишимье и в Притоболье. Угроза нависла над Покровской церковью.

14 июня 1960 года благочинный телеграммой сообщил настоятелю Никольской церкви о. Василию Мисечко об увольнении настоятеля стационарного храма о. Иоанна Воронина и поручил тому «обслужить Покровский приход». Через неделю в Ишим летит телеграмма: «Сообщите... сдана ли Покровская церковь Ворониным [гор]совету, вам исполнять требы, озаботиться полугодовым отчётом». Вскоре приходит телеграмма из епархиального управления: «Сообщите в канцелярию о делах Покровской церкви, сдал ли дела протоиерей Иоанн Воронин и как обстоят там дела». Отец Василий 29 июня высылает рапорт – содержание его нам не известно. 1 июля из Омска приходит телеграмма за подписью епископа Сергия (Ларина): «Ни в коем случае не разрешайте служить протоиерею Парфению Ерёмченко в Покровской церкви [в воскресенье] 3 июля и вообще. До моего распоряжения общественных богослужений там не совершать, только требы...». Было ясно, что дело неладно. Правда, 22 июля епископ Сергий положил резолюцию на рапорт о. Василия о состоянии дел в Покровской церкви: «Постараюсь вскоре назначить священника»²².

5 августа 1960 года исполком Ишимского горсовета принял решение отвести под строительство квартальной котельной «территорию бездействующей Покровской церкви со всеми находящимися на ней строениями». Исполнительный комитет Тюменского областного совета поставил ходатайство ишимских властей о разрешении на снос храма на заседание 31 августа. Но почему-то на документе стоит карандашная помета: «из протокола исключить»²³. А ведь обычно после решения облисполкома в дело вступал бульдозер. Что смогло его остановить? Та самая легенда о «ленинских ходаках»... Да, именно тогда она и родилась, и лишь немногие люди из церковного окружения знали, что на свой страх и риск один опытный прихожанин храма (возможно, это был староста Еремей Парамонович Фролов²⁴) сделал фотомонтаж из архивного текста соответствующего прошения и факсимиле ленинской подписи. Эта фотография и послужила «охранной грамотой». Никто и никогда не видел подлинного прошения,

Иерей Николай Бондарук
(1932 - после 1975).
Омск, 1960 г.

Протоиерей Феодор
Олексюк (1927-1990).
Ишим, 1960-е гг.

Протоиерей Константин
Некрасов (1939-2007).
Ишим (?), 1970-е гг.

Иерей Пётр Лысенко
(1977 г.р.).
Ишим, 2008 г.

³² Вечная память почившим. [Некролог прот. Феодора Олексюка] // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 10. С. 35.

³³ Олексюк И.Ф. Мой отец – протоиерей Феодор // Коркина слобода. Вып. 11. Ишим, 2010. С. 183-192.

³⁴ Фролов А.В. Покровская церковь. С. 6.

³⁵ Архив Тобольской митрополии; [Некролог о. Константина Некрасова] // Ишимская правда. 2007. 6 октября. С. 4.

³⁶ Башкирева Д., Ключа Г. Баба Лиза // Сиб. православная газета. 2009. № 5.

³⁷ Евтихий, еп. На стезе церковного служения. С. 83.

³⁸ Архив Тобольской митрополии.

но староста уверенно заявлял: «Я старый человек, опытный. Если я принесу вам оригинал, вы его порвёте и скажете, что его никогда и не было. Я его берегу для суда, а вам хватит и этой копии...»²⁵.

Епископ Евтихий (1955 г.р.) вспоминает: «Хорошо помню, как мы с мамой поехали в июне на праздник Владимирской иконы Божьей Матери в Покровскую церковь. Но она оказалась на замке, и никого нет. Лишь одна бабушка, которая сидела в садике при церкви, сказала: «Нас закрыли и будут сносить». Мне это было так страшно представить... А осенью появился священник, об отмене сноса не говорили, но потихоньку начались службы»²⁶.

Так был спасён уникальный памятник деревянного зодчества, на сегодня – единственный полностью сохранившийся бревенчатый храм Приишимья. Но власти себя побеждёнными не считали. Удар последовал с другой стороны.

31 июля 1960 года (удостоверительная грамота выдана 22 августа) епископ Омский Сергей (Ларин), как и обещал, назначил на приход только рукоположенного им 28-летнего священника Николая Бондарука. Владыка знал его ещё диаконом по служению на Астраханско-Сталинградской кафедре и потому сразу доверил настоятельство. Однако служба на ишимском приходе стала для молодого ставленника делом непростым. Не сумев примирить разногласия в церковном совете, допустив нестроения в семейной жизни, Бондарук получил серьёзное взыскание от епископа Венедикта (Пляскина), который был назначен временно управляющим Омско-Тюменской епархией с 3 апреля 1961 года. Видя, что настоятель начал сеять «смуту и вражду среди общины Покровской церкви», владыка указом от 13 июля отстранил его от служения и посоветовал искать место в другой епархии. Эта обида стала ахиллесовой пятой, в которую метко пустили свою стрелу соответствующие «органы». Следуя примеру одиозного преподавателя Ленинградской духовной семинарии профессора А.А.Осипова, Николай Андреевич 2 декабря 1961 года опубликовал в «Тюменской правде» статью «Я больше не священник», в которой выступил с отречением от веры и сана и с обвинениями в адрес духовных лиц. Резолюция епископа Венедикта от 25 декабря того же года была тверда: Н.А.Бондарук «лишён священного сана и отлучён от Церкви»; даже фотография в его личном деле была перечёркнута²⁷. Далее свой хлеб он зарабатывал на ниве антирелигиозной пропаганды; последняя известная нам его статья датируется 1975 годом.

Храм вновь оказался под угрозой закрытия.

Дабы не оставлять долго «стадо без пастыря», 4 сентября 1961 года на станцию Ишим был вызван из прихода села Чуртан Викуловского района (церковь там, кстати, тоже была под угрозой закрытия) 82-летний старец протоиерей Александр Рухмалев. Служить ему, конечно, было тяжело; 8 ноября по неосторожности он чуть было не допустил пожар в алтаре²⁸ – для только спасённого от сноса деревянного храма это было бы трагедией.

Покровская церковь «в тисках» современной архитектуры.

1970-е гг. Фотография Н.П.Хрулёва.

³⁹ Иерей Михаил Денисов о работе Ишимского благочиния // Сиб. православная газета. 2005. Апрель. № 4 (89). С. 4; Феценко Н. О военном служении о.Петра // Ишимская правда. 2005. 15 февраля. № 18 (15935). С. 3.

⁴⁰ Феценко Н. «Остановитесь на путях ваших...» // Ишимская правда. 2005. 6 сентября. № 103 (16020). С. 4.

Любовь Ивановна Овчинкина (справа) с сестрой Анной Ивановной и племянником Валерием Александровичем Углицких во дворе Покровской церкви. 1955 год. Фотография из архива Л.А.Углицких.

С марта 1962 года настоятелем храма стал переведённый из Ялуторовска иерей Димитрий Олейник (1892-1966). Священническое служение он совершал к тому моменту всего четыре года, поскольку сан принял в 66 лет. И ещё четыре года он отдал служению на Покровском приходе²⁹. «Священников осталось мало, и ими должно дорожить...» – рекомендовал церковному совету перед новым назначением преосвященный Венедикт³⁰. И церковные нестроения наконец утихли.

Особого рассказа достойны постоянные прихожане и работники церкви того периода. Несмотря на усилия властей по расстройству общественной жизни, истинно верующие люди твёрдо держались церковной ограды. О них нам мало известно. Показательна в этом отношении жизнь Любови Ивановны Овчинкиной. Получив после окончания Тюменской гимназии учительское образование, она не смогла работать в безбожной советской школе и посвятила себя церковному служению, не выходя замуж. С 1926 года и до закрытия Покровского храма в 1937-м помогала своему отцу священнику Иоанну – пела в хоре. После повторного открытия церкви в 1946 году служила там псаломщиком, получая заработную плату всего тридцать рублей. Год её кончины неизвестен, но ещё в 1961-м, будучи 74 лет от роду, она трудилась в храме³¹.

После блаженной кончины о. Димитрия с 18 февраля 1966 года управлять приходом был назначен второй священник ишимской Никольской церкви о. Феодор Олексюк (1927-1990). Настоятельством он всего 15 месяцев, после чего указом епископа Николая (Кутепова) 1 июня 1967 года был переведён обратно в Никольский храм так же настоятелем и усердно исполнял это служение 23 года, до самой своей кончины 2 января 1990 года. С 1970-го он также был неизменным благочинным храмов Тюменского епархиального округа. Как отмечали знавшие отца Феодора, «безукоризненное знание Церковного Устава и должная административная строгость» сочетались в нём с «заботливостью, простотой, внимательностью и постоянной готовностью помочь своим многочисленным духовным чадам, всегда находившим в нём доброго наставника, утешителя, помощника и молитвенника»³². Одарённый проповедник, он был и умелым хозяйственником, а также обладал дипломатическим даром, всегда находя общий язык с властями предержавшими (хотя в юности ему довелось провести пять лет в лагерях за «антисоветскую пропаганду», выразившуюся в хранении религиозной литературы). За это его ценили все омские архиереи, при которых ему довелось служить³³.

Не сумев уничтожить храм физически, городские власти попытались «вытравить» его из градостроительных доминант. Изначально здание Покровской церкви стояло посреди огромной Базарной площади и, несмотря на небольшую высоту, было видно издали, заметно возвышаясь даже над

Митрофорный протоиерей Алексей Сидоренко (1955-2012). Тобольск, 2007 г.

Протоиерей Сергей Рыбакин (1977 г.р.). Ишим, 2013 г.

Иерей Павел Редозубов (1973 г.р.). Ишим, 2012 г.

Иерей Антоний Антоненко (1981 г.р.). Ишим, 2013 г.

⁴¹ Пётр, иерей. *Божье искусство Востока как средство формирования дух. культуры молодёжи // Ишимская правда.* 2006. 28 февраля. № 25 (16092). С. 4; *Нечаева С.И. Отец Пётр: «Для детей наших я и батюшка, и Сэнсэй...» // Ишимская правда.* 2006. 29 июля. № 88 (16155). С. 5.

⁴² Крамор Г.А. *Нерукотворный образ явился в Ишиме // Ямская слобода.* 2002. 27 ноября. № 48 (165). С. 7; *Пакотин С.И. Чудесное явление в Покровском храме // Аргументы и факты в Западной Сибири.* 2003. Апрель. № 18 (422). С. 1; *Лысов В.И. Пред ликом Христа // Труд-7. Тюмень.* 2003. 17 июля. № 129 (24321). С. 7. И др.

построенными в середине века в западной половине площади двухэтажными жилыми домами. В 1964 году был исполнен первый акт «архитектурной пьесы» – напротив алтаря было возведён уродливый параллелепипед кинотеатра «Авангард» (в 2000-х гг. реконструирован для детской цирковой студии «Мечта»). Через несколько лет по краям от него были возведены унылые «силикатные» пятиэтажки. А в 1980-х и южный обзор был прикрыт блочными домами³⁴. Зажатый со всех сторон, храм, однако же, оставался любим и посещаем ишимцами.

Последующий десятилетний период истории Покровской церкви пока остаётся совершенным «белым пятном» – приходского архива не сохранилось, от епархиального уцелели малые фрагменты. С 26 февраля 1979 года епископ Омский и Тюменский Максим (Кроха) назначил сюда настоятелем иерея Константина Некрасова (1939-2007), прежде служившего в Никольском храме вторым священником³⁵. Как и о. Феодор, этот батюшка, прослуживший в станционном храме без малого тридцать лет, хорошо памятен ишимским верующим по сей день. Не имевший системного духовного образования, о. Константин жил искренней верой, чем снискал любовь и уважение прихожан. В условиях нехватки духовной литературы он по ночам переписывал крупным почерком в тетради – сразу по несколько экземпляров – тексты из старинных книг или же заказывал за огромные деньги их фоторепродукции. Будучи профессиональным плотником, взялся за реконструкцию ветшающего церковного здания, заново обшил его «вагонкой» снаружи и фанерными листами внутри, перестелил кровлю, прирубил между колокольней и основным объёмом помещение для хора, переделал иконостас.

Деятельное участие в оформлении храма принимали художники из числа прихожан. Так, по эскизу блаженного Геннадия Чернытёва, чрезвычайно одарённого художника-орнаменталиста, были изготовлены кованые узоры на новых воротах церковной ограды и резные крыльца (их делал Александр Филиппович Зеров). Геннадий также исполнил славянской вязью надписи – цитаты из Библии над арками внутри храма и исполнил орнамент в виде виноградной лозы. Расписывать весь храм не требовалось – стены были плотно увешаны спасёнными из различных церквей Приишимья иконами. Но и для самобытных икон, выполненных в духе наива прихожанкой Елизаветой Степановной Черепановой, тоже нашлось место³⁶. Особенно впечатляет выполненное ею огромное полотно с изображением Страшного суда у западных дверей церкви. А вот изображения евангелистов в «парусах» основного объёма были на рубеже 50-60-х годов выполнены заезжими московскими студентами-живописцами для Никольского храма и перенесены сюда в 80-х³⁷.

1 апреля 1999 года архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий назначил настоятелем прихода выпускника Тобольской духовной семинарии иерея Петра Лысенко (1977 г.р.)³⁸. Будучи приписанным к Синодальному от-

Протоиерей Александр Чурсин.
14 октября 2015 г.

⁴³ Евтихий (Курочкин), еп. Домодедовский. *Об отпечатках икон на стекле // Из ишимской тишины.* Дата публ.: 7.08.2009. Электрон. ресурс: <http://gena-kr.livejournal.com/9155.html>.

⁴⁴ Филарет (Сквородин), игумен. *Памяти наставника и учителя // Вера, ищущая понимания. Жизнь и богословское наследие прот. Алексия Сидоренко.* (Труды Тоб. дух. семинарии: спец. выпуск). – Тобольск: Тоб. духовная семинария, 2013. – С. 303.

⁴⁵ 100-летие Покровского храма г. Ишима // Сайт Ишим. еп. РПЦ МП. Дата публ.: 11.08.2016. Эл. ресурс: http://ishim-eparhia.ru/news/100-letie_pokrovskogo_khrama_g_ishima/ 2016-08-11-88.

делу по взаимодействию с Вооружёнными силами, он неоднократно выезжал в Чеченскую республику для окормления православного воинства³⁹. Вместе с о. Константином посещал исправительно-трудовую колонию⁴⁰. Молодым прихожанам он запомнился созданием клуба им. св. Александра Невского, где учил сочетать духовные упражнения в молитве с физическим совершенствованием через упражнения в каратэ – по словам отца настоятеля, сам он имел четвёртый в России чёрный пояс, являлся чемпионом восточного региона 1993 года и главным сэнсеєм по югу Тюменской области в стиле каратэ шо-токан⁴¹.

17 октября 2002 года прихожане стали свидетелями необычного явления – на обратной стороне киотного стекла иконы Спаса Нерукотворенного, долгие годы лежавшего на правом аналое у алтаря, проявилось белёсое изображение лика Спасителя, обратное (как негатив) живописному⁴². В храм стали стекаться паломники, появились свидетельства о чудесных явлениях, происходивших после молитвенного обращения к образу; над ним была построена резная деревянная сень. Хотя, по мнению епископа Евтихия, такое отображение имеет вполне естественное объяснение (налипание испаряющихся частиц масляной краски вследствие электризации натираемого тряпкой стекла киота)⁴³.

После десяти лет служения в Ишиме 10 марта 2009 года о. Пётр был почислен в заштат по болезни и уехал в Омск. В том же году почётным настоятелем храма указом архиепископа Тобольского и Тюменского Димитрия назначен митрофорный протоиерей Алексей Сидоренко. Кандидат философских наук и кандидат богословия, проректор Тобольской духовной семинарии, он по семейным обстоятельствам был вынужден оставить служение в Тобольске и вернуться в родной Омск. И уже оттуда он регулярно приезжал в Ишим для совершения богослужений. К глубокой печали всех знавших этого учёного пастыря, 8 июня 2012 года о. Алексей скончался от раковой опухоли на 57-м году жизни, смиренно и терпеливо приняв от Господа это последнее испытание⁴⁴.

Постоянным же настоятелем Покровской церкви 10 марта 2009 года назначен (переводом с прихода в селе Викулово) иерей Сергей Рыбакин (1977 г.р.). В помощь ему осенью 2012 года был рукоположен иерей Антоний Антоненко (1981 г.р.). В 2014 году он назначен в село Бердюжье, а на смену ему вторым священником переведён из Никольского храма иерей Павел Редозубов (1973 г.р.), который прослужил на станционном приходе один год и вернулся в родной для него приход кафедрального собора.

Отец Сергей много времени уделял работе благочинного Ишимского округа Тобольско-Тюменской епархии (с 2012 г.; с ноября 2013 г. – Центральное благочиние Ишимской епархии; тогда же он был избран на должность епархиального секретаря), а также созданию домового храма при 4-й областной больнице, находящейся в Ишиме. Кроме того, после воссоединения двух ветвей Русской Церкви с 2008 года к приходу были приписаны находившиеся прежде в юрисдикции Ишимско-Сибирской епархии РПЦЗ храмы Казанской иконы Божией Матери в с. Боровое и Вознесения Господня в с. Локти Ишимского района, требующие дальнейшего восстановления.

В настоящее время приписными являются не имеющие особых молитвенных зданий общины в сёлах Прокуткино и Новотравное того же района.

С 4 декабря 2014 года указом епископа Ишимского и Аромашевского Тихона (Бобова) настоятелем Покровской церкви назначен протоиерей Александр Чурсин, приехавший с охваченной огнём гражданской войны Украины. Совмещая пастырское служение с исполнением обязанностей благочинного, председателя издательско-информационного отдела и отдела по взаимодействию с силовыми структурами, о. Александр деятельно взялся за подготовку храма к столетнему юбилею. По благословению преосвященного Тихона летом 2015 года начались ремонтно-реставрационные работы, которые ведутся на средства прихожан и меценатов города, а также депутатов Тюменской областной думы⁴⁵. Храм заметно преобразился, не теряя в то же время своего исторического облика. И, надеемся, ещё долгие годы он будет служить домом Божиим, который, как сказано в Писании, «домом молитвы наречётся».

Из фотохроники Покровской церкви

Службу совершает епископ Омский и Тюменский Николай (Кутепов). 21 мая 1967 г.

Фотография З.Г.Шлыковой.

Службу совершает епископ Омский и Тюменский Максим (Кроха). 2-я пол. 1970-х гг.

Фотография З.Г.Шлыковой.

Отец Константин Некрасов совершает таинство венчания. 1980-е гг.

Водосвятный молебен в престольный праздник Покрова Богородицы служит о. Константин. 14 октября 2006 г. Фотография Г.А.Крамора.

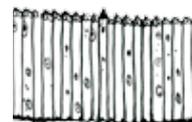
Отец Пётр Лысенко показывает лик Спаса, отображенный на стекле киота. Октябрь-ноябрь 2002 г.

Отец Алексей Сидоренко совершает таинство крещения. 19 декабря 2010 г. Архив диакона Валерия Вокучева.

Епископ Евтихий совершает отпевание прот. Константина Некрасова. 29 сентября 2007 г. Фотография Г.А.Крамора.

Т. А. Крамор,
М. А. Сежилова.

ИШИМСКИЙ МУЗЕЙ. Начало

Четверть века назад, 21 декабря 1991 года, состоялось открытие первых экспозиций Ишимского краеведческого музея. Сам же он был образован за пять лет до того, решением горисполкома от 19 июня 1986 года. За прошедшее время это учреждение прочно вошло в сознание ишимцев, стало неотъемлемой частью культурной жизни города. И сложно представить, с каким трудом всё начиналось, через какие испытания пришлось пройти зачинателям.

Первый музей в Ишиме открылся в 1923 году. Просуществовал он около тридцати лет, пережив два закрытия и три переезда. Кроме воспоминаний старожил, от него не осталось практически ничего. Поэтому когда в середине восьмидесятых на волне подъёма интереса к прошлому, не умерщвлённому идеологическими схемами, возникла идея воссоздания музея, то начинать его пришлось с нуля.

«Восстановим собор всем миром»

Вспоминает Нина Петровна Кузовкова

Краеведческий народный музей был открыт решением исполкома Ишимского горсовета № 117 от 19 июня 1986 г. Для размещения музея отделу культуры передали на баланс две комнаты на первом этаже здания на ул. Карла Маркса, 2. Совет музея на общественных началах возглавлял Виталий Александрович Морев, а поскольку он был слепым, то всю документацию вела его супруга Роза Александровна.

Согласно утверждённому штатному расписанию сотрудников музея директором стал художник Александр Амелин, смотрителем – Лирада Леонидовна Кучак, хранителем фондов – Надежда Андреевна Скрябова. Фонды формировались стихийно, в основном из икон и предметов домашнего обихода. Условия хранения – неудовлетворительные. В полуподвальном помещении всё покрывалось плесенью, поражалось грибок. Работа смотрителя сводилась в основном к борьбе с этой напастью.

К тому времени завершилось строительство административного здания горводоканала, и общественность подняла вопрос о передаче музею освобождёвшегося здания Богоявленского собора. Раиса Петровна Четверикова, которая возглавляла тогда отдел культуры горисполкома, поддержала эти просьбы.

Здание передали городу. Но состояние собора было плачевным. На первом этаже размещались огромные колодцы-отстойники высотой до самого потолка. Стенки из железобетона толщиной чуть не в полметра. Из алтаря выходила железная труба – там располагалась кочегарка. Из-за работы оборудования по стенам шли большие и глубокие трещины. Ветхая кровля пропускала осадки и позволяла голубям обитать на втором этаже.

Коммунисты и комсомольцы предложили восстанавливать здание методом субботников и добровольных пожертвований. В результате была оштукатурена одна стена на втором этаже, а рабочие СМП-695 изготовили оконные рамы – все одного размера. Когда их начали устанавливать, стала ясна ошибка: каждое окно старинного храма имеет индивидуальные параметры.

Моя трудовая деятельность в отделе культуры началась с ремонта собора. Это был август 1988 года. Помню, когда я обошла здание, посмотрела его изнутри, впала в состояние шока. Я не знала, что делать, с чего начать,

Богоявленский собор в процессе реставрации. Зима 1989-1990 гг. Фотография В.В.Ипполитова. ИИХМ.

Директор музея В.С.Серженко с добровольцами на субботнике. 1989 год. Фотография В.В.Ипполитова. ИИХМ.

– ведь денег на ремонт не запланировано. Тут из кислѣвского магазина вышел солидный мужчина в шляпе и спросил, что я тут разглядываю. Это был Василий Петрович Панкин, бывший директор «Ишимторга». «А что здесь думать, нужно ремонтировать кровлю и смотреть фундамент», – резюмировал он со строгим видом и отправился дальше.

И я стала искать бригаду кровельщиков. Жестянщики городских предприятий отказывались, говоря, что фигурной кровлей они не занимались и нужно обратиться к тем, кто купола церквей ремонтирует. Так я и вышла на бригаду из Омска, которая совсем недавно перекрывала Никольский храм. Людьюми они оказались порядочными, сумму запросили небольшую. Обещали до осенних дождей перекрыть, только нужно было достать оцинкованное железо. А в то время это был дефицит. Да ещё в таком количестве.

Помог мне в этом вопросе Иван Васильевич Сиволоб, который возглавлял в Ишиме отдел капитального строительства облисполкома. Оптимист, весѣлый человек! Он как-то легко после одного из аппаратных совещаний сказал: «Петровна, не горюй, железо есть у нас на складе. Только хватило бы». Железа хватило.

Бригада разместилась неподалѣку от собора, в бывшем здании детского сада пивоваренного завода, которое передали под художественные мастерские городского Дома культуры.

Наступил срок расчѣта с бригадой. Перечислить не могла – у них не было счѣта в банке. А наличкой бюджетные средства выдавать не имела права. Обратилась в молодѣжный коммерческий центр, который возглавлял Андрей Лукьянец. Он сразу откликнулся, и ещё одна проблема была решена.

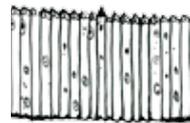
На восстановленные маковки нужно было ставить кресты. Как раз тогда из Тюмени приехал Александр Алексеевич Ваганов, бывший директор ишимского ГДК. Он занимался реставрацией памятников и тесно сотрудничал с областным комитетом по культуре. Узнав о ремонтных работах в соборе, он предложил привезти кресты и сусальное золото для их покрытия. Но когда кресты привезли в Ишим, то игумен Евтихий, тогда возглавлявший приход Шаблыкнской церкви и принимавший активное участие в восстановлении Богоявленского собора, обратил моѣ внимание на то, что тюменские кресты не соответствуют тем, что были раньше на куполах храма. Он сам изготовил новые кресты и покрыл их сусальным золотом.

Настал день их освящения, который я запомнила на всю жизнь. Проходило это в полуразрушенном алтаре собора. Присутствовало несколько человек: игумен Евтихий со своим помощником, его сестра с детьми, А.А.Ваганов, секретарь Ишимского горкома КПСС Юрий Алексеевич Шидлов и я. Отслужив молебен, священник надел спортивную форму, закрепил на своей спине крест и по лесам стал забираться на самую вершину собора. Глядя на него, я поняла, что этот человек мог бы с любовью восстановить это самое красивое здание в нашем городе.

К октябрю 1989 года кровельные работы завершились.

Но проблем оставалось ещё очень много: завести отопление на второй этаж, застеклить окна и, конечно же, убрать колодцы.

К тому времени директором музея стала Валентина Семѣновна Серженко, бывшая заведующая клубом Ишимского мясокомбината. Человек очень энергичный, она с большим энтузиазмом взялась за работу по восстановлению собора. Она сумела поднять ишимцев на субботники, организовать молодѣжь на тяжѣлые работы по расчистке здания. Каждый день

Демонтаж железобетонных отстойников на 1 этаже собора. 1990 год. Фотография В.В.Ипполитова. ИИХМ.

** Неформальное общественное объединение «Собор» было образовано 14.12.1989 г. решением № 228 исполкома Ишимского горсовета на основании решения членов совета и ходатайства городского совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Главные задачи – содействие сохранению объектов культурного наследия и исторической среды Ишима, сбор и популяризация сведений о них.*

туда приходили группы студентов пединститута, учащиеся сельхозтехникума, медицинского училища, школьники. Выносили тяжёлые глыбы бетона на улицу. А утром по ишимскому радио звучали слова благодарности в адрес этих ребят, назывались фамилии, номера групп. Предприятия безвозмездно выделяли технику для вывоза мусора. Большую помощь в этом оказывал председатель горисполкома Владимир Иванович Озолин. Он всегда был и остаётся хозяином своего слова. Пообещал – сделал. Раньше всех он приезжал к собору и проверял, как идут дела.

Казалось, не было безразличных людей – все хотели поучаствовать в создании музея и восстановлении храма. В это же время появилась общественная организация «Собор»*. В неё вошли краеведы, люди, неравнодушные к истории города: игумен Евтихий (Иван Тимофеевич Курочкин), преподаватели педагогического института Татьяна Павловна Савченкова, Елена Васильевна Шилова, Валентина Прокопьевна Колесникова, врачи Леонид Васильевич Фролов, Александр Георгиевич Кутырёв, Владимир Иванович Казанцев, учителя и сотрудники музея – Надежда Леонидовна Проскурякова, Тамара Анатольевна Шмыгун, Евгений Викторович Кряжев, а также Ольга Дмитриевна Маркова и другие. «Соборяне» в выходные дни чистили второй этаж храма, рыли шурфы, проверяя состояние фундамента, проводили большую работу по сбору краеведческого материала. Инициативу создания этой организации поддержал заместитель председателя горисполкома Геннадий Анатольевич Малышкин. И при формировании музея во многом чувствовалась поддержка и понимание этого человека.

Богоявленский собор вошёл в список памятников федерального значения. И восстанавливать его нужно было грамотно, на основе проекта реставрационных работ. Проектно-сметная документация, которую взялся исполнить институт «Сибспецпроектреставрация», стоила ни много ни мало 140 тысяч рублей. По тем временам – пятая доля бюджета культуры города. Помог Г.А.Малышкин, сказав «очень ласково» председателю комитета финансов: «Культуре надо помочь». В резерве на счёте горисполкома лежали деньги, заработанные на коммунистических субботниках. Этой суммы как раз хватило бы для оплаты проекту институту. Вопрос вынесли на голосование депутатов горсовета. Единодушно было принято положительное решение. Вот здесь я и вздохнула: ишимцы понимают, что красавец-собор, который мы разрушили, мы сами и должны возродить. В апреле 1990-го был заключён договор на проектные работы, которые завершились в 1991 году.

Можно сказать, что храм восстанавливали всем миром. И он должен был вновь стать храмом. Поэтому логично было передать его православному приходу для дальнейшей реставрации согласно проектно-сметной документации. И конечно, доверить и передать его я могла только человеку, душой болеющему за собор, – игумену Евтихию. Хотя потом мне долго пришлось писать объяснительные во все инстанции, почему здание было передано именно этому приходу – до сих пор уверена, что мы поступили правильно. Благодаря такому хозяину храм процветает, хорошеет и восстанавливается. Белый лебедь опять поднял голову над городом.

А для размещения музея энтузиастами-краеведами было найдено другое историческое здание, где размещался магазин школьных наглядных пособий. Здесь развернулась научная и экспозиционная работа под руководством Надежды Леонидовны Проскуряковой. Она, учитель истории, пришла в музей из школы на меньшую заработную плату. Но её энтузиазм, большая работоспособность, желание идти вперед всегда помогали ей найти подвижников и помощников.

Собор в процессе реставрации. 1990 г. Фотографии В.В.Ипполитова. Библиотека Богоявленского собора.

«Экспонатов мало – так рисуем!»

Вспоминает

Надежда Леонидовна Проскуракова

В музей я пришла в сентябре 1989-го, отработав перед тем три года в школе учителем истории. Перед началом учебного года прочитала статью о музее в «Ишимской правде». Пошла в отдел культуры, поговорила с Ниной Петровной Кузовковой, познакомилась с директором музея Валентиной Семёновной Серженко, и они позвали меня работать в музей. Сотрудников практически не было.

Музей ютился тогда в полуподвальном помещении бывшей тюрьмы. В двух комнатах находились фонды, и одна комната – кабинет. На тот момент насчитывалось 842 предмета. Но ни о какой систематизации тогда не помышляли, вещи просто лежали на столах, и неизвестно, кто их принёс. Я выпросила в библиотеке металлические стеллажи и стала аккуратно складывать на них будущие экспонаты. Чтобы правильно их атрибутировать, часто звонила сотрудникам Тюменского областного музея, филиалом которого являлся тогда ишимский музей.

Параллельно мы занимались Богоявленским собором, где планировалось развернуть музейные экспозиции. На втором этаже предполагалось устроить кабинеты, и проектировщики предложили разместить для правильной аэрации воздуха отопительные батареи прямо в окнах. И конечно, обустроить туалет. Помню, какое это на меня произвело впечатление. Батареи в окнах, туалет в храме! Помог наш куратор Г.А.Малышкин, который согласился с предложением отклонить такой проект. А у меня тогда возникла идея создания общественной организации, которая занималась бы охраной всех памятников истории и архитектуры в городе.

Инициаторами её создания были игумен Евтихий, Т.П.Савченкова, Л.В.Фролов и я. Мы встретились в пединституте и совместно решили назвать это неформальное общество «Собор». Обратились за помощью к секретарю горкома партии Ю.А.Шилову с просьбой помочь создать печатный орган. Благодаря его содействию в «Ишимской правде» появилась кра-

еведческая страница «Собор», которая выходит по сей день, – более 25 лет! Впоследствии благодаря ей появился краеведческий альманах «Коркина слобода». Первоначально мы хотели назвать его «Отчизнолюб» – так раньше именовали краеведов.

Хотя конечной целью «соборян» было создание и развитие музея, мы уже тогда поняли, что недопустимо открывать его в соборе. Храм должен быть храмом. И мыслили мы правильно, потому что через несколько лет вышел закон о возвращении культовых зданий религиозным организациям. Начали искать новые площади. Кто-то предложил здание на ул. Ленинградская, 29. В народе его называли «Черняковская школа». На тот момент там находился магазин наглядных пособий. Для него мы нашли помещение, где была транспортная контора, нашли помещение и для отселения конторы, да ещё своими силами делали в этих помещениях косметический ремонт. В январе 1991-го музею наконец передали это здание. В течение года мы проводили капитальный ремонт и одновременно монтаж стационарных выставок.

*Открытие музея.
21 декабря 1991 г.
Фотографии
В.В.Ипполитова.
ИИХМ.*

своя неповторимая история. Впереди у музея были новые открытия и новые экспозиции.

Первоначально мы хотели создать экспозицию «Ремёсла и промыслы в Ишимском уезде». А тюменцы предложили взять тему зимней Никольской ярмарки. Из трёх вариантов экспозиционного решения выбрали проект Юрия Дмитриевича Изотенко, его утверждали на художественном совете в Тюмени.

Экспонатов за пять лет собрали немало, но всё же недостаточно для масштабной экспозиции. Мы собирали фактические данные в библиотеке Тюменского музея, много ездили с экспедициями по деревенским музеям (многие из них сейчас исчезли), просили предметы на временное хранение. «Экспонатов мало – так мы их нарисуем!» – эта фраза была тогда самой популярной шуткой. Треть экспозиции – диорама площадью около 20 кв.м с Соборной площадью и купеческими балаганами – была действительно нарисована. Выставка, созданная руками художников Юрия Изотенко и Анатолия Плесовских (он работал в клубе машзавода), получилась очень уютной.

На второй экспозиции с громким названием «Ишимские живописцы в XX столетии» мы представили работы самодеятельных художников Приишимья. Искусствоведом из Тюмени были отобраны достойные картины. Хорошо помню художника Фёдора Петровича Севернюка из деревни Лариха, его светлую наивную живопись. Затем он стал расписывать подносы для продажи в музее.

21 декабря 1991 года состоялось торжественное открытие Ишимского краеведческого музея. Стоял мороз. Поэтому митинг, начавшись на музейном крыльце, скоро переместился внутрь здания. В двух выставочных залах было не протолкнуться. Этого события очень ждали в городе.

Музей тогда купался в любви горожан. Постоянно проводились экскурсии. Люди безвозмездно несли в музей уникальные предметы, за каждым из которых стояла

Пресса лет былых

«Ишимская правда» о первых годах музея

Музею нужна помощь

Как уже сообщалось, в городе создан общественный совет краеведческого музея, который будет открыт в здании Богоявленского собора (бывшее помещение горводоканала) в 1987 году. Членами совета на общественных началах ведутся работы по подготовке экспозиции музея, а также самого здания собора к намеченному сроку открытия.

Совет музея обращается к вам, уважаемые ишимцы, жители города и района. Создать музей, сделать его живой и правдивой памятью о наших земляках и нашем крае мы не сможем без вашей действенной помощи. Помимо документальных материалов, фотографий города различной поры, архивных документов, связанных с историческим прошлым города и района, в фонд музея от частных лиц поступило уже более ста экспонатов, связанных с жизнью и бытом людей, относящихся к XIX-XX векам. Так, например, Е. А. Главина передала в фонд музея полотенце льняное ручной работы начала века, а З. И. Гусева – деревянные настенные часы конца XIX века.

Интересную географическую карту азиатской России прошлого века передала музею И. И. Поспелова. Старинные монеты поступили от коллекционера А. Д. Пилюгина. В. А. Морев передал музею точёные деревянные рамы, монеты дореволюционного периода и первых лет советской власти. Самовар прошлого века и полевые телефонные аппараты времён Великой Отечественной войны поступили от Н. П. Ворохобова.

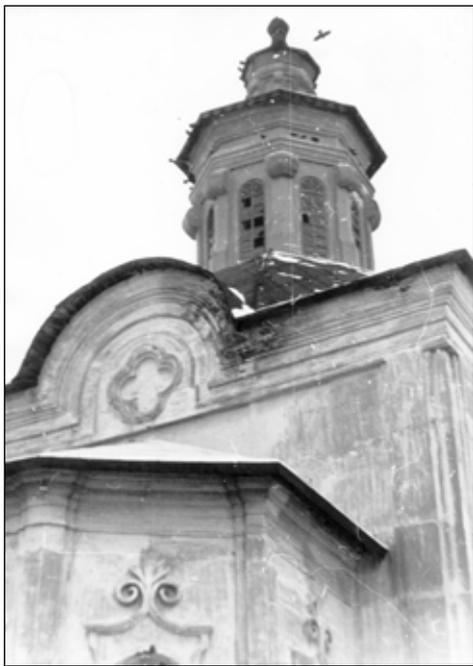
Музей интересуют: старинные предметы домашнего обихода, старинная посуда, одежда, обувь; изделия декоративного и прикладного значения; обмундирование, вооружение, снаряжение участников войн; различные документы, удостоверения, хлебные карточки, дневники, письма, воспоминания; обычаи и обряды; игрушки, народные игры; старинные монеты, деньги, археологические находки; фольклор, песни, былины и частушки о родном крае и его людях. Приём экспонатов производится в здании Богоявленского собора по средам и субботам с 11 до 14 часов. Если по каким-либо причинам вы не сможете прийти в это время, сообщите по телефону 9-15-35 или по адресу: ул. Луначарского, 62, городской отдел культуры, ваш адрес с описанием имеющихся экспонатов.

Любовь к родному городу, к родной земле, её людям рождается только от знания истории этой земли, её людей. Нация подобна дереву: чем крепче корни, тем мощнее крона. Мы с вами, живущие, – крона нашей нации, а знание наших исторических корней укрепляет их.

Ещё раз просим вас, уважаемые ишимцы, оказать помощь в создании музея истории нашего края.

*Александр Амелин, директор музея.
(11.06.1986, с. 3).*

*Собор до реставрации. 1980-е гг.
Фотографии
В.В.Ипполитова..
ИИХМ.*

Печальная судьба собора

Значительным событием духовной и культурной жизни нашего города явилось празднование 1000-летия Крещения Руси. Эта дата ещё раз напомнила об ответственности, которую мы несём за судьбу памятников Отечества. Богоявленский собор XVIII века... Невозможно представить Ишим без этого здания. Издалека виден парящий силуэт собора, формирующий архитектурный ансамбль всего города. Подобно храму Христа Спасителя в Москве, Богоявленский собор строился на средства, собранные народом. В клировых ведомостях Тобольской духовной консистории о нём сохранились следующие сведения: «Построен в 1784 г. тщанием прихожан. Зданием каменный, с таковою же колокольнею, крепок, крутом его каменная ограда. Престолов в нём три: первый в нижнем этаже, тёплый во имя Богоявления Господня, второй во имя святителя и чудотворца Николая, третий – холодный, верхний в честь Успения Божьей Матери. Утварью достаточен».

На протяжении многих лет собор был украшением, гордостью, сердцем города. А сейчас? Болит душа, когда видишь груды мусора и угля рядом с его стенами, оконные проёмы без рам и стёкол, прорехи в кровле, навсегда загубленные росписи, выломанные половицы и куски старинной каменной кладки, обвалившуюся штукатурку. От вибраций оборудования, установленного в здании, на стенах и фундаменте собора образовалось несколько глубоких трещин. Собор ветшает на глазах, а мы продолжаем терпеливо ждать, когда же кто-нибудь возьмётся за его восстановление.

На реставрацию этого памятника архитектуры ассигнована государством немалая сумма, но и она окажется недостаточной, если работы по восстановлению собора не начнутся в ближайшее время. Пока собор не поставлен на консервацию, процесс разрушения будет продолжаться. Уже давно ведётся разговор о том, чтобы горводоканал покинул стены собора, но всё остаётся по-прежнему.

Когда же появится кровная заинтересованность в деле сохранения архитектурных ценностей города не только у руководителей Ишима, но и вообще у горожан? Не верится, что в городе нет энтузиастов из интеллигенции, партийных и комсомольских работников, служащих (атеистов и верующих), готовых

безвозмездно оказывать помощь при восстановлении собора. Неужели все мы, граждане Ишима, позволим погибнуть этому историческому памятнику, который свидетельствует о таланте, трудолюбии и высоких духовных помыслах наших предков?

*Татьяна Савченкова,
преподаватель пединститута.
Леонид Фролов,
врач.
(7.09.1988, с. 4).*

Собор в процессе реставрации. 1989 г. Фотографии В.В.Интюлитова. Библиотека Богоявленского собора.

Городу нужен музей

(рубрика «Актуальная тема»)

С ишимским краем связаны имена таких людей, как Коркин, Карякина, Ананьев, Янушкевич, Пономарёв и многие другие. Отсюда стремление местной общественности увековечить всё, что связано с ними, в музейном здании и экспозициях. Мы ведь только провозглашаем, что народ – творец истории, а как доходит до увековечивания его памяти, сразу пропадает интерес. А сейчас во что бы то ни стало мы хотим поклониться и простому мужику ишимскому за труд его, пот, страдания, боль.

Инициатива создания музея в Ишиме была проявлена снизу. Сейчас она получила поддержку у руководителей города. Дело это дорогостоящее, а ведь у нас столько нерешённых проблем. Но своевременна постановка вопроса об усилении внимания к краеведению.

Сейчас проводим реконструкцию Богоявленского собора. В этом году будут сделаны купол и фасад здания. Приглашены две бригады специалистов-реставраторов из Омска. Работают они оперативно, но у нас большая проблема с обеспечением бригад строительными материалами. И хотя есть распоряжение горисполкома о выделении предприятиями строительных материалов на ремонт памятника истории и архитектуры XVIII века и открытия историко-краеведческого музея в городе, не все его выполнили. А ведь оно принято по предложению самих же руководителей предприятий города и района.

На сегодняшний день на реставрацию израсходовано 30 тыс. рублей. Из них от населения города на спецсчёт поступило 1089 руб. 77 копеек.

Сейчас многие не знают имени-отчества своего прадеда. Это, конечно, не делает нам чести. Но где можно узнать собственную родословную? При нормальном уровне развития краеведения центром самопознания должен стать городской музей. Увы, его нет! Плохо знают и историю родного города! Совсем небольшое количество горожан имеет возможность хотя бы увидеть документ многолетней давности о своих предках.

Дореволюционная история Ишима интересна. Здесь было 5 церквей, свой театр, духовное училище.

В городе проживали интеллигенты-переселенцы с высокой культурой. В Ишиме были хорошо развиты гончарные ремёсла. В городе жил знаменитый ружейник Суворов, который делал прекрасные ружья. Ишимское масло экспортировалось за границу.

Мы торопились расстаться со старым. Взрывали храмы, вырубали фрески. Большая озлобленность была против старого и слишком много было дано власти тем, кто это вершил. Но, кажется, мы и сейчас ничему не научились.

Когда я впервые зашла вовнутрь Богоявленского собора, у меня сердце дрогнуло от вида следов варварства, которое было совершено там многие годы назад. Ничего не осталось от памятника архитектуры.

Встретилась со старожилом, который работал маляром. Он рассказал, что вначале фрески забеливали, но они выступали из-под из-под извести. Тогда собрали комсомольцев на субботник (таких субботников проводилось несколько), дали им в руки топоры и заставили вырубить фрески.

Нам не надо стыдиться своей истории, если мы хотим выжить, вырастить гуманных детей. При нынешнем кризисе культуры, особенно бросаю-

Собор в процессе реставрации. 1990 г. Фотографии В.В.Иттолитова. ИИХМ.

щимся в глаза на фоне всеобщей грамотности, краеведение, как человеческое самопознание, требует внимания и заботы.

Открытие краеведческого музея в нашем городе – очень важное дело, дело всей общественности. На сегодняшний день мы насчитываем около тысячи экспонатов. Но нам негде их выставить. Нет помещения. Поэтому мы предлагаем общественности города высказать своё мнение, предложения насчёт временного помещения, пока ремонтируется Богоявленский собор. Прежде всего это помещение должно быть сухим и каменным. Ждём ваших предложений.

*Валентина Серженко, директор музея.
(5.07.1989, с. 3).*

Возрождение

(рубрика «Памятные места города»)

Богоявленский собор – украшение земли ишимской, нашей малой родины. И кажется, что вырастает он из этой самой сибирской земли – из бескрайних полей с перелесками, из берёзовых рощ и зелёных холмов. Древний храм как будто парит над городом и окрестными селениями, отражаясь в зеркале озёр и тихих речушек... Более двух веков тому назад воздвигли собор наши предки. Немало ветров прошумело с тех пор над страной. В годы беззакония и произвола памятнику был нанесен тяжёлый урон, и стоял он после этого в большом небрежении.

Теперь в проёмах колокольни Богоявленского собора снова видно голубое небо. Свидетель минувших эпох будет восстановлен. Сейчас собор в строительных лесах. Стенам его уже возвращается белизна, а купола заблестели на солнце. В течение месяца работают две бригады реставраторов. Скорейшему началу работ содействовала Омско-Тюменская епархия. С раннего утра до позднего вечера трудятся люди на куполах и стенах собора. Но сделать ещё предстоит очень много. И без помощи общественности здесь не обойтись. Вот и сегодня прошёл второй субботник по восстановлению памятника. На первый людей никто не собирал – они пришли сами, по зову сердца. А потом появился призыв в местной газете, и с утра 15 июля, несмотря на жару, желающих помочь пришло значительно больше. Ишимцам не безразлична судьба старейшего и красивейшего здания нашего города.

А работа? Она, что и говорить, не из лёгких. На субботник пришли самые разные люди – рабочие, преподаватели пединститута, руководители горисполкома, врачи, пенсионеры, работники горкома ВЛКСМ, представители других слоёв населения. Потрудились хорошо, с душой. Помогали даже дети. Общими усилиями разобрали «современные» постройки у стен собора, очистили территорию, подготовили её для дальнейших реставрационных работ.

А работа? Она, что и говорить, не из лёгких. На субботник пришли самые разные люди – рабочие, преподаватели пединститута, руководители горисполкома, врачи, пенсионеры, работники горкома ВЛКСМ, представители других слоёв населения. Потрудились хорошо, с душой. Помогали даже дети. Общими усилиями разобрали «современные» постройки у стен собора, очистили территорию, подготовили её для дальнейших реставрационных работ.

В этот раз большую помощь оказала техника. О ней – особо. Ряд предприятий города – спецавтохозяйство, ДСУ-2, автобаза связи – откликнулись на призыв и предоставили в выходной день транспорт. Добросовестно и умело поработали водитель автопогрузчика А. Низковских, водители самосвалов С. Метелёв и В. Олейник. Спасибо им. Но без пары человеческих рук, вооружённых лопатой или ломом, в этом непривычном для нас

Собор и здание пединститута. 1992 г. Фотография В.В.Иттолитова.

Ишима, сердце старого города. В двух шагах от величественного храма расположен другой выдающийся памятник старины – здание государственного педагогического института (бывшая духовная семинария). Это сооружение немногим моложе собора*. Большое двухэтажное здание на высоком цоколе в почти неизменном виде хорошо сохранилось до наших дней. В

Открытие бюста А.И. Одоевского в Ишме. 27 октября 1989 г. Фотография В.В.Иттолитова.

архитектуре его угадываются элементы классицизма. Здание бывшей семинарии в окружении вековых тополей придаёт неповторимый колорит этому тихому уголку нашего города. Оно дорого нам, как свидетель дней минувших, как очевидец и соучастник памятных всем нам событий. Оно помнит и замечательных людей России, так или иначе связавших свою жизнь с сибирским краем. По улицам под сенью этих старых стен ходил ссыльный поэт-декабрист А. И. Одоевский. Свободолюбивый поэт Мачтет также бывал здесь По некоторым данным, он венчался в Богоявленском соборе. Мы помним и чтим имена великого гуманиста А. П. Чехова, учёного А. Гумбольдта. В разное время судьба приводила их в Ишим**. И, конечно же, П. П. Ершов, автор бессмертного «Конька-Горбунка». Пётр Павлович служил попечителем учебных заведений Тобольской губернии и не раз бывал здесь, снова и снова возвращаясь в город своего детства***.

Пришла другая эпоха. В тяжёлую годину гражданской войны в здании семинарии располагался госпиталь. Здесь работал Л. Х. Попов, видный деятель советского здравоохранения.

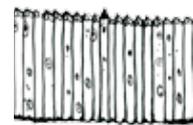
Здание пединститута тоже нуждается в реставрации. Возвратить ему былую красоту можно, и это не потребует много средств. Почему бы не объявить площадь у Богоявленского собора с расположенным тут же зданием института первой в нашем городе заповедной исторической зоной? Два замечательных памятника прошлого, обновлённые – рядом! Благоустроить саму площадь. И люди придут сюда, приведут своих детей и внуков. Красота, понятная, всем. Исторический уголок Ишима наполнится живым, конкретным содержанием.

И ещё об одном. Близится знаменательное событие в культурной жизни нашего города. 20-26 ноября в Ишме пройдут Дни русской литературы и языка в связи со 155-летием выхода в свет сказки П. П. Ершова «Конёк-Горбунок». В торжествах будут принимать участие писатели, учёные, народные депутаты, преподаватели вузов и школ, а также все желающие. Такое в истории Ишима будет проводиться впервые. Приедут люди из самых разных уголков страны, из-за рубежа. Конечно же, памятники старины должны предстать перед всеми в обновлённом виде. И нам будет что показать гостям. Ишимский педагогический институт – не только кузница учитель-

деле, пока не обойтись. И вот снаружи памятник архитектуры значительно преобразился.

А что же внутри? Здесь, к сожалению, всё по-прежнему. Горводоканал не покинул первый этаж здания к июню, как намечалось. Из-за работы машин процесс медленного разрушения фундамента и стен продолжается. Необходимо решить эти вопросы в самую первую очередь. Иначе труд реставраторов может оказаться напрасным.

Место, где был возведён Богоявленский собор, – исторический центр

* Ошибочная версия, распространённая в те годы – то, что здание принадлежало семинарии и построено в конце XVIII века по проекту, утверждённому Екатериной II (потому в плане выглядит как буква «Е»). На самом деле это здание духовного училища, построено в 1884–1886 гг.

** Информация о посещении Ишима немецким учёным Александром фон Гумбольдтом также оказалась неверной.

*** П.П.Ершов посещал Ишим с инспекторскими поездками будучи директором училищ Тобольской губернии; должность попечителя он не занимал.

**** Правильно: Лапто-Старженецкий. Подобные мелкие ошибки в краеведческих статьях того периода свидетельствуют о том, с какими трудностями пришлось столкнуться краеведам, выросшим в советское время и взявшимся изучать историю дореволюционного Ишима и насколько эта история была малоизученна даже серьёзными исследователями.

ских кадров для нашего края, но и неизменный инициатор многих добрых и нужных начинаний в городе. В его стенах трудится сплочённый работоспособный коллектив, настоящий отряд советской интеллигенции. Вот и сегодня в субботнике активное участие принял известный ленинградский профессор, ныне работающий в ИГПИ, – В. И. Кодухов со своими коллегами. Но институт, к сожалению, не имеет имени – имени человека, которым могли бы гордиться и преподаватели, и выпускники. А не дать ли институту имя нашего великого земляка П. П. Ершова? Он родился близ Ишима, немало потрудился здесь и многое сделал для нашего края. Думается, что наш институт, студенты и их наставники будут с честью носить имя великого земляка, писателя, патриота.

*Леонид Фролов, врач железнодорожной больницы.
(21.07.1989, с. 2).*

Богоявленский собор

(рубрика «Уголок истории»)

«Собор во имя Богоявления Господня построен в 1784 г., тщанием прихожан по плану и фасаду, выданному в 1781 г. вместо деревянной церкви Николаевской. Собор каменный, с такою же в связи колокольнею, постройки прочной. Ограда каменная с железной решёткой...» (из Государственного архива Тюменской области).

В соборе было три престола: первый – в нижнем этаже – в честь Богоявления Господня, второй – с северной стороны, во имя святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского и третий – в верхнем этаже, в честь Успения Богоматери.

На церковной ограде находится нежилой каменный дом в три небольших комнаты, предназначенный для помещения церковноприходской школы.

Библиотека при соборе существовала с давних времен. Книги, указанные в списках Митрополита Филарета, разделялись на три разряда: писания святых отцов в 64 экземплярах, книги духовного содержания в 318 названиях и исторические – в 42 экземплярах. Пользовались ими немногие из прихожан.

Восьмого ноября 1898 года была открыта воскресная школа. Содержание её поддерживалось обществом попечения о начальном образовании, членами которого состояли преимущественно лица интеллигентные, а преподавателями в школе были священники Николай Гвоздицкий и Пётр Овчинкин, наставники приходского и уездного училищ, наставницы женской гимназии. А так как приток учащихся иногда достигал 50 человек, по преимуществу из бедного населения города, то это свидетельствовало уже о сочувственном отношении прихожан к воскресной школе.

Была и министерская школа, которая находилась в д. Стрехниной, отстоящей от города в шести верстах. Законоучителем в ней состоял священник Николай Гвоздицкий, получающий за труды 60 руб. в год, а учительницей – дочь священника Александра Георгиевна Земляницына.

Раскольников и сектантов в соборном приходе, кроме двух семей из старожилов, уклонившихся в австрийскую секту, не было.

18 апреля 1901 г. посетил собор тобольский губернатор Лапто-Сторяневский**** и преосвященный Сергей епархии Омской и Семипалатинской. Ему служили Божественную литургию.

В 1910 г. ближайшими к собору церквями были: градо-Ишимская Троицкая кладбищенская и градо-Ишимская Николаевская. В 1916 г. кроме городских были церкви в сёлах: с. Боровое – Богородицкая, 16 вёрст, с. Локтинское – Вознесенская, 34 версты, с. Травнинское – Михаило-Архангельская, 24 версты, с. Ларихинское – Троицкая, Клепиковская – 18 вёрст.

Мало что из исторической реликвии дошло до наших дней. Тому подтверждением служат скупые строки из архива. Поэтому мы обращаемся к жителям г. Ишима и Ишимского района с просьбой об оказании нам помощи в сборе исторического материала. Возможно, живы предки священ-

ников Николая Гвоздицкого и Петра Овчинкина, А. Г. Земляничиной и других священников, и они смогли бы поведать о соборе, его истории более, чем мы знаем.

Наш телефон 9-18-95, ул. К.Маркса, 2, краеведческий музей. Вы сможете нас найти и на территории Богоявленского собора с 16 до 18 час., где в эти часы работает общественность города.

*Валентина Серженко, директор музея.
(9.09.1989, с. 4).*

И честь, и ответственность

(рубрика «Точка зрения»)

«Тюменская правда» 18 апреля с. г. сообщила, что совместным постановлением Министерства культуры РСФСР, Госстроя РСФСР и Центрального совета ВООПИиК утверждён новый список исторических населённых мест РСФСР, в который вместе с 510 древними городами, поселками и селами России включён и город Ишим.

Несомненно, это большая радость для тех, кто любит свой город. Вместе с тем это накладывает особую ответственность на всех, от кого так или иначе зависит его лицо.

Статус исторического города, думается, без восторга воспримут те градостроители, что недавно с лёгкостью пошли на снос старого дома на Привокзальной площади, позволили разрушение усадебного ансамбля аптеки по ул. Ленина и замахнулись было на старинное здание, где ныне располагается ателье «Новинка». Им нужно твёрдо усвоить азбучную истину, что исторический облик города – это не только здания с архитектурными украшениями, а все без исключения исторические застройки, составляющие неповторимый городской микроклимат. Нужен новый план застройки с учётом историко-художественного аспекта. Созрела также необходимость открытия участка для осуществления работ по комплексной реконструкции исторической застройки.

Однако внешний облик – ещё далеко не всё, что поднимет нас до уровня, достойного звания исторического города. Не терпят отлагательства конкретные шаги и по развитию музейной работы, для чего нужно привлекать свежие силы и вскрывать имеющиеся резервы. Например, в помещении, занимаемом ателье «Новинка», можно разместить музей флоры и фауны, для чего передать здание сельхозтехникуму и ПТУ-8.

Ишимторг имеет реальную возможность обрадовать горожан и наших гостей открытием музея торговли – самого перспективного по направлению, исторически оправданного именно для Ишима музея, как считают ведущие специалисты Омского краеведческого музея. Есть и подходящее для этой цели по расположению и архитектуре помещение – деревянный лабаз на колхозном рынке (там когда-то был мебельный магазин). Это сооружение – настоящий памятник высококлассной плотницкой работы, неповторимый уже сейчас, его нужно сохранить для потомков. Если обдуманно подойти, то переоборудование его под музей с двумя залами – холодным и отапливаемым – не потребует больших капитальных вложений.

Не должен оставаться в стороне и Ишимский пединститут. Его коллектив может начать работу по накоплению материала о развитии образования и культуры в городе. По размещению экспозиции такого характера имеются конкретные предложения, но оставим их для будущего разговора.

А сейчас вернёмся в сегодняшней день. Его реальность такова – у исторического города нет краеведческого музея. Есть фонды, есть штат сотрудников, есть научные и архивные разработки, но... Нет здания с выставочным залом и хранилищем, и потому всё имеющееся – на грани упразднения, как уже случилось с нашим филиалом областной картинной галереи, закрытым с изъятием фондов месяц назад из-за отсутствия помещения. С большим трудом при помощи горисполкома удалось было найти помеще-

* Правильно: Николай Максимович Черняховский. Написание его фамилии через «х», на слух, было распространено в тот период, до выявления исторических документов.

** Ещё одна историческая ошибка, основанная на предании. На самом деле в этом здании находились квартиры священнослужителей, а больница располагалась в соседнем квартале (до 1890-х гг.).

ние под музей. Это здание бывшей «Черняховской» школы перед Никольской церковью. Купец Черняховский* одарил наш город настоящим архитектурным ансамблем – церковь с четырьмя часовнями, рядом здание школы и здание больницы (ныне нарсуда)**. Размещение в этом, почти полностью сохранившемся ансамбле краеведческого музея оправданно, и лучше нечего желать. Тем более, что сейчас здание школы используется совсем не по назначению: в нём расположился магазин-склад наглядных пособий, и вместе с наглядностью хранятся химреактивы высокой концентрации.

Коллектив этого магазина согласился (хотя и с большим нежеланием) переехать в другое здание в районе старого мясокомбината. Коллектив изыскательской партии (начальник В. В. Пахмурко), расположившийся в том здании, с ущербом для себя согласился перебраться на самую окраину города. Члены инициативной группы общества «Собор» внесли личные деньги на проведение сигнализации, необходимой для магазина наглядных пособий.

И вдруг появилось препятствие – педагогический коллектив депутатского корпуса горсовета. Педагоги протестуют потому, что от автобусной остановки до магазина наглядных пособий на новом мосте им идти будет дальше, и, кроме того, там, в районе старого мясокомбината, простите, дурной запах, с которым мириться могут разве что живущие окрест. Както противоестественно на первый взгляд, но препятствие для передачи здания музею очень серьёзное, ведь на прошлой сессии горсовета коллектив депутатов-педагогов на деле показал, что может побеждать и в меньшинстве. И, скорее всего, этот коллектив на следующей сессии предпримет попытку сорвать открытие краеведческого музея исторического города по вышеназванным причинам.

Такое вот печальное завершение радостного сообщения о республиканском признании нашего провинциального городка, его исторической ценности.

*Игумен Евтихий (И.Т.Курочкин), депутат горсовета.
(8.05.1990, с. 3).*

К истокам своим

(тематическая страница «Собор»)

Культура - как растение, у неё не только ветви, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней.
Д.С.Лихачёв.

Влюблённость в свою малую родину веками была присуща исконному жителю земли русской и являлась его национальной чертой. Но социальные потрясения последних десятилетий сделали своё дело. Притупились чувства национальной гордости. Оказались в опале, в забвении не только люди, но и целые научные направления, в частности, краеведение – способ познания прошлого и настоящего родного края. И сегодня, когда уже столько утеряно, возрождение краеведения – жизненная необходимость, потому как это – один из наиболее доступных реальных путей возврата к нашим духовным ценностям.

Как и по всей стране, обезличка истории коснулась наших мест, нашего самобытного сибирского городка с его совершенно своеобразным собственным пластом культуры. Культуры, где воедино переплелись нравы и обычаи российских переселенцев из самых разных городов и весей обширной русской земли. Обезличка эта продолжается и по сей день.

И давно уже наш город не имеет «свой нор»», как говаривали в старину. Какой уж тут нор, когда от ветхости и старости приходится доживать последние годы, а то и месяцы некогда нарядным, украшенным деревянными узорами домам прошлого столетия. Смотришь на их покосившиеся углы, изъеденные временем венцы брёвен, и буря чувств проносится в душе

– от восхищения мастерством предков-умельцев до досады на духовную нищету и равнодушие их потомков, то есть нас с вами. А на месте этих убогих домишек тем временем нет-нет да и вырастет очередная «пятиэтажка».

Казалось, радоваться бы надо – проблема с жильём решается. Да только не радостно что-то – настолько унылый и однообразный вид имеет долгожданное жильё. И появляется желание пройтись по тихим тенистым улочкам и переулкам старого Ишима. Пройдись и ты, уважаемый читатель, не пожалей времени. И за ветхостью и запущенностью старых кварталов непременно разглядишь первозданную красоту сибирского плотницкого мастерства, красоту деревянных резных кружев, свитых руками сибирских умельцев себе в радость да потомкам в поучение. Это страницы градостроительной книги, где дома, как буква к буквке, слагаются в слова, в строки, в песню замечательного плотницкого ремесла:

*У ворот вились верёюшки,
У широких завивались,
Как не сами они вились –
Завивали их плотнички
Топорами-то булатными.*

И пусть каждый из вас, идя по родной земле, услышит мелодию деревянной резьбы, пусть не заглушит её монументальность современных «пятиэтажек», пусть не потеряется в нас ещё что-то очень важное. Конечно, надо строить современные, уютные дома, разумеется, старые домишки в конце концов исчезнут. Но сохранить традиции мастерства, оформление фасадов и улиц, элементы декорации и т.д. – это задача каждого, неравнодушного к памяти народа своего, человека.

Наш город имеет статус исторического. Но историчность наша давно уже перелицована и замарана отдельными заплатками новейшей архитектуры. Нет той гармонии в застройке исторического центра, которая свойственна была любому средневековому городу. Почему бы не вернуть нам эту гармонию, объявив исторический центр заповедным? Я думаю, так и будет. Но пока это дело отдалённого будущего.

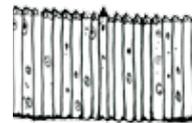
Лишь благодаря подвижникам, замечательным людям-краеведам удаётся сохранить облик нашего города. Работа их как никогда нуждается в поддержке и заинтересованном системном подходе. Ведь не случайно, по определению академика Д. С. Лихачёва, «краеведение – это самый массовый вид науки. Поэтому краеведение, или, как его ещё называют подвижники, «родиноведение» – это прекрасная школа общения людей разных поколений, школа уважения к своей памяти, к своим истокам».

У нас же в городе такую школу проходят немногие. Это хорошо, если в семье хранятся традиции поколений. А если нет? Конечно, познают родной край школьники через походы, через просвещение. Но и здесь нужна система. В городе нет культурных учреждений, которые опять-таки в системе могли бы рассказать о родном крае. Поэтому, как воздух, необходимо открытие уже действующего, доступного для горожан музея с постоянной экспозицией и сменными выставками. Нужны клуб туристов, неформальные объединения краеведов, способные заняться изучением местного фольклора, прикладного искусства, природы и истории.

Совершенно очевидно, что пришла пора свести в единую систему все накопленные знания о нашем крае, разработать и ввести в преподавание школьный курс «Основы краеведения». И тогда можно будет заниматься не только научно-исследовательской, но и просветительской работой на базе музея. Для решения всех этих вопросов необходимы совместные усилия многих людей – от краеведов до городских властей, спонсоров, а, возможно, и меценатов. Скептикам подобные планы покажутся фантазией, очередной говорильней. Однако они вполне выполнимы, и важность их очевидна. Ведь в конечном итоге возврат к истокам своим – один из немногих способов сохранения нравственного здоровья общества в наше непростое время.

*Тамара Шмыгун, учитель истории.
(17.08.1990, с. 3).*

Курганы раскапывать нельзя

(тематическая страница «Собор»)

Этим летом в районе озера Мергень институтом проблем освоения Севера СО АН СССР совместно с Тюменским университетом проводились археологические раскопки. Возглавил экспедицию А. В. Матвеев – зав. лабораторией археологии и этнографии Западной Сибири. В Ишимском районе это первая крупная экспедиция, в ней приняли участие около 60 человек, занимавшихся исследованием стоянок древнего человека.

Человек с давних пор поселился в этих местах, богатых рыбой и дичью. Здесь было обнаружено несколько поселений, начиная с неолита (каменного века) до раннего железного века. Когда-то на этом месте, сейчас заросшем травой, стояло большое поселение из жилищ, сделанных в виде землянок, дымились костры. Женщины готовили пищу в глиняной посуде, обломки которой в очень большом количестве найдены археологами. Мужчины ловили рыбу, затем коптили её в специальных хозяйственных ямах, охотились на уток, цапель, журавлей.

Среди находок встретились очень интересные предметы, например, рукоятка для долота из рога лося для выдалбливания лодок, костяной нож, гарпун, отлично сохранившиеся кости рыбы. Разнообразными оказались образцы керамической посуды, среди узоров преобладают ёлочки, ряды насечек, крестовый штамп, зигзагообразные линии. Орнамент выполнялся оттисками гребёнки и прочерчиванием палочкой по сырой глине.

А. В. Матвеев подарил Ишимскому краеведческому музею некоторые находки, коллекцию керамики, принадлежавшей к раннему железному веку и относящейся к Красноозёрской культуре, кости древних рыб (карасей). Были сделаны фотографии раскопов и наиболее интересных образцов. Постепенно собирается материал для экспозиции, связанный с далёким прошлым нашего края.

Археологи могут отыскать ещё многие предметы, имеющие историческую ценность, но существует большая опасность уничтожения курганов, археологических стоянок. Особенно большой вред приносят распашка земли и строительство. Например, в Абатском районе сохранилось около десяти процентов всех археологических памятников, но и у нас дело обстоит не лучше. Причина в том, что эти памятники никем не охраняются. А. В. Матвеев располагает картой археологических памятников Ишимского района, которые необходимо поставить на государственную охрану.

Члены неформального общества «Собор» вместе с археологами совершили однодневную экспедицию к некоторым из сохранившихся курганов Ишимского района. Во время поездки археологами совершенно случайно было сделано открытие: рядом с курганами на вспаханной земле были обнаружены обломки керамики, которые свидетельствуют о том, что здесь было поселение раннего бронзового века. Таким образом, открыта ещё одна страница в истории нашего края.

К сожалению, многие из курганов пострадали от неразумного, варварского отношения наших современников. Раскопки, сделанные людьми некомпетентными в этом отношении, наносят непоправимый ущерб нашей культуре. Руководители колхозов и совхозов, во время уборки урожая не забывайте, пожалуйста, что рядом с вами может находиться памятник, который хранит историю и культуру нашего края.

В Законе об охране и использовании памятников истории и культуры написано: ведение раскопок памятников археологами допускается только при наличии разрешения. Лица, виновные в невыполнении правил охраны и использования памятников археологии, несут уголовную и административную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР. Административная комиссия при исполкоме устанавливает штраф: должностным лицам – 100 рублей, гражданам – до 50 рублей. Раскапывать курганы категорически запрещено.

*Надежда Проскурякова, сотрудник музея.
(17.08.1990, с. 3).*

Размышления над газетой

(тематическая страница «Собор»)

Перелистывая страницы нашей газеты, я обратил внимание на материалы в «Ишимской правде», которые, в отличие от многих других, практически не вызвали резонанса. Помню, какая масса откликов была, к примеру, на тему о введении талонов на различные товары. А выступления в газете, о которых я говорю, на мой взгляд, интересные и не остались совсем незамеченными, но, судя по всему, не вызвали особого отклика в душах и сердцах ишимцев.

Вот хорошая и своевременная статья Б. Анфалова «Снос во благо?» (14 июля 1989 г.). Выступая в защиту уничтожаемых индивидуальных домов, автор в то же время проводит мысль, что человеку необходимо иметь свой дом «окнами в сад». Это нормальное состояние человеческого бытия. И вот совсем другая и по форме, и по содержанию статья депутата горсовета Курочкина о том, что надо любить свой город «И честь, и ответственность» (8 мая 1990 г.). Она начинается с сообщения о том, что Ишим включён в число 510 исторических городов, посёлков и сёл России. На мой взгляд, обе они по-разному поднимают в принципе одну и ту же тему. Но откликов почти не поступало.

Такая пассивность, равнодушие, нежелание сделать что-нибудь для города, наконец, для себя, очень тревожат. Да, безусловно, в городе разных проблем и дел и так хватает: всеобщий дефицит, антисанитария, преступность и пр. Всё это так. И всё же материальные ценности производятся людьми. А если человек лишён чувства патриотизма, если у него утрачены исторические корни, сопричастность к нации, к стране, к городу, где он живет, – такой человек вряд ли будет добросовестно работать. Так провалы в духовной сфере оборачиваются провалами в сфере материальной.

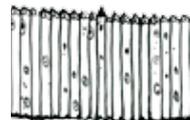
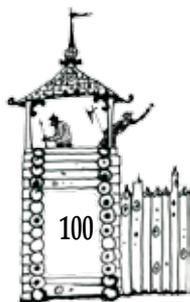
В том, что статьи священника и корреспондента остались без откликов, я вижу нежелание многих людей стать хозяевами, принять на себя ответственность за устройство собственной жизни, за жизнь города, да и всего общества. Это и есть отчуждение, «гражданская спячка».

Сформировался в последние годы даже особый язык, целый «словарь отчуждения». Говорят, например, не «природа», а «окружающая среда», конкретные понятия трудолюбия или лени заменил «человеческий фактор» и т.д. Дом, домашний очаг – что может быть у человека более прекрасного, более ему свойственного? Но и он заменен у нас абстрактно-расплывчатым понятием «жильё».

Когда туристы из ГДР посетили Ишим в прошлом году, их больше всего поразили не пустые полки магазинов, а нелюбовь ишимцев к своему городу: неухоженность домов и дворов, грязь и мусор на улицах. Собственные дома горожане, в большинстве своём, иметь не хотят. Строят их лишь единицы. Конечно, есть много граждан малоимущих, больных, инвалидов, одиноких, которым построить дом и вести хозяйство не под силу, и без помощи со стороны государства им никак не обойтись. Но немало и таких, которые просто не хотят обременять себя.

Мы все хорошо осведомлены о малоэтажной уютной Европе, об «одноэтажной Америке» рассказала наша делегация, побывавшая в Гранд-Форксе. А что же у нас, дома? Многие ишимцы считают: будет прекрасно, если наш город сплошь застроят серийными панельными коробками, где у каждого будет своя, так сказать, «ячейка». Там ничего своего, индивидуального не будет – ни клочка земли без асфальта, ни сада-огорода, ни сирени под окном. И, вероятно, никакой ответственности – ни за что и ни за кого.

Думаю, что ответственность начинается с собственности, хотя бы с собственности на свой дом или квартиру. Да, общество наше небогато, но почему многие считают вполне приемлемым вложить деньги в приобретение машины, в постройку гаража, в дорогую аппаратуру и пр. – и считают недопустимым потратить их же на покупку государственной квартиры или постройку дома?

Будет ли вообще решена жилищная проблема, пока почти все, независимо от материального положения, ждут, когда государство обеспечит их квартирами бесплатно? Во всём мире это – товар № 1. Его никогда не будет хватать, как и любого другого товара, который не продают, а раздают.

Но не будет хватать жилья и потому ещё, что не изжито высокомерно-презрительное отношение к владельцу квартиры или дома, как к «частному сектору». Не будет хватать, пока «частник» знает, что он в любой момент может попасть в разряд так называемых «сносчиков».

Человек не будет добросовестно трудиться, если он способен только требовать (от президента, мэра, депутатов и т.п.), если он не будет хозяином в самом высоком смысле этого слова, если он не будет здоров духовно. И никакой самый лучший спортивный комплекс здесь не поможет. Духовного здоровья не достичь, пока разрушаются памятники старины, пока в доме, когда-то построенном для города купцом-патриотом, хранятся кислоты, пока новые здания не строят, не возводят, а «сажают», привязывая к старой котельной, пока духовные потребности отодвигаются на задний план.

*Леонид Фролов, врач.
(1.12.1990, с. 3).*

Как доставали мамонта

(тематическая страница «Собор»)

В городском краеведческом музее хранятся кости доисторических животных, найденные местными жителями: черепа овцебыков, бивни и зубы мамонтов. Но есть один музейный предмет, который привлекает особое внимание – это нижняя челюсть с двумя зубами-тёрками молодого мамонтёнка. Она найдена в реке Ишим около деревни Лайково несколько лет назад местными рыбаками.

Сотрудники музея в ближайшем будущем планируют создать выставку, рассказывающую о древних жителях нашего края. Будут показаны интересные экспонаты: орнаментированные осколки керамических сосудов бронзового века, найденные археологической экспедицией в районе озера Мертень, орудия труда – скребки, нуклеусы, наконечники стрел.

И, конечно, скелет мамонтёнка, собранный в полный рост, привлекал бы внимание посетителей, особенно детей. С этой мыслью и полные надежды сотрудники музея, водолазы со спасательной станции и члены общества «Собор» отправились в середине сентября в экспедицию. В это время уровень реки Ишим находится на самой низкой отметке.

К обеду погода испортилась, пошёл дождь, стало холодно. В такой день, как говорят, добрый хозяин собаку бы не выгнал, а водолазу С. Полякову пришлось не один раз заходить в холодную воду реки. Лишь при третьем погружении удалось поднять с глубины 8 метров часть верхней челюсти мамонта. При соединении с ранее найденной нижней челюстью зубы совпали, следовательно, кости принадлежали одному и тому же животному. Не исключено, что на дне покоится целый скелет. Не обошлось и без казусов: была найдена ещё одна небольшая кость, которая, как выяснилось позднее, принадлежала... корове. Но смеем заверить сомневающихся читателей, что остальные кости, найденные на этом месте ранее и в сентябре, действительно принадлежали мамонту.

Для краеведческого музея одна такая экспедиция обошлась в 400 рублей. Нам нужны спонсоры для дальнейшего финансирования краеведческой работы, потому что проверенная с лодки «кошками» акватория реки в этом месте показала нам, что здесь есть загадки. Несколько раз «кошка» зацеплялась за что-то твёрдое, но не похожее на корягу или камень.

*Надежда Проскурякова,
сотрудник музея.
(13.12.1990, с. 3).*

Экспонаты для музея

(тематическая страница «Собор»)

Приближается открытие музея. Мне приходилось писать о том, что краеведческий музей принимает от населения предметы, представляющие музейную ценность. Сейчас имеется возможность принимать у граждан предметы, обладающие не только исторической, но и материальной ценностью за деньги. Прежде всего это изделия из драгоценных металлов (серебряная посуда, табакерки, кресты, монеты и т.д.), фарфор, старинная мебель, часы, редкие книги, зеркала и др. В музее будет создана специальная комиссия по определению стоимости предметов. В случае согласия сдатчика с ценой предмет будет куплен музеем. Это не исключает возможности бескорыстных пожертвований граждан в фонды музея, так как средства, выделяемые на приём особо ценных предметов, весьма ограничены.

Работники музея обращаются к читателям с большой просьбой — не выбрасывать предметы, не имеющие большой материальной ценности, но представляющие исторический интерес, а сдавать их в краеведческий музей. Наш адрес: ул. Ленинградская, 29, телефон 2-20-37.

*Владимир Меньщиков, главный хранитель фондов.
(13.12.1990, с. 3).*

«Земляки» из другой эры

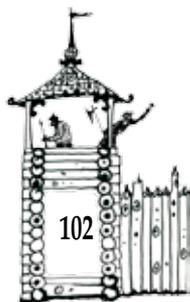
(тематическая страница «Собор»)

В фондохранилищах местного краеведческого музея хранятся удивительные предметы. Среди них кости обитавших некогда в наших краях древних животных, возраст которых исчисляется десятками тысячелетий. <...>

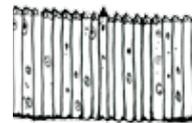
Челюсть мамонта была передана в дар музею Н. Ф. Шабуровым, человеком неравнодушным, заинтересованным в сохранении истории своего края. Предполагается, что весь скелет этого животного находится в иловых отложениях реки Ишим рядом с д. Лайково. Но который месяц кряду сотрудники музея не могут найти общий язык с начальником спасательной станции А. К. Матвеевым, чтобы он помог в организации водолазных работ. Если такая помощь не будет оказана в ближайший летний сезон, то мы наверняка потеряем этот ценный палеонтологический памятник, так как он может уйти глубоко в ил или, напротив, будет размыт по руслу половодьем. А ведь находки цельных костяков очень редки и представляют определённую научную ценность. Мы надеемся, что патриотические чувства русского человека, сибиряка помогут товарищу Матвееву решить вопрос о водолазных изысканиях останков доисторического обитателя нашего края. Тем более, что пример такого патриотизма не единичен.

Хочется выразить искреннюю благодарность инструктору райпрофсожа П. А. Верхову, передавшему музею кости и бивни взрослого мамонта, ранее хранившиеся в пионерском лагере им. Ленина; Т. В. Колесникову и В. А. Скрябовой, передавшим останки черепных коробок овцебыка — животного, менее распространённого на нашей территории, а значит, и редкого; учителям Мизоновской средней школы, подарившим крупные отдельные кости двух мамонтов, а также другим горожанам, помогающим нам, имена которых просто нет возможности перечислить.

Наверняка есть ещё люди, которые встречались с подобными находками в школьных или народных музеях, а может, видели их где-нибудь в лесу или в излучине реки. Время и небрежное отношение разрушают кости. За тысячелетия они становятся хрупкими и требуют специальной консервации, определённого температурного и влажностного режима хранения, возможного только в условиях научной организации музейного дела. <...>

*Тамара Шмыгун.
(16.01.1991, с. 3).*

Первый выпуск тематической страницы «Собор» в газете «Ишимская правда». 11 апреля 1990 г.

«Собор»: год второй

(тематическая страница «Собор»)

В декабре 1990 года исполнился ровно год с тех пор, как наше общество со своим уставом, после подачи соответствующего заявления, было официально зарегистрировано в исполкоме Ишимского горсовета.

Сейчас средства массовой информации именуют неформальными различные политические общественные организации и движения. Многие из них носят экстремистский характер. Наше же общество «Собор» – принципиально другое. Хотя возникновение нашей группы и напрямую связано с восстановлением Богоявленского собора, её название имеет более широкий смысл. Это древнерусское слово, означающее «сбор», «собрание». И действительно, наш ишимский «Собор» собрал в свои ряды людей различного возраста, разных профессий, объединённых одним общим делом, одной целью – сохранить и восстановить исторические и архитектурные памятники нашего края, возродить духовные ценности России.

В наше время невозможно оставаться совсем в стороне от политики. Каждый из участников «Собора» может придерживаться той или иной политической ориентации. Но это – вне «Собора». Наше общество – не политическая организация. Она создана при ишимском отделении Всероссийского общества охраны памятников и преследует чисто гуманитарные цели.

«Собор» возник жарким летом 1989 года, в те июльские дни, когда храм Богоявления наконец-то окружили строительные леса. Сейчас трудно вспомнить, кто первым предложил помочь реставраторам. Так мы и собрались на первый субботник. В других субботниках уже участвовало немало людей, помогали, кто чем мог. А некоторые стали приходить постоянно. Познакомились, ближе узнали друг друга. Обозначились и другие цели, направления. В первую очередь – это воссоздание в Ишиме музея, сохранение других исторических мест.

Печальная судьба Богоявленского собора общеизвестна. Десятки лет его разрушали время и люди. После нескольких субботников, в результате напряжённого труда реставраторов, усилий администрации собор удалось привести в относительно нормальный порядок. Разобраны позднейшие пристройки, переделана кровля, восстановлены купола, закрыты окна... Теперь требуется намного более квалифицированный подход, работа профессиональных реставраторов. Имеются различные мнения относительно дальнейшей судьбы исторического здания. Моё мнение – собор следует вернуть Православной Церкви. Считаю, что это нисколько не преуменьшит значение трудов, положенных городом на восстановление порушенного храма.

Когда стало ясно, что реставрация собора – дело не одного года, общество «Собор» занялось поисками другого помещения для музея. И оно было найдено – старинный двухэтажный особняк возле Никольской церкви, как нельзя лучше отвечающий данному предназначению. Скоро музей будет открыт.

«Соборяне» вместе с сотрудниками музея провели минувшим летом немалую работу. Состоялась поездка в деревню Солодилово Голышмановского района. В этом селе среди лесов, вдали от больших дорог сохранились ещё приметы старинного уклада жизни сибиряков. С местными жителями мы договорились о передаче в музей интересных вещей.

А в августе члены «Собора» побывали в экспедиции у археологов Сибирского отделения АН СССР в районе озера Мергень. И не безрезультатно. В первый же день близ курганов «соборяне» случайно обнаружили стоянку древнего человека бронзового века. Несколько интересных находок с этой стоянки пополнили фонды музея.

Члены общества «Собор» игумен Евтихий, Л.В.Фролов и В.П.Колесникова в Шаблыкино. 19 августа 1990 г. Фотография Т.П.Савченковой.

Участники общества «Собор» оказывали помощь в восстановлении Свято-Екатерининского храма в селе Шаблыкино. В городе пока мало кто знает об этом интересном архитектурном памятнике. Почти всё лето провёл в Шаблыкине на восстановлении церкви Е. Кряжев. Ему помогали О. Маркова и Т. Шмыгун.

А теперь о другой стороне нашей работы, не менее важной. «Привлечение общественности к делу сохранения историко-архитектурных памятников» – так об этом сказано в нашем уставе. В «Ишимской правде» вышло уже 9 тематических страниц «Собор». Члены «Собора» (и не только они) не раз выступали на страницах газеты в защиту старинных зданий, находящихся под угрозой уничтожения. К сожалению, список утрат пополнился. Надеемся, что новое руководство отдела архитектуры при решении подобных вопросов будет учитывать мнение общественности.

Решено выпустить книгу по истории нашего города. Над различными главами книги уже работают 20 краеведов. Члены объединения «Собор» приняли участие в передаче Тюменского радио «Какая дорога ведёт к Храму», а также в молодёжной телепрограмме «Контакт».

Вместе с обществом охраны памятников нами был выдвинут кандидатом, а затем избран в городской Совет игумен Евтихий (Курочкин). В городском Совете он сейчас возглавляет комиссию по депутатской этике. Мы хотим установить связь с другими подобными общественными организациями Сибири – прежде всего с «Доброй волей» из Тобольска.

Ишим – наша малая родина, частица Великой России. Надо помнить, что это исторический город. Сбереечь его неповторимый облик, сохранить и приумножить достояние, завещанное нам предками, – над этим мы хотели бы работать и дальше. Ведь так важно не дать прерваться связи поколений, донести до потомков живое дыхание отечественной истории. Если вы любите свой город, его прошлое и настоящее, если вам не безразлично, каким духовным содержанием наполнится его будущее – приходите к нам.

*Леонид Фролов, врач.
(16.01.1991, с. 3-4).*

ГОТОВИМ ВЫСТАВКИ

К открытию государственного краеведческого музея готовится две выставки: «Никольская ярмарка» и «Ишимские художники в XX веке». Выставка о художниках начнётся с работ ишимских иконописцев, работавших в мастерской подрядчика Багишева в начале XX века – Михаила Чукардина и Ксенофонта Толмачёва. Во втором разделе мы думаем показать картины художников, к сожалению, ныне уже умерших, закончивших Омский художественный техникум им. Врубеля – Е. М. Чукардина и А. Мочалова. Представлена картина абатского художника А. Мочалова «Зима на Увале», получившая малую золотую медаль на выставке в Италии.

Более обширный, третий раздел выставки будет представлен картинами художников, живущих в нашем городе или районе в настоящее время: Ф. С. Севернюка из Ларихи, С. М. Щелкунова из Клепикова, Д. Е. Гульгяева из Ишима – всего около десяти художников. Помощь в создании этой выставки нам окажут искусствоведы музея изобразительных искусств г. Тюмени.

*Надежда Проскурякова, сотрудник музея.
(15.03.1991, с. 3).*

«Музей – не кунсткамера...»

«Не аудитория, не местный университет, а учреждение, обладающее чертами того, другого и третьего, но в то же время имеющее свой собственный облик», – так почти сто лет назад определил назначение музея Николай Лукич Скалозубов, основатель подобного заведения в Тобольске. Особенно ощущаешь, что мысль эта не потеряла своей актуальности и поныне, когда сталкиваешься с состоянием дел по организации собственного музея. Сегодня, когда ещё не поздно что-то спасти и сохранить, узнать что-то новое о почти четырёхсотлетней истории нашего города, основные чаяния «властей предержащих» направлены на сам факт существования музея в городе, на хозяйственные проблемы (что само по себе немаловажно), а вопрос о истинном назначении музея, вопрос о его роли в культурной жизни города остаётся в тени. Поэтому-то мы, члены неформального общества «Собор», считаем своим долгом выразить по этому вопросу своё мнение.

Одной из основных задач, записанных в уставе нашей организация, является создание в городе краеведческого музея. Наше общество в силу своих возможностей приняло участие в обретении музеем собственной крыши над головой. Но получение отдельного помещения ещё не означает создание музея как такового. Музей – это прежде всего центр научной работы с краеведческими материалами. Исследовать, изучить и донести до людей полученную информацию – вот в чём глубинный смысл музейного дела. Тем паче, что историческое прошлое нашего края – это «терра инкогнита» для большинства его населения. Глубоко заблуждаются те, кто видит в музее не более чем склад старинных пыльных вещей. Эти заблуждения приводят к недооценке роли такого важного культурного учреждения в городе, как краеведческий музей. Соответственно и все усилия руководства музея должны быть направлены прежде всего на то, чтобы создать максимум условий для научной деятельности. А директор музея должен обладать необходимым потенциалом знаний и опыта в научной работе, быть лидером развития краеведения в городе и лишь затем проявлять свои недюжинные способности хозяйственника. Ко всеобщему сожалению, нынешний директор музея В. С. Серженко этими качествами, увы, не обладает, кроме последнего.

Общество вложило немало средств своих членов, дабы приблизить день открытия музея, проявило настойчивость в переговорах по поводу передачи здания на улице Ленинградской музею. Велось и ведётся активно изучение краеведческих материалов. Но планы на будущее нашего общества накрепко связаны связями с краеведческим музеем города. Мы намерены всеми силами способствовать превращению музея поистине в центр культурного и исторического просвещения наших сограждан и в первую очередь детей. Ведь ни для кого не секрет, что на преподавание краеведения в школе тратится ничтожно мало времени, а немногие часы, отпущенные в школе на «культурное развитие» детей, проходят зачастую скучно и проводятся не всегда профессионально. Вот поэтому мы и ратуем за то, чтобы открыть при музее воскресную школу, где желающим расскажут о прошлом родного края, о музыке, о живописи. Расскажут просто, доступно и интересно. Эта школа может также стать базой краеведческой подготовки учителей-историков города.

Настоятель Никольской церкви отец Иоанн предлагает открыть при школе библиотеку духовной литературы для детей и взрослых, а также проводить уроки богословия, рассказывать о православных церковных праздниках, основах славянского языка, канонах иконописи. Планы большие и тем не менее – реальные, даже по нашим временам. Больших затрат они не потребуют. Благо помещение в музее, и даже с отдельным входом, имеется. Но встаёт ряд вопросов. Там ведётся ремонт, готовится квартира: устанавливается ванна, сантехника и т.д. Для кого? За чей счёт? Зато школу директор музея нам предложила открыть в... сыром и тёмном подвале!

По этому поводу мы во всеулышание просим отдел культуры объективно разобраться во всём и дать нам ответ гласно, через газету. Естественно, мы ждём твёрдого решения: быть или не быть в музее воскресной школе. И не в подвале, а в хорошем помещении с отдельным входом.

Открытие памятника ишимским медикам, погибшим в годы войны. 1990 г.
Фотография
В.В.Итполитова (?).

И последнее. Мы предлагаем создать в музее научный совет из внештатных сотрудников. Такие советы действуют при музеях стран уже более ста лет. Их деятельность ни в коей мере не сковывает сотрудников музея, а, напротив, расширяет поле деятельности научной работы музея, вовлекая всё большее количество энтузиастов. Но, обладая юридической силой, совет может контролировать финансы, обсуждать планы научной работы, издавать газету, снаряжать научные экспедиции и многое другое. И, возможно, исчезнет необходимость выяснения столь деликатных вопросов, которые возникли у нас вследствие авторитарного руководства директора музея при попустительстве отдела культуры.

Тамара Шмыгун, Евгений Кряжев,
члены общества «Собор».
(19.03.1991, с. 3).

Возражения справедливы

В газете «Ишимская правда» за 19 марта 1991 года авторы статьи «Музей – не кунсткамера» задают ряд вопросов, на которые требуют ответа.

Центром научной работы с краеведческими материалами музей пока не может стать в силу того, что здание имеет большой процент износа и в нём проводится капитальный ремонт. О создании воскресной школы сейчас говорить сложно, так как занятия с детьми можно будет проводить только в выставочных залах. Что касается квартиры, то её в здании музея не будет. Там разместятся научная библиотека и архив – необходимые составные музея.

Авторы письма предлагают создать научный совет из внештатных работников. Частично функции совета до сих пор выполняло общество «Собор». Такой совет в музее будет создан, но он не может обладать юридическим правом контроля финансов, так как музей является филиалом областного краеведческого музея и контролируется его специальными службами.

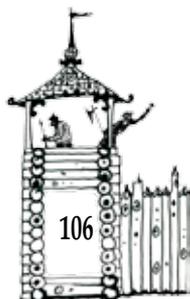
Нина Кузовкова, заведующая отделом культуры.
(4.04.1991, с. 3).

Нужны подвижники

Состоялась городская конференция общества охраны памятников истории и культуры. С отчётным докладом выступил председатель Ишимского отделения общества Г. А. Малышкин.

За время, минувшее с последней такой конференции, обществом в городе решено взять под охрану государства ещё 7 исторических и архитектурных памятников. Среди них – образцы деревянного зодчества начала XX века. В Ишиме воссоздаётся историко-этнографический музей. Общество активно участвовало в восстановлении Богоявленского собора.

Хорошо работают некоторые первичные организации (ковровая фабрика, вневедомственная охрана, нефтебаза). Но в то же время из доклада председателя явствует, что наше общество охраны памятников, как и любая другая добровольная организация, переживает сейчас непростые дни. И дело не только в том, что есть недостатки, и промахи в работе. Не секрет, что общество держится сейчас в основном усилиями старшего поколения, людей неравнодушных, заинтересованных. Это они организуют школьные музеи – как в первой железнодорожной школе. Благодаря неустанным стараниям руководителя музея здравоохранения Т. В. Сажиной, И. Е. Степанова и совета ветеранов городской больницы открыт в 1990 году памятник погибшим на войне ишимским медикам.

Открытие памятника ишимским медикам, погибшим в годы войны. 1990 г.
Фотография В.В.Ипполитова (?).

Сейчас у людей другие заботы. Критически воспринимается сама идея работы на общественном поприще. Охрана и реставрация памятников, музейная работа имеют в глазах многих репутацию бесполезного и неблагодарного дела. Бывает, к сожалению, что и сами памятники, исторические здания кому-то мешают. Но всё же в нашем городе есть немало и тех, кто готов приложить свой труд и усердие для решения непростой задачи – возрождения духовности, возвращения согражданам исторической памяти.

На конференции был заслушан доклад представителя общества «Собор». Депутат горсовета о. Евтихий (Курочкин) посвятил свою речь судьбе Богоявленского собора. Священник высказался убедительно и ясно: собор должен принадлежать православной церкви. Это будет справедливо и с нравственной, и с исторической точки зрения. Передача собора церкви не будет означать потерю этого здания для города. Напротив, храм может сосуществовать в соборе одновременно с церковно-археологическим музеем, воскресной школой и библиотекой религиозно-духовной литературы так же, как, например, в Троицко-Сергиевой Лавре.

На конференции говорилось о непреходящем значении патриотического воспитания, о нашей общей ответственности за подрастающее поколение. Общество охраны памятников может и должно способствовать нравственному выздоровлению народа.

Ясно, что положение дел в сфере деятельности общества сразу не исправить. Необходима каждодневная, упорная работа. Сейчас обществу нужны самые настоящие подвижники, люди, преданные делу. Старинный город Ишим ждёт бережного и заботливого к себе отношения. Исторический город ждёт нашей помощи – касается ли это сохранения памятников или антисанитарного состояния дворов и улиц.

В городской совет общества охраны памятников вошли работники горисполкома, активисты первичных организаций, ветераны, работники музея, члены общества «Собор», главный архитектор города С. А. Панфилин.

Позднее в Тюмени прошла областная конференция общества охраны памятников истории и культуры. Ишимская делегация в составе четырёх человек приняла в её работе самое активное участие. Двое из них были избраны в областной совет общества. Игумен Евтихий поедет делегатом от Тюменской области на Всесоюзный форум общества, который соберётся в этом году в Костроме.

*Леонид Фролов, врач.
(30.04.1991, с. 3).*

Судьба Богоявленского собора

Вначале хочу заверить, что несу полную ответственность за каждую строку, за каждую высказанную мысль, а где требуется, готов дать каноническую справку, документальное подтверждение или привести подтверждение свидетелей.

К участию в деле спасения собора я был приглашён Т. П. Савченковой в 1987 году. Тогда инициатива практических шагов по сохранению памятника архитектуры принадлежала группе преподавателей педагогического института. В те препятствия, которые встречала эта группа в совсем недавние времена, сейчас с трудом верится даже самим участникам событий. Хорошо, однако, что все они уже позади.

С самого начала моего сотрудничества с защитниками собора я не скрывал своей мечты, своей цели – возобновления богослужений в соборе. Одни и те же официальные лица по-разному относились к моей идее в разное

время, но самыми активными противниками этого дела были мои тогдашние церковные власти. Именно за это, главным образом, я и был отстранён от службы в г. Ишиме. Не светские, а церковные власти пытались запретить мне освящение новых крестов перед водружением их на собор. Такая позиция церковных властей была одним из поводов усомниться мне в верности церковного священноначалия Православному Христианскому вероучению. В поисках разрешения моих сомнений я дошёл до высшей инстанции – Священного Синода Московской Патриархии.

Когда же я убедился, что само священноначалие Патриархии находится в моральном параличе и в нераскаянном состоянии, я пережил личный духовный кризис. Но Бог не оставил меня. Я нашёл верного хранителя неискажённой Православной веры – Русскую Православную Церковь Заграницей. Судьба поставила меня в самую гущу событий. Мне довелось стать автором Положения о Российских приходах юрисдикции этой чистой ветви русского Православия. Мне довелось своими глазами убедиться, что Церковь русского зарубежья – есть Святая, Соборная и Апостольская Церковь.

К сожалению, моё правдоискательство окружили ложью и вымыслами. А самое обидное то, что в эту ложь поверили даже те, кто знает меня с детства, у кого на глазах шла вся моя церковная жизнь, кто в церкви слушал мои проповеди, кто, наконец, может судить о моей вере не по словам, а по делам моим. И ведь так легко было рассеять все сомнения, преодолев 30 километров, отделяющих Ишим от села Шаблыккино. У меня нет претензий к неверующим, нецерковным людям, которых грубо обманули, сказав, что отец Евтихий перешел в другую веру. Простите меня, но такое безграмотное утверждение похоже лишь на то, чтобы утверждать, что деревня Синицyno находится в Гималаях.

Я извиняюсь перед незаинтересованным читателем за свой довольно пространственный экскурс в глубины внутрицерковных дел, но сложилось так, что они оказались тесно связанными с дальнейшей судьбой Богоявленского собора. И несколько даже повторяясь, я должен утвердительно и чётко заверить, что я являюсь законным православным священнослужителем Святой Соборной и Апостольской Церкви. Тем, кто не верит ни словам, ни делам, я могу подтвердить это документально. О законности и канонической преемственности Русской Православной Церкви Заграницей я готов спорить на богословском диспуте самого высокого уровня.

До сих пор я воздерживался от прямых заявлений по отношению к Богоявленскому собору. Мне нужно было подготовить весь необходимый материал, чтобы представить свои претензии на законной правовой основе. Сейчас у меня есть все основания ставить вопрос о передаче собора мною созданной из ишимских граждан приходской общине. Были странные подозрения, что я хочу передать собор за границе. Что ж, и с этими сомнениями пришлось считаться. Был заново переписан приходской устав, зарегистрировать который предстоит президиуму городского Совета. Был найден законно признанный духовный центр в России – в Москве. Документ, полученный мной от этого центра, был подписан 8 мая.

Но пока я занимался всей этой организационной работой, на страницах «Ишимской правды» разгорелись настоящие страсти вокруг собора. Сторонники (а они оказались без противников) передачи собора верующим, кажется, теряют чувство меры. Спешу успокоить всех.

Да, предлагались различные идеи по дальнейшей судьбе собора, предлагался и планетарий, и концертный зал, и краеведческий музей, но особенно смутило людей то, что при перестройке собора для мирских целей, там была нужда планировать и служебный туалет. Вот «туалетная»-то тема и стала главной в газетных публикациях. Слухи о туалете в храме дошли до меня ещё в прошлом году, и я немедленно выехал в Тюменскую архитектурно-реставрационную мастерскую № 8, которая выполняет все проектные работы по нашему собору. И там от непосредственных исполнителей этих работ узнал, что им заказаны проекты только по воссозданию прежнего облика собора в том виде, в каком он был до закрытия. Естественно, никаких туалетов они не запроектировали. Так что планы планами, а фактического обоснования для «туалетной» темы нет.

*Игумен Евтихий
на экспозиции
«Никольская яр-
марка» в день её
открытия.
21 декабря 1991 г.
Фотография
В.В.Итполитова.*

Но печально то, что, не называя конкретных имён, ряд заметок целит в конкретного человека, нынешнего хозяина собора, директора краеведческого музея В. С. Серженко. У нас с этой женщиной по-разному складывались деловые отношения, связанные с собором. Одно время мы были принципиальными противниками, порой не хватало чувства такта. Однако мы не опускались до склоки, до личной неприязни.

Мы должны быть благодарны этому энергичному человеку за громадный труд по восстановлению нашего собора. И я воспользуюсь случаем сказать ей с признательностью: «Большое Вам спасибо!». А если кто-то желает оспорить заслуги Валентины Семёновны, есть возможность на деле показать, как работать лучше, у нас есть ещё один «горячий» объект – Боровская церковь. Кстати, подходящего православно-го хозяина я для неё уже нашел и готовлю документы для подачи в райисполком, так что строитель и организатор потребуется в ближайшее время.

Теперь об идее будущего использования Богоявленского собора. Когда собор вернут верующим, я немедленно начну в нём богослужения и обустройство нормальной церковной жизни. Для продолжения начатой реставрации буду искать (намётки уже есть) источник для беспроцентного займа. По моим прикидкам соборный приход, без всякой погони за коммерцией, можно сделать рентабельным в течение одного года. Но пусть не тревожатся мои шаблыкинские прихожане: я смогу продолжать служение и в Шаблыкине, а до самого окончания реставрации их церкви я буду руководить ремонтными работами, как и прежде. В соборе же первым делом постараюсь создать условия для совершения крещения полным чином – через погружение. Для того, чтобы избежать профанации этого таинства, при соборе будет открыта библиотека, которая позволит тем, кто крестится, узнать, для чего это делается, что это даёт, а также даст возможность повысить уровень религиозного знания прихожан, дабы впредь они понимали, что такое Православие и сослепу не верили всяким басням. Далее, к осени (к 1 октября) в соборе будет открыта воскресная школа, чего многие уже просто требуют. Школа будет двух уровней, для всех желающих.

В соборе же есть подходящее помещение для создания церковно-археологического кабинета. Нужда в нём громадная, потому что накопилось много церковных предметов: икон, книг, которые уже не годны для употребления, но их нужно сохранить как святыню, как бесценные исторические реликвии. До сих пор они просто сжигаются. А на обозримое будущее задумано открытие и иконописно-реставрационной мастерской, и даже малой церковной типографии (при помощи зарубежья, разумеется).

Однако закономерен вопрос, на какой основе строятся все эти планы и задумки. Во-первых, практический опыт моего личного участия в реставрации церкви и организации приходской жизни, опыт, приобретённый в борьбе за правоту своих идей, опыт широкого ознакомления с церковной жизнью как в России, так и за рубежом. Во-вторых, вера, непоколебимая вера в правоту своего дела, вера в торжество справедливости и правды, вера в своих соотечественников, вера в Бога, наконец.

Ещё мне высказывались сомнения, что при моей принадлежности зарубежной юрисдикции не возникнут ли конфликты между верующими, подобные захватам церквей на Западной Украине. Нет. Я уже более года как на новом положении, но у нас в Шаблыкине совершенно не было никаких инцидентов. Дважды приезжали к нам представители от Московской Патриархии, был епископ Тобольский и Тюменский Димитрий, но после мирной беседы, не выходящей за рамки приличия и благочестия, мы расставались – каждый при своём убеждении. Тем более нам, ишимцам, нечего делить в своем родном городе.

Здание, переданное Ишимскому краеведческому музею.
Начало 1990-х гг.
Фотография
В.В.Иттолитова (?).

Музей будет

В январе под городской музей было отдано помещение на ул. Ленинградской, 29. История здания интересна: это двухэтажный особняк, построенный в конце XIX – начале XX века. В нём располагалась двухклассная церковно-приходская школа. В советский период в этом здании была школа № 4, затем – станция юных техников, а в последние годы – магазин наглядных пособий.

Купец первой гильдии Николай Черняковский на свои деньги построил и подарил городу архитектурный ансамбль из трёх зданий: Никольской церкви, больницы (ныне здание горсуда) и церковно-приходской школы. Могила купца первой гильдии Николая Черняковского находится на территории Никольской церкви.

Это был образованнейший человек. Он являлся членом Географического общества России. В трудной жизненной ситуации помог декабристу барону Штейнгелю, который во время пожара чуть не сгорел в своей «халупе», как он сам выражался. Черняковский приютил Штейнгеля. Но, к великому сожалению, дом, в котором жил купец, нам известен только предположительно. Необходимо кропотливо работать в Тобольском архиве, чтобы установить точное место жительства Н. Черняковского. Его дом должен находиться под охраной.

В настоящее время сотрудниками музея ведётся исследовательская работа, связанная с поиском карт, архивных документов, проливающих свет на дату постройки этого архитектурного ансамбля и других памятников истории и культуры Ишима. К открытию музея готовятся две выставки: «Никольская ярмарка» и «Ишимские живописцы в 20-м столетии».

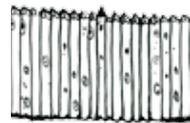
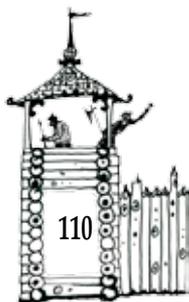
С 1721 года по 20-е годы нашего века в городе ежегодно проходили Никольские ярмарки. Наиболее значительными были зимние, которые входили в десятку главных ярмарок Российской империи. В Ишим на ярмарки съезжались купцы со всего мира.

Выставка «Ишимские живописцы» будет состоять из трёх разделов: «Ишимские иконописцы начала века» (к сожалению, будет показана только одна сохранившаяся икона), «Живописцы 50-х годов нашего века» и «Современные художники». В Ишиме много художников разных направлений. Мы постарались при помощи искусствоведов Тюменского музея изобразительных искусств отобрать лучших из них.

Работать сотрудникам музея приходится в труднейших условиях. Помещение, которое нам предоставили, ветхое (износ 95 процентов), практически сохранились только стены. Ремонт движется медленно. Не на чем доставлять стройматериалы – своей машины нет. На велосипедах, на своих плечах, как придётся, доставляем и найденные экспонаты. Но, несмотря на всё это, планируем открыть музей в конце августа – начале сентября.

Помощь всех предприятий и организаций ускорит открытие музея в Ишиме.

Валентина Серженко, директор музея.
(23.07.1991, с. 2).

Богу – Богово

На страницах нашей газеты идет серьёзный разговор о судьбе Богоявленского собора. Право, не хотелось бы ссылаться на отдельные публикации, но, видимо, без этого всё же не обойтись.

А не следует упоминать имён предыдущих авторов на том основании, что этот объект религиозного культа знаком мне с детства. По какой бы дороге к городу ни шел, отовсюду виднелись светлые, блестящие на солнце маковки собора. Постепенно они начали тускнеть. А потом индустриальные стройки ворвались в город. И померк храм. Однако память о нём глубоко запала в душу народа. Никакие указы, постановления большевиков, стоявших у руля официальной власти, не смогли её вытравить.

Ведь как они нас воспитывали? Ещё в школе пионерам, затем комсомольцам говорили, что церковь, богослужение – это опиум для народа. Вдалбливали в наше сознание другие слова и фразы, лишь бы вызвать негативную реакцию, отвращение. На эту тему можно рассуждать теперь бесконечно. Но стоит ли?

Ещё запомнилось, как мои родители, другие деревенские мужики и бабы с гордостью восхищались нашими предками: «Умели строить старики!». Это о том, как они безошибочно, на глазок, без инженерных расчётов и проектов выбирали место для храмов. Высокое, независимое, на радость простому люду. Так было с собором. Так было с церковью в селе Боровое.

В отношении предложений о предназначении храма моё мнение однозначно: быть ему городским центром отправления религиозных обрядов. Решительно поддерживаю голоса и священнослужителя, и работника Советов, и других авторов, кто высказывается против открытия здесь музея.

Богу – Богово. И возобновление христианской службы в соборе обернётся добром. Не будем ханжами и не станем также отрицать экономическую целесообразность возрождения церковных обрядов. Тем более при нашей-то поголовной бедности. Но молящиеся и страждущие последний рубль отдадут. Музей же придется содержать, наверное, на дотации.

Мне почему-то кажется, что с началом богослужения у определённой части народа произойдёт очищение сознания. Для кого-то перестанет существовать культ телевизора. Давайте будем откровенны: ведь многим из нас до тошноты надоели экранные кривляния патлатых, почти полутолых мальчиков и девочек. Нравственным воспитанием молодёжи официальные лица государства не занимаются. Моральный упадок нарастает. Так давайте же не будем опускаться и безвозвратно деградировать.

*Д. Лавров (Дмитрий Лапин).
(24.07.1991, с. 3).*

Покаяние перед купцом Черняховским, меценатом и просветителем...

(тематическая страница «Собор»)

Испокон веков в русском народе существовали святые понятия о нерасторжимости связи со своим прошлым. Прервать эту связь было равносильно потере памяти, а беспомытный для русского человека был всё равно, что неблагодарный. И тем не менее, несмотря на поток голосов об уважении к минувшему, создаётся впечатление, что они вопиют в пустыне. Ведомственные интересы сводят на нет все попытки сохранить и реконструировать те малые крохи исторического облика нашего города, которые пока ещё живы. Уничтожаются не только отдельные здания, но, в силу непродуманной современной застройки, уродуется исторический ландшафт города.

Примеров тому множество. Вот последний, свежий. В центре архитектурного комплекса XIX века, созданного на средства купца Черняховского, что расположен на пересечении улиц Ленинградской и Чайковского, близ

Бывшая Черняковская площадь (перекрёсток улиц им. Гагарина и Ленинградская). Май 1998 г. Фотография Г.А.Крамора.

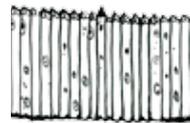
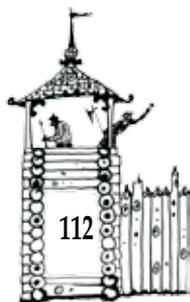
Никольского храма, выросла металлическая коробка здания по переработке вторичных ресурсов. Непонятно, чем руководствовались ответственные лица соответствующих, главный архитектор города и исполком, давшие «добро» на размещение, без сомнения, нужного учреждения именно в этой части города.

Должны же руководители такого ранга обладать не только чувством патриотизма, но и определённым уровнем культуры, элементарным эстетическим вкусом и чувством стыда перед потомками. Так как оные качества не развиты или отсутствуют совсем, мы все потеряли ещё один патриархальный уголок нашего города, нёсший в себе колорит и дух русской истории, исчезла одна из немногочисленных площадей города, которую при условии благоустройства можно было бы превратить в уютный уголок отдыха. А главное, в районе вновь открывающегося городского краеведческого музея почти полностью уничтожена возможность обзора, пожалуй, единственного сохранившегося в нашем городе архитектурного комплекса в своей первозданной красоте.

«Уважение к минувшему – вот черта, которая отличает образованность от дикости», – эти слова были сказаны А. С. Пушкиным ещё в XIX веке. Наверное, великий русский поэт не имел в виду «технократическую образованность» наших современников, правая рука которых не ведает, что творит левая. К сожалению, подобные «достижения» в градостроительном деле не предвещают нам положительных изменений в области нравственности и культуры – в лучшем случае мы ограничиваемся правильными словами и идеями. На поступок же, увы, у нас не хватит ни времени, ни должной принципиальности, особенно если этот поступок требуется совершить в сфере духовности, не пахнувшей прибылью.

В нашем законодательстве нет понятия о ведомственном вандализме, однако он существует в реальности на каждом шагу: вскрытие траншеи под теплотрассу могилы предков на Соборной площади, попытки снести памятник промышленной архитектуры на ул. К. Маркса (ныне ателье «Новинка»), неясная судьба Богоявленского собора и т.д. Металлический ангар рядом с памятником архитектуры XIX века – ещё один яркий тому пример, слов нет, урбанизация – процесс нужный и закономерный. Но это не освобождает руководителей всех рангов от таких общечеловеческих качеств, как разумность.

И ещё раз о букве закона. В фондах Ишимского филиала облгосархива хранится Обязательное постановление губернского исполнительного комитета от 20 января 1921 года, пункт пятый которого запрещает произво-

дить перестройку и ремонт исторически ценных зданий (фонд 2, опись 1, документ 122, лист 65). Ровно через 70 лет, в июле 1991 года, был принят закон об уголовной ответственности отдельных лиц и ведомств, причастных или виновных в разрушении исторических памятников. Неужели необходимо ещё 70 лет, чтобы понять, что нельзя разрушать не только сам памятник, но и ту среду, в которой он существовал? Неужели лишь силой закона можно остановить варварство по отношению к своей собственной национальной культуре, или мы таковой уже не обладаем? Неужели мудрость и цивилизованность – это уже не качества руководителей наших отдельных ведомств?

*Тамара Шмыгун.
(1.10.1991, с. 3).*

Не в угоду Николе, а себе по душе

Наконец-то свершилось в городе событие, которое красными буквами будет вписано в его историю. В аккуратном беленом двухэтажном здании на ул. Ленинградской, 29, что сразу за Никольской церковью, открылся краеведческий музей. Свершилось! Это слово радостно произносили все, кого не удержал дома в прошлую субботу мороз, кто присутствовал на торжественном митинге. Объявил митинг открытым заместитель руководителя исполнительного органа горсовета Г. А. Малышкин. Он в частности отметил, что открытие историко-краеведческого музея не состоялось бы без широкой поддержки этой идеи трудовыми коллективами города, общественностью, неформальным обществом «Собор», сотрудниками музея.

Проректор пединститута Ю. А. Дворяшин, большой знаток истории краеведения, с волнением в голосе обратился к собравшимся. «В этот знаменательный для Ишима день невольно вспоминаются слова Александра Сергеевича Пушкина. Великий поэт утверждал вполне справедливо, что достоинство человека определяется его отношением к прошлому. В очень смутное время мы живём. Казалось бы, не до прошлого сейчас. И всё-таки духовное начало всегда было превыше всего. И сегодня, при открытии музея, хотелось бы пожелать, чтобы он стал не просто складом старинных вещей, а духовным, культурным центром города».

Эмоционален в своем выступлении был и И. С. Кошкин, зам. председателя комитета по культуре администрации области. Он в частности заметил, что при произнесении слова «музей» у каждого всплывут в памяти воспоминания о Третьяковке, Эрмитаже, Русском музее. Но у человека есть понятие малой родины, о котором очень хорошо сказано в песне «С чего начинается родина...». Для многих ишимцев она будет начинаться здесь – в краеведческом музее. Сегодня вы отдаете дань уважения памяти прошлых поколений. Скоро и эта дата, 21 декабря, тоже станет историей. И мы должны благодарить всех тех, кто приложил к созданию музея свои силы, знания, желания, энтузиазм.

И. С. Кошкин по поручению комитета по культуре вручил Почётные грамоты за большой вклад трудовых коллективов и личное участие в создании краеведческого музея начальнику ХСМУ С. Г. Бабушкину и начальнику локомотивного депо Ф. И. Павлику. Г. А. Малышкин и директор музея В. С. Серженко также отмечены Почётными грамотами за большую организаторскую работу при открытии музея.

Ещё одна гостья, директор Тюменского краеведческого музея Т. М. Исламова, тепло поздравила ишимцев, отметила, что была свидетелем того, с чего начинался этот музей. А начинался он с сырых подвалов, с безнадёжности и только энтузиазм многих и многих ишимцев помог воплотить задуманное в реальность. Т. М. Исламова передала в дар музею памятный адрес, старинный дымник – символ ремесленной Тюмени и на хозяйственные нужды – две тысячи рублей.

Как о крупном историческом событии города говорили об открытии музея директор медучилища Н. Д. Трофимов, начальник городского производствен-

*Открытие музея.
21 декабря 1991 г.
Фотографии
В.В.Ипшолитова.
ИИХМ.*

ся экспозиция Никольской ярмарки. Инициативу в свои руки берёт младший научный сотрудник музея Н. Л. Проскуракова. Она отмечает, что в основе оформления лежат данные документального альбома видов зимней Никольской ярмарки. Всё здесь дышит историей, стариной. Каждый раздел – деревянные, кованые изделия, предметы труда и домашнего обихода, гончарные изделия и т.д. – имеет немало интересных, ценных экспонатов. Выполнены они не методом штамповки, а отдельными мастерами, вложившими в изделия всё своё умение, душу. Поэтому каждый предмет не только служил в обиходе, в быту, но и радовал глаз своим оформлением, воспитывал в человеке тягу к прекрасному, желание творить самому.

Всё, что представлено сегодня в Ишимском краеведческом музее, удивляет, покоряет, завораживает, никого не оставляет равнодушным. Много славных традиций имели наши предки. Много славных талантов имеем и мы сегодня, о чём говорит выставка живописных работ самобытных художников Д. Е. Гульятеева (Ишим), Ф. П. Севернюка (Лариха) и других. Конечно, остановитесь вы и у картин нашего земляка Е. М. Чукардина... У каждого ишимца и гостя нашего города появилась прекрасная возможность прикоснуться к истории малой родины, впитать все её лучшие традиции и стать чище душой.

Нелегко далось открытие музея. «Всё это собирали по крупицам», – скажет мне в личной беседе младший научный сотрудник Н. Л. Проскуракова. Назовёт Надежда Леонидовна имена тех, кто собирал и готовил экспонаты. Это смотрители фондов А. Маракулина и Л. Куртекова, вахтёр А. Гладкова, главный хранитель фонда В. Н. Меньщиков, а также члены неформального общества «Собор». Художественное оформление выставки «Никольская ярмарка» выполнено художником Юрием Изотенко.

Начало есть. Пусть доброй, долгой будет история нашего краеведческого музея.

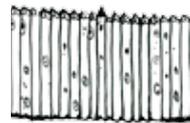
ного управления водопроводно-канализационного хозяйства А. Г. Кадысев и другие.

Директор музея В. С. Серженко горячо поблагодарила всех за помощь и предоставила право расстричь символическую ленточку старейшему активисту музея В. А. Мореву.

Митинг продолжился в здании, в выставочном зале № 2. Г. А. Малышкин вручил Почётные грамоты директору завода «Ишимсельмаш» Б. Ю. Чернышеву, начальнику ДОК ОПС В. Ф. Кожину, директору медучилища Н. Д. Трофимову, гл. инженеру автобазы связи Д. А. Чунихину, гл. инженеру обувной фабрики В. А. Степанову, начальнику ДСУ-2 О. Н. Шкабаре и начальнику управления водопроводно-канализационного хозяйства А. Г. Кадысеву. Великое множество фамилий тех людей, что помогали при строительстве и оформлении музея, прозвучало на митинге. Думаю, не ради этих слов благодарности вершили они доброе дело, а прежде всего понимали, какое воспитательное, культурное, духовное значение имеет наличие в городе историко-краеведческого музея.

И вот звучит религиозная молитва, читаемая, как пояснил отец Евтихий, перед началом нового дела.

Открываются двери выставочного зала № 1, и вниманию зрителей представляет-

На экспозиции
«Никольская
ярмарка».
6 марта 1992 г.
Фотографии
Г.А.Крамора.

Храм памяти

Старинный двухэтажный особнячок, обнесённый ажурной металлической оградой, расположенный рядом с Никольской церковью, тих и таинственен среди белых снегов зимы, Заботливо расчищенная дорожка от железных ворот ведёт к входной двери.

«Музей...» – крупно выведено на табличке. И, открыв тяжёлую дверь, вхожу в него. Вхожу с благоговением – как в храм. Остались за порогом суетность нашего злосчастного быта, повседневные заботы о хлебе насущном и всё, что с этим связано. Я пришла сюда за подкреплением духовным, и не напрасно.

Я узнала о своём городе, который покинула в шестнадцать лет, о его людях – своих родных земляках-ишимцах, столько хорошего, что отчаяние, посеянное в нас теперешним смутным временем, куда-то отступило. Я увидела, какими сильными, умелыми, талантливыми, трудолюбивыми были мои сибирские предки. Как богатела и славилась Сибирь «простой продукт» имея. И какими и мы могли бы вновь стать – стоит захотеть и приложить руки.

...В зале, где развёрнута диорама зимней Никольской ярмарки, стайка ребятишек-школьников с неподдельным интересом слушала экскурсовода. Здесь и на самом деле всё удивительно. Удивляют прежде всего простые предметы повседневного быта. Их много, и все сделаны своими руками. Как мало человек умеющий зависел от обстоятельств! В отличие от нас.

Посмотрите, в каком изобилии был товар на ярмарке. В «балаганах»-лавочках всё – от швейной иглы, утюга железноузорчатого, туфелек на каблучке-«рюмочке», замка амбарного с «печатью», живописных коробок с «монпансье», цапы огородной, ступок медных и ступ деревянных, уздечек, хомутов и пр.

и пр. до двухведёрного самовара и жерновов-крупорушек. А на открытой площади, прямо на снегу – заборы-изгороди из поставленных «на попу» мороженых мясных туш. Целые «улицы» развешанных на протянутых верёвках шкур лисицы, куницы, белки, горносталя... Завораживает изобилие самого разного продукта: сало, масло, рыба, птица.

Диорама, развёрнутая в зале музея, даёт представление не только о былом изобилии, насыщенности рынка. Посмотрите на лица людей: художники сумели тонко передать их здоровый дух, самозначимость, уверенность в завтрашнем дне. Глаза этих людей горят. Они знают: счастье, достаток – в их руках.

Никогда не было безоблачным небо над этой грешной землёй – случались и войны, и катаклизмы. Но человек всегда умел обрести себя через себя. Через своё мудрое, простое, извечное понимание жизни: есть день, есть солнце в небе, есть земля, которую ты должен засеять, есть дети, которых ты должен научить простой и высокой морали. Так было всегда. Так – должно быть. Вот что я увидела в этих лицах в зале городского музея. И подумала: всем нам, нынешним, замотанным в очередях, смертельно запутанным разнокалиберной прессой, бесполезно иногда прийти сюда и

На экспозиции
«Никольская
ярмарка».
Июнь 1998 г.
Фотография
Г.А.Крамора.

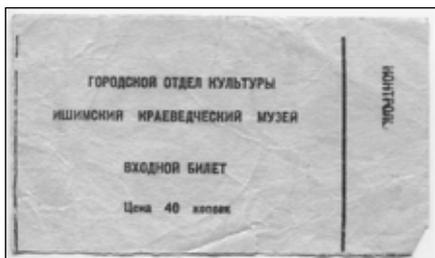
заглянуть в эти цветущие радостью глаза, чтобы почерпнуть в них силы и обрести здоровый дух.

И великолепную, художественную диораму, и лавочки с товаром, и уютную деревенскую горницу с высокой расписной деревянной кроватью под ярким доскутным покрывалом, и дорожками-радужками на полу, с мирной геранью на подоконнике и сытым котом, и выставку картин самобытных художников, и многое другое – всё это нужно увидеть обязательно.

Неплохо бы здесь устраивать и выставки рукоделия ныне живущих искусников. Тех, кто ещё не забыл своего мастерства или вспомнил в силу каких-то обстоятельств, или перенял у дедов и прадедов, – хвала им и честь!

И если вы почувствуете здесь то, что почувствовала я, – вам легче станет жить в наше непредсказуемое время. И вы будете так же признательны замечательным людям, истинным подвижникам, благодаря неимоверным усилиям которых собран и действует этот музей – настоящий храм Памяти.

*Тамара Базилевич, член Союза журналистов.
(7.02.1992, с. 3).*

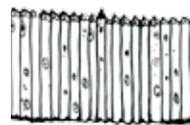
Билет на первые
экспозиции музея.
1992 год.

Не остались равнодушными

(тематическая страница «Собор»)

Небольшой срок прошёл со дня открытия музея. Жители города имеют возможность познакомиться с такой яркой страницей истории нашего города, как зимняя Никольская ярмарка и выставкой «Ишимские живописцы». Хочется рассказать о людях, которые помогают нам в пополнении музейных фондов, без чего была бы невозможна организация выставок.

Радует, что не остаются равнодушными дети. Так, после посещения выставки ученики городской школы № 1 Андрей Турукин, Игорь Белов и Дима Шорохов принесли берестяной короб четырёхугольной формы, сделанный из переплетённых друг с другом берестяных полос. С помощью двух берестяных лямок короб одевали за спину. Он был очень удобен для сбора ягод и грибов. Этот короб вы можете увидеть в торговом балагане де-

ревянных изделий. Здесь же представлены изделия кузнечного промысла, помещён висячий кованый замок XIX века, который сдан в музей Леной Симаковой. Теперь таких замков не увидишь, он сразу привлекает внимание. Изготовление его требовало большого профессионализма от кузнеца. Ученик 5 «в» класса гор. школы № 5 В. Мошкин подарил музею 3 памятных медали и одну монету.

Большую благодарность выражают сотрудники музея тем гражданам, кто оказывает помощь в пополнении музейных фондов. Это пенсионеры Л. С. Соколова, Л. И. Федорец, Е. К. Ляшок, В. Н. Толкачёва, Н. Н. Преловская, П. Н. Гурин, И. П. Бурматов, рабочий РСУ С. А. Разумных, работающий на ликёро-водочном заводе Н. В. Белов, игумен Евтихий и др. Многие из сданных предметов пополняют выставку «Зимняя Никольская ярмарка». Заметное место в торговом балагане привозных товаров заняли женские хромовые ботинки. Они были распространены среди сибирских модниц и стоили недёшево. Ботинки чёрного цвета со шнурками, на каблучках, сделанных в виде «рюмочки». Этот экспонат, а также медные монеты и седёлко передал в музей П. Н. Гурин.

Здесь же находится большое фарфоровое блюдо из сервиза купца П гильдии Еманакова, жившего в нашем городе в начале XIX века. Оно было изготовлено на московской фабрике Гарднера – одной из первых фарфоровых фабрик. После посещения выставки блюдо было передано в дар музею Е. К. Ляшок. Большое количество экспонатов подарено В. Н. Толкачёвой. Это вещи, часть домотканого полотна, полотенце. На фотографии, сделанной в начале XX века, мы можем увидеть часть этих вещей.

Среди других предметов, переданных в фонды краеведческого музея, – стеклянная аптечная бутылка XIX – начала XX вв. с надписью «И. П. Липидузсон», обнаруженная во время рытья котлована на ул. Ленина С. А. Разумных, икона начала XX в. с изображением Иисуса Христа, принадлежавшая матери И. П. Бурматова, патефон 30-х годов, переданный Н. В. Беловым. Проходит время, многие предметы исчезают из нашего быта и становятся достоянием истории. Когда в музей приходят школьники, многие из них не знают, что такое жернова, каток и валёк и т.п. Большое спасибо всем людям, кто неравнодушен к истории своего края, кто заботится о том, чтобы подрастающее поколение знало и любило свою историю, гордилось теми умельцами и мастерами, которыми славилась Сибирь.

Приём предметов, представляющих музейную ценность, производится в любой день недели (кроме понедельника и вторника: телефон 2-20-37). Главному хранителю фондов можно позвонить по телефону 2-58-61 после 20 часов.

* В газетной публикации опечатка: «Мельников».

*Владимир Меньщиков**, главный хранитель фондов.
(15.02.1992, с. 3).

Богоявленский собор передан верующим

Решением малого Совета городского Совета народных депутатов Богоявленский собор передан православному приходу Российской Православной Церкви, взявшему на себя заботу и ответственность за реставрацию и сохранение собора. Согласно охранному обязательству собор будет использоваться только для богослужений.

Российская Православная Церковь, чьим является приход, находится под юрисдикцией Русской Православной Церкви Заграницей, которая является хранительницей русского православия в том неискажённом виде, в каком его имели православные архиереи, оказавшиеся за границей в годы Гражданской войны. От Московской Патриархии её отделяют, во-первых, Декларация митрополита Сергия, связавшая церковную жизнь с политическим курсом правящей партии. Публикуемые сейчас документы сотрудничества иерархов Патриархии с КГБ – лишь маленькая часть последствий этой «Декларации о лояльности».

Во-вторых, непризнание Патриархией святых новомучеников, в Российской земле пострадавших от безбожников. Тот факт, что с переменой официальной политики государства Патриархия начала-таки канонизировать новомучеников, давно прославленных Зарубежной Церковью, иначе, как издевательством, не назовёшь. Подумать только, святых, пострадавших от безбожной власти, признают по той мере, как эта же безбожная власть изволит их реабилитировать.

В-третьих, отсутствие церковного суда над иерархами Московской Патриархии, запятнавшими себя антицерковными и аморальными поступками. В Русской Православной Церкви Заграницей принципиально всё иначе. Чем выше церковный чин, тем строже с него спрос, и нужно заметить, иерархи соответствуют этому спросу.

И, наконец, самый глубокий догматический вопрос: участие в экуменизме и членство Московской Патриархии во Всемирном Совете церквей. Никакой возможности смешения православия с другими вероучениями русское зарубежье не признаёт. Российская Православная Церковь зарубежной юрисдикции твёрдо стоит и будет стоять на чёткой позиции сохранения догматических основ и традиций русского православия, на верности вероучению единой Святой, Соборной и Апостольской церкви.

Перед приходской общиной Богоявленского собора сейчас стоит сложная задача: завершить основной объём реставрационных работ, начатых дирекцией краеведческого музея и общественностью города. Все работы в соборе будут проводиться в соответствии с проектом реставрации, который передан настоятелю собора. Это налагает ещё большую ответственность на новых владельцев собора: каждый шаг надо совершать после согласования с авторами проекта, а все работы, связанные с расчисткой, – в присутствии археолога. По смете, составленной в 1991 году, на реставрацию требовалось 640 тыс. рублей, сейчас эту цифру следует умножать в соответствии с ростом цен. Однако все эти трудности не снижают уверенности приходской общины, что с Божьей помощью не только будет восстановлен и благоустроен собор, но и в скором времени община сможет позволить широкую благотворительную деятельность.

16 апреля в соборе состоялось приходское собрание, на котором избран приходской совет и ревизионная комиссия собора. Членом прихода может стать любой православно верующий христианин, соблюдающий христианские правила жизни и желающий участвовать в жизни собора. Для этого нужно только подать соответствующее заявление, которое будет рассмотрено на приходском собрании. Разумеется, от прихожан требуется принципиальное согласие с позицией Русской Православной Церкви Заграницей.

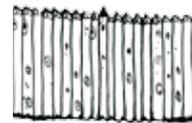
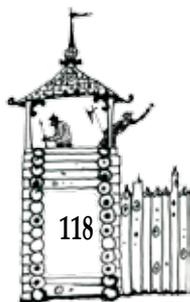
Игумен Евтихий.
(28.05.1992, с. 2).

Остановка «Музей»

Открытие краеведческого музея заметно оживило культурно-просветительскую сторону нашей жизни. И вот ещё одно новшество, связанное с музеем. Первый заместитель главы администрации города В. И. Озолин издал распоряжение, которое вносит некоторые изменения в облик города. На основании ходатайства отдела культуры и руководства краеведческого музея решено переименовать автобусную остановку им. Чайковского по ул. Гагарина на «Музей». ПАТП (т. Павлюченко) предложено внести соответствующие изменения в указатель остановки и в маршрутную документацию.

Думается, такое решение закономерно. Оно не только подчёркивает роль краеведческого музея, но и поможет гостям лучше ориентироваться в городе при посещении исторических мест Ишима.

Л. Иванова (Людмила Марикова).
(12.09.1992, с. 1).

Музейный хронограф

2016 год

Январь, 15
Открытие персональной выставки художника В.А.Мошкина «Начало».

Живописец дебютировал на выставке «Палитра Ишима – 2015» и сразу же был признан лучшим художником года. В детстве занимался в изокружке в Доме пионеров у Григория Ивановича Шарапова. Там В.А. Мошкин научился азам изобразительного искусства. По профессии – инженер-электронщик, но любовь к творчеству сохранил на всю жизнь. В 1991 году организовал в Тюмени фирму по деревообработке и реставрации памятников деревянного зодчества.

Владимир Мошкин представил 48 работ в разных направлениях: пейзажи, натюрморты, жанровые зарисовки. Различны и техники, в которых работает живописец: динамичная масляная живопись, лёгкая пастель, прозрачная, воздушная акварель. На полотнах мастера легко узнаются пейзажи Приишимья, горы Алтая, суровый Север.

Первое заседание Клуба друзей музея.

В клуб вошли ветераны музейного дела, руководители различных учреждений и ведомств, общественные деятели, краеведы и историки.

Цель работы клуба – сохранить и приумножить историю города, обогатить музейные фонды, помочь развитию музея новыми идеями и предложениями, решать важные общественные вопросы. В первом заседании участвовали С.И. Григорьева, Е.А. Гулякина, Л.В. Захлевных, Г.А. Крамор, А.Г. Кутырёв, Т.П. Лавина, В.М. Лузина, Г.Д. Мастерских, В.И. Озолин, Н.Л. Проскурякова, Ю.С. Смердов, Л.К. Соскина, Т.И. Тальцева и В.А.Устинова.

Директор музея и председатель клуба Любовь Нечаева представила новую концепцию Ишимского историко-художественного музея. Она разработана на 5-7 лет и направлена на модернизацию и оптимизацию деятельности музея с целью повышения эффективности экспозиционной, просветительской, фондовой и научно-исследовательской деятельности, повышения социальной значимости и востребованности учреждения жителями Ишима и Приишимья, превращения города в один из региональных центров туризма. В перспективе историко-художественный музей должен разрастись до музейного комплекса, где будут представлены как история нашего края, так и его выдающиеся личности, духовное и культурное наследие.

В ходе собрания архитектор Юрий Смердов представил эскизное предложение будущего Сквера советской истории напротив корпуса «Городская управа».

– Идея подобного ретропарка была высказана ещё в конце 1990-х годов специалистами московского Института культурного наследия им. Д.С. Лихачёва, – отметил член клуба друзей музея, краевед Геннадий Крамор. – В сквере будет размещена после реставрации садово-парковая скульптура середины XX века из парков Ишима, сохранённая неравнодушными горожанами, она будет соседствовать с

мемориальными объектами, посвящёнными событиям Гражданской войны и крестьянского восстания 1921 года. Это особенно актуально в преддверии столетия революции 1917 года.

Январь, 18

Проект «Музей – школе».

Ишимский историко-художественный музей реализует новый проект «Музей – школе», в рамках которого научные сотрудники на время заменят учителей истории и краеведения в школах города.

Проект стартовал 18 января. Он охватит школьников с 6 по 11 класс. Занятия будут проходить на протяжении тринадцати недель: по неделе в каждом образовательном учреждении. Для встреч с детьми музейные работники подготовили не только рассказы о важных событиях в жизни города и

знаменитых ишимцев, но и уникальные фотографии, экспонаты, тематические фильмы.

Научный сотрудник Юлия Туркова представляет лекцию «Наши великие земляки», а научный сотрудник Константин Иванов – лекторий «Ишимские школьники в годы Великой Отечественной войны: повседневность, учёба, труд».

Январь, 22

Пресс-конференция в ишимском пресс-центре информационного агентства «Тюменская линия» директора музея Любови Нечаевой.

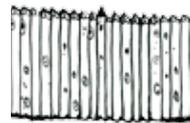
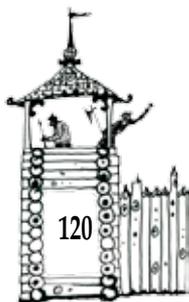
Журналистам было рассказано о планах работы музея на предстоящий год и о новой концепции развития музея, о чём подробно рассказал соавтор концепции Геннадий Крамор.

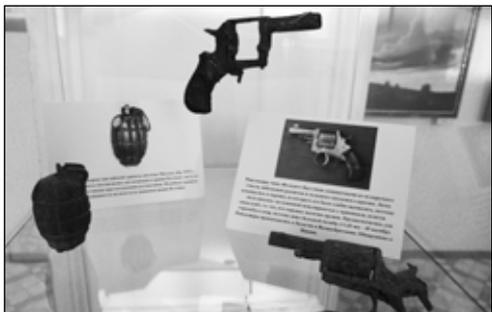
Февраль, 10

Круглый стол, посвящённый 95-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года.

Дата выбрана неслучайно. Именно в этот день повстанцами была предпринята безуспешная попытка вооружённого взятия Ишима. Повстанцам не удалось захватить ключевую для северной ветви Транссиба станцию Ишим, и это, по словам доктора исторических наук В.И. Шишкина, не только решило дальнейшую судьбу восстания, но и сохранило советскую власть в стране. Хотя это было крупнейшее за историю Советской России антикоммунистическое восстание, начавшееся в Ишимском уезде и охватившем территорию от Петропавловска до Салехарда.

На мероприятии присутствовали глава Ишима Фёдор Борисович Шишкин, заместитель председателя Тюменской областной Думы Виктор Александрович Рейн, краеведы, учителя истории и школьники Ишима и

Ишимского района, студенты, работники ишимского госархива, краеведческих музеев юга области, а также люди, интересующиеся историей родного края. Знаменательно, что была и праправнучка Петра Шевченко, одного из лидеров восстания.

Всего прозвучало пять докладов, посвященных различным аспектам восстания. Первый доклад был подготовлен кандидатом исторических наук А.А. Петрушиным, раскрывающим роль А.Е. Корякова, благодаря деятельности которого был сохранен порядок в Тобольске в дни восстания. Н.Л. Проскуракова, директор Культурного центра П.П. Ершова, эмоционально рассказала об экспедиции на место гибели повстанческого отряда Шевченко. Проблеме сохранения памяти о жертвах восстания был посвящён доклад сотрудника Ершовского центра Г.А. Краморы. Научный сотрудник ИИХМ К.С. Иванов подготовил выставку «Оружие восстания», на которой впервые представлены уникальные экспонаты из фондов музея. Т.П. Лавина, директор Ишимского госархива, представила документальные материалы по теме восстания. Кандидат исторических наук, доцент ИПИ им. П.П. Ершова (филиал ТюмГУ) И.В. Курьшев

рассказал об асоциальном поведении повстанцев, а также пригласил присутствующих к участию в научно-практической конференции.

Февраль, 12 **Открытие экспозиции «Наш край в древности».**

Это одна из первых стационарных выставок ишимского музея: более двадцати лет она находилась в здании на ул. Ленинградская. После перемещения выставочных материалов в корпус «Городская управа» экспозиция была обновлена, изменилось её оформление.

– На выставке представлено около трёхсот уникальных предметов, большинство из которых найдены местными исследователями и археологами Института проблем освоения Севера в ходе экспедиций по историческим местам Ишимского района. Часть костей животных, керамику нашли у себя на огородах, на берегу реки Ишим и передали нам жители города, – рассказывает сотрудник музея Светлана Завьялова. – Самые редкие экспонаты на выставке – мергеньская куколка и бронзовый гребень работы византийских или среднеазиатских мастеров, аналогов которому в Западной Сибири не обнаружено. Также здесь можно увидеть скребки, ножи, наконечники стрел, посуду, орудия труда, украшения самых разных времён.

Достоинное место в экспозиции занимают красочная диорама Рудольфа Симанова, изображающая посёлок эпохи бронзы (она когда-то украшала выставку в здании по ул. Ленинградской) и графическое изображение событий эпохи развитого Средневековья – времени государственных объединений кочевников Западной Сибири.

Достоинное место в экспозиции занимают красочная диорама Рудольфа Симанова, изображающая посёлок эпохи бронзы (она когда-то украшала выставку в здании по ул. Ленинградской) и графическое изображение событий эпохи развитого Средневековья – времени государственных объединений кочевников Западной Сибири.

Март, 3 **Открытие передвижных выставок «По следам Ермака», «Древние воины Сибири», «Веер и мода XIX века» (из Ялutorовского, Тюменского и Тобольского музеев).**

На выставках были представлены оригинальные элементы ручного оружия и доспехов XVI века, репродукции портретов Ермака Тимофеевича. Кроме того, представлены три полноразмерных доспехановодела, а четвертый комплект каждый желающий мог примерить на себя и сделать фото на память.

Март, 6

Награждение участников и победителей творческого конкурса «Сказка в ладошках».

Творческие состязания впервые были объявлены шесть лет назад Культурным центром П.П.Ершова. Нынче девчонки и мальчишки из города и районов юга области принесли уже более двух сотен поделок. Награждение юных мастеров и мастериц, которым от 5 до 15 лет, каждый раз превращается в большой праздник и проходит в день рождения Петра Павловича. На этот раз дети участвовали в интерактивном представлении, подготовленном артистами объединения «Ишимский городской культурный центр». Все юные участники мероприятия получили подарки за то, что умелыми руками оживили сказки.

Март, 10

Межрегиональная научно-практическая конференция, посвящённая 300-летию основания Омска «Православие в Омском Прииртышье: история и современность».

В работе конференции приняли участие более двухсот человек, среди которых священноначалие епархий Омской митрополии, сотрудники синодальных отделов и преподаватели духовного училища Омской митрополии, представители научного и педагогического сообществ, органов власти разных уровней, общественных организаций и учреждений культуры города Омска и Омской области.

Заместитель директора по научной работе ИИХМ Г.А.Крамор в своём выступлении на пленарном заседании рассказал о судьбе списка Абалакской иконы из Успенского кафедрального собора.

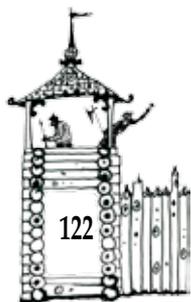

Март, 11-12

VIII региональная научно-практическая конференция «Вагановские чтения», посвящённая 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения.

Гостями конференции стали учёные и краеведы городов Омск и Ишим, р. п. Седельниково, р. п. Большеречье, а также из Тюменской и Новосибирской областей. Всего было представлено 54 доклада.

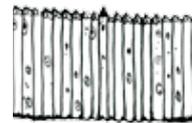
Заместитель директора по научной работе ИИХМ Г.А.Крамор в своём выступлении рассказал о блаженном Геннадии Ишимском – самобытном художнике-орнаменталисте, родившемся в г. Тара Омской области в 1929 году.

Март, 17

Открытие персональной выставки фотографа А.И.Кликушина «Цвет и тени».

Первая выставка самобытного мастера, живущего в Ишимском районе. Он смело экспериментирует с цветом, светом, формой.

А. И. Кликушин.

Март, 25

Второе заседание клуба друзей музея.

Было обсуждено предложение об открытии памятной доски благотворителю Николаю Черняковскому на здании епархиального управления, утверждён список Героев Советского Союза и Социалистического труда на памятной стеле в сквере Героев на Октябрьской площади. Почётный гражданин Ишима Татьяна Савченкова выступила с культурологической лекцией «Синдром Стендаля».

Апрель, 6

Объявлен «Месячник дарителя», приуроченный к Международному дню музеев.

Особенно актуальны предметы по темам «Кинематограф» и «Быт советского периода», – они нужны для формирования новых выставок, которые будут открыты к началу летнего периода.

Каждый даритель получил пригласительный билет на 2 персоны на посещение экспозиций музея.

Апрель, 14

Открытие пункта помощи пострадавшим от наводнения в Культурном центре П.П. Ершова.

Как рассказала директор центра Надежда Прокуракова, на беду ишимцев откликнулись друзья Ершовского центра, которые живут в разных странах. Горожане изумлялись, когда узнавали, что получают вещи от самих потомков Петра Ершова из Москвы или от мецената Сергея Козубенко, подарившего Ишиму памятник великому сказочнику.

Пункты приёма официально открыты до 29 апреля. Однако, как отмечает Надежда Леонидовна, помощь будет оказываться и дальше, уже адресно. Многие семьи – почти все многодетные – стали постоянными посетителями Ершовского центра. Никто не уходит отсюда с пустыми руками. Семьям, где три, четыре, а то и шестеро детей, еще долго будет нужна одежда и обувь для ребятнишек и продукты питания.

Апрель, 27

Открытие передвижной выставки фотохудожника Павла Кривцова «Творчества порыв святой».

Это один из лучших фотографов России, член Союза фотохудожников. В ишимском музее можно увидеть около ста работ мастера. Все они – чёрно-белые и отсняты в разные годы – 1980-е, 1990-е, 2000-е. На каждом снимке узнаваемое лицо: здесь можно увидеть портреты кинорежиссёра Никиты Михалкова, дирижёра Валерия Гергиева, писателя Виктора Астафьева, певицы Жанны Бичевской, философа Алексея Лосева и многих других известных деятелей культуры, науки, искусства. Есть в собрании и имена наших земляков (косторез Минсалим Тимергазеев, журналист Анатолий Омельчук и др.), а также тех, кто оставил свой след на тюменской земле (скульптор Вячеслав Клыков и т.д.). Каждая фотография здесь – это не просто изображение человека, а попытка раскрыть его характер, внутренний мир, историю его жизни.

Выставка, предоставленная фондом «Возрождение Тобольска», уже побывала во многих городах России. Высоко оценили её и пришедшие на от-

крытие ишимцы: фотографы, преподаватели вузов, искусствоведы, сотрудники городского архива, работники культуры.

В этот же день состоялось очередное заседание Клуба друзей музея.

Апрель, 30

Замена входной группы в здании Управы.

В музее продолжают ремонтные работы. Здесь за счёт собственных средств (без помощи городского бюджета) обновили лестницу, сменили входную группу (основные двери и двери на балкон на втором этаже), объединили две небольшие комнаты в новый зал, установили соответствующий всем требованиям законодательства пандус, проводят ремонт в гараже. В конце года были установлены новые въездные ворота и афишные стенды. Изменения оценил глава г. Ишим Фёдор Шишкин.

Май

Открытая выставка «Земляки-победители».

В преддверии Дня Победы стены корпуса «Городская управа» украсили плакаты с портретами наших земляков, которые участвовали в крупнейшей битве XX века. Эти фотографии хранятся в фондах музея и в личных архивах ишимцев. Многие из этих героев вернулись домой и продолжили мирный труд. Размещая эти плакаты, музей присоединяется к акциям «Бессмертный полк» и «Бессмертный тыл».

Май, 6

Открытие выставки живописи и графики «Из частных коллекций».

За время существования музея в Ишиме стало развиваться коллекционирование картин местных художников. Это – ещё одно свидетельство того, что наш город богат людьми, неравнодушными к миру прекрасного. Сегодня они любезно предоставили возможность широкому зрителю увидеть жемчужины своих собраний. В экспозицию вошли более 70 живописных полотен, графических листов и этюдов из коллекций Г.М.Болтуновой, Н.В.Деевой, Г.А.Крамора, В.М.Лузиной, Г.Е.Лукошиной, Н.А.Проскуряковой и Т.П.Савченковой.

На выставке посетителям встретятся как уже знакомые, так и новые имена. Работы А.Игнатченко, Б.Коньшина, В.Лузина, В.Манухина, Д.Новакова, Р.Симанова, Б.Смолина, А.Шорохова, Е.Чукардина и других демонстрируют разнообразие авторского стиля, жанров и техники исполнения. Некоторые работы никогда ранее не экспонировались и станут открытием для зрителя. Некоторые, как работы В.Чистякова, буквально спасены из предстоявшего им небытия, будучи вынесены из дома, идущего под снос.

Май, 17

III Малышевские (краеведческие) чтения «Историко-культурное наследие народов Сладковского района».

Конференция приурочена к Международному дню музеев и дню рождения В.Н.Малышева, краеведа, посвятившего всю свою жизнь истории ма-

лой родины. Приоритетной в этом году стала тема крестьянского восстания в Западной Сибири 1921 года.

Об этом участникам конференции рассказали и гости из ишимского музея – заместитель директора по научной работе Г.А.Крамор и научный сотрудник К.С.Иванов.

Май, 20

Заседание в Ишиме рабочей группы по развитию музейного дела в Тюменской области.

Оно прошло под председательством Виктора Новакаускаса, директора департамента по культуре Тюменской области. Участие во встрече приняли представители музейных комплексов Тюмени, Тобольска, Ялуторовска и Ишима. Рабочая группа создана для выполнения поручения губернатора В.В.Якушева по разработке новых музейных концепций, соответствующих современным требованиям.

В ходе встречи рассмотрены предложения Культурного центра П.П. Ершова и Ишимского историко-художественного музея.

«В долгосрочной перспективе мы видим создание в регионе большого туристического кластера, в который войдут города Тюмень, Тобольск, Ялуторовск и Ишим. Ваш город, обладающий богатой историей, несомненно, займёт в нем достойное место», – подытожил встречу Виктор Новакаускас.

Май, 21

Акция «Ночь в музее».

Акция началась массовой программой на площади у северной стены корпуса «Городская управа» в 18-00. Здесь состоялся танцевальный флешмоб совместно с танцевальной студией «Garage» и мини-концерт детской рок-группы «Робинзон» (рук. С.А.Глухих). Продолжил концертную программу проект «Наш Квартирник» у музейных окон», на котором выступили Михаил Зуйков и Евгений Гурьев.

В акции также принял участие Культурный центр П.П.Ершова. На Ершовском бульваре состоялась массовая фотосессия у памятника автору «Конька-Горбунка». Далее в здании центра был показан спектакль кукольного театра «Кот учёный».

По окончании концерта с наступлением темноты на экране у северной стены музея был начат показ фильмов об истории города, который продолжался до завершения акции.

В продолжение акции «Ночь в музее» были открыты все экспозиции в корпусе «Городская управа»: «Наш край в древности», «Коркинский острог»,

«Московско-Сибирский тракт», «История Ишима в 19 веке», «Купеческая лавка», а также временные выставки – фотохудожника Павла Кривцова «Творчества порыв святой» и художественная «Из частных коллекций».

В 19-00 состоялось открытие подготовленных сотрудниками музея выставок «Советское детство» и «Магия кино» (к Году кино в России), а также передвижной выставки «Стереобразия шедевров итальянской живописи» (Омский художественный музей им. М.А.Врубеля). После открытия выставки «Магия кино» на ней состоялись сеансы немого кинематографа.

В продолжение акции посетители также могли принять участие в «чаепитии по-купечески» и в интерактивных экскурсиях с фонариками на экс-

позиции «Сибирский валенок», написать открытое письмо с видами Ишима. Ишимский народный театр (реж. Д.И.Султанов) показал сцены из пьесы А.Н.Островского «Свои люди - сочтёмся». Работал мастер-класс Т.П.Киселёвой, на котором все желающие могли изготовить тряпичный сувенир. Состоялись четыре автобусных экскурсии по вечернему городу.

Посетители также смогли увидеть открытую на лестничной площадке второго этажа первую фотопанораму Ишима 1880-х годов и выставку предметов, обладателями которых музей стал в ходе акции «Месячник дарителя», приуроченной к Международному дню музеев.

В 12 часов ночи состоялось торжественное закрытие «Ночи в музее» массовой акцией «Разбуди город» (флэш-моб с будильниками) и мини-фейерверком.

Общее количество посетителей составило 312 человек, из них: дети до 7 лет - 37 (11,9 %), школьники - 54 (17,3 %), студенты - 45 (14,4 %), взрослые - 146 (46,7 %), пенсионеры - 26 (8,3 %), инвалиды - 4 (1,3 %).

Май, 22

Открытие памятной доски меценату Н.М.Черняковскому.

В престольный праздник построенного на средства купца I гильдии Н.М.Черняковского Никольского кафедрального собора, который в 2016 году отмечает 130-летие со дня закладки первого камня, по завершении Крестного хода состоялось торжественное открытие памятной доски благодетелю. Изготовлена она по инициативе и на средства Ишимского историко-художественного музея. В открытии приняли участие глава города Ф.Б.Шишкин и председатель городской Думы А.В.Ипатенко, а также епископ Югорский и Няганский Фотий. Освятил доску настоятель храма епископ Ишимский и Аромашевский Тихон. После этого была отслужена панихида на могиле Николая Максимовича у церковного алтаря.

Размер доски – 60x100 см. Она установлена на западной стене храмовой часовни в заложенном оконном проёме.

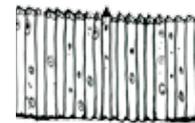
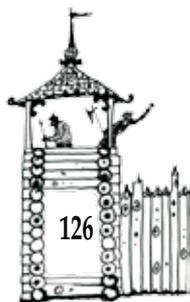
Июнь, 3

Открытие фотовыставки «Человек, прославленный трудом», посвящённой 40-летию агрохолдинга «Юбилейный».

Цель выставки – привлечь внимание школьников, абитуриентов к роли «человека труда» в обществе, с одной стороны, а с другой – показать тружеников, с результатами труда которых знакомы все без исключения. Задачи выставочного проекта, состоящего из ста снимков (автор – ишимский фотограф Василий Баранов) – представить три основных направления этого цикла: растениеводство, животноводство, мясопереработка.

Выставку открыли генеральный директор агрохолдинга Н.Т.Мамонтов, глава г. Ишим Ф.Б.Шишкин, первый заместитель главы Ишимского района С.В.Максимов и директор ишимского многопрофильного техникума С.Ю.Конев.

Срок работы выставки – до сентября. Только в июне её посетили около 500 детей, преимущественно из летних лагерей.

Июнь, 11

«Летние Ершовские дни в Ишиме».

Церемония вручения дипломов лауреатов XI Международной литературной премии им. П. П. Ершова за произведения для детей и юношества и победителей регионального конкурса детского творчества «Сказочная карусель» (Киноконцертный зал им. 30-летия ВЛКСМ).

Дипломы лауреатов из рук председателя жюри конкурса, первого секретаря правления Союза писателей России Геннадия Иванова и меценатов премии – промышленника Сергея Козубенко, потомков автора «Конька-Горбунка» Валентины Нестеровой и Оксаны Михайловой, конструктора глубоководных обитаемых аппаратов Ольги Устиновой – получили Сания Шавалиева (г. Набережные Челны; награда за книгу «Сумовёнок»), Наталия Волкова (г. Москва; за книгу «Профессии старой России»), Ирина Данилова (г. Москва; за серию книг «Сказки и истории Страны Дождей...»).

Дипломы призёров премии получили Сергей Боровский (Казанский район Тюменской области) и Надежда Георгица (г. Тюмень). Благодаря меценатской помощи семьи Козубенко и Оксаны Михайловой они смогли издать свои книги, представленные на конкурс в рукописи. Дипломантами стали также участники Всероссийского фестиваля детских радиопрограмм «Птенец» (ГТРК «Регион-Тюмень») во главе с журналистом Любовью Турбиной.

Вслед за взрослыми писателями награды получили их преемники – 39 победителей пятого регионального конкурса детского творчества «Сказочная карусель», которые приехали из различных уголков Тюменской области. Инициатор конкурса – Культурный центр П.П.Ершова, но в этом году он проводился при участии Ишимского историко-художественного музея. Награждали детишек меценаты – заместитель председателя Тюменской областной думы Виктор Рейн и Татьяна Филиппова-Козубенко. Также дипломы вручали лауреат X Ершовской премии Владимир Белых и почётные гости Ишима – наш земляк физик-ядерщик Леонид Огнёв и редактор журнала «Бийский вестник» Виктор Буланичев.

Церемония вручения дипломов стала настоящим праздником благодаря участию в ней солистов и творческих коллективов Ишима и Тюмени.

Ещё одна новинка нынешних Ершовских дней – первый Всероссийский фестиваль детской литературы в Тюменской области. Встречи с лауреатами проводились и раньше, но в этом году благодаря инициативе председателя регионального отделения Союза писателей России Леонида Иванова в творческих встречах, прошедших в библиотеках города, в пединституте и лагере «Дружба», приняли участие поэты и писатели нашего края. Фестиваль прошёл при поддержке администрации Ишима и департамента культуры Тюменской области.

А при поддержке областного департамента инвестиционной политики в русле развития событийного туризма наш город впервые посетили двести школьников из пяти муниципальных образований области. Они побывали в Ершовском центре, познакомились с городом на обзорной экскурсии, посмотрели спектакль Ишимского народного театра, пообщались с лауреатами премии и сфотографировались с осликом Лавриком из конного клуба «Кентавр», который «исполнил роль» сказочного Конька-Горбунка.

Июнь, 12

Освящение места под строительство храма св. Петра Столпника на месте рождения П.П.Ершова.

В приишимском селе Ершово на Школьной площади был торжественно освящён крест на месте строительства храма во имя преподобного Петра Столпника. Молебствие возглавил епископ Ишимский и Аромашевский Тихон, песнопения исполнил хор Ишимской православной гимназии. По окончании церемонии слова о важности восстановления исторической справедливости – возрождения построенного при участии П.П.Ершова храма на месте его рождения – сказали главный меценат строительства Сергей Козубенко, глава Ишимского района Сергей Вотяков, заместитель председателя Тюменской областной думы Виктор Рейн, глава г. Ишим Фёдор Шишкин, президент ГТРК «Регион-Тюмень» Анатолий Омельчук, первый секретарь правления Союза писателей России Геннадий Иванов и от лица потомков Ершова – Валентина Нестерова.

Июнь, 18

Поездка сотрудников музея на столетие церкви в селе Шабалино.

В торжествах, посвящённых столетию единственного полностью сохранившегося на территории Армизонского района храма приняли участие научный сотрудник ИИХМ Константин Иванов и заместитель директора по научной работе Геннадий Крамор, автор статей об истории этой церкви.

Июнь, 21

Посещение участниками миссионерской экспедиции «Славянский ход - 2016» Культурного центра П.П.Ершова.

Июнь-август

Посещение музея детьми из пришкольных и загородных лагерей.

Музей предложил детям и подросткам во время каникул поучаствовать в специально разработанных познавательных программах, которые включают посещение выставок, экскурсионные маршруты.

Среди популярных автобусных маршрутов – обзорная экскурсия по Ишиму, поездки в ишимский авиаспортклуб и пожарную часть. Увлекательный игровой маршрут «По следам хана Кучума» об освоении Сибири знакомит с легендарными историческими личностями – татарским ханом Кучумом и атаманом Ермаком. Действует выездной маршрут «Наследники Победы» в Синицынский бор, в ходе которого можно узнать о роли Ишима и его жителей в Великой Отечественной войне. Также открыты комплексные маршруты для взрослых и детей: «Град-столица» об истории города, «Ишим спортивный», «Нам доверена память», детский патриотический тур «Судьба и Родина едины», «Православные святые Приишимья».

Июль, 14

Второй туристический бизнес-форум «Сибирский тракт: реалии, потенциал, бизнес-интересы».

В форуме, состоявшемся в селе Абатское, приняли участие глава г. Ишим Ф.Б.Шишкин, представители администрации и бизнес-сообщества Ишима, а также Ишимского историко-художественного музея.

Июль, 17

Прощание с О.Н. Маракулиной.

15 июля ушёл из жизни замечательный человек, главный хранитель фондов Ишимского историко-художественного музея Ольга Николаевна Маракулина. Она прожила лишь 48 лет, но за эти годы успела сделать многое. Ольга Николаевна внесла большой вклад в развитие музея. Под её руководством осуществлялись комплектование, учёт и хранение музейных предметов. Она была грамотным специалистом, профессионалом своего дела, активным деятелем. Участвовала во всех музейных и городских мероприятиях. Родные знали её как прекрасную жену, заботливую мать, любящую дочь. Коллектив музея будет помнить её как энергичного, неравнодушного, жизнерадостного человека. Светлая память!

Август

Съёмки полнометражного художественного фильма «Дождь».

Его режиссёр – тюмонец Константин Одегов. Это автобиографичный фильм о добре, о чуде и о силе воли. Съёмки второго этапа проходили на территории санатория «Ишимский» в Синицынском бору. Часть реквизита безвозмездно предоставил Ишимский историко-художественный музей.

Август, 2

Открытие Дома художника в д. Быстрая Гольшмановского района.

В этом событии от Ишимского музея приняли участие музея искусствовед Юлия Лузина и научный сотрудник Максим Постивой.

Районный Дом художника в д. Быстрая открылся благодаря таланту и настойчивости художника Евгения Корнильцева-Быстринского.

**Август, 25
Завершение работы над концепцией Ишимского музея-заповедника.**

Проект Ишимского историко-культурного музея-заповедника П.П.Ершова обсудили и высоко оценили на заседании Общественного совета при департаменте культуры Тюменской области.

Согласно концепции, рассчитанной на пять лет, все экспозиции будут так или иначе связаны с образами сказки о Коньке-Горбунке и событиями из жизни Петра Ершова.

На осмотр ныне существующих экспозиций уходит три-четыре часа. Этого мало для привлечения туристов, потому музейное пространство будет расширяться и модернизироваться.

Концепцией предусмотрено создание музеев «Сибирский форпост» (в корпусе «Городская управа»), «Никольская ярмарка» (в торговых рядах), «Соль земли» (в доме купца Клыкова), арт-галерея «Град-Столица», музей Конька-Горбунка (в женской школе) и музей-усадьба «Родина П.П. Ершова» в с. Ершово.

Август, 30

Итоги экспертизы заявок конкурса малых грантов «Православная инициатива 2016-2017».

Конкурс малых грантов проводится по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Всего в конкурсе приняли участие 695 проектов из 74 регионов России и 10 стран ближнего и дальнего зарубежья.

Победителями конкурса малых грантов стали 115 проектов из 47 регионов России и пяти стран ближнего и дальнего зарубежья. В их числе победителей том числе, в номинации «Культура» – музейный передвижной выставочный проект «Храмы Ишима» (к 330-летию основания города), представленный Ишимским историко-художественным музеем.

Сентябрь, 5

Коллегия в администрации города.

Был заслушан отчет директора музея Любови Сергеевны Нечаевой о работе учреждения за 8 месяцев текущего года.

Сентябрь, 6

Открытие музея здравоохранения.

Музей здравоохранения, впервые открытый в 1986 году, вновь распахнул двери в здании Ишимского медколледжа. Предложение ветеранов здравоохранения о его возрождении поддержала администрация города. Помощь в разработке концепции и создании первой экспозиции оказал Ишимский историко-художественный музей, также передавший на временное хранение ряд экспонатов. Куратором музея стала И.И.Ануфриева.

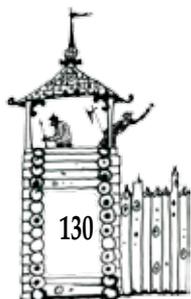
Сентябрь, 10

Открытие памятника первому русскому паровозу.

Такие памятники уже есть – в Нижнем Тагиле, Екатеринбурге, Челябинске, Красноярске, Хабаровске, Омске. Но только в Ишиме он обрёл особый смысл. Ведь в те же 1833-1834 годы, когда отец и сын Черепановы работали над стальным «коньком», способным тянуть тележку с грузом в три тонны и вагон с сорока пассажирами – в Санкт-Петербурге писал свою гениальную сказку наш земляк Пётр Ершов. Потому вполне закономерно, что новый арт-объект на Привокзальной площади появился благодаря меценату С.П.Козубенко, подарившему в 2015 году монумент автору «Конька-Горбунка».

В своём выступлении глава города Ф.Б.Шишкин отметил, что теперь в Ишиме должна появиться и музейная экспозиция по истории строительства Тюмень-Омской дороги. Такая задача прописана и в новой концепции Ишимского историко-художественного музея. Есть и материалы для издания книги.

130

Сентябрь, 16

Открытие передвижных выставок «Ковры Сибири» и «Золотая черепаха».

На этнографической выставке «Цветы Сибири» представлены уникальные тюменские ковры, деревянные изделия с тюменской домовой росписью, вытканые полотенца, костяные и глиняные творения, коллекцию лоскутного шитья производства современных мастеров, а также этнографические изделия начала XX века из коллекций Тюменского музейного комплекса им. И.Я.Словцова и Ишимского историко-художественного музея. Всего – более 300 экспонатов.

Особенно приятно ишимцам увидеть изделия местной ковровой фабрики, ковры которой прославили Ишим за пределами страны.

«Золотая черепаха» – это конкурс, на который фотографии со всего мира представляют работы и проекты, демонстрирующие красоту и гармонию дикой природы. Ежегодно по результатам конкурса проводится одноимённый фестиваль, после чего работы отправляются в выставочное турне по России и другим странам.

Ишимцы увидели около 40 фотографий живой природы, в которых авторы сумели запечатлеть зверей, птиц, насекомых в уникальный момент. Выставку предоставил Тюменский дом фотографии в лице его директора С.В. Фирцева.

Сентябрь, 20

Заседание Сибирского филиала Научного Совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации.

В Омском государственном историко-краеведческом музее собрались руководители и сотрудники 47 музеев из 17 регионов России. В работе заседания приняла участие и делегация Ишимского историко-художественного музея.

Для гостей были проведена презентация новой исторической экспозиции «Сибирский град Петров», посвящённой 300-летию города Омска, и представлена выставка из фондов Крымского этнографического музея «Народы Крыма».

Сентябрь, 23

Презентация изданий фонда «Возрождение Тобольска».

В Карасульском доме культуры прошла встреча с председателем фонда «Возрождение Тобольска» А.Г.Елфимовым, председателем попечительского совета фонда «Наш выбор – Малая Родина» Ю.К.Шафраником и тележурналистом А.К.Омельчуком. В ней приняли участие глава г. Ишим Ф.Б.Шишкин, директор ИИХМ Л.С.Нечаева и представители музея. Аркадий Григорьевич представил главного редактора серии «Тобольск и вся Сибирь» Ю.П.Перминова и сообщил о возобновлении работы по изданию тома «Ишим», который должен выйти в 2017 году к 330-летию основания города.

Ю.П.Перминова и сообщил о возобновлении работы по изданию тома «Ишим», который должен выйти в 2017 году к 330-летию основания города.

Октябрь

Путешествие «гаджетов».

Выставка Ишимского музея «XX век в твоём гаджете», разработанная К.С.Ивановым, востребованна и в октябре «гостит» в Викуловском музее.

Октябрь, 5

Городской праздник «День учителя».

Праздник проходил в ККЗ им. 30 лет ВЛКСМ. Музей представил передвижную выставку уникальных фотографий учеников и преподавателей образовательных заведений Ишима дореволюционной поры. Также у посетителей была редкая возможность увидеть кадры из жизни ишимских школьников 1960-х годов в лагере им. Ленина – съёмки кинолюбителя Г.Ф.Измайлова из фондов музея, которые были оцифрованы в этом году.

Октябрь, 14

Столетие Покровской церкви на станции Ишим.

Продолжается взаимопольное сотрудничество Ишимской епархии РПЦ и Ишимского историко-художественного музея. К торжествам по случаю столетия единственного полностью сохранившегося памятника храмового деревянного зодчества Приишимья музеем была подготовлена передвижная выставка по истории иконописи и уникальный стенд об истории храма, который был презентован на выставке в городской центральной библиотеке. Настоятелю прихода протоиерею Александру Чурсину вручена грамота от музея за помощь в комплектовании фондов по теме «Духовная культура Приишимья».

Открытие выставок «Путешествие в Чистую землю» и «Почитание Пресвятой Богородицы в Сибири».

Первая экспозиция рассказывает о легендарной семье старообрядцев Лыковых, члены которой более полувека провели отшельниками в горах Абаканского хребта Западного Саяна (Хакасия). Вторая выставка представляет иконы Богородицы из коллекции музея, рассказывает об особенностях почитания Девы Марии на нашей земле старожилами-«кержаками» и переселенцами-«самоходами».

Также в рамках проведения Дня российских кадетов воспитанники классов допризывной подготовки школ Ишима смогли бесплатно побывать на экскурсиях. Более полутора сотен человек посетили музей в этот день.

Октябрь, 20

Заводоуковская окружная краеведческая конференция «Наше наследие-2016».

Конференция организована Заводоуковским краеведческим музеем и посвящена 430-летию первых городов Сибири и 90-летию лётчиков-космонавтов В.М.Комарова и Л.М.Дёмина.

С докладами на пленарном заседании выступили заместитель директора по научной работе Г.А.Крамор (тема «Загадка ишимской заимки Колмакова») и научный сотрудник К.С.Иванов (тема «Состояние транспорта в Приишимье в годы Великой Отечественной войны»).

Октябрь, 24

Квест «Казаки-разбойники» в Синицынском бору.

Очередной квест от музея, ставший очень популярным этой осенью.

На этот раз мы играли со школой № 7, второй класс 2. Благодарим администрацию школы, классного руководителя и активных родителей, а самое главное - творческих, весёлых, дружных деток!

Октябрь, 27-28

Поездка в осенний Тобольск.

Очередная туристическая поездка из серии, организуемой музеем. Проводит её Марина Зименовская. Мы гуляли по осеннему свежему снежку, побывали на старинных улочках, увидели интересные памятники и, конечно, старинный белокаменный кремль. А во второй день мы посетили духовные обители – Иоанно-Введенский женский монастырь и Абалакский Свято-Знаменский мужской монастырь.

Мы работали с городской школой № 4. Благодарим администрацию школы, активных педагогов и интересных ребят!

Октябрь, 31

Музей машзавода – в ИИХМ.

Коллекции закрытого музея Ишимского машиностроительного завода переданы в фонды Ишимского историко-художественного музея.

Ноябрь

Мастер-классы по росписи коньков.

Сотрудники Культурного центра П.П. Ершова приглашают всех желающих на мастер-классы по декоративной росписи деревянной фигурки Конька-Горбунка.

«Сначала мы проводим для детей экскурсию по музею, рассказываем о Ершове и его знаменитой на весь мир сказке. Затем начинается мастер-класс. Ребята знакомят с национальными русскими промыслами - гжель, хохлома, дымковская и филимоновская игрушки – и предлагают расписать заранее загрунтованную фигурку Конька-Горбунка с использованием традиционных мотивов или исходя из собственной фантазии», – говорит директор Ершовского центра

Н.Л.Проскурякова.

Ноябрь, 2

Акция «Ночь искусств».

В этом году проект проводится под девизом «Время создавать». Дети и взрослые получили уникальную возможность посетить мастер-классы по

росписи декоративных тарелок и бумажной пластике, попробовали себя в бисероплетении и изготовлении мягкой игрушки на мастер-классе Татьяны Киселёвой, поучаствовали в мастер-классе пейзажной графики известного ишимского художника Александра Игнатченко. В одном из залов посетители ждали сеансы немого кинематографа.

Ноябрь, 3

Епархиальный этап Международных Рождественских чтений – III региональная научно-практическая конференция «1917-2017: уроки столетия» (ИПИ им. П.П. Ершова - филиал ТюмГУ).

На пленарном заседании заместитель директора музея по научной работе Г.А. Крамор провёл презентацию музейного передвижного выставочного проекта «Храмы Ишима», приуроченного к 330-летию города.

Ноябрь, 6

Творческая встреча с фотографом Владимиром Огнёвым.

В Ершовском центре состоялась неформальная встреча ишимских тружеников и любителей фотографии с фотографом Владимиром Огнёвым. Родом он из Ишима, его отец – знаменитый тренер по велоспорту Пётр Никанорович Огнёв, среди воспитанников которого есть чемпионы мира и олимпийских игр. Многие называют его лучшим спортивным фотографом нашей области, но он отлично зарекомендовал себя и в других жанрах.

Ноябрь, 9

III Всероссийская научная конференция «Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революции и Гражданской войне (1917-1921): история и современность» (ИПИ им. П.П. Ершова - филиал ТюмГУ).

На конференции с докладами выступили: на пленарном заседании – заместитель директора ИИХМ по научной работе Г.А. Крамор (тема «К вопросу об участии духовенства в Западно-Сибирском восстании 1921 года» и научный сотрудник К.С.Иванов (тема «Недостаток вооружения как одна из причин неудачи восстания»).

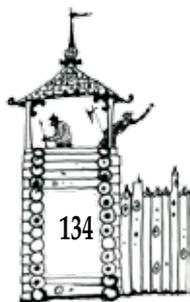
Перед началом конференции для гостей города была проведена экскурсия по местам, связанным с восстанием. Её участниками стали корреспонденты газеты «Комсомольская правда» Владимир Ворсобин и Виктор Гусейнов. Далее они посетили Культурный центр П.П.Ершова.

Ноябрь, 15

XX Всероссийская научно-практическая конференция «Словцовские чтения», посвящённая 430-летию г. Тюмень и 60-летию образования музея изобразительных искусств.

Участниками юбилейного форума стали 195 специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Омска, Тобольска, Ханты-Мансийска, Сургута и Тюмени.

В работе конференции приняли участие директор Ершовского центра Н.Л.Проскурякова, заместитель директора ИИХМ по научной работе Г.А.Крамор (тема доклада «Ишимская иконопись советского и постсоветского периодов: к постановке вопроса»), научный сотрудник К.С.Иванов (тема «Функционирование карточной системы снабжения в Ишиме в годы Великой Отечественной войны»).

Ноябрь, 30

Встреча с журналистом Сергеем Пахотиным.

На встречу с известным тюменским спортивным журналистом, основателем газеты «Спортивный меридиан» и журнала «Спорт-регион», уроженцем Ишима Сергеем Иосифовичем Пахотиным пришли ветераны ишимского спорта, старшеклассники школы № 4, члены совета музея. Главным же событием встречи стала передача в фонды музея уникальных материалов из архива Василия Алексеевича Порфирьева – основателя спортивной школы на станции Ишим, первого тренера олимпийских чемпионов Бориса Шахлина и Николая Аникина.

Среди переданных в музей будущих экспонатов наиболее уникальны альбом стенгазет спортшколы и школы № 113 (ныне № 4) конца 1940-х годов, фотографии В.А.Порфирьева 1920-1930-х годов и книга журналиста С.Веремея об ишимском тренере, изданная в Омске в 1940 году. А его дочь Маргарита Васильевна Бердинских передала музею подборку публикаций о спортсменах – наших земляках из газеты «Спортивный меридиан».

Актриса Марианна Шульц посетила ИИХМ и Ершовский центр.

Марина Зименовская: «Марианна оказалась не просто уникальной актрисой, но и великолепным человеком. Без нарочитости и пренебрежительности к нам, провинциалам, она рассказывала о себе, своих планах, работе. С горящими глазами этот житель богемного небосклона воспринимала всё то, что рассказывали ей мы... Актриса отметила, что ишимцы очень гостеприимные и не угрюмые, а очень сильные духом люди...».

Декабрь, 1
Слияние музеев.

Решением наблюдательного совета при департаменте по социальным вопросам администрации г. Ишима к МАУК «Ишимский историко-художественный музей» с 1 декабря 2016 года присоединяется (с выделением из состава МАУК «ОИГКЦ») Культурный центр П.П.Ершова, который получает статус структурного подразделения с названием «Музей П.П.Ершова». ИИХМ в перспективе получает название «Ишимский музейный комплекс».

Декабрь, 12
Открытие выставки «Храмы Ишима» в ИПИ им. П.П.Ершова.

В стенах Ишимского педагогического института им. П.П.Ершова (филиал ТюмГУ) развернулся музейный передвижной выставочный проект

«Храмы Ишима», посвящённый 330-летию основания города.

Проект, разработанный сотрудниками Ишимского историко-художественного музея и получивший поддержку конкурса малых грантов «Православная инициатива», направлен на повышение информированности жителей Ишима и Приишимья об истории и архитектуре православных храмов города. На планшетах представлена текстовая и визуальная информация о десяти церквях – как действующих, так и закрытых, основанных в дореволюционную эпоху и построенных в наши дни. Далеко не все горожане, особенно представители молодого поколения, могут назвать эти храмы, а тем более – рассказать об их истории. Между тем изображения многих из этих церквей, являющихся замечательными памятниками архитектуры, давно стали символами города. Для того, чтобы символ «зазвучал», раскрыл своё духовное значение, обрёл имя для горожан, задуман этот проект.

Студенты могли познакомиться с проектом на третьем этаже 5 корпуса, рядом с музейной аудиторией. Там планшеты пробыли до конца декабря,

после чего продолжили своё «путешествие» по другим образовательным учреждениям города.

Декабрь, 15

Эхо фестиваля «КинЗА» в Ишиме.

В рамках программы «Эхо фестиваля КинЗА» и мероприятий, посвящённых закрытию Года кино, в Ишиме состоялся показ фильмов из репертуара VII Международного фестиваля документального кино «КинЗА». Фильмы представила инициатор и программный директор фестиваля, заведующая кафедрой Тюменского государственного института культуры Наталья Соколова. Показы прошли в киноконцертном зале им. 30-летия ВЛКСМ, Ишимском историко-художественном музее и Ишимском педагогическом институте им. П.П.Ершова (филиал ТюмГУ).

Декабрь, 17

Первая встреча коллекционеров в Музее П.П.Ершова.

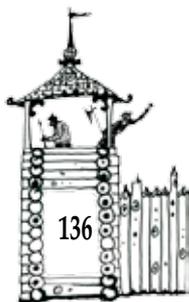
«Первый блин» не вышел комом, несмотря на трескучий мороз. Девиз ишимской антикварной блошинки – «Место, где можно обменяться и пообщаться» – был исполнен на 120 %. Многие из пришедших «на разведку» коллекционеров пообещали в следующую субботу быть уже не с пустыми руками. В атмосфере винтажной музыки со старого винила и дружеского разговора два часа пролетели незаметно.

после чего продолжили своё «путешествие» по другим образовательным учреждениям города.

Декабрь, 21

Открытие выставки «Палитра Ишима».

В этом году она приурочена к «двойному» юбилею: тридцать лет назад, в 1986 году был открыт Ишимский краеведческий музей, в 1991 году состоялось открытие первых экспозиций – «Зимняя Никольская ярмарка» и «Ишимские художники XX столетия» – в здании на ул. Ленинградская, 29.

Вторая выставка стала предшественницей будущей «Палитры Ишима».

В залах музея представлены работы более 35 художников. В этом году дебютирует новая выставка детских художественных работ «Малая Палитра», на которой представлено творчество учеников ДХШ, ДШИ и художественных студий города и региона.

Председатель жюри конкурса – А.А.Шакенов, заслуженный работник культуры России, действительный академик Академии художеств Республики Казахстан, профессор кафедры академической живописи Омского государственного педагогического университета.

Декабрь, 23

Снаряд Гражданской войны вернулся в Ишим.

18 августа 2016 года на территории винно-водочного завода в Ишиме во время копки траншеи был найден предмет, напоминающий боеприпас. Вызванные из Тюмени специалисты определили, что это – 76-миллиметровый (трёхдюймовый) осколочный снаряд. Опасный предмет увезли в областной центр, а сотрудники музея сразу оценили находку как очень важную для истории города. Ведь на территории «ликёрки» в сороковых годах базировался машиностроительный завод № 6 Главпищемаша, который помимо спиртосодержащей продукции и разнообразных сельскохозяйственных металлоизделий выполнял ещё и военные «заказы Наркомата».

Труды музейщиков по возвращению раритета в Ишим увенчались успехом. Во время презентации книги, посвящённой 25-летию Тюменского ОМОН (ныне он находится в структуре Управления Росгвардии по Тюменской области) в Тюменской областной научной библиотеке командир отряда полковник полиции Олег Сидорчик передал находку представителю Ишимского музея. Перед этим она была полностью обезврежена.

осгвардии по Тюменской области

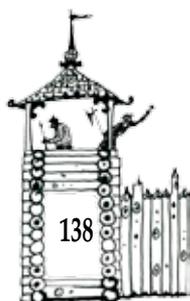
Данные Ишимского госархива опровергли первоначальную версию о том, что это – образец продукции машзавода № 6. В рассекреченных три года назад делах завода указывается, что таинственные «заказы Наркомата» предписывали наладить производство чугунных оболочек для осколочных снарядов диаметром 45 и 50 миллиметров, но никак не 76, как в нашем случае. Не исключено, что снаряд «прятался» в земле со времён Гражданской войны. В таком случае находка найдёт своё место в экспозиции музея уже в 2017 году, когда

будет открыта выставка, посвящённая столетию революционных событий в нашей стране.

При составлении «Хронографа» использованы материалы сайтов ИИХМ и Ершовского центра, тексты и фотографии Василия Баранова, Александры Бучинской, Петра Земляных, Анны Знаменщиковой, Ирины Кондрашкиной, Геннадия Крамора, Юлии Кроо, Оксаны Павловой, Марины Сергеевой, Вадима Шарова.

«Ночь в музее» и «Ночь искусств» - моменты праздника

ПЫТАНВЫЙ посох странника

Т. Т. Савченкова

Свияжск и Ершов

К 200-летию П.П. Ершова в Ишиме было подготовлено издание с поэтическим названием: «По Ершовским местам. Лирико-историческая фотоэкскурсия». Авторы-составители Татьяна Савченкова и Геннадий Крамор попытались максимально полно показать на страницах красочного альбома места, связанные с жизнью и деятельностью автора знаменитой сказки и талантливого педагога, но, как нередко бывает, не всё оказалось им в тот момент по силам. В частности, в издании почти не нашло своего отражения пребывание Петра Павловича в одном из красивейших уголков России – на острове Свияжск. За неимением авторских фотографий сюда пришлось включить два изображения общего характера из веб-источников. И всё же мечта одного из составителей альбома Т. Савченковой осуществилась, когда в августе 2015 года она в сопровождении своего верного спутника из Италии Риккардо Дзакканьини села на Казанском речном вокзале на небольшой пароход, направлявшийся по просторной Волге в легендарный Свияжск...

Евламий (Пятницкий), епископ Вологодский.
Ок. 1848 г. Художник Н.И.Катин.
Вологодский государственный историко-архитектурный художественный музей-заповедник.

А сейчас сделаем в нашем рассказе небольшое отступление и обратимся к книге «Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его А.К. Ярославцова». Здесь есть фрагмент письма Ершова, отправленного родным из Петербурга в Тобольск 23 марта 1858 года. Он сообщает жене и детям о встрече Светлого Христова Воскресенья: «Сейчас только, после третьего выстрела пушечного с крепости, раздался радостный благовест о воскресении Спасителя. Зажигают плошки, усиливается движение народное... Я отпускаю Михаила* к заутрене, а сам помолюсь Богу дома. На столе у меня: напутственный крест, икона св. Германа и благословенная просфора от преосвященного Евлампия**, также пасха, кулич и яйца». Ярославцов даёт к письму два примечания: «*Служитель его. **Епископ, живший на покое в Свияжском монастыре, к которому он заезжал по дороге в Петербург».

Из других писем Ершова, приведённых в той же книге, мы узнаём о его командировке, которая состоялась в феврале-мае 1858 года. Как директор Тобольской гимназии и училищ Тобольской губернии Ершов должен был знакомиться с устройством столичных учебных заведений. По дороге в Москву и Петербург он останавливается в Казани и заезжает в Свияжский Успенский монастырь для встречи с архиепископом Евлампием. Что мы знаем об этом человеке?

Преосвященный Евламий был одной из примечательных личностей той эпохи, но факты его биографии представляли, как правило, в разрозненном виде в ряде материалов XIX века и лишь в последнее время появилась

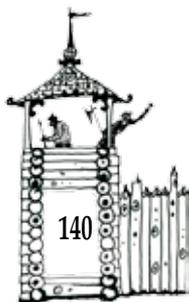

Вид г. Свяжск и Богородицкого монастыря. Гравюра конца XVIII в.

Икона святителя Германа Казанского.

¹ Евлампий (Пётр Пятницкий) // Православная энциклопедия. Т. XVII. - М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. - С.154-155.

добротная статья исследователя истории русской церкви Т.А. Богдановой¹. Из неё мы и почерпнём основные сведения об этом религиозном деятеле и духовном наставнике Ершова.

Пётр Никитич Пятницкий родился в семье священника в 1794 году в селе Пятницкое Пошехонского уезда Ярославской губернии. Обучался в Ярославской духовной семинарии (1805-1816), затем в Московской духовной академии (1816-1820). На втором курсе сделал перевод Слова святителя Василия Великого на

праздник Крещения, который был одобрен и напечатан в журнале «Христианское чтение». 18 сентября 1820 года удостоен степени магистра богословия и оставлен в академии бакалавром по греческому языку. 21 ноября 1822 года пострижен в монашество, 6 декабря того же года рукоположен во диакона, 9 декабря – во иерея.

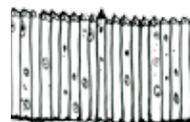
В 1823 году Евлампий был включён в число соборных иеромонахов Троице-Сергиевой лавры. С ноября 1824 до июня 1827 года служил библиотекарем Московской духовной академии. В ноябре 1825 года перемещён на должность бакалавра по богословским предметам, преподавал нравственное, обличительное (полемическое) и пастырское богословие. В 1830 году входил во Временный комитет, учрежденный Святейшим Синодом при духовной академии для пересмотра и исправления славянского перевода бесед святителя Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. 18 ноября 1831 года определён ректором Вифанской духовной семинарии и профессором богословия.

24 января 1826 года возведён в сан архимандрита с присвоением степени 3-го класса. 19 марта того же года назначен настоятелем дмитровского во имя святых Бориса и Глеба монастыря, 28 марта 1830 года – московского в честь иконы Божией Матери «Знамение» монастыря, 27 апреля 1831 года – Ферапонтова Лужецкого в честь Рождества Пресвятой Богородицы можайского монастыря.

25 декабря 1833 года Евлампий был назначен первым епископом только учреждённого Екатеринбургского викариатства Пермской епархии. 16 февраля 1834 года в Казанском соборе в Санкт-Петербурге состоялась его хиротония, которую возглавил святитель Филарет (Дроздов), впоследствии поддерживавший переписку с Евлампием. 21 апреля 1834 года Евлампий прибыл в Екатеринбург. Содействовал открытию в 1838 году училища для девочек при екатеринбургском в честь Тихвинской иконы Божией Матери монастыре. Он заботился о воссоединении старообрядцев с Православной Церковью, состоял в переписке с купцами-старообрядцами.

12 ноября 1844 года Евлампий становится епископом Вологодским и Великоустюжским. Принимает активное участие в третьем обновлении Софийского собора в Вологде. За три года была отреставрирована вся стенная живопись с точным воспроизведением особенностей древнего рисунка, возобновлены резьба, позолота и окраска всех иконостасов, вычищены и отчасти поновлены иконы, во всём соборе заменили чугунный пол на новый и прочее. Евлампий наблюдал за ходом работ, нередко видели, как он взбирался по зыблющим подмосткам к самым сводам храма, на восемнадцатисаженную высоту. Заботился Евлампий и об открытии в епархии единоверческих церквей.

13 июня 1852 года Евлампий был переведён на Тобольскую и Сибирскую кафедру с возведением в сан архиепископа. 15 августа прибыл в Тобольск, в тот же день совершил первое богослужение в Софийском кафедральном соборе. За время пребывания Евлампия в епархии было построено около

Вид на Свяжск в наши дни.

Богородицкий (Успенский) монастырь.

² Рокщетаев А. История Свяжского Успенского монастыря // Электронный ресурс: <https://www.proza.ru/2013/11/01/110>.

30 приходских храмов, открыты богадельни для вдов и сирот духовного звания. Каменный настоятельский корпус Междугорского во имя святого Иоанна Предтечи монастыря, сгоревший в декабре 1852 года, был заново отстроен благодаря деятельному участию архиерея, открывшего подписку для сбора пожертвований по всей епархии. Пострадавшая при этом пожаре Почаевская церковь была отремонтирована и освящена в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Евлампий ходатайствовал перед Синодом о преобразовании монастыря в женский, так как в епархии не было женских обителей, но перевод состоялся только в 1864 году, уже после смерти архиерея. В 1856 году для чтимой в епархии Абалакской иконы Божией Матери была изготовлена в Москве новая «однозолотая же риза отличной работы и рисунка».

30 июля 1856 года Евлампий по прошению был уволен на покой с управлением свияжским в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырём. О деятельности Евлампия в этот период известно не очень много, но эти

сведения вносят важные штрихи в портрет преосвященного. Так, показательно, что он составил службу, канон и акафист святителю Герману, которые были одобрены Синодом и опубликованы. Напомним, что икона святителя Германа находилась с Ершовым во время его поездки от Казани до Петербурга. Вероятно, её благословил Петру Павловичу сам архиепископ. Попутно заметим, что святитель Герман (Садырев-Полев) был основателем и первым настоятелем Свяжского монастыря, появившегося в 1555 году одновременно с учреждением Казанской епархии. Позже он стал вторым архиепископом Казанским (1564-1566) и был прославлен в лике святых как святитель Герман, Казанский чудотворец. Его мощи – главная святыня монастыря с 1592 года и по настоящее время.

Ещё один интересный факт из «свияжского» периода жизни Евлампия приводит в своём исследовании истории монастыря наш современник А.В.Рокщетаев². Оказывается, архиепископ предлагал переписать свияжские соборные фрески и 27 апреля 1859 года обращался по этому поводу с прошением к Синоду. Но в ответе Святейшего Синода 10 февраля 1861 года было отмечено особое значение этих древних фресок и владыке Евлампию было запрещено их искажать. Это спасло уникальную роспись Успенского собора, выполненную в 1561 году, от уничтожения.

Этот поступок Евлампия, казалось бы, противоречит его деятельности по сохранению древних фресок в Софийском соборе Вологды, но попытаемся объяснить его. Фрески Успенского собора и сегодня представляются слишком далёкими от канонов церковной живописи, не говоря уже о веке девятнадцатом с его вкусами, ориентированными на «достоверную» европейскую живопись. Приведём только один пример.

На северо-западном столпе есть изображение святого Христофора. Согласно одной из легенд, этот праведник обладал необычайной красотой, из-за чего постоянно подвергался искушениям. И тогда он попросил Бога

Репродукция фрески с изображением св. Христофора.

сделать его безобразным, поэтому на древних русских иконах Христофор всегда изображался с головой животного (в европейской живописи иной подход, чаще всего изображается человек-великан, переносящий через поток Иисуса-мальчика). Начиная с XVIII века Православная Церковь подобные изображения святого мученика Христофора требовала переписывать (решение Синода от 10 февраля 1861 года, о котором говорилось выше, – единственное исключение). Как отмечает А.В.Рокшетаев, в России известны только две фрески со святым Христофором – в Ныробе (Чердынский район Пермского края), где он изображён с собачьей головой, и в Свяжске, где голова святого больше похожа на лошадиную.

К сожалению, нам не удалось увидеть воочию эту фреску, как, впрочем, и другие древние изображения этого собора. Он был закрыт на реставрацию и пришлось довольствоваться «картинками» из церковной лавки. Вероятно, две большие удачи совпадают крайне редко, ведь ещё за неделю до посещения Свяжска нам посчастливилось любоваться фресками Дионисия в Ферапонтовом монастыре Вологодского края.

Завершая рассказ о Евлампии, скажем, что он умер 12 марта 1862 года и был похоронен в Свяжском монастыре, близости от Никольского храма. В гроб преосвященного был вложен один экземпляр составленного им канона и акафиста святителю Герману.

А теперь перейдём к заключительной части нашего рассказа. Каким был монастырский комплекс издревле, затем во времена Ершова и, наконец, что мы увидели во время нашего приезда?

Памятник жертвам репрессий.

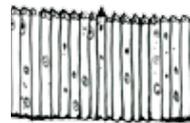
Напомним, что Успенский монастырь был основан в 1555 году первым настоятелем этого монастыря архимандритом Германом. Самым древним сооружением на его территории является церковь Николая Чудотворца. Это редкий тип церкви-колокольни с массивной башней на мощном основании. Построена она в 1555-1556 годах из тёсаного известняка, по всей видимости, артелью псковских мастеров Ивана Ширия. Высота колокольни составляет 43 метра, это самое высокое здание в Свяжске. Заметим, что постройка этой церкви совпадает с годом основания самого монастыря. Из нижнего яруса колокольни к берегу Щучьего озера вёл потайной подземный ход, предназначенный для снабжения водой в случае осады Свяжской крепости. Позднее из кирпича надстроили ещё два яруса колокольни.

Сегодня полным ходом идёт реставрация этого храма, вся его нижняя часть – в строительных лесах, штукатурка снята и можно видеть ровную кладку красного кирпича. Могила Евлампия, находившаяся рядом с этим храмом, в советское время была уничтожена (долгое время на территории монастыря находилась психиатрическая больница).

Другим замечательным образцом архитектуры эпохи Ивана Грозного на территории монастыря является собор Успения Пресвятой Богородицы. Его строительство было завершено в 1561 году. Собор был возведён за 4 года из белого тёсаного камня предположительно артелью Постника Яковлева и Ивана Ширия, зодчих, построивших храм Василия Блаженного (Покровский собор) в Москве и Благовещенский собор в Казани.

Первоначально Успенский собор был выполнен в псковско-новгородских архитектурных традициях. Имелась наружная фресковая роспись, ныне почти полностью утраченная. К счастью, неплохо сохранились внутренние фрески. Стены покрыты уникальной многокрасочной росписью – в общей сложности 1080 кв.м древних фресок, и это единственный сохранившийся до нашего времени ансамбль фресок XVI века.

Свой нынешний облик храм обрёл в XVIII веке, когда под влиянием модного тогда течения «украинского барокко» собор существенно вырос в высоту и получил 12 витиеватых кокошников и новый купол.

Успенский собор.

Архиерейский и настоятельский корпуса.

Вид на Волгу.

Другие памятники монастыря относятся к рубежу XVII-XVIII веков. Это архиерейский, настоятельский и братский корпуса. Вознесенский надвратный храм конца XVII века и храм святителей Германа Казанского и Митрофана Воронежского XIX века были разрушены в советское время, но мы увидели их уже в воссозданном виде. Замечательна почти километровая ограда монастыря XVIII-XIX веков, придающая ему вид кремля. За ней открывается прекрасный вид на Волгу, её заводы и озёра. Удивительная тишина и покой разлиты вокруг. Неподвижно сидят в лодках рыбаки, пасёт коз местная жительница, прибрежные деревья отбрасывают густую тень на мощёную дорожку.

Безусловно, нас интересовало и место встречи Петра Павловича с преосвященным Евлампием. Где увиделись эти люди? В двухэтажном архиерейском (архимандритском) корпусе, построенном в XVII веке в русском теремном стиле (как хорошо сохранился этот редкий образец гражданской архитектуры с его высоким крыльцом и фигурными наличниками, как напоминает он купеческие палаты!) или в почти примыкающем к нему справа здании для настоятелей?

Очень быстро стало ясно, что на этот вопрос ответить невозможно без специальных архивных разысканий. Известно, что место проживания настоятелей монастыря менялось, кроме того, в архиерейском корпусе в XVIII – 1-й половине XIX века (до 1854 года) находилось монастырское училище. Но как бы то ни было, эта поездка осталась в памяти как одно из прекраснейших событий жизни, ведь Свяжский монастырь – великая ценность русской культуры. Чудом сохранившийся до настоящего времени как целостный архитектурный ансамбль, он напоминает нам о русских святых, церковных деятелях, архитекторах, художниках и, конечно же, о Петре Павловиче Ершове.

Фотографии автора.

Ершов и его современники

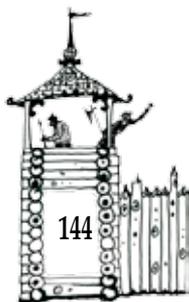
М. П. Савченкова

«Радужный деятель», или Некоторые факты биографии Петра Ершова

«Радужным деятелем» назвал Ершова его университетский товарищ А. К. Ярославцов. И был абсолютно прав. Энергия Ершова, как в молодые, так и зрелые годы, всегда была созидательной, имея оттенок сердечности, особой доброжелательности. Всё, что он сделал за свою не очень длинную, особенно по современным меркам, жизнь (1815-1869) не ушло в небытие. Продолжает скакать «Конёк-Горбунок», становятся песнями стихотворения, изучается его педагогический опыт. И сама судьба Ершова не может не заинтересовать нас, хотя нет в ней внешней эффектности и каких-то экстраординарных происшествий. Это судьба человека, который с тихим достоинством переносил все жизненные тяготы и утраты близких ему людей, несправедливые нападки критики и многолетнее замалчивание своих произведений. И сегодня, в юбилейный год Ершова, хотелось бы рассказать об основных моментах его жизни.

Родился Пётр Павлович Ершов по старому стилю 22 февраля 1815 года в деревне Безрукова Ишимского округа Тобольской губернии. К сожалению, мы не располагаем метрическим свидетельством о его появлении на свет, этот документ был утрачен ещё во времена университетской юности поэта, как и метрические книги Богоявленской церкви, в которой крестили Ершова. Тем не менее, в Тобольском архиве до самого начала XX века находилось дело «по прошению титулярного советника Павла Ершова, о выдаче ему о времени рождения сыновей метрических свидетельств». Об этом документе сообщил в редакцию тобольской газеты «Сибирский листок» в 1904 году краевед Е. В. Кузнецов (Кузнецов-Тобольский) в своей заметке «К родословию П. П. Ершова».

В деле, принадлежавшем духовной консистории, содержались сведения о Ершове, его родителях, брате, воспитанниках, месте крещения и т.д. Приведём их полностью. Отец – Павел Алексеевич Ершов, частный комиссар Черемшанского комиссариатства. Мать – Ефимия Васильевна Ершова, происходила из известного в Сибири купеческого рода Пилёновых. Брат – Николай Ершов (родился 16 апреля 1813 г.). Крёстный отец – Семён Алексеевич Ершов, секретарь Ишимского земского суда. Крёстная мать – Христина Сергеевна Наливайко, жена титулярного советника. Повивальная бабка – Марфа Ивановна Непряхина, «ишимская крестьянская жена». Таинство крещения совершено в тот же день священником ишимской Богоявленской церкви Иоанном Симоновым.

Тобольск. Вид
нижнего города и
гимназии с мыса
Чукман. 1890-е гг.
Фотография Соколова. ТИАМЗ.

Запомнились ли безруковско-ишимские детские годы Ершову? Вряд ли. Петру было немногим более двух с половиной лет, когда случился отъезд Ершовых из Безруковой в связи с переводом Павла Алексеевича на должность частного комиссара в г. Петропавловск (этот город входил тогда в Ишимский округ), а впоследствии главу семьи будут перемещать по служебным делам в Омск, Тобольск, Берёзов и вновь в Омск.

Тем не менее, место рождения будет для Петра Ершова всегда свято; неслучайно через много лет, уже будучи

директором Тобольских училищ, начнёт он по просьбе безруковских крестьян хлопотать о возведении в Безруковой храма во имя Петра Столпника.

Учился Пётр вместе со старшим братом в Берёзовском и Тобольском уездных училищах, а в апреле 1827 года состоялось их поступление в Тобольскую гимназию, которую окончили они в 1830 году и тогда же уехали в столицу для продолжения учёбы. С февраля 1831-го по 13 июля 1834 года Пётр обучался в Императорском Санкт-Петербургском университете на философско-юридическом факультете. В университете он и написал своё самое известное произведение – стихотворную сказку «Конёк-Горбунок», напечатанную частично (1-я часть и зачин 2-й части) в журнале «Библиотека для чтения» в мае 1834 года. Тем же летом сказка вышла отдельной книжкой в типографии Х. Гинце и получила высокую оценку Пушкина. После университета Ершов уже как профессиональный литератор публиковал лирические стихотворения, поэму-балладу «Сибирский казак», писал оперные либретто. В 1836 году в типографии Гуттенберга отдельным изданием напечатана пьеса-«драматический анекдот» «Суворов и станционный смотритель».

Несмотря на литературное признание, Пётр Ершов вместе с матерью, тосковавшей по Сибири после утраты мужа и сына Николая, возвратился в Тобольск. Это произошло 30 июля 1836 года. Через несколько дней он вновь открыл двери Тобольской гимназии – уже как учитель. Так он вступил на педагогическую стезю, которую будет совмещать на протяжении многих лет с литературной.

Одной из важных вех личной и творческой судьбы Ершова стал 1837 год. Открылся этот год трагическим событием – смертью Пушкина, подробности которой Ершов пытался узнать у своих петербургских друзей, литераторов Е. Гребёнки и И. Пожарского. Вскоре в журнале Пушкина «Современник», изданном друзьями поэта П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, кн. В. Ф. Одоевским и П. А. Плетнёвым в пользу осиротевшей семьи, было опубликовано ершовское стихотворение «Кто он?», построенное на перечислении разнообразных качеств русского языка. Олицетворением этих свойств для Ершова являлся именно пушкинский язык:

*Он лёгок – как ветер пустынный;
Он тяжёк – как меч славянина;
Он быстр – как налёт казака.
В нём гений полночный державы...
О, где вы, наперсники славы?
Гремите!.. Вам внемлют века!*

Летом в Тобольск прибыл цесаревич Александр Николаевич. До конца своей жизни Ершов будет вспоминать подробности появления на сибирской земле венценосного гостя. Патриотические чувства поэта всегда соединялись с его монархическими убеждениями и религиозным благовоением. Откликом на прибытие Великого Князя стали два стихотворения Ершова – «Государю Наследнику на приезд Его в Тобольск» и «Видение». В свите наследника престола находился В. А. Жуковский, с которым у Ершова в это время состоялось несколько встреч.

К другим событиям 1837 года следует отнести создание Ершовым гимназического театра (на его сцене ставились пьесы самого Петра Павловича), а также путешествия с близкими друзьями и учениками по окрестностям Тобольска, насыщенным историей, – посещение татарского селения Сузгун и одноимённой горы, древнего Кучумова городища Искер, поклонение православным святыням Иоанновского и Абалакского монастырей. Путевые впечатления вскоре «переплавятся» в художественные образы поэмы «Сузге. Сибирское предание», сюжет которой связан с эпохой завоевания Сибири русским казачеством, и путевого стихотворного цикла «Моя поездка».

В том же 1837 году Ершов создал несколько стихотворений, в которых выразил свои взгляды на поэтическое искусство и назначение поэта. В стихотворении «К друзьям» он писал:

*Мир Господень так чудесен!
Так отраден вольный путь!
Сколько зёрен звучных песен
Западёт тогда мне в грудь.
Я восторгом их обвею,
Слёз струями напою,
Жарким чувством их согрею,
В русской речи разолью.*

В представлениях Ершова-романтика одним из основных предметов творчества является мечта, поэт созидает в своей душе волшебный мир, согретый чувствами и оживлённый высокой мыслью. Творчество – это связь земли и неба, а поэтом является тот, кто способен уловить в сумятице быстротекущих дней высокий провиденциальный смысл.

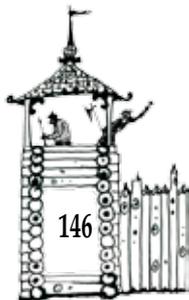
Последующие годы жизни Ершова – это череда сменяющих друг друга горестей и радостей. Очень тяжело пережил Пётр Павлович смерть своей матери Ефимии Васильевны, наступившую 16 апреля 1838 года. Письмо к друзьям с сообщением этого события пронизано безысходностью: «Я целое лето был сам не свой», «осиротел душой и телом», «с нею схоронил последнюю из родных». Но в эпитафии, сочинённой любящим сыном и христианином, – покой и смирение:

*Пускай для глаз мрачна земли утроба,
Но ты её темницей не зови:
Она светла для веры и любви –
Благоговей пред тайной гроба
И сень могил благослови...*

Эти строки сохранила М. Д. Менделеева, посетившая могилу Ефимии Васильевны на Тобольском Завальном кладбище в 1840 году. С ней был и её шестилетний сын Митя – будущий ученик Ершова, а впоследствии великий учёный Дмитрий Иванович Менделеев. Две знаменитых фамилии XIX века состояли, между прочим, в родстве – Ольга Ивановна, старшая сестра Дмитрия, была замужем за ялуторовским купцом Иваном Петровичем Медведевым, происходившим из того же тобольского купеческого рода Пилёнковых, что и Ефимия Васильевна, и являвшегося ей двоюродным братом.

Начало новой жизни Ершова – женитьба на Серафиме Александровне Лещёвой 8 сентября 1839 года. Вдова инженерного подполковника с четырьмя малолетними детьми старше влюблённого в неё гимназического учителя и известного поэта на шесть лет, и она не сразу решилась вступить в новый брак. Но все препятствия были преодолены Ершовым, не считавшим в свои молодые годы семью обузой или помехой. В стихотворном приношении Серафиме Александровне в день её именин 29 июля 1840 года тема любви сопрягается с семейной темой.

*...Теперь я вновь колена преклоняю;
И вновь молюсь, мой ангел, за тебя;
Но, полный счастья, теперь я не страдаю,*

*И в звуках радостных звучит моя мольба.
О, нет, не юноша, волнуемый желаньем,
Здесь молится супруг, здесь молится отец...
Как сладостен сей двойственный венец,
Увитый счастьем, златимый упованьем!..*

Отношения Петра Павловича и Серафимы Александровны, гармоничные и светлые, оказались непродолжительными. 25 апреля 1845 года Серафима скончалась от послеродовой горячки. Не осталось и совместных детей – они умирали сразу после рождения. Но падчерицам и пасынкам – Феозве, Александре, Александру, Николаю – Ершов заменил настоящего отца до конца своей жизни. Старшая – Феозва Никитична, проживавшая в Санкт-Петербурге у родственников матери Протопоповых, в 1862 году вышла замуж за Д. И. Менделеева (браак продлился двадцать лет) и в своих письмах неизменно называла отчима «папенькой»; младший – Николай Никитич безвозмездно издавал в столице «Конька-Горбунка», материально поддерживая семью Ершова.

Вторично Ершов женился в 1846 году. Его избранницей стала Олимпиада Васильевна Кузьмина. «Я увидел её в церкви, – писал Пётр Павлович своему другу Владимиру Треборну в Петербург, – я познакомился с её родственниками, видал её у них, ездил в поле (окрестности Тобольска, место прогулок и встреч. – Т.С.) и кончил тем, что стал просить её руки. Семнадцатого июля была наша помолвка, а двадцать третьего октября – свадьба. Биография моей жены очень короткая, она дочь бедной вдовы, девушка шестнадцати лет с чудесными глазами и самым невинным сердцем...». Новое чувство стало для Ершова возвращением к жизни из бездны отчаяния, сомнений, безверия. В стихотворении «Моя звезда» он писал:

*...Вдруг увитая лучами,
Мрачной ночи красота,
Воссияла пред очами
Неба новая звезда.*

*Очарован, околдован
Дивной прелестью лучей,
Жадно взор мой к ней прикован,
Сердце рвётся встречу к ней...*

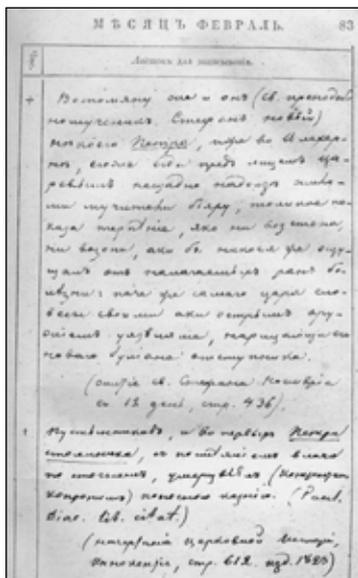
*О, гори передо мною,
Ненаглядная моя!
Для меня теперь с тобою
Ночь пленительнее дня!*

«Моя звезда», как и другие стихи 1846 года, – это своего рода «пик» ершовской лирики, так как все последующие годы будут отмечены уменьшением числа стихотворных образцов. По словам первого биографа и друга юности Ершова А. К. Ярославцова, Пётр Павлович «оставляет лиру для обязанностей служебных и житейских». Но, следует уточнить, не оставляет самого творчества, которое перелилось в другое русло.

В 1850 году Ершов начал работу над циклом рассказов «Сибирские вечера», впоследствии переименованных в «Осенние вечера». Написанные в максимально короткий, двухнедельный срок, «новые опыты проснувшейся музыки» были прочитаны в доме декабристской семьи Михаила Александровича и Натальи Дмитриевны Фонвизиных.

В ершовском произведении пять повествователей (Безруковский, Академик, Немец, Лесняк, Таз-Баши), отличающихся друг от друга характером, национальностью, особенностями речи, но связанных дружеской приязнью. Они рассказывают семь историй, соединённых по принципу романтического контраста. Мелодраматический, с элементом «ужасного» рассказ «Страшный лес», открывающий цикл, сменяется повестью «Дедушкин колпак», в котором отчётливо проявляется сказовое начало. «Рассказ о том,

Страница из книги «Памятник Веры» с автографом П.П.Ершова. ТИАМЗ.

каким образом дедушка мой, бывший у царя Кучума первым муфтием, пожалован в такой чин», выдержанный в комедийных тонах и содержащий мольтеровскую аллюзию (сравним посвящение г-на Журдена в мамамуши с аналогичной сценой произведения в чин муфтия честолюбивого Сафара Маметева) соседствует с пасхальной историей «Чудный храм». За рассказом-притчей «Об Иване трапезнике и о том, кто третью булку съел» с его условным древнерусским колоритом, следует «Панин бугор», «привязанный» к Тобольску (Панин бугор, Казачий взвоз, Архиерейская роща, Захарьевская улица, Подчувашская пристань – конкретные локальные приметы старинного сибирского города). Завершает «Осенние вечера» откровенно фарсовая «Повесть о том, каким образом мой дедушка, бывший при царе Кучуме первым муфтием, вкусил ромanei и как три купца ходили по городу». Её рассказчик – «питомец Руси и Татарии», «тридцатилетний резвый мальчик-шалун» Таз-Баши. Этот образ – значительная творческая удача Ершова. Неслучайно его имя появляется и в подзаголовке ершовской пьесы «Кузнец Базим, или Изворотливость бедняка. Сцены Таз-Баши».

«Кузнец Базим» – возвращение Ершова к раннему драматическому опыту, но уже на более высоком, зрелом художественном уровне. Сюжет пьесы заимствован из повести В. А. Жуковского «Кузнец Базим. Арабская сказка (которую Шехерезада забыла рассказать Шах-Риару)». Но, сохраняя основной событийный ряд произведения Жуковского, Ершов создаёт принципиально иную эстетическую вещь – череду сенок, пронизанных стихией игры, озорного юмора, речевого комизма и музыкальности. В январе 1858 года «Кузнец Базим» напечатан в третьем томе издания «Сборник литературных статей, посвящённых русскими писателями памяти покойного книгопродавца Александра Филипповича Смирдина» как знак благодарности Ершова первому издателю его сказки «Конёк-Горбунок».

Жизнь Ершова нельзя было назвать ровной, очень часто за кратковременным затишьем следовали дни отчаяния, печалей и тревог. Именно таким был период между 1846 и 1858 годами. Спокойно-размеренное семейное существование с Олимпиадой Васильевной, подарившей Ершову трёх дочерей – Людмилу, Ольгу и Юлию, оказалась коротким. В 1853 году молодая женщина умирает после тяжёлых родов.

Собственноручную запись Петра Павловича об этом скорбном событии можно видеть в книге с названием «Памятник Веры», хранящейся в Тобольском музее. Это церковный календарь с перечислением святых, память которых празднуется в тот или иной день, а на свободных страницах – ершовские заметки, связанные с событиями его семейной жизни. Двадцатого сентября поэт записывает в книге: «В воскресенье в ½ третьего часу по полудни скончалась добрая и милая моя Олимпиада от нервного удара после 4-хчасового обморока. Упокой, Господи, душу ея в селениях праведных! Двадцать третьего в среду предали тело земле».

И вновь Ершов остался один с малолетними дочерьми на руках, одна из которых – новорождённая Серафима – вскоре ушла вслед за матерью. В книге появилась ещё одна запись: «Октября 13, в ¾ седьмого часу вечера скончалась о Господе. Да вчинит Господь душу ея в лик ангелов. В четверг похоронили ея в одной могиле с матерью».

Олимпиаде Васильевне Ершов посвятил эпитафию, в которой его христианское чувство отзывалось во всей полноте и глубине:

*Жизни зерно ангелом смерти посеяно в землю;
В лоне тихой могилы таинственно зреет оно.
Время настанет, и тленное семя на ниве небесной
В чудно прекрасный, вечно не гибнущий цвет возрастет.*

О своей третьей женитьбе – на Елене Николаевне Черкасовой – Ершов сообщил в письме к своим друзьям от 8 мая 1854 года: «...Ты угадал, до-

брый мой Треборн, что, привыкнув к семейной жизни, я не мог оставаться одиноким, особенно потому, что на руках моих остались трое малюток, и все девочки. Им нужна была мать, и Бог послал её. ...В январе приехала в Тобольск из России дочь генерал-майора Ч[еркасова]. Я встретил её в одном знакомом доме. Сначала она обратила моё внимание своим пением: чудное контральто, потом, познакомившись с нею, я оценил её ум, образованность (она воспитанница Екатерининского института). Родным она тоже понравилась, наконец, наивные слова старшей пятилетней моей дочери: «ах, папаша, как бы я желала, чтоб эта девица была моей мамашей», решили меня сделать предложение. Оно было принято, и десятого февраля была наша свадьба». Пересказывает Пётр Павлович и слова Елены Николаевны, увидевшей за несколько лет до замужества во сне «какую-то прекрасную молодую даму, которая, умирая, вручила ей трёх малюток-дочерей и просила заменить её им...».

Елена Николаевна с первых же дней своего вхождения в дом Ершова с любовью заботилась о его дочерях, вскоре появились и совместные дети – сыновья Николай и Владимир. Но судьба вновь наносит Ершову сильнейший удар, о котором он написал в 1856 году В. Треборну и А. Ярославцову, одновременно извиняясь с присущей ему деликатностью за лаконичность и «нескладницу» послания: «За болезнью директора, я должен править его дела и, кроме того, по болезни учителя словесности на меня пало преподавание этого предмета. Но – это ещё не главное. Главное – в семейных потерях, которыми Богу угодно было посетить меня. На одной неделе я имел несчастье похоронить сына и дочь – моих любимцев... Ум мой теперь весь в сердце, а сердце – на могиле детей».

Смирненное приятие воли Божией и каждодневные служебные дела помогают Ершову преодолевать отчаяние и хандру. Не угасает его творческий дар. Четвёртое издание «Конька-Горбунка», осуществлённое издателем П. И. Крашенинниковым в 1856 году, представляет собой вторую редакцию сказки. В сравнении с первой редакцией «Конька» (издания 1834, 1840, 1843 гг.), имеющей сходство с эскизом, новый вариант – полноценное живописное полотно. Ершов обогащает характеры сказочных героев дополнительными психологическими оттенками, а описания – новыми красками. Один из наглядных образцов возросшей визуальной выразительности «Конька-Горбунка» – картина реющей над миром волшебной кобылицы:

*Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьётся кругом над полями,*

*Виснет пластью надо рвами,
Мчитя скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет, силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.*

Границы ряда сказочных эпизодов четвёртого издания раздвигаются, в них включаются новые ситуации. Это, к примеру, сцены «пугания» жарптиц и доставка одной из них во дворец, превращённые Иваном в увлекательное действие. Не подвергая сюжет принципиальному изменению и оставляя прежнюю систему персонажей, Ершов насыщает текст нового издания деталями, усиливающими динамику сказки, её цвето-световую стихию и звуковой строй:

*Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,*

*Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.*

Работа с текстом сказки проводилась Ершовым и при подготовке пятого издания, напечатанного в 1861 году. Именно тогда и появилась очень ёмкая в мировоззренческом отношении стихотворная строчка: «Против неба – на земле». После этого выйдут уже без явных дополнений шестое (1865) и седьмое (1868) издания. История семи прижизненных публикаций «Конька-Горбунка» отчётливо показывает – сказка была многолетним произведением Ершова, она менялась вместе с её создателем.

*Рисунок
М.С.Знаменского
с автографом
П.П.Ершова.
24 января 1862 г.
Литературный
музей ИРЛИ (ПД)
РАН.*

Безусловной помехой творчеству являлись служебные обязанности Ершова. В одном из своих писем в Санкт-Петербург он сетовал на это: «Муза и служба – две неутомимые соперницы – не могут ужиться и страшно ревнуют друг друга. Муза напоминает о призвании, о первых успехах, об искусительных вызовах приятелей, о таланте, зарытом в землю и пр., а служба – в полном мундире, в шпаге и шляпе, официально докладывает о присяге, об обязанностях гражданина, о преимуществах оффиции и пр., и пр.». Тем не менее, честно относясь к служебным делам, Пётр Павлович не мог не радоваться чинам и наградам, полученным за двадцать пять лет своей трудовой деятельности в Сибири.

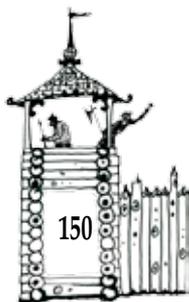
Одновременно с получением чина статского советника 6 января 1857 года Ершова утверждают директором училищ Тобольской губернии и директором Тобольской губернской гимназии. До официального назначения Пётр Павлович уже исполнял с ноября 1856 года обязанности директора вместо умершего П. М. Чигиринцева, а ещё ранее, в июле-сентябре 1849 года, замещал Е. М. Качурину.

Выдвижению Ершова на эту должность способствовал тобольский губернатор В. А. Арцимович – умный, деятельный и честный начальник. За годы его правления (1854-1858) было пресечено казнокрадство и наведён порядок во всех округах Западной Сибири. Большое внимание уделял Виктор Антонович проблемам просвещения, особым предметом его заботы стали учебные заведения губернии, которым необходимо было «привить» всё, что работала современная педагогика. Осуществить эту задачу мог, по мнению Арцимовича, именно Ершов, «известный в литературе, пользующийся большим уважением в Тобольске и весьма усердный и способный к исполнению возложенных на него обязанностей». Представляя таким образом Ершова в докладной бумаге генерал-губернатору западной Сибири Г. Х. Гасфорду, Арцимович предлагал отправить Ершова в Санкт-Петербург и Москву для ознакомления с педагогическим опытом столичных гимназий.

Вопрос о командировке был решён положительно, и 18 февраля 1858 года Ершов выехал из Тобольска в Омск для встречи с Гасфордом, а затем после короткой остановки 22 февраля в Ишиме и Безруковой отправился в Европу. 20 марта он достиг города своей юности, который на сей раз не столько обрадовал, сколько утомил его, привыкшего к размеренной жизни в провинции, многолюдством и суетой. Всё свободное от деловых встреч время Ершов проводил у родственников – Протопоповых, общался с падчерицами Феозвой и Александрой Лещёвыми, проживавшими в этой семье, виделся здесь с молодым учёным Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Из университетских товарищей он посещал только Владимира Треборна, Андрея Ярославцова и художника Георгия Дестуниса. Встретился Ершов и с П. А. Плетнёвым.

По возвращении в Тобольск 24 мая Ершов полностью погрузился в водоворот служебных и общественных дел. 1857-1858 годы – это своеобразный пик деятельности Ершова на ниве просвещения и образования. В 1857 году в Тобольске начали издавать «Тобольские губернские ведомости» – первую сибирскую газету, в которой Пётр Павлович выступил негласным редактором, цензором и автором статей, посвящённых родному краю. Как директор Тобольских училищ он часто выезжал в инспекторские поездки, открыл женские школы в нескольких городах (в том числе в Ишиме), библиотеки в Ишиме и Омске, организовал «Общество вспомоществования студентам Тобольской губернии».

Любимому делу – будь то литература, педагогика или журналистика – он отдавал всю душу и способности, но его физические силы были подорваны каждодневными трудами, заботами о большой семье, которой он дорожил более всего, утомительными служебными командировками – в лютый холод или страшную жару.

*Протоиерей
Михаил Денисов
служит пани-
хиду на могилах
П.П.Ершова и
С.А.Ершовой, с
участием по-
томков Петра
Павловича и ла-
уреатов Ершов-
ской премии.
14 июня 2015 г.
Фотография
Г.А.Крамора.*

9 марта 1862 года Ершов ушёл в отставку и с этого момента вёл затворническую жизнь. Здоровье неуклонно ухудшалось. Круг общения в эти годы резко сузился. Чаще всего бывал в ершовском доме на пересечении улиц Почтовой и Рождественской художник и писатель Михаил Степанович Знаменский. 5 октября 1862 года он записал в дневнике: «Пятница. У Ершова провёл сегодня гораздо больше времени, чем обыкновенно. Пил кофе, слушал его игру на гармонии (фисгармония. – Т.С.), флейте и строили разные планы – между прочим, дал он мне идею – вообще, он хороший

идеодатель. Именно: открыть класс рисования, он уверен, что наберётся человек 10, и если наладить, что все эти 10 человек будут платить по 10 копеек, то всё-таки мне выгода будет. Он с своей стороны отдаёт двух своих дочерей».

М. С. Знаменский в это время создаёт портреты Ершова, среди которых и зарисовки шуточного характера. Одно из изображений сопровождается ершовской эпиграммой – свидетельством неистребимого юмора поэта:

*Не дивитесь, друзья,
Что так толст и весел я:
Это – плод моей борьбы
С лапой давящей судьбы;
На гнетущий жизни крест
Это – честный мой протест.*

Словесное описание облика Ершова последнего периода его жизни оставила в своих ишимских письмах племянница поэта Юлия Аполлоновна Девятова: «Пётр Павлович в обращении с людьми был добр, ласков и тих в разговоре. И поступь его была тихая и величественная, внушающая уважение и почтение к нему. Носил очки в золотой оправе, часто тихо поднимал руку, поправляя их».

Ершов умер 18 августа 1869 года, в понедельник, в 2 часа дня. В Тобольском музее сохранилось единственное известное фотоизображение писателя – Ершов, одетый в мундир статского советника, покоится в гробу. Ю. А. Девятова, присутствовавшая на похоронах Ершова, вспоминала:

«Пётр Павлович хворал водянкой и до последней минуты был на ногах, много думал, как бы проститься с этим миром, утром сделал сам распоряжения по дому. Тихо скончался, благословив детей своих шестерых, 18 августа, в память чтимых им Флора и Лавра Св. угодников. Похороны были 20 августа. Погода стояла великолепная. Провожали его все училища. Девушки Мариинской школы стояли у дома на улице в ожидании выноса в церковь Благовещения, где его отпевали. Стечение народа было громадное, с музыкой проводили дорогой прах до могилы, тогда ещё не были приняты венки, я несла за гробом Петра Павловича букет живых цветов и на свежую насыпь его поставила в стеклянную банку с водою. Сейчас прошло более пятидесяти лет со дня кончины его, но мне он всё представляется в моей памяти. Эта светлая личность полна была добродетели и любила людей по Заповеди Божией, глубоковерующая. Царство ему небесное!».

Ершова похоронили рядом с первой женой Серафимой Александровной на старинном Завальном кладбище вблизи алтаря храма Семи отроков Эфесских. Позднее на могиле поэта был установлен мраморный памятник с надписью: «[Здесь покоится прах] Петра Павловича / Ершова / Автора / Народной сказки / Конёк горбунок / родился 1815 года февраля / 22 дня / Скончался 1869 года / Августа 18 дня». Венчал его металлический крест, который держал в руках белоснежный ангел с обращённым к небу ликом.

Слово о великом Петре

Обращение к землякам П.П.Ершова на церемонии вручения X Международной литературной премии им. П.П.Ершова за произведения для детей и юношества в Ишиме 12 июня 2015 года

Есть повод: молвить слово о великом Петре Ершове, не потому, скажем, что тебе вручили Ершовскую премию, а потому, что в нашей области устроился настоящий не обязательно юбилейный, но – Ершовский год.

Мы честно гордимся своим великим земляком, но, на мой взгляд, как-то робко, провинциально, застенчиво. Как будто извиняемся: извините, он – великий. Обходимся без честных настоящих определений. Заметьте, как мы его то ли возвеличиваем, то ли принижаем: сибирский сказочник, автор сказки «Конёк-Горбунок». И всё. Вот Ганс Христиан Андерсен – великая мировая величина. А куда нам с нашим-то простым Ершовым? Мы что и Гомера назовем: автор сказки «Илиада»? А разве Ершов для нации делал меньше? В селе Ершово Ишимского района указатель: здесь, в д. Безруковой родился писатель П.П.Ершов.

Много писателей на Руси великой, но Ершов-то – на всю Россию – один!

Пётр Ершов – подлинная жемчужина и русской, и мировой литературы. Им создана не просто замечательная поэтическая сказка для детей «Конёк-Горбунок». Это поистине национальный эпос. Загадочная русская душа озорной сказкой-притчей расшифровывается для всего мира. У детского человечества мира не очень много общих сказочных героев. Все вспомнят – Золушка, Красная Шапочка, Дюймовочка, разбитной Кот в сапогах, царевна-лягушка. Конёк-Горбунок в этом коротком ряду детского сказочного ареопага.

Книга Петра Ершова переведена более чем на сто языков мира, в том числе не только на самые распространенные, но и на самые малые (скажем, хантыйский и табасаранский). «Конёк-Горбунок» признан детским народом всех континентов планеты.

Личность Петра Ершова – образец человеческого служения и нравственности. Скромный истовый учитель в глухой сибирской стороне – провинциальном Тобольске, примерный семьянин, честный неистовый просветитель, ревнитель грамоты, образцовый гражданин своей страны. Наш сибирский гений и символ талантливой Сибири – рядовой человечества. Он пригодился всему человечеству и там, где родился – в Приишимье и в Тобольске.

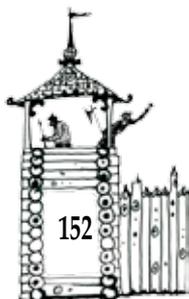
Он – автор не сибирской сказки, а русского национального эпоса. Задорного, ядрёного, насмешливого.

Посмотрите, как он ловко обиходился в космосе. Ершов – в космосе, как на своей деревенской околице: у него всё по обыденке. Он свой в этом деревенском космосе: «против неба на земле». Его зачин. Кто ещё в русской литературе начинает так космически дерзко?

Каждый из нас – мы, каждый – не просто носит в себе свою страну – Россию, каждый из нас – Россия. Ершов – воплощение в себе России.

Ершов – это Россия: сокровенная, настоящая, глубинная.

Ершов – это: бескорыстное просвещение, превратная судьба, страстные труды, стихийная гениальность, дерзкая юность, сибирское благородство,

русское бескорыстие, планетарная задорная радость и – послание детскому народу России: на все времена.

У каждой страны есть свой гений: гений места, гений страны.

Они совпадают: гений России и гений Ершова.

Не просто и сам по себе Ершов – гений. Он – гений России. Национальный гений. И если точнее – национальный герой. Его честно можно вводить в великий ряд: Михаил Ломоносов – Александр Суворов – Пётр Ершов – Николай Римский-Корсаков – Дмитрий Менделеев.

Да, для русского народа, русского самосознания, русского утверждения в мире Пётр Ершов сделал несколько не меньше полководца Александра Суворова. Мы не стесняемся называть Суворова великим? И наш ишимский Петр – Великий.

Есть парадокс: он, сам, Ершов, отдельно. Трагично!

«Конёк-Горбунок» – отдельно. Счастливо!

Счастливейшая судьба в русской литературе. Нет более счастливой литературной судьбы, чем у сибирского бедолаги Ершова. Сирота русской

литературы. Он – не обязательное и не школьное чтение. Но его – читают: не по принуждению, исключительно по интересу, самому искреннему читательскому интересу, без навязывания и усилия. Не: «надо прочесть», а: «ой, почитаю!».

Кто из классиков через двести лет так искренне и непосредственно востребован? Ну-ка, откликнетесь! К кому современный и самый требовательный читатель – ребёнок – не потерял интереса? «Евгений Онегин»?

Бывалый книжник, только одно произведение, «Конька», я перечитал пять раз. Интересу к Ершову выше Пушкинского – сам Пушкин ему бы явно позавидовал.

Мы перечитываем ершовского «Конька» всегда с удовольствием, с наслаждением, с интересом, всегда по-новому, находя новое. Неисчерпаемый «Конек». Бездны смыслов!

Феноменально!

Русская литература, русский ареопаг отвели Петру Ершову скромное место. Страна ещё не научилась ценить своих провинциальных гениев. Но мы-то, земляки, сибиряки, знаем подлинное величие Петра Ершова. Давайте не будем стесняться своего восхищения перед ним и знанием его истинного значения в нашей лично жизни и в жизни страны.

Я заблуждаюсь? В своём пиетете перед великим земляком?

Нет, что-то мне подсказывает, что в этом я ближе к истине, нежели иные застенчивые «скромники».

Ершов – действующая литературная величина, он и сегодня – живой факт русской литературы, призванный современной литературой. Нет, не мёртвый классик, а живой и действующий национальный поэт, которому не грозит – крещусь! – мрак забвения. Отныне и вовеки.

У них – «Илиада». У нас – «Конёк-Горбунок». Мы – весёлый, азартный, озорной народ. Мы русские!

*Выступление
Анатолия
Омельчука на
церемонии вруче-
ния X Ершовской
премии. 12 июня
2015 г. Фотография
Г.А.Крамора.*

«Тёплый Ишим» Сергея Козубенко

Крупный отечественный промышленник Сергей Павлович Козубенко в родном Ишиме больше известен как меценат. Точнее сказать – благотворитель. Международная литературная Ершовская премия, памятник Петру Ершову, помощь Ершовскому музею... Сегодня в его замыслах – возрождение церкви Петра Столпника на ершовской родине в селе Безруково (Ершово).

Сергей Павлович не большой охотник пиариться, интервью даёт редко. Но ершовскому лауреату, писателю Анатолию Омельчуку не отказал. Это произошло в дни празднования ершовского юбилея в Ишиме в июне 2015 года.

Омельчук: Сергей Павлович, на ваш взгляд, юбилейный ершовский праздник удался?

Козубенко: Очень удался. Он ишимский, семейный, тёплый.

Омельчук: Всероссийски семейный?

Козубенко: Всероссийски по-семейному. Съехалось огромное количество людей, гости из Америки, Италии, Японии. Приехали любители русской сказки, но именно сказки «Конёк-Горбунок». Её почитают во всём мире. Интересные люди, очень своеобразные, они говорили много тёплых слов в адрес Петра Павловича Ершова. Благодарные люди. Им очень понравилось отношение к ним в России, наше тепло ишимское, с которым их принимали, внимание наше. Они остались весьма довольны, много сфотографировались, много улыбались. Понравилась программа «Конёк-Горбунок» и в театре, и на стадионе. Они, по их словам, такого никогда не видели. Люди насыщались колоритом праздника 200-летия Ершова. День города к тому ж, Ишиму исполняется 233 года.

Омельчук: 200 и 33 года? Проще запоминается.

Козубенко: Главное – запоминается. 200 и 33. Праздники совпали, День России, в стране Год литературы, 10-летие премии Ершова.

Омельчук: Самому понравился ишимский памятник великому Петру?

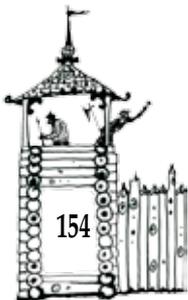
Козубенко: Дай Бог, в моей жизни – это не первый памятник, и, думаю, не последний. Памятник очень понравился, очень. Автор постарался, постарались литейщики наши родовые: Юрий и Иван Дубровины. Очень хорошая работа, впечатляющая. Выполнена от души, авторы полностью отдались, сказали всё, что хотели передать скульптурой Ершова. Автор – ученик Вячеслава Михайловича Клыкова, великого русского скульптора нашего. Это же он Ишиму подарил ещё одну прекрасную работу – Прасковью Луполову. Наш герой Сергей Полегаев в тот период работал с Вячеславом Михайловичем, и когда я к нему обратился с предложением работы именно по Ершову, он с удовольствием принял. Хотя желающих нашлось много, несколько московских скульпторов. Я считаю, всё подобрано правильно, и сама работа, и литьё само. Памятник понравился.

Омельчук: Клыкова на Прасковью Луполову вы сподобили?

Козубенко: Я сподобил. Я очень много сделал, чтобы памятник Параше в Ишиме стоял. Он работал с охотой. Он не брался за труды, если ему не нравилось.

Омельчук: Вы какое-то отношение имеете к двум клыкским шедеврам: Шукшин на горе Пикет и маршал Жуков на Красной Площади?

Козубенко: Памятник на горе Пикет – наша совместная работа с Вячеславом Михайловичем. Этот памятник в нём давно жил. Вячеслав Михайло-

После открытия памятника П.П.Ершову в Ишиме. 13 июня 2015 г. Фотография Г.А.Крамора.

вич очень трепетно подходит к своим героям, к тем, кого он подбирает на главную роль в своём скульптурном шедевре. Изучает историю человека. Обязательно. Он должен знать всё досконально. В Барнауле я его пригласил как гостя. Он задал вопрос: «Мы можем с губернатором встретиться?». Я отвечаю: «Думаю, можем». Встретились с губернатором. Это был Александр Суриков.

Омельчук: Нынешний посол в Белоруссии?

Козубенко: Да. Суриков с удовольствием откликнулся на наше пожелание поставить памятник, дал своё губернаторское добро. Но его быстро перевели на другую должность. А те, кто остались на Алтае и должны были, казалось, выполнять свои функции – слушать нас и помогать нам – слышали по-другому. Особо желанием никто не горел ставить памятник именно на горе Пикет. Хотели поставить на Чуйском тракте, уже и площадку подготовили. Но мы с Клыковым были против...

Омельчук: Стояли насмерть?

Козубенко: Насмерть. Но, слава Богу, всё решилось.

Омельчук: А какой главный аргумент, что Василий Макарович Шукшин должен смотреть на Сибирь именно со своей, я бы сказал, родной горы Пикет?

Как всё-таки всех убедили и переубедили?

Козубенко: Спасибо многим, кто помог нам в том, чтобы Шукшин стоял на своём Пикете. Главная мотивация Вячеслава Михайловича – во-первых, это не стандартный памятник. Он не стандартен в чём? Шукшинская поза. Это кадр из фильма «Печки-лавочки». Я спрашивал, общаясь с Марией Васильевной Шукшиной, действительно ли Василий Макарович любил это место, часто находился там и много писал? Он, рассказывала она, уходил туда, на гору, бывало, рано утром, садился на гору, писал. Его слова: «Гора Пикет – пуп Земли русской». На этом месте написано много шукшинских произведений. Примерно, по рассказам местных жителей, мы его и посадили там, где они показывали. Пуп Земли русской. С горы Пикет видимость на 30-40 километров вокруг. И река Катунь, и Бийск увидишь, и просто прекрасные сибирские виды.

Омельчук: Лучшего пьедестала для памятника Шукшину, чем гора Пикет, не придумаешь?

Козубенко: Мне тоже так кажется.

Омельчук: Землякам-односельчанам Василия Макаровича понравился памятник и то, что всё-таки это место выбрано?

Козубенко: Потом все оценили. Этот памятник придал жизнь региону. Я был на 10-летию, видел это скопление десятитысячного народа. Сторжки и Пикет кишат людьми, к памятнику не подойти.

Омельчук: Святое место?

Козубенко: Молодожёны приезжают, кладут цветы. Почему-то невесты трут Шукшину его палец большой. Палец блестит как позолоченный.

Омельчук: Может, чтобы рожать...

Козубенко: ...здоровых детей.

Омельчук: Много и просто.

Козубенко: Наверняка.

Омельчук: Сергей Павлович, расскажите про ваше первое знакомство с ершовским шедевром?

Козубенко: Понятно, «Конёк-Горбунок» читался в детстве. Я знал его отдельно, некоторые строфы и сейчас знаю наизусть. Чем привлекает «Конёк-Горбунок»? Мне думается, он и сегодня актуален. Если внимательно всмотреться и разобраться, где есть наши герои, а где их нет – их всегда можно найти и туда поставить. Это жизненная книга. Просто жизненная, превращённая в сказку.

*А.К.Омельчук и
С.П.Козубенко на
церемонии освя-
щения места под
строительство
Петровской церк-
ви в селе Ершово.
12 июня 2016 г.
Фотография
Г.А. Крамора.*

Омельчук: Ну-ка, любимый кусок.

Козубенко: «За морями, за лесами...». Это же о чём говорит? Есть жизнь, есть люди, каждый всячески стремится найти себя в этой жизни. Поиски разные. Один бедный, другой богатый. Жизнь в процессе твоего труда начинает совмещаться. Почему Иванушка-дурачок оказался не дурачком, а царём? Иванушку обижали, гнобили, ему пришлось просто обхитрить царя. «Против неба – на земле». Понимаете масштаб? Всё происходит на ишимской земле и в космосе Сибири.

Омельчук: Ершовская премия, Сергей Павлович, будет жить или исчерпала свой ресурс?

Козубенко: Пока к этому вопросу не возвра-

щались. Я вернусь к вашему вопросу о восстановлении храма в Безруковой. Я уже с главой города переговорил, с Фёдором Борисовичем Шишкиным – прекрасным администратором, который очень много сделал для Ишима. Его команде, команде губернатора Тюменской области Владимира Якушева огромное спасибо.

Омельчук: В мире, казалось бы, экономический – если не кризис, то спад, в нашей стране тоже экономическое уныние. А Ишим – как будто ничего не происходит – радуется, отмечает своих великих земляков, да что там – гуляет. Широко, мощно, по-сибирски! Это правильно?

Козубенко: Всё, что делается хорошего для людей, правильно. Чтобы народ мог выплеснуть себя, порадоваться тому же прекрасному салюту, который вчера сверкал в Ишиме. Прекраснейший салют! Выходят люди с семьями, выходят с детьми, ничего не боятся. Не боятся гулять ночью по городу, ходят свободно. Это всё-таки заслуга наших администраций: тюменской и ишимской. В городе можно жить спокойно и ни о чём не сущем не думать.

Омельчук: Тему, которую вы затронули – возрождение Ершовского храма, церкви во имя святого Петра Столпника в деревне, в родной деревне Петра Павловича. Здесь проблем нет? Потихоньку, не спеша – но возродится?

Козубенко: Я не один храм построил. В чём проблема с храмами? Его строишь, потом его начинаешь сдавать, но если это с Патриархией не согласовано на первом этапе, то тут-то и начинается: то нет священнослужителя, то могут служить в отдельные дни, или только по праздникам. Я первый вопрос поставил, чтоб договорились с Тобольским митрополитом. Уже переговорил с главой Ишима, Фёдор Борисович дал надёжных людей, которые могут просчитать и согласовать со священнослужителями – либо храм ставить на месте пожарища, где он стоял, либо рядом. Получу скоро ответ, а там будет видно.

Омельчук: Безруковская церковь – первая восстановленная на родной ишимской земле?

Козубенко: Да. Будет первая. Я уже давно живу в Москве, 28 лет. Начиная в Пскове с памятника княгине Ольге с Клыковым. Много других памятников, незначительных.

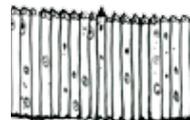
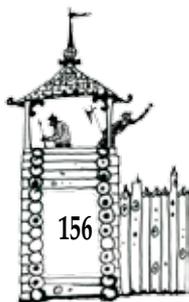
Омельчук: Разве можно говорить о памятниках незначительных? Всякая память дорога и ценна.

Козубенко: Зачем всякий раз пиариться? Нашей стране надо помогать в трудное время. Особенно в кризисы, когда люди немножко начинают теряться. Если есть возможность и есть чем, надо стремиться поддержать их и помочь. Они тогда лучше относятся к своим семьям, они лучше относятся к окружающей среде, лучше относятся ко всему – когда чувствуют, что им помогают. Такое чувство я сегодня и в Ишиме ощутил. Мы ведь долго не могли улететь из Ишима, люди толпой нас не отпускали. Естественно не отпускают. Просьбы, пожелания, советы. Простые люди. Это приятно видеть.

Омельчук: Большое спасибо.

Козубенко: Удачи вам. С Богом.

Омельчук: Да – нам с Вами.

Впечатления

В. П. Колесникова

«Бог нас наградила словами...»

2015 год в России был объявлен Годом литературы, что воспринималось как естественное продолжение прошедшего Года культуры. Культура в нашей стране литературоцентрична. В русской литературе отражаются все значимые события национальной жизни, все духовные искания нашего народа.

Со школьных времён мы помним высказывание Максима Горького: «Всем хорошим во мне я обязан книгам». Умные, интересные книги подобны благородному обществу – просвещают, воспитывают, формируют жизненные ценности, доставляют истинное наслаждение. Умирающий А. С. Пушкин, взглянув на полки своих книг, произнёс: «Прощайте, друзья!». Для поэта книги были живыми существами, верными спутниками жизни.

С детства у человека должен сформироваться навык чтения как естественной, постоянной потребности. Великий учёный Чарльз Дарвин считал, что каждому из нас необходимо читать в день хотя бы одно стихотворение – это важно для того, чтобы не прекращалось развитие человеческой души. Актёр Ричард Бартон, признанный одним из величайших британцев XX века, сказал: «Дом там, где есть книги». «Говорить о литературе всегда интересно, к чему бы это ни привело», – заметил Артур Конан Дойль, автор произведений о Шерлоке Холмсе. И разговор о книгах приводит говорящих к рассуждениям о самых разнообразных вещах, важных для человека.

Так и произошло, когда в Культурном центре П. П. Ершова 21 ноября 2014 года состоялась творческая встреча ишимских любителей литературы с тюменским писателем, краеведом, журналистом, а также замечательным читателем, «книгочеем» А. К. Омельчуком. Состоялся интересный, содержательный разговор. Анатолий Константинович утверждает, что «литература – единственное человеческое удовольствие, оправдывающее бренность бытия». Когда человек читает умную книгу, он занимается главным делом своей жизни – делом самопознания.

Образы ушедшего времени

После окончания встречи с А. К. Омельчуком каждый из присутствующих мог получить в подарок несколько книг своего земляка.

Среди множества произведений, созданных писателем, меня привлекла книга «Река возвращается. Родное», состоящая из небольших рассказов автобиографического характера. Особенно трогательны рассказы, посвящённые детству. После прочтения почти каждого из них невольно на несколько минут отрываешься от текста и задумываешься, вспоминая что-то своё, «родное». Автор не только повествует о событиях собственной жизни, но и осмысляет их, выражаясь афористично. Вот некоторые из этих афоризмов:

«Человек создан для невозможного»; «Жизнь – драма. Не рассчитывай, что тебе уготована неслыханная лёгкость бытия»; «Дождь – молитва природы».

Главными темами книги «Река возвращается. Родное» являются время и люди, живущие в этом времени. Время формирует человека. А. К. Омельчук уверен: «Мы такие, какими нас сделало время. Я родом из детства».

Изображая течение времени, писатель психологически точен. Вот что он пишет о восприятии времени в детстве: «Июльский день тянется бесконечно... Время остановилось. Оно не течёт. Оно затвердело, как старый мёд, ему некуда течь... истома времени и нескончаемость жизни в прохладе старого деревянного пропахшего ежедневным трудом крестьянского дома». Каждый, кто читает эти строки, невольно вспомнит своё детство и то, как бесконечно долго тогда длился день, тянулся год.

В юности мы начинаем воспринимать время иначе. Поэтому А. К. Омельчук создаёт другой яркий образ: «Мимо нас просвистел ночной мотоциклист. Мы не сразу уловили: барышня. Символ прекрасной неизвестной девушки с развевающимися волосами, летящей через ночь... символ не уходящего, а пролетающего времени. Да, это мчалась и пролетала наша молодость».

В рассказе «Мамин дождь» поток времени выражен своеобразным синтаксисом без запятых, что создает по-особому воздействующую на читателя интонацию: «И всё это время нескончаемо непрерывно беспросветно утомительно скучно шёл безнадежный дождь. Обложной. Беспрерывный... Сыро. Мокро. Нескончаемо...».

Непрерывно текущая вода – традиционный, но по-своему осмысленный А. К. Омельчуком символ времени. «Река возвращается», потому что память может вернуть человеку когда-то случившиеся события и пережитые чувства

Память хранит дорогие образы детства: русскую народную песню о рябине, которую пел отец на «гулянке», ковёр – лебеди, нарисованные на клеёнке, разросшийся фикус, музыка из чужого окна...

Почему яркие образы ушедшего времени, созданные А. К. Омельчуком, так трогают душу читателя? Потому что писатель невольно заставляет нас по-особому воспринять собственную жизнь, помогает увидеть в новом, символическом свете полузабытые события и картины наших детства и юности.

Счастье слов

Приметами ушедшего времени в рассказах А. К. Омельчука являются эмоциональные, выразительные слова, характерные для деревенской речи: лютень (холод), заполошно, базал, сосклизнул, сверзивался, лёлька (в значении «крёстная мать»)...

А рядом, в авторской речи – книжная лексика, употребляемая образованными людьми: анахорет, суверенная, трансцендентальное (одиночество), андеграунд, иерархия, экзистенциальный ужас.

Противопоставленные по своей стилистической окраске слова объединены личностью автора. Писатель сам себя называет «деревенским», «крестьянским сыном крестьянки-мамы», но в то же время он является сыном современной культуры.

А. К. Омельчук порой весьма своеобразно сочетает слова, в результате чего в контексте рождаются неожиданные оттенки смысла: недососланные поляки, суверенная и опрометчивая красота; раненые глаза; впечатлительная домохозяйка; густая жизнь; трудный запах; безнадёжно сапожная лавка. О девушке сказано: независима как Латинская Америка. Писатель любит ироническую игру слов: «Осокин. Сын»; «Сезанн, откройся!». Но особенно А. К. Омельчуку нравятся слова «деликатный» и «деликатность». Ими он определяет разных персонажей, этими словами неоднократно характеризует родителей, а также пишет о своей «пролетарской деликатности». С юмором Анатолий Константинович изображает отношение своего отца к делу метания стога сена: «...он большой аккуратист, и если что-то делается небрежно, он деликатно кроет матом».

А.К.Омельчук на встрече с ишимцами в Культурном центре П.П.Ершова. 21 ноября 2014 г. Фотография Г.А.Крамора.

В замечательном рассказе «Вещное счастье» писатель подробно пишет о вещах из крестьянского быта (маслобойка, кадка, сковородник, сажало, батик, бадья, шайка). Автор утверждает: «Вещи в отцовском доме были рассчитаны на вечность... Они же рядом: вещь и вечность».

А. К. Омельчук любит старинными словами, восхищается тем, что они обозначали: валёк, урыльник, сатинет, мутовка, лагушка, голик, татьянка (фасон женского платья). В рассказе «Помочь с ударением на первом слог» писатель вспоминает о деревенской традиции: всем миром, бесплатно, только за угощение помочь, например, погорельцу за один-два выходных дня выстроить новый дом. «Кому-то надо помочь. Поэтому - помочь».

Писатель признаётся: «Я произношу старые, родного дома старинные слова и испытываю счастье. Счастье слов... Бог нас наградил словами.

Красота простоты. Привет из детства».

Прекрасны слова, с помощью которых создаётся обыкновенное чудо – литература.

«Неистовые труженики»

Жизнь и характеры многих людей, о которых рассказывает А. К. Омельчук, тоже обусловлены временем – трудным, послевоенным. Важные герои книги – простые деревенские люди, главное в их жизни – работа, нескончаемый труд.

Автор это постоянно подчёркивает. Он пишет: «...тогдашняя деревня работала – неистово, от зари до зари ишачила, батрачила». Отец всю жизнь «мантулил, ишачил, зарабатывал... Ведь зачем он всю жизнь посумасшедшему пахал? Нас поднимал. Растил». А. К. Омельчук отмечает: «Все мужики у нас на улице мастеровые. Даже пьющие». Писатель называет свою тётю Полю «неистойой труженицей». «Неистовыми тружениками» были тогда многие люди – и не только деревенские.

Читая книгу А. К. Омельчука я вспомнила рассказ В. М. Шукшина, на который обратила внимание ещё в юности, раздумывая о жизни своих родителей, тоже сельских жителей, трудившихся с утра до ночи. Рассказ этот называется «Дядя Ермолай». Писатель характеризует своего героя: «вечный был труженик, добрый, честный человек». Как, впрочем, и многие другие деревенские люди. Автора мучает вопрос-«дума», которую он не может «додумать» со всеми своими институтами и книжками. Был ли в жизни этих людей какой-то большой смысл? «Или не было никакого смысла, а была одна работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей... Вовсе не лодырей, но свою жизнь они понимали иначе...». Писатель с болью смотрит на могильные холмики, под которыми лежат эти вечные труженики, и не знает: «Кто в жизни прав, кто умнее?».

После прочтения рассказов А. К. Омельчука понимаешь великую миссию естественной жертвенности «неистовых тружеников», которые на своих плечах, как Атланты, держали страну. Они не считали собственную жизнь ужасной и в труде находили немало радостей и даже счастье. По этому поводу у А. К. Омельчука есть непререкаемое суждение: «Если хочешь прожить содержательную жизнь, делай всё с удовольствием». Удивительно поэтичен рассказ «Сенокос на Кривой Луке» – о крестьянском труде, дающем ощущение полёта души и предчувствие бессмертия.

А.К.Омельчук на встрече с ишимцами в Культурном центре П.П.Ершова. 21 ноября 2014 г. Фотографии Г.А.Крамора.

Люблюмама

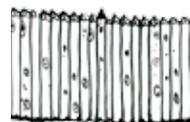
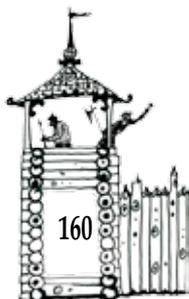
В книге «Река возвращается. Родное» Анатолий Константинович немало трогательных страниц посвятил членам своей семьи. Чудесен рассказ о сестре Нине («Цыганское заклятие»). Несколько рассказов посвящено матери. Начинается книга рассказом «Люблюмама», заканчивает книгу рассказ «Звездамама». А ещё есть «Мамин мемуар», «Мамин крестик», «Мамино одеяло», «Мамин дождь». Интересно, что в некоторых заголовках слова написаны слитно. Для автора понятия «люблю» и «мама» неразделимы. Писатель размышляет о том, почему же он тогда, при жизни матери, не говорил ей слов любви: «Любишь ли ты воздух, которым дышишь?.. Ощущаешь ли необходимость, что следовало бы и ему, животворящему воздуху, признаться в любви? Всё, что жизненно необходимо, не нуждается в словах признания».

В семьях «неистовых тружеников» не было принято говорить ласковые слова: «Моя мать особой сентиментальностью не грешит. Крестьянское воспитание. Нежная женщина, но суровая». Эта сдержанность в проявлении нежных чувств – тоже примета времени. Любовь родителей к детям выражалась не в словах, а в постоянной заботе. «Сильные чувства обходятся без слов. Много слов – маловато чувств». Но писатель знает, что «всё это слабое утешение, когда надо вспомнить, что своей матери, маме ты ни разу не сказал простого: люблю».

В рассказе «Печаль утраты» А. К. Омелчук пишет об отце. Писатель вспоминает: «Отец прижал меня к себе. Крепко так, по-отцовски, обнял, стиснул. Он со мной никогда не игрался... Серьёзный был человек. Какие телячьи нежности – работать надо». Став взрослым, писатель даже сомневается, было ли то отцовское объятие: «наверное, фантазирую», выдавая желаемое за действительное. Мужских разговоров с отцом тоже не было, отец вести их «наверное, стеснялся... Что надо – передаётся, от отца сыну. Без лишних слов». Но людям нужны слова, поэтому и существует литература.

Книга «Река возвращается. Родное» в главной своей части является нежным объяснением в любви дорогим, ушедшим уже людям и незабываемому времени, суровому, но прекрасному.

Древние мудрецы утверждали: «Сначала жить, потом философствовать». Можно перефразировать: «Сначала жить, работать, любить, радоваться и страдать, а потом осмыслить свою жизнь с помощью литературы».

Научная дискуссия в Ишиме: есть ли предел Гражданской войне?

В Ишимском педагогическом институте им. П.П.Ершова (филиал ТюмГУ) 9 ноября 2016 года прошла III Всероссийская научная конференция «Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революции и Гражданской войне (1917-1921): история и современность».

Эта конференция, неизменным координатором которой является кандидат наук, заведующий кафедрой истории, социально-экономических и общественных дисциплин Игорь Курышев, была посвящена 95-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года. Самого масштабного антикоммунистического восстания в России XX века, которое началось в Ишимском уезде Тюменской губернии.

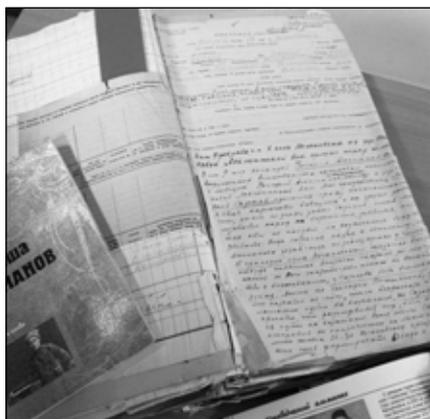
В программе было заявлено немало интересных докладов. Но, к сожалению, участие у большинства докладчиков – заочное. Непросто в наше время собирать научные форумы. Обойдена оказалась конференция и вниманием местных средств массовой информации. А жаль. Тема, несмотря на почти вековое отдаление от наших дней, вполне современна. Только в утренней экскурсии, организованной Ишимским историко-художественным музеем, приняли участие московские журналисты из «Комсомольской правды», путешествующие по стране на электричках – Виктор Гусейнов и Владимир Ворсобин.

Думаю, очень удачно они попали на это мероприятие. Ведь не зря даже губернатор Тюменской области Владимир Якушев сказал – и неоднократно повторил! – что восстание 1921 года – одно из самых значимых событий в истории Приишимья. Так, во время посещения Ишима 27 августа 2015 года он отметил: «Есть очень интересная тема, о которой мало кто знает сегодня, – ишимское восстание крестьян. Это уникальное историческое событие. Нужно рассказать людям, что тогда происходило в Сибири, почему крестьяне восстали». Ершов, Никольская ярмарка, восстание 1921 года – то, что называется нынче модным словом «бренды». Это слово отдаёт туристической коммерцией, но лучше такое внимание, чем никакого.

Ведь советские историки предпочитали обходить эту «неудобную» тему стороной. Да и за российский период их не наберётся, чтобы загнуть пальцы на обеих руках. Владимир Шишкин – главный специалист по этой теме, из Новосибирска. Тюменцы Константин Лагунов, Анатолий Васильев, Александр Петрушин. Омичи Михаил Шангин и Владимир Шуддяков. Ишимцы Михаил Богданов, Игорь Курышев, Надежда Проскуракова... Не все, конечно, упомянуты, но и полный список не утомил бы читателя. До сих пор в учебниках пишут про Кронштадтский и Тамбовский мятежи, а Ишимский, охвативший территорию от Петропавловска до Салехарда – будто забыт!

Восстание было спровоцировано властью. Зачем – историки спорят, и вряд ли найдут однозначный ответ. Зачем выгребали у крестьян продовольственное зерно – понятно любому, и было понятно самим хлебоборам, хотя и вызывало у них глухой ропот и скрежет зубов. Но было понимание: надо кормить голодающий промышленный центр, столицу. А вот зачем стали отнимать семенное зерно, основу будущего урожая, и губить его на глазах у крестьян – этого даже терпеливый сибирский мужик не мог понять. И взялся за вилы, пшени, топоры и немногочисленные винтовки и обреза.

Моменты конференции. Фотографии автора.

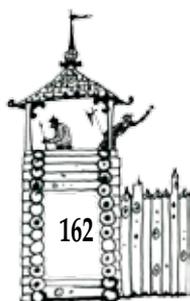
Сколько погибло в том восстании – тоже не узнаем никогда. Жестокость была обоюдной. Повстанцы уничтожали всех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к большевизму. А власть силами регулярных частей Красной Армии уничтожала всех, кто мог держать в руках те самые вилы, пшени и немногочисленные обрезы. Соотношение потерь доходило до 1:30. Обелисками на братских могилах совработников пестрит сибирская земля. Крестов на братских могилах крестьян не ставил никто. Только в начале XXI века удалось выявить некоторые. И, хотя бы скромно, отметить их. И на те, и на другие могилы съездили перед началом конференции её участники.

Съездили и к памятнику с посвящением «Землякам – жертвам трагических событий 1921 года», которому нынче исполнилось всего пять лет. Он был вначале поставлен в центре Ишима, на том самом месте, где 10 февраля 1921 года разгорелся ожесточённый бой между повстанцами и коммунистами города. Атака была отбита, станцию взять не удалось, хлебные эшелоны продолжили свой путь из Сибири в Россию. Это сохранило власть большевиков в столице и стало началом конца восстания. Памятник был поставлен к 85-летию восстания, был создан на народные деньги замечательным тюменским скульптором Геннадием Вострецовым. Гротескный чёрный ворон держит в лапах не то терновый венец, не то моток колючей проволоки – символ XX века... Неудобный памятник, царапающий память. Не было тогда понимания и того, что исторические «бренды» города не всегда бывают лучезарными. Не прошло и полгода, как его безо всяких объяснений – как выгребали когда-то семенной хлеб – «сослали» на городское кладбище. Но память о кровавых событиях минувшего века не сослать так легко на кладбище истории...

И вот разговор переместился в светлые институтские аудитории. И о чём бы ни говорили немногочисленные докладчики, главное – их слушали студенты. Молодое поколение не должно забывать уроки истории. Тем более если студенты – будущие учителя.

Профессор, доктор исторических наук из Тюменского госуниверситета Александр Яркв предложил убрать слово «крестьянское» из современного определения восстания. Когда-то его называли «кулацко-эсеровским», это было неверно, потому что лидирующая роль эсеров оказалась под сомнением, а командирами отрядов были не только зажиточные крестьяне, но и середняки, и даже бедняки. Но и определение «крестьянское» тоже дискуссионно, потому что состав участников был многословен и многоконфессионален. И если с этим предложением Александра Павловича можно спорить, то повторённые им мысли о том, что восстание было логическим продолжением Гражданской войны и о том, что власть должна оправдывать чаяния народа, если не хочет стать его жертвой – думается, несомненны.

Выступления ишимцев – историка Игоря Курышева и краеведа Геннадия Крамора были посвящены малоисследованным сторонам гражданского противостояния – деструктивному поведению участников повстанческого движения и вопросу об участии в нём православного духовенства. Действия повстанцев находили поддержку и понимание у населения на начальном этапе восстания. Но по мере того, как таяли с весенним снегом

иллюзии скорой победы и приближалась пора посевной, большая часть крестьянства оставила борьбу, а те, кто её продолжал, получили – по методам своих действий – устойчивую характеристику «бандитов». Распространённый же в исторических исследованиях тезис о широкой поддержке священноцерковнослужителями повстанческого движения не находит достаточного документального подтверждения. Однако уже сам тот факт, что большевики держались жёстких антицерковных настроений, а повстанцы в свои лозунги привлекали религиозную риторику, – этот факт был для «красных судей» железным аргументом для обвинения всего духовенства в «поддержке бандитизма».

Ярким стало выступление на секционном заседании писателя и публициста Николая Олькова, приехавшего из села Бердюжье Тюменской области. Его повесть «Гриша Атаманов» посвящена одной из ключевых фигур повстанческого движения, уроженцу села Смирное Ишимского уезда, который в 23 года возглавил коалицию крестьянских сил, но в итоге пал жертвой своих же подчинённых, которые искали виновных в неудачах восстания. Признавшись в симпатиях к своему герою, Николай Максимович подытожил свою речь: «Наше село развалено. У крестьян отняли средства производства, землю, надежду на будущее. Но они не ропщут. Почему? Наверное, потому, что нет уже таких фигур, как Григорий Атаманов. Выбили их коллективизация, репрессии, войны, ушли они в города...».

Исследовательскими находками поделились в докладах студенты ИПИ Вячеслав Пинигин и Наталья Аверина и преподаватели, кандидаты наук Андрей Любимов и Александр Язынин. О причине слабого вооружения повстанческих отрядов рассказал в своём докладе научный сотрудник Ишимского историко-художественного музея Константин Иванов.

Грядущий 2017 год открывает череду юбилейных дат, связанных с революционными событиями вековой давности. Через пять лет мы будем отмечать и столетие Ишимского крестьянского восстания. С какими выводами из уроков истории (о взаимной ответственности власти и народа) мы подойдём к этой дате – покажет время. А вот для историков и музейщиков наступает пора напряжённой работы.

В Ишимском историко-художественном музее предстоит создать новую экспозицию, посвящённую этим трагическим событиям. При разработке концепции, конечно, будут использованы и материалы трёх конференций, прошедших в нашем вузе. В резолюцию вошло и предложение создать труд, в котором можно обобщить – по волостям и датам – данные о ходе восстания из дел, хранящихся в Ишимском госархиве (а его сотрудники представили учёным замечательную выставку документов, многие из которых ещё не вошли в научный оборот!). Такой труд не только откроет широкой общественности архивные сокровища, но и станет первой объективной панорамой событий, происходивших «на родине» восстания. И памятником примирения, потому что Гражданская война, начавшаяся в сердцах и душах нашего народа век назад, должна уже наконец закончиться. Где только взять делателей на эту жатву, кто поддержит реализацию этого проекта – большой вопрос...

ПАМЯТНЫЕ записи

Ж. Я. Молодых

Деревня Волынкина на реке Ишим. 1920-е годы

Николай Яковлевич Молодых, уроженец Викуловского района Тюменской области, прожил долгую и драматичную жизнь. На склоне лет, в 1980 году, живя в Красноярске, написал обширные воспоминания. Мы публикуем фрагмент рукописи, рассказывающий о жизни в родных краях в первой трети XX века. Особенности авторского стиля по возможности сохранены. Деревня Волынкина находилась в 6 километрах к северу от села Викулово (до 1920 г. – Тарского уезда, затем вошло в состав Ишимского округа). Стояла на берегу реки Ишим. В настоящее время не существует.

Моя родословная

Родился я 25 ноября (8 декабря) 1912 года на реке Ишим. Деревня моя Волынкина, Викуловской волости, Тарского уезда, Тобольской губернии.

Родословная моя из крестьян. Прадеды мои: в 4-м колене Пётр Петрович, в 3-м колене Елисей Петрович, во 2-м колене Яков Елисеевич, прадед мой Нефёд Яковлевич, дед Григорий Нефёдович. Все испокон века занимались только сельским хозяйством. Мать тоже была потомственной крестьянкой, а вот отец мой Яков Григорьевич Молодых помимо крестьянства занимался ещё разного рода ремёслами, для своего хозяйства не было такого дела, которое он бы не мог смастерить. Он был на все руки от скуки, изобретатель-конструктор и мастер-изготовитель: кузнец, столяр, плотник, печник, маляр, мыловар и пчеловод.

У него была своя кузня, и если ему что-то нужно было сделать по кузнечной работе, он брал меня с собой. Я качал мех, раздувая горн, он раскаливал добела железо и ковал его. Иногда отрубленный кусок металла быстро темнел на земляном полу кузни, я случайно принимал его за холодный и брал рукой, обжигал пальцы и бежал в дом к маминьке, она смазывала мне сожжённое место сметаной, и боль прекращалась. Отец мог отковать любую деталь. Несколько раз он занимался и литейным делом, отливая шестерню к сенокосильной машине, штамп для клейма мыла и другие детали. Сам сделал привод к сенокосильной машине, чтобы косить хлеб.

Уголь для горна он тоже сам выжигал. Выкопает яму, сложит в неё дрова, подожжёт, и когда дрова хорошо разгорятся, засыплет их землёй, а потом днём и ночью ходит смотрит, чтобы курень не прогорел. Когда все дрова перетлеют и курень остынет, тогда он выбирает уголь.

По столярному деду делал для себя мебель: столы, стулья, табуретки и даже буфет (шкаф для посуды). Сам же и столярный верстак себе изгото-

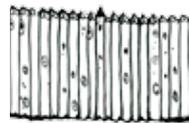

Схема Викуловского района 1-й пол. XX века. Цифрой 9 отмечена деревня Волянкина. Викуловский краеведческий музей.

вил. Делал хорошие двухстенные дадановские ульи для пчёл. Сам делал медогонку, дымарь и другие приспособления и инструменты для пчеловодства.

Пчёл у нас было 24 семьи. Мёду накачивали по 16 пудов, то есть по два с половиной центнера. Его продавали, меняли на ягоды, сами ели и по фляге оставляли на зиму. Он, бывало до того во фляге засахарится, что его кое-как режешь ножом.

А как отец любил ухаживать за пчелами! Когда они его жалили, он на это даже не обращал внимания. Его ожалит пчела, он жальце выдернет и всё, даже тело у него почти никогда не вспухало. Но один раз загнали же они его в погреб. Был прохладный и пасмурный день, чего пчёлы сильно не любят, он пошёл их смотреть и расшевелил. Как начали они его жалить, он не знал куда деться. Он в пригон, они за ним, он в ограду, они за ним, он в завозню – и они туда, а в завозне у нас был погреб-ледник, каждую весну перед Пасхой мы пилили лёд пилами и возили на лошадях в этот погреб, набивали почти до верха, вот туда-то он и залез и они его там держали больше часа. Только станет вылезать, они тут как тут. Кое-как успокоились.

Печник отец тоже был хороший, ложил любые печки: голландки, контрамарки, русские, плиты и банные печи, для себя всегда сам ложил, а также и в организациях.

Купил 100 кг каустика, выписал инструкцию и стал варить мыло. Сначала варил из кишок, потом стал варить из сала, купил ультрамарина и стал делать мраморное мыло, а купил жёлтой краски – стал варить ядровое мыло. Вот с этим-то мылом мы с ним и ездили каждую субботу торговать на базар. Сделал форму, станок для разрезания мыла на куски и штамповал их: «Кустарное производство Молодых Я. Г.». Когда в осеннее время люди начинали забивать скот, получалось много кишок, они их чистили, прополаскивали, замораживали и несли к отцу, чтобы он из этих кишок сварил им мыло. Он варил, половину отдавал хозяину, половину себе – за труды и каустик, мы его продавали.

Сделал маслострунный станок для выжимки масла из коноплянного семени. Вначале семя поджаривал, потом ссыпал в мешковину, закладывая в станок и выжимал клиньями масло.

Коровьи шкуры отвозили к мастеру в другую деревню для выработки кож. Потом приглашали сапожника к себе домой. Шил нам всем сапоги каждый раз Степан Мелентьевич – горемычный пьяница. Бывало, месяц работает день и ночь, а как придёт на него запой, пьёт беспросыпно две недели, а то и больше. Он шил нам только выходные – праздничные сапоги. А рабочие обутки шили сами – или дедушка Григорий, или отец. Мужские шили с длинным голенищем и с оборками, то есть с ремёнными шнурками, а женщинам без голенищ, в виде глубоких калош.

Лошадиные шкуры, если подыхали лошади, отец сам выделывал на сырмятные кожи. Сначала кислой гущей намажет шкуру, потом она лежит под лавкой несколько недель, пока на станет от неё отставать шерсть. Тогда он оскабливает шерсть, сушит шкуру, а потом в специально сделанной им же самим мялке начинает мять кожу. Из этих кож шили сбрую для лошадей: хомуты, седёлки, шлеи, узда и вожжи.

Овечьи шкуры-овчины тоже выделывал сам. После приглашали портного – Давыдушку, который ходил по деревням и шил шубы, полушубки и тулупы.

Сделал станок для резки табака, хотя у нас в то время никто и не курил, но табак выращивали и продавали, и чтобы подороже его продать, резали на махорку.

Мельничные колёса, как сухое так и водяное, тоже делал сам.

Сделал бак-котёл и аппарат для курения самогона и сам же гнал его. Когда стали сильно преследовать самогонщиков, он уехал в поле за Старицу на сенокос, там выкопал в яру землянку и гнал самогон.

Поскольку у нас был свой сепаратор, на нём пропускали молоко и из сливок отец делал сливочное масло.

Вязал всякие ловушки: фитили, сети, невод-бредень и др. Потом ловили рыбу в Ишиме и озёрах: Косоротике, Бездённом и Шешуковском.

Не было такого, чего бы он не мог сделать. В лавке покупали только керосин, спички, сахар, конфеты и пряники, остальное почти всё вырабатывали в своём хозяйстве. Отец даже пробовал делать на продажу сушки, пряники и колбасу, но из этого почему-то ничего не вышло. Выращивали скотину: коров, лошадей, свиней, овец, гусей, кур и уток. Осенью кололи гусей, быков, тёлоч, а иногда и коров, а самое для нас было интересным это когда кололи и палили свиней. Палили их соломой, мы сидели и ждали когда опалится свинья и нам дадут поджаренные свиные уши, сильно вкусными они нам казались.

С осени полный амбар был набит мясом. Тут тебе и гуси, и утки, свиней штуки три, бычки и другие животные. Что за зиму не съедали, весной солили и вялили, подвешивали куски мяса где-нибудь на солнечной стороне, а чтобы мясо птицы не клевали, завешивали старыми сетями. Летом же кололи барашков и овец, чтобы со свежим мясом ездить на сенокос или жатву.

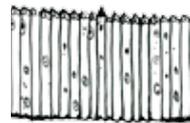
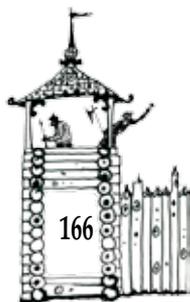
Стригли овец четыре раза в году. Шерсть летней и осенней стрижки считалась лучшей, из неё катали валенки, а зимней и весенней стрижки считалась худшая, её пряли на пряжу и вязали из неё носки и рукавички. Валенки катать приглашали на дом пимоката Ивана Михеича или кого-нибудь другого, и он катал нам всем, колодки у него были любых размеров. Мы с большой радостью ждали, когда пимокат снимет с колодки валенки, попахивающие палёной шерстью – чтобы валенки были красивее и чище, их палили на огне.

Корова почему-то всегда телилась зимой в самые лютые морозы. А дворы были открытые и холодные. И вот когда ожидали, что корова должна скоро отелиться, то ходили проведали её, были случаи, что прокарауливали, и тогда телёнок либо примерзал, либо совсем замерзал. Если только примерзал, то тащили его в дом и оттирали снегом. А если корова телилась летом в поле, то телоч, как только родится, старался высосать мать-корову и тогда его уже трудно отучить от соски. В таком случае надевали на него уздечку или доску с гвоздями. Как только он пытался сосать корову, гвозди кололи ей вымя, и она его уже не подпускала.

Скота было много и, как правило, каждый год сена не хватало. Тогда в марте начинали кормить соломой, а когда съедали и солому, то раскрывали повити (повить – двор, крытый соломой). Иной год сильно скот худел и не мог вставать, тогда его поднимали и ставили в станок, чтобы он не падал, особенно истощались лошади. Был у нас гнеденький жеребёнок, так он, бедняга, так исхудал, что остались только кожа да кости, я думал, что он не выдержит и сдохнет, а он выжил, и когда выпустили их на подножный корм, он погулял два месяца, я увидел его на луку и не узнал. А потом из него ещё вышел такой конёк, что любо-мило.

Пил раньше мы не знали, дрова рубили топорами. Первые весенние работы были: заготовка дров, посев зерновых, гороха и льна. Потом вспашка паров на первый раз. Заготовка сена, боронование паров, вспашка на второй раз паров. Жатва ржи, ячменя, пшеница и овса. Первые годы, как я стал убирать хлеб, жали серпами, а потом стали косить машиной, жали серпами только лежалый хлеб. Когда хлеб выстоится в суслонах, возили на ток и складывали в скирды. Пока не было молотильной машины, молотили цепями (молотилами), сушили хлеб в овинах и всю зиму молотили в три или в четыре молотила. Когда молотят в четыре молотила, то так выбивают дробь, что хоть пляши. Веяли зерно тоже на ветру лопатами деревянными. А потом стали молотить машинами и веять веялкой.

Лён, когда созреет, дёртали руками прямо с корнями, вязали в снопы и ставили кучами. Когда высохнет, молотили снопы вальком. Из семени часть оставляли на семена, а остальное били на масло. Соломку расстилали на луку и когда она вылежится, собирали, сушили в бане и мяли ручными мялками, потом трепали, чесали, отделяли. Отрепи шли на верёвки, из изгребей пряли и ткали на мешки и полога, а лён-волокно шёл на тонкие холсты, из которых шили штаны, рубахи, юбки и кофты.

Предметы крестьянского быта в Викуловском музее. 2007 г. Фотографии Г.А. Краморы.

Мочало тоже сами выработывали. Во время сока рубили липняк, сдирали кору, мочили её в озере Саргатка или в Истоке. Когда это корьё пролежит всё лето, вытаскивали его из воды и драли мочало. Употребляли его на рогожи, попоны, завёртки к саням и на другие нужды вплоть до вехтей – мыть полы и самим мыться в бане.

Детство

Детство моё, как и многих крестьянских детей, было трудным и малорадостным. Те радости, которые знают дети семидесятых годов двадцатого столетия, мы не знали. Только в сказках нам рассказывали деды и бабушки, что где-то, за тридевять земель, в тридесятном царстве, люди живут богато и радостно. Имеют роскошные дворцы, много пьют и сытно едят. Но рассказывали и сказки про бедного Иванушку-дурачка, про Алёнушку и другие.

Жила у нас одна старушка, Храмушинькой её звали, лечила брата Ивана, когда он болел тифом. Вот она-то нам и рассказывала разные сказки. Что ни день, то новая сказка. Бывало, вечером засветим жирник, сделанный из глиняной плошки, фитиля и коровьего жира (потому и назывался жирник) или трёхлинейную лампу-коптилку без стекла, сядем с сестрой Анной поближе к бабушке Храмушиньке и с замиранием сердца слушаем её небылицы. Длинными зимними вечерами пряли пряжу для холстов, а весной взрослые женщины ткали холсты, отбеливали на речке Исток и шили из них нижнее бельё и верхние рубашки и штаны.

Весной, когда гусыни высиживали гусят, в нашу с сестрой Анной обязанность входило пасти маленьких гусят, пока они не оперятся и не станут самостоятельно пастись со взрослыми гусями. Потом пололи грядки в огороде. Когда начинался посев зерновых, нам с Анной приходилось бороновать пашню. Потом начинался сенокос, нужно было возить копны к стогам. Потом снова бороновать пары на два, а иногда и на три раза. Когда начиналась уборка хлебов, нужно было таскать снопы и ставить в суслоны. А когда молотили хлеб машиной, нужно было погонять лошадей. И так весь год в работе. Играми мы могли заниматься только в праздничные и в воскресные дни, так как в эти дни никто не работал, все отдыхали. Великим грехом считалось работать в праздничные дни.

С самой ранней поры в весеннее время, только чуть где-нибудь на солнечной стороне стает снег и оголится земля, мы с друзьями начинали играть в бабки. Биток обязательно заливали свинцом, чтобы он был увесистей. Иногда играли по целому дню. Что выигрывали, потом продавали на деньги или меняли на крашенки, если играли в пасхальные дни. Позднее начиналась игра в шарик. Это круглый, как мячик, сделанный из корня дерева шарик. Били его шаровками – это деревянные палки 60 см длиной и 5 см толщиной. Игра заключалась в следующем: делились на две равные группы, одна группа била, другая пасла в поле. Из группы, что была в поле, один подбрасывал шарик кверху на два-три метра, а эти поочередно бросали шаровку в шарик, стараясь в него попасть. Если все шаровки пробросали и в шарик не попали, то менялись позициями. Или если кто-либо из тех, кто стоял в поле, поймал в руки шарик – тоже менялись позициями. Шариком играли только мальчишки, а мячиком мальчишки и девчонки. Играли также в лапту, бить-бежать или в круг. Все становились по очерченному кругу, а один должен был находиться в кругу и те, что стояли по кругу, перебрасывали мячик друг другу и старались попасть мячом в того, кто стоял в кругу. Если кто в него бросал и промахивался, то сам становился

в круг. Мячики шили из кожи и тряпок. Резиновых мячиков у нас не было, если у кого и были, то только у богатых.

Самая популярная была игра – это с песнями по улице ходить разлукой. Это так: становятся все в одну линию, потом крайний идёт и через одного берет за руку или под руку и рядом идут до конца колонны и становятся там в линию, ждут пока пройдут все, а идут почти половина, пара за парой и всё время поют. Дойдут до конца деревни, поворачиваются и идут обратно.

Ещё мальчишки играли в прятки, чехарду-езду, городки, чики-брики, клюшки. На Пасхе ставили качели и качались мальчики и девочки. Зимой делали на столбах катушку, заливали водой и катались на санках, коньках и больших санях. Иногда на озере Бездонном или на Истоке вмораживали кол, на кол одевали колесо, к колесу привязывали жердь, а к другому концу жерди прикрепляли санки, один садился на санки, другой вращал колесо, вкладывая двухметровую палку в спицы колеса. Санки так разгонялись, что только ветер в ушах гудел. Не знали ни футбола, ни волейбола, коньки делали сами, деревянные лыжи тоже. И санки делали тоже сами. У меня были железные санки, отец мне сковал. Коньки тоже подковывали железом.

Престольными праздниками у нас в деревне считались Троица, Покров, Рождество, Крещение и Масленица. Рождество праздновали три дня, Крещение – два, Масленицу – целую неделю. Пасху, Троицу и Покров тоже гуляли по неделе.

Дедушка мой Григорий Нефёдович был не очень набожным человеком, а вот отец Яков Григорьевич соблюдал все праздники. На Христов день ходил в церковь читать у гробницы Иисуса Христа всенощную с вечера и до 12 часов ночи, пока не «воскресал» Иисус Христос. Рано утром в любой престольный праздник все члены семьи должны были стать перед образами и молиться Богу час или два. Отец читал псалтырь на старославянском языке. Нам, малышам, это страшно было утомительно. Стоять и бить земные поклоны час а то и два. После моления начинали разговляться. Садились за стол и кушали скоромную пищу, так как в посты перед Рождеством и Пасхой по семь недель ели постную пищу. Даже нам, малышам не разрешалось кушать ни молоко, ни мясо.

Семья у нас была большая. Когда мне было пять лет, наша семья состояла из шестнадцати человек: дедушка Григорий, отец, мать, братья отца, то есть мои дяди – Фёдор с женой Анной и двумя детьми, и дядя Тимофей. Дочери дедушки – Анна и Ульяна. Дети отца, то есть мы: старшие Григорий, Иван, Марфа, Василий и мы, малыши: Федя, Маня, Анна и я.

Дом был большой – пятистенный, из кухни и горницы, а под горницей был низ, где жил отец со своей семьёй. Но хозяйство вели совместно. Хозяйство было большое, не бестолковое. Запрягалось восемь лошадей. Было девять дойных коров, двадцать овец, три свиноматки, двадцать кур, три гусихи и гусак, страшно сердитый, от которого нам с сестрой больше всего доставалось. Особенно когда были маленькие гусята. Не раз пришлось поплакать от этого гуся.

Помимо этого было много молодняка, жеребят, телят и др. Одним словом, скотины – полные два пригона, и все зимовали почти под открытым небом, за исключением овец и свиней. Летом для них приходилось косить сено, зимой возить его, кормить скот и вывозить глызы и навоз. Извозом никаким не занимались. Сеяли десять десятин.

Помимо хозяйства имели лавку. Торговали разными мелкими товарами. Но от этой торговли были только одни убытки. Дедушка поручил торговать своей дочери Ульяне, а у неё был ухажер, с которым она спала прямо в лавке. Парень был, видимо, не промах, пользовался моментом и на этом наживался. Пришлось эту торговлю закрыть. И так как товары брали у купцов в кредит, то отцу несколько лет пришлось отработать у купцов, помогая на ярмарках закупать масло, мочало, куделю и другие продукты сельского хозяйства. Дедушка Григорий был немного грамотный и тоже помогал купцам Рошчеву, Кармацким в Мурашовым закупать товары.

Дедушка хотя и был строгим, но очень добрым. Всем хозяйством руководил сам. И все его слушались и уважали.

Предметы крестьянского быта в Викуловском музее. 2007 г. Фотографии Г.А. Крамора.

Вскоре дяди Фёдор и Тимофей уехали в Красноярск. А позднее и тётя Анна с Ульяной тоже. Сестра Марфа вышла замуж. А Григорий и Иван женились. Пошло новое потомство, и отец из подвального помещения перешёл жить в верхний этаж.

Когда только построили дом, то в спальне пол был наслан временно, в полу было отверстие, и я лазил из верха вниз и обратно через это отверстие. Женщины стирали бельё внизу и скипятили четырёхведёрный котёл воды, закрыли деревянной крышкой, а котёл был как раз напротив этого отверстия. Я полез вверх, встал на крышку котла, она провалилась и я одной ногой погрузился в кипяток. Выдернул ногу из котла и пулей шмыганул в отверстие в комнату, зарорал как бешеный. Прибежала мамонька, узнала в чём дело, притащила отрубей, намешала со сметаной, приложила к ноге и обмотала тряпками. Через неделю зажило как на собаке.

Брат Федя был на два или три годика старше меня. В семь лет он уже умел играть на гармонике. У старших братьев Григория и Василия была гармошка-тальянка, вот и Федя и играл на ней. А позднее и я тоже стал учиться играть. Была ещё сестра Манечка, но её я совсем не помню. Только по рассказам знаю, что была она беленькая, а волосы – как лён. И вот, когда отец жил ещё внизу, вскипятили самовар пить чай. Само-

вар стоял па лавке около печи. Манечка была тоже на лавке, прыгнула с лавки на пол, захватила платьем за кран самовара и опрокинула только что скипевший самовар на себя. Через несколько дней она скончалась. А было ей уже восемь лет. Феденька тоже умер на восьмом году. Ехал верхом на лошади, лошадь чего-то испугалась, прыгнула в сторону, он упал, испугался и его стали бить припадки. Сколько бабки не лечили, ничего сделать не могли. Так он и умер. Вся семья сильно переживала смерть брата и сестры.

С тех пор, как похоронили Федю, я стал играть с Анной и так привязался к ней, что ни шагу от неё не отставал. У неё были подружки, и я всё время играл вместе с ними. Потом меня ребятишки и прозвали «девошником».

Большую радость нам доставляло, когда летом где-нибудь на повите или в дровенике мы находили гнездо куриных яиц, штук 10-20. Тут мы с радостью бежали в дом к маминьке, отдавали ей яички, она несколько штук клала в загнету русской печи и они там пеклись, а мы ждали с нетерпением.

Помню, как однажды мы – сестра Анна, я и Грушка, подруга Анны, ходили собирали яички – «петушка и курочку». Вот, набрав уже полную шапку, шли домой. И что-то они меня разозлили, кажется, не хотели, чтобы я нёс яички. Я отобрал шапку с яйцами и бросил на землю, разбил, конечно, и «петушков» и «курочек». Сколько было у девочек слёз и жалоб мамоньке.

Больше всего мы играли втроём. В куклы, в клетку и другие. Ходили на реку Ишим купаться, только одних нас мамонька не пускала, а отправляла с нами дядю Максима. Он хотя и был калека (одна рука у него с детства высохшая), но плавал хорошо. Да и рост у него был 1 метр 80 см. Бывало, забредёт в воду, ему-то вода по пояс, а нам по макушку. Возьмёт поочередно сначала одного, окунёт, потом другого, третьего и так всех поочередно. Всех перекупает и сам выкупается. Это когда погода была жаркая, и скот от жары и овода ходил в деревню. Дядя был пастухом и по всему лету пас наших коров. Летом пас, а зимой чистил проруби на реке, помогал кормить скот и гонял на водопой. Или прял пряжу на верёвки.

Иногда купались мы и дома, в амбаре в зерне. А один раз придумали искупаться в муке. Забрались в амбар, Анна стала на караул, а мы с Грушкой разделись догола – ведь в одежде не будешь же купаться – и пошло дело. Прыгнем в муку, а она столбом кверху. Как черти все перемазались в муке. А тут как на грех мамонька идет: «Что тут за шум у вас?». И когда увидела, чем мы заняты, то аж ахнула. Так голеньких нас с Грушкой и вы проводила оттуда.

А один раз этой же кампанией решили слазить к соседке Пелагее Павловне за огурцами, хотя своих было полно. Грушка полезла первая – она смелее нас была, залезла на плетень, и когда стала спрыгивать, то платьишком оделась на кол. Платье было холщовое, крепкое, и она повисла на плетне. Кое-как мы её сняли с кола и больше не рискнули лезти за огурцами.

Когда я стал побольше, то стал играть с ребятами. Дружков у меня было много, почти вся деревня. Так называемые задушевные были: Петька Пановых, Мишка Подуянов, Ваня родной и Дымоглазовы три брата – Ванька, Санька и Федька. С этими мы учились вместе водку пить и табак курить. И за девочками бегать, и по огородам за подсолнухами и по огуречникам за огурцами лазать. Теперь уже меня парнишки не стали звать «девошником». Впоследствии мы вместе учились на ликбезе и играли в пьесах.

Через дом от нас жил дядя Константин, брат отца. Жил зажиточно. Имел крестовый дом под железом и заводню тоже под железом. Занимался торговлей. От первой жены детей у него не было, зато от второй, когда померла первая, было много детей, сыновья: Лев, Данила, Пётр, Николай и Василий, и дочери: Татьяна, Агафья, Евгения и Матрёна.

Мы часто играли вместе, так как Николай, Василий и Мотька были нашими одноклассниками. И вот однажды лазили у них по повити, собирая горох, набросанный на повить. Я провалился сквозь повить и упал с шестиметровой высоты. Хорошо, что рядом с пеньком от прогнившего и упавшего столба. Все ребятки испугались, а я полежал немного, встал и пошёл как ни в чём не бывало.

Были иногда и драки между нами. Их было двое, а я один. Двое на одного всегда одерживали победу, но уж если один на один, победителем всегда выходил я.

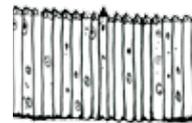
Мать моя Агафья Максимовна была очень добрая и ласковая. Всех нас она называла только ласкательными именами: Гришенька, Маршенька, Ванюшка, Васенька, Феденька, Манечка, Аннушка и Коленька. Всех жалела и любила, но и мы все любили очень мамоньку. Отец нас тоже никогда не бил и не бранил, мы его любили и даже немножко побаивались.

Помню, была свадьба, выдавали замуж старшую сестру Марфу. Народу было битком набито – в горнице, кухне, коридоре и даже во дворе. С кухни вниз веда крутая лестница. И я хотел полюбоваться свадьбой, но так как народу было очень много, меня толкнули, и я полетел вниз по лестнице. И больше уже не пытался посмотреть на жениха и невесту.

Был брат Василий, парень на все руки. Музыкант, танцор и песенник. Любили его девушки. Бывало, как возмёт гармошку и заиграет, сразу толпа девчат соберётся. У него была гармошка, они оба со старшим братом Григорьем играли на ней. Иван не играл, так как у него была сломана рука в молотильной машине, Федя в это время уже лежал в могилке, но мне Вася не разрешал даже прикасаться к гармошке, вероятно, боялся, что я могу испортить гармонь. Как только услышит, что я запиликал на гармошке, сразу, где бы во дворе ни находился, бежит в дом драть мне уши. Но у меня была защита – мой дедонько Гриша. Как только я услышу, что бежит Вася, я сразу же к дедушке. Он-то уж меня в обиду не даст.

Один раз Василий взял меня с собой возить снег из ограды. Когда мы ехали в пустой коробухе обратно, он перевернул плетеньюху вместе со мной. Я плакал, а он только смеялся. Изо всех братьев он был у нас самым весёлым и смелым.

Жил против нас через дорогу Фатьянкин Василий Гаврилович, у него две дочери и сын. Одну дочь звали Матрёной. Девка была гулящая. Василий с ней имел любовные связи. Но когда она ему изменила с другим, он высмолил ей ворота. А это самым большим позором считалось для девки. И ког-

Самодельная крестьянская обувь из собрания Видуловского музея. 2007 г. Фотография Г.А. Крамор.

да она стала выходить замуж, то до приезда жениху за невестой он и ещё один его друг навтыкали маленьких красных флажков на колышках по улице вплоть до ворот невесты. В то время было такое поверье, если девушка выходила замуж честная, то свадьбу справляли с лентами. Украшали сбруи лошадей и дугу красными лентами. А если выходила гулящая, то без лент. Вот они и решили под шутить над ней, будто бы невеста честная. Много было скандала, когда всё это увидели родители.

Или вот ещё был случай. Раньше в деревнях пировали кампаниями дворов по пять-шесть. Утром созывает гостей кто-либо один. Посидят у него, попьют-поедят и в другой дом переходят. Так за день должны были обойти все пять или шесть домов. Пили в основном домашнее пиво. За столом подавали по рюмке водки или самогона. Поэтому сильно пьяным никто не был. А если кто-то и напивался, то быстро вытрезвлялся, так как пивной хмель быстро выходил из головы, и он пил опять наравне со всеми. Гости рассаживались по лавкам, сундукам, скамьям и стульям вкруговую, хозяин ставил на поднос два-три стакана и подавал гостям пиво. Потом сажали

за стол и подносили еду. И так повторялось – два, а то и три застолья, на второй день созывал гостей следующий, и так гуляли пять-шесть дней.

Иногда между пьяными случались скандалы и даже драки. В такую драку один раз попал и Вася. Из за чего уж разгорелся этот сыр-бор, не знаю, только знаю, что Андрей Алексеевич, на вид такой тихий и спокойный мужичок, при драке незаметно ткнул Василия вилкой в спину. Когда Вася дал сдачи, то ему же от тятеньки попало.

Василий без вести пропал на Гражданской войне. Как был Колчаком взят, так и не вернулся. В 1925 году было письмо из Ленинграда, почерк вроде бы его. Писал, что перебежал границу, задержан в Ленинграде, вышлите денег. Отец выслал пять рублей и больше никаких известий от него не было, как в воду канул.

Брат Григорий тоже играл на гармошке, но он никогда не ругал меня за то, что я брал гармошку и учился играть. В шесть лет я стал уже несколько простеньких песенок играть на однорядной гармошке-гальянке.

В 1920 году, когда мне уже исполнилось семь лет, была введена продразвёрстка. В нашем уезде был губпродкомиссар Заплетин, он, действительно, соответствовал своей фамилии, заплетал или, вернее, заматал всё под метлу. Помню, зашли к нам три вооружённых и с ними сам Заплетин, выгребли всё зерно, муку забрали, кожи, овчины и многое другое. Отец спросил уполномоченного Парыгина: «Саша, а что же мы-то есть будем, вот вы всё забрали?». А он показал на конский помёт и говорит: «Вон глызы ешьте!». И так забирали у всех поголовно.

Продразвёрстка была, конечно, законной, но должны были брать только продовольствие, а брали всё, что попадало под руку. Когда у крестьян взяли всё подчистую, мужики взбунтовались. Как потом выяснилось, это было сделано с целью поднять бунт среди крестьянства. А орудовали всей этой заварухой богатеи. Как после выяснилось, и сам Заплетин был крупный помещик.

По всей бывшей Тобольской губернии вспыхнуло восстание.

Я сидел и смотрел в окно на мужиков из соседней деревни Долгушиной, верхом на лошадях, в шабурах и полушубках, заправленных в чембары (широкие холщовые брюки на шнурке, одевались поверх валенок).

Бывший магазин купца И.Ф.Родчева, в котором держали арестованных коммунистов и советских работников. Слева - памятник на братской могиле. 2007 г. Фотография Г.А.Крамора.

свой штаб и начали чинить расправу над комиссарами, коммунистами и всеми, кто активно участвовал в продразвёрстке. Собрали и посадили в каталажку. И стали поодиночке допрашивать. Самые заядлые кулаки били чем попало. Самых активных комиссаров зверски истязали, приговаривали: «Это вам за хлеб мужицкий!». Несколько человек было убито, много поранено.

Большевики как-то сумели послать гонца в Челнокову, где стояла Красная гвардия, и отряд из тридцати красногвардейцев разогнал пятитысячную толпу восставших. Мужики хотя и забаррикадировались – во всех переулках и улицах, где были въезды в село, лежали бороны кверху зубьями, – но всё это не помогло. Отряд сумел въехать в село. Когда восставшие услышали первые выстрелы отряда, началась паника. И бежали кто куда.

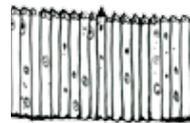
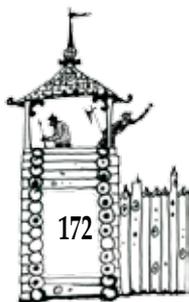
Отец мой тоже был в то время в Викуловой, только по каким-то служебным делам, он ведь торговал в комитетской лавке. Иван ещё до восстания был назначен дежурить в волости (волостном правлении). Анна, жена, привозила ему продукты. А когда началась паника, она села на подводу и одна поехала домой.

Отец пешим строем пустился наутёк домой. Но видит, что его обгоняет подвода и ей управляет женщина, он даже разрешения не попросил, а прыгнул в сани, вырвал у женщины вожжи и погнал лошадь быстрее. Прогнав с версту только разглядел, что едет на своём Карьке и с невесткой Анной. Чтобы миновать погони, он повернул коня к реке Ишиму и по глубокому снегу выехал на лёд. И только тогда поехал тише.

И видел, как по увалу удирали восставшие кто куда и как мог. А их преследовали вооружённые саблями красногвардейцы. Один восставший гнал на лошади сидя в коробухе, за ним гнался верховой с саблей и только замахнулся рубануть саблей, но дядька в коробухе перехитрил его – спихнул коробуху с саней. Лошадь верхового споткнулась, и красногвардеец упал. Пока он снова садился в седло, мужик уже был далеко.

После восстания начались массовые аресты мятежников. Единственное кирпичное здание в селе была комитетская лавка, где торговал отец, – её превратили в тюрьму и битком набили восставшими. Отца тоже посадили, так как видели, что он тоже был в Викуловой. Мы с мамонькой привозили ему передачу продуктов. А через неделю их пешим строем погнали на станцию Ишим через Челнокову. Но дальше Челноковой их не погнали, и большинство из них, кто вины за собой не чувствовал, вернулись домой. Только Плясовских Михаил Александрович, первый богатый в нашей деревне, побоялся возвратиться домой. И скрывался потом по лесам, чердакам у знакомых и по клуням до 1924 года. После и он вернулся домой и жил до времён коллективизации. А когда началась коллективизация и раскулачивание, он скрылся неизвестно куда вместе с женой и братом Петром. Два дома у них конфисковали, а движимый инвентарь и имущество распродали с торгов.

Вскоре после восстания брат Иван заболел тифом. Всё время держалась высокая температура, он бредил и в бреду произносил: «Ягушкина мать собиралась умирать, умереть не умерла, только время провела». Где ему эти слова попали на язык, он и сам потом не мог объяснить. После и мы часто повторяли эти слова как поговорку.

*Село Вукулово.
Площадь, на
которой собира-
лись повстанцы
и откуда они
бежали после по-
явления отряда
красногвардейцев.
1910-е гг.
Фотография.
Частное собрание.*

Один раз встал с кровати, обул валенки, и мы не заметили, как он проскочил в кухню и залез на русскую печь. На печи стояли чугуны и корчаги, в которых варили пиво к праздникам. Он взял одну из корчаг и хотел бросить на пол, но мамонька вовремя заметила и не дала ему бросить. Он закричал: «Давайте доски, будем укрываться, белые наступают!».

Анна Николаевна, Иванова жена, и впрямь подумала, что нужны доски и тащит из подполья две доски. Но он скомандовал, что уже опоздали. А когда у него прошёл приступ, он так ослаб, что вчетвером кое-как сняли его с печи и уложили в постель. Жена Ивана страшно была трусливая и когда с ним были приступы, боялась подходить даже к его постели, зато жена Григория, Анна Харитоновна, та смело брала его в охапку и укладывала на кровать. Был такой случай: Иван встал с кровати, обул на ноги валенки и как метеор выбежал на улицу. А когда привели его в дом, он снял с себя валенки, бросил в передний угол, встал перед образами и стал молиться Богу.

Зять Иван Ефимович во время болезни Ивана находился в отряде красных партизан. Помню, как он и ещё один партизан заехали к нам попроведать Ивана. Вооружённые саблями, карабинами, с красными лентами на папах, смотрели из-за двери на больного. И только второй партизан зашёл в комнату, где лежал Иван, постоял около его постели, а зять стоял на кухне и выглядывал из-за двери, вероятно, боялся заразиться тифом.

У дяди Константина был сын Данил, который под видом партизан подобрал себе дружков, таких же как сам и стали ездить по деревням грабить крестьян. Приехали и к нам в деревню и стали требовать лошадей. Отец в то время был старостой деревни, он к нему: «Давай, дядя, лошадей!». Но так как отец знал, что он не партизан а просто бандит, то выпроводил его подобру-поздорову. Дядя Константин выгнал его из дому как блудного сына, за что он пообещал убить его, родного отца.

Старший сын Лев был на войне. И когда пришёл с фронта домой, стал стучаться в дверь, то дядя Константин подумал, что это Данилка пришёл убить его, перепугался, заболел и вскоре умер. Данилку же как бандита и мародёра посадили в тюрьму, причём вместе с кулаками, которых он грабил. Они его там сильно били, отбили ему все внутренности. Он зачах. Стал харкать кровью, пришёл домой, когда уже отца не было в живых, немного поболел и умер. Отца родного загнал в могилу и сам туда же попал.

Дядя Василий, брат моей матери, после восстания долгое время скрывался по лесам и чердакам вместе с Михаилом Плясовских. Его поймали. Судили. Приговорили к расстрелу. Когда повели расстреливать и поставили на расстрел, он увидел впереди густой боярышник и решил бежать. Сбросил с себя шабурёнок на ветки кустов и побежал, виляя в разные стороны. По нему открыли стрельбу, но попасть не могли. Он добежал до реки Ик и вброд перешёл на другой берег. Поскрывался ещё несколько месяцев, рубил дрова в лесу себе, напился холодной воды из-под снега, простыл, заболел воспалением лёгких и умер.

Ещё до восстания отец торговал в комитетской лавке. Мы с мамонькой часто приезжали в Вукулово и ходили к нему в лавку. Иногда забирались за прилавки и лакомились изюмом и сушёными яблоками. Жил отец на квартире у старушки Домнушки.

1921 год был неурожайным. Сильная засуха. Весь май и июнь не выпало ни капли дождя. Хлеба даже не взошли. И только в июле пошли дожди. Хлеб взошёл, но было уже поздно, пришлось косить только на корм скоту. И вот началась голодовка. Брат Григорий в это время уже возвратился с войны. С 1914 по 1920 годы он был всё время на передовой в окопах. Сначала на германском фронте, потом революция, Гражданская война. После войны оставляли его служить сверхсрочно в Красноярске, давали должность коменданта города, но он не согласился, захотел домой – к жене, к родным. Осенью 1921 года он прибыл домой.

Изобрели они с отцом походную кузницу, так как оба были кузнецами. Григорий даже в армии некоторое время работал в кузнице. Помню, писал домой письма: «Мы сейчас молоточком гвоздочки куём». Поехали они с отцом вниз по реке Ишиму, хлеб зарабатывать кузнечным ремеслом. Ковали шилья, иглы и разную мелочь, за это брали хлебом, там, на низу, хлеб уродился. А Иван заработанный хлеб возил до дому. Зимой питались хорошо. Иван по полной коробухе привозил и складывал в казёнку (кладовку). Однажды соседская собака забралась в казёнку и стащила булку хлеба. Как я за ней ни гнался, догнать не мог. После этого мы стали казёнку закрывать на замок.

Весной 1922 года началась настоящая голодовка. В марте скот кормить тоже стало нечем. А на заимке Вдовиной было сено. И вот нас с дедушкой Григорием послали с молодняком на заимку и дали несколько рабочих лошадей кормить и поить там скот. Мы с ним вдвоём там жили. Возили из согры (согра – заросшее озеро) сено и кормили скотину. А поить гоняли в согру, там было два колодца и много снеговой воды. Жили в полевой избушке. Скот держали во дворе, там был специально выстроенный двор.

Место там живописное. Земельный участок большой. От согры и до рябовской дороги в ширину сто метров, в длину два километра. Лес на этом участке тоже принадлежал нам, от деревни, где мы жили, до заимки было 15 вёрст, но пахали и сеяли там мало. Да и земля была неважная – пустошами. Сено косили в согре, где были постоянные покосы. Гектаров десять было обнесено изгородью, там паслись лошади. Жили мы там почти по всему лету, приезжали домой только помыться в бане и в воскресенье отдохнуть, так как в праздники и воскресные дни не работали. Комаров и паутов было сильно много, спасались от них только дымокурором.

В 1922 году случилось сильное наводнение, пасти остальной скот стало негде, пришлось и его угонять на Вдовину. Приехали туда жить и Иван с женой и двухлетним сыном Сашей. Дома остались только мать и Анна, а отец всё время курсировал на Вдовину и обратно. Кто бы мог поверить, что при таком количестве скотины мы голодали! Стоило зарезать одну-две коровы, и мы не знали бы никакого голода. Но отец и дедушка Григорий не разрешали колоть скот. Молоко же от девяти дойных коров пропускали через сепаратор на сливки, а из сливок взбивали масло. На масло хотели выменять хлеба. Но масло загоркло и не пошло впрок. А мы вместо молока пили обрат, даже малышу Саше не давали молока, поили обратом.

Что только ни приходилось есть в ту пору: прошлогодние грибы, вороньи и сорочьи яйца, даже из гнилых берёзовых пней делали муку и пекли лепёшки, но только есть их было невозможно. Меня заставили пасти скот. Какая же это утомительная и нудная работа – пасти коров, да ещё на голодный желудок. Только и ждёшь, скорей бы солнце шло к закату, а оно, как назло, стоит на одном месте и не движется. Находили гнёзда и с тетеревиными яйцами, это была большая радость.

Брат Григорий в это время жил уже в деревне Долгушиной, откуда у него была жена Анна. Вошёл он к ним в дом. И вся их семья: он, жена и старенькая бабушка жены. Были у Анны два брата, но они погибли на войне. Дом у них был большой, связной и много других построек.

Когда сеяли или готовили пары, нам с сестрой Анной приходилось много боронить. Дедушка Григорий всегда находился с нами. И лошадей нам запряжёт, бороны от пырея вычистит. Хорошо с ним было в поле. Если бороним на Вдовиной или Скопиной, то там и спали. И чай нам скипятит, и какую-либо похлёбку или груздянку сварит. А когда боронили около деревни, то ночевали дома.

Село Викулово.
Вид с колокольни
Троицкой церкви
на запад. 1910-е гг.
Фотография.
Частное собрание.

После смерти дедушки Григория с нами стал ездить боронить дедушка Максим, отец матери. С ним стало нам хуже – запряжёт лошадей и в стан спать. Больно уж почему-то спать много любил. А нам и боронить нужно, и бороны от травы очищать.

Анну я частенько уговаривал: давай боронить по два загона, она заборонит два, когда подходит моя очередь, я говорю: «Нет, Анка, давай лучше по одному, а то ждать долго». Но это было не всегда, а только изредка. Дети есть дети. Поиграть тоже хотелось

После засухи семенного зерна не было, а сеять надо. Отец взял поперечную пилу, поехал в Покровку и променял там за полпуда проса. Мы посеяли его целую десятину. Урожай был хороший, и мы очень много намолотили просового зерна. Да плюс к тому отец где-то купил пшеница двадцать пудов. Поддесятины было озимой ржи, рожь была хорошая. И мы уже в 1923 году голодовки не знали.

Картошку сажали – только глазки, а саму картошку ели. И вот на Вдовиной мы посадили такие глазки, а картошку меня заставили отнести в деревню мамоньке. И вот это бесценное сокровище, каких то десятка полтора картошек, я понёс домой. Пройдя половину пути, я решил отдохнуть. Зашёл в стан Васиных, но в стане никого не оказалось, я посидел минут пять и пошёл продолжать свой путь. Но откуда ни возьмись парень из нашей деревни лет двадцати Данилко Иванович догнал меня и спрашивает, что я делаю в стану, – он, оказывается видел, как я заходил в стан. Я говорю, что отдыхал. Он мне не поверил и говорит: «Ты что-то украл у нас в стану». И стал у меня отбирать картошку. Я в слёзы, стал божиться, клясться, что я ничего не брал, тогда он отпустил меня. Может он только попутать меня хотел или пошутить, но я-то подумал всерьёз.

Мне было уже восемь лет, нужно было идти в школу. Школы в Волинкиной не было, а была только начальная в Викулово. Отдавать туда меня отец не хотел, так как нужна была квартира, а за неё надо платить. И отец попросил дедушку учить меня грамоте на старославянском языке. По тому времени он считался большим грамотеем.

И началась наша учёба. Не учёба, а мучение. У деда болели ноги. Он завернёт их в шаль и начинает урок. Проучились мы с ним с сентября до февраля, выучили кое-как азбуку: аз, буки, веди, глагол, добро и так далее. На этом наша учёба и закончилась, А потом уехали на Вдовину со скотом, а в 1923 году в апреле на третий день Пасхи он скончался. И больше нам с ним не пришлось заниматься учёбой.

В воскресные и праздничные дни люди ездили в церковь молиться Богу, говеть в Великий пост перед Пасхой. Один раз и мы с дедом ходили говеть, на последней неделе поста. Как было всё торжественно и красиво. Утром на голодный желудок шли в церковь молиться. Только отстояв заутреню два часа, шли на квартиру завтракать. Позавтракав и немного отдохнув, снова шли к обедне с 12 до 15 часов. Шли обедать. Потом – к вечерне. И так целую неделю. В последний день недели исповедались. Все грехи сдавали попу. Что поп тебя ни спрашивал, ты должен был отвечать: «Грешен, батюшка!». После принимали причастие, и в этот день уже ничего не ели.

Все молящиеся принимали причастие из красивой позолоченной вазы одной маленькой золотой ложечкой. Причастие готовляли из каго-

Виколово. Свято-Троицкая церковь. Начало XX в. Фоторепродукция. Виколовский краеведческий музей.

ром певчих и с молящимися нёс вокруг церкви. Потом заносил в алтарь и клал на престол, где тело Христа и лежало до следующей Пасхи. Священник и хор всё время пели: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Все знакомые целовались и тоже говорили: «Христос воскрес!», отвечали: «Воистину воскрес!».

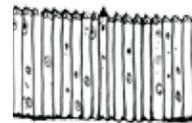
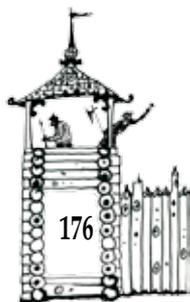
Как красиво всю неделю звонили колокола, церковь в то время была святыня-святынь. Крестили, венчали и отпевали в церкви. Я пять раз ездил в кумовья крестить ребятешек: крестили у кума Григория с Ольгой Тимкиной, у Подуянова Александра с кумой Марийкой Пановых, у Николая Константиновича с кумой Дарьей, у дяди Берёсты с гостьей Андриана Калинина и у Фёдора Дрёмова с кумой Нюркой Полуяновой. А также ездил два раза дружкой – когда венчался кум Григорий с кумой Пелагией и когда венчался двоюродный брат Василий.

Попы от всего этого имели большие доходы. Также ездили по деревням побирались. Брали всем чем придётся, мукой, хлебом, яйцами, мясом. Что попу попадалось на глаза, он всё просил, недаром была поговорка – завидный как поп. Летом, когда долго не было дождя, шли в церковь, брали иконы и ходили по деревням служили молебны. Когда несли иконы, то пели: «Никола многомилостивый, спаси нас, Пресвятая Богородица, помилуй». Поп и псаломщик в каждом доме у того, кто хотел, служили молебен, брали за это плату: простой молебен 50 копеек, с акафистом 1 рубль.

Иногда и впрямь после служения начинал идти дождь. Поэтому люди верили в эти чудеса. Иногда мы ходили в Калинину к Вознесеньеву дню, или в Рябову к Девятой пятнице. Там был ключ-родник, где поп святил воду крестом, а люди набирали эту воду в бутылки и несли домой. И если кто-либо заболел, лечили этой святой водой.

В Долгушиной, где жил брат Григорий, мы часто ездили к нему в гости. У Григория была гармошка, и когда я приезжал к нему, брал гармошку и начинал играть. Мальчишки и девчонки моего возраста сбегались со всей деревни, заполняя дом, и слушали мою игру,

И вот один раз отец, мать и я уехали в Долгушину, это было на второй день Пасхи. Ночевали там, гуляли, выпивали, ни о чём не думая. А в два часа дня сестра Анна и её подруга Грунька приехали на лошади в коробухе и сообщили, что помер дедушка Григорий. Мы сразу же все поехали домой. Особенно он и не болел, только всё жаловался мамоньке: «Что такое, Аганя, я ем, а сам всё голодный». Кушать тогда уже было что. Видно, голодовка 21 года сильно отразилась на нём. На 85-м году он скончался. И так тихо и спокойно, отвернулся к стенке и никто не слышал, как он помер, думали, что он спит. Брата Ивана взяло сомнение, почему так долго спит дедушка, посмотрел, а он уже мёртвый. Помер он на третий день Пасхи, а на пятый его уже похоронили. Бедный дедушка так и не успел выучить меня читать и писать. Зато на всю мою жизнь осталось в памяти, как мы с ним жили на Вдовиной, ходили в церковь и как учили старославянский язык.

Брат Иван никогда меня не оставлял дома, всегда брал с собой в поле. Боронили мы как-то с ним у рябовской дороги, стали переезжать на другое поле, ехали верхом на лошадях, и я упал с лошади прямо под борону. Хорошо, что борона была перевернута кверху зубьями, я отделался испугом и лёгким ушибом.

А как он учил меня косить? Дал мне маленькую косу и поставил в кочки, которые были чуть не выше моего роста. Целый день я долбился в этих кочках, а косить всё же выучился.

После смерти деда в 1923 году отец стал переставлять дом, из пятистенного решил сделать крестовой: две комнаты, кухню и тёплый коридор. В этом году хлеб ели исключительно из проса, но дом всё же выстроили. Отец мечтал покрыть дом жестью, но мечты не сбылись. Так и остался под временной тесовой крышей.

Летний июльский зной, мне хотелось сходить искупаться на Ишим, но отец всё время заставлял что-нибудь делать. То мох подтыкать в пазах брёвен, то щепу таскать под закат, то помочь ему отпилить что-либо, то ещё какая работа. Иногда всё же ненадолго отпускал меня сбегать искупаться. Хуже всех была работа – это таскать щепу, целый день под палящими лучами солнца. А мне в то время всего лишь было девять лет, поиграть тоже хотелось.

Отец тогда сельским хозяйством почти не занимался, а работал в собственной кузнице. Варил мыло и занимался пчеловодством. Зимой делал ульи для пчёл. Пока Иван жил с нами, мне было легче, когда же он в 1924-м году уехал в Красноярск, вся тяжесть крестьянского труда пала на мои плечи и на плечи сестры Анны. Скотины, правда, стало у нас меньше – четыре коровы, четыре лошади, десять овец. Но и на этот скот нужно было много корма. И мы с Аней целое лето косили траву и заготавливали сено для скота. А ранней весной мне нужно было нарубить дров десять сажень – это почти двадцать кубометров. Зимой всё это нужно было на четырёх конях перевезти домой.

В 1925-м году отец купил нам с Анной буквари, и мы самоучком стали учиться грамоте. Отец покажет, даст задание и учи как знаешь. Так и учились до 1927 года, когда у нас в деревне организовали ликбез. Как объявили, что будут обучать грамоте по вечерам и в воскресные дни, я первым записался. Так и учился две зимы. Днём вожу дрова и сено, а вечером – книжки под мышку и в сельсовет, где мы занимались. На вторую зиму и Анна пошла учиться. В воскресные и праздничные дни мы занимались и днями. Учителем к нам прислали паренька лет двадцати, он и сам-то имел начальное образование, фамилия у него была Воблов, а если прочитать в обратном порядке, то получается Волбов. Так мы его и звали – то Воблов, то Волбов. Иногда он куда-нибудь отлучался, и с нами занималась секретарь совета Мария Георгиевна Короткова, дочь крупного пчеловода Кожевникова, который имел 120 семей пчёл и другое богатое хозяйство. Жил на заимке за рекой Ик. Отец купил у него пчёл и выучился, как нужно за ними ухаживать.

Один раз мы с Марией Георгиевной ездили к её отцу на бал. Я ездил как гармонист. Играл я тогда уже на двухрядной гармошке. Запряг Серка в кошёвку, взял гармошку, посадил Марию Георгиевну и покатали. Гостей на вечере было много, люди всё видные, богатые. Пили и ели много. Помещение большое. Дом из трёх комнат, прихожей и кухни. В прихожей стоял стол, на нём – выпивка и закуска, кто хотел – подходил, выпивал и закусьвал. В зале стояли большие столы, за которыми сидели гости, тоже выпивали и закусьвали. В одной из комнат – столы для игры в карты. В этой же комнате были и танцы. Вечер продолжался до двух часов ночи. Мы в эту же ночь вернулись домой. И, так как было уже поздно, то домой она не пошла, а осталась ночевать у нас. Мы с ней залезли на полаты, там и ночевали. Хорошая она была женщина, душевная. Ей в то время было лет тридцать.

В 1928 году в нашей деревне организовали школу в доме Михаила Плясовских и прислали учительницу Елену Петровну, которая днём учила малышей, а вечером – ликбезников. На второй год я учился уже во втором классе, а Анна в первом. Я сам учился и уже помогал первоклассникам. В

Зимой в окрестностях Викулово. 1960-е гг. Фотография. Викуловский краеведческий музей.

лы – агитировали записываться в колхоз. Кто не хотел вступать, тех облагали [налогом] по-твёрдому, раскулачивали и ссылали подальше на север, в тайгу.

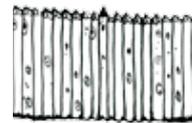
Отец тоже не хотел вступать в колхоз и его выгнали из дома, не считаясь с тем, что мать наша была сильно больна, лежала в постели. Нам пришлось переехать к брату Григорию, а в нашем доме сделали молоканку. И только через месяц, когда мы вступили в колхоз, нам вернули дом.

В рождественские праздники молодёжь деревни устраивала вечеринки-игрища. У кого-либо откупали помещение и там проводили разные игры: хороводы, танцы, пляски. Девушки садились к паренькам на колени, по ходу действия, если девушка переходила к другому парню, то паренёк, у которого она сидела, должен был поцеловать девушку, как бы прощаясь с ней. А тот, к которому она переходила, тоже целовал её, как бы встречая. Целоваться парню с девушкой на игрище позором не считалось. Наоборот, которая куражилась и не хотела целоваться с парнем, считалась нелюдимой и букой.

Я как гармонист всегда принимал самое активное участие на игрищах. В один из таких праздников я заболел, так как во время игры сильно вспотел, с жару вышел во двор и простыл. Заболел свинкой и слёг. Сначала лечила меня Вера Ефимовна наговорами, но это не помогло, пришлось везти в больницу. Врач сказал, что если бы ещё день задержались и не привезли в больницу, то могло кончиться печально, потому что началась сильная опухоль шеи и горла. Праздник у ребят без меня прошёл скучно. Игрища продолжались с Рождества и до Нового года. На Новый год ворожили. Девушки женихов себе выворачивали, а парни – невест. А с Нового года до Крещения маскировались, одевались в разные одежды как на карнавале, лицо закрывали салфеткой или носовым платком и переходили из одного дома в другой, где нас хозяйева должны были отгадывать, кто такие.

Когда мне исполнилось 13 лет, я стал уже играть на двухрядной гармошке, но своей гармошки у меня не было. А была у дружка Петьки Панова – Плясовских, он купил гармошку, а играть не умел. Стал приходиться ко мне по вечерам с гармонью, и мы вместе стали учиться играть. Я-то выучился быстро, так как играл на однорядке, а он так путём и не смог. А ещё и потому я быстро выучился, что у нас на квартире жил секретарь сельсовета Волков, у него была двухрядка. Сам он за всё время только и выучился играть тустеп. Когда он уходил на работу в сельсовет, я брал его гармонь и учился играть. И вскоре я уже стал играть много песенок и танцев.

В летнее время года моим любимым занятием по выходным дням была охота на уток, косачей и зайцев. Бывало, встану рано-рано, ещё до восхода солнца, мамонька накормит меня блинами, и я отправляюсь на озеро. Отец купил мне ружьё, дробь, пороху и пистонов, и я круглый год охотился с ружьём. Летом – утки, осенью – косачи и зайцы, зимой – сороки. Охотничьей собаки у меня не было, приходилось убитую дичь доставать по-всякому. Если поблизости была лодка, то садился в лодку и плыл к утке, если лодки

не было, то плыл сам раздевшись, плавать я умел хорошо. Ишим переплывал запросто, хотя он был в ширину метров двести. А один раз чуть не утонул в луже. Подстрелил утку метрах в десяти от берега, лывина была заросшая густой травой. Плыть нельзя – лодки нет, и я решил идти вброд. Но идти оказалось невозможно, ноги утопали в тине. Я нашёл длинную палку, положил на траву и пошёл. Ноги соскользнули, я погрузился в тину и только чудом выбрался на берег. Взяв вторую палку, снова пошёл и утку всё же достал – жаль было оставлять добычу.

Задумал я как-то ловить зайцев петлями. Учил меня сосед-старик Фатьянкин молитве чтобы зайцы ловились. На память я этой молитвы выучить не смог, а записал на листок бумаги и читал по листку. Поставил один раз десять петель, через день пошёл смотреть их. Идти надо было вёрст пять. По глубокому снегу, да ещё без лыж, я так устал, что еле-еле волочил ноги. Во всех десяти петлях я нашёл только одного зайца и тот был поклёван сороками. Усталый и голодный, я едва доплёлся до дому, когда на дворе уже стемнело и домашние начали беспокоиться. На этом и закончилась моя охота петлями.

Ружьё – это страсть для всех подростков. Помню, у отца было ещё старое дробовое ружьё. Стояло оно в спальной боковой комнатухе. Вход в эту комнату был прямо из сеней. Против комнатных дверей были двери в казёнку (кладовку). Я взял ружьё, стволом положил на скобу двери и стал практиковаться как нужно стрелять. В то время мне было лет десять. В патронгаше были пустые гильзы, штук двадцать. Я вложу гильзу в ствол, щёлкну затвором, выкину. Мне интересно как затвор выбрасывает свободную гильзу. И попадись же среди пустых одна заряженная, которой я, конечно не заметил. Вложил в патронник ствола, закрыл замок, нажал на спусковой крючок и – произошёл выстрел. Я так перепугался, что поставил ружьё в угол и сколь есть мочи пустился бежать, чуть не сбив с ног мужчину, входившего к нам в дом. Забежал в нижний этаж, залез за русскую печь и пролежал там до обеда, пока Анна не разыскала меня. Оказалось, в то время, когда я целился выстрелить, мать ходила в казёнку за продуктами к завтраку. И только она закрыла за собой дверь в дом, как произошёл выстрел. Задержись она на полминуты, и я убил бы её. И всю жизнь бы тогда терзал себя за убийство матери.

На озере Шешуковском стала задыхаться белая рыба. А узнали об этом случайно. Иван ехал по озеру на лошади и провалился под лёд прямо с лошадьё, кое-как выбрался и видит: лёд очень тонкий потому, что его подсосала рыба. Весной, когда вода Ишима поднимается высоко и заливают луга, старицы и озёра, рыба туда заходит в большом количестве и остаётся там, когда вода сбывает. А под весну вода застаивается, и рыба начинает задыхаться.

Приехав домой, сказал отцу и Григорию, и мы на второй день рано утром поехали на озеро. Надолбили ледянок и прямо сачками стали ловить рыбу: щук, окуней, линей и чебаков. За один день наловили полную плетеньюху. Одну щуку на 16 кг Григорий зарубил топором. Когда её дома распотрошили, то в ней оказалась ещё одна на 3 кг, а в той ещё был чебак. На второй день об этом узнали люди всей деревни, понаехали на озеро, надолбили много прорубей, рыба отдохнула и ловиться не стала.

Каждую субботу мы с отцом ездили на базар торговать мылом или мёдом. Отец был большой любитель заниматься торговлей. Хотя и плохо брали наш товар, но всё равно мы регулярно ездили на базар.

Как-то жали мы пшеницу у озера Бездонного, пшеница уродилась на славу. С одной десятины мы намолотили 250 пудов. Была у нас подёнщина – человек десять. Жали мы с двоюродной сестрёнкой Мотькой рядом наперегонки – кто нажнёт больше снопов. И я в спешке так порезал руку, что пришлось идти домой и ехать в больницу. Дали мне мази и через неделю моя рука зажила, но шрам остался на всю жизнь.

Было мне ещё лет семь, не больше, мамонька у нас часто болела и ездила в больницу в Викулову, и я часто с ней ездил. И вот один раз она уехала рано утром. Я ещё спал, ей не хотелось меня будить, и она уехала одна. А когда я проснулся и спросил, где мамонька, мне ответили, что она уехала в

Переправа через реку Ишим весной у с. Викулово. 1960-е гг. Фотография. Викуловский краеведческий музей.

больницу. Я, ни говоря ни слова, оделся в шубёнку, в валенки, надел шапку, рукавицы, вышел на улицу и пешим строем отправился в Викулово. Прошёл километра два, едет мне навстречу наш деревенский мужик Иван Семёнович, остановил коня и спрашивает меня: «Куда это ты отправился?». Я объяснил ему, что пошёл в Викулово к мамоньке, она в больницу уехала. Он взял меня, посадил в коробуху и привёз домой: «Забирайте беглеца!». Так с тех пор меня ребяташки и прозвали беженцем.

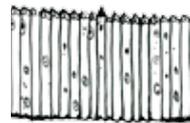
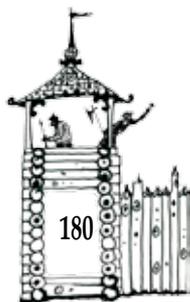
Один раз мать с отцом собрались ехать в Долгушино, в гости к сыну Григорию. Мне тоже с ними захотелось поехать, но кошёвка была маленькая, только для двоих. Отец говорит: «Ты, Коля не поедешь, тесно втроём в кошеве». Ну, где же я от мамоньки отстану. Я сел в кошёвку и не вылажу. Он взял и высадил меня, но я снова сел. Тогда он взял меня в беремья, унёс в дом и пихнул за стол на лавку. Только он вышел из избы, я снова на улицу – и в кошеву. Так и пришлось ему остаться дома, а мы с матерью поехали в гости.

После меня у матери родились двойняшки. Два мальчика. Когда их окрестили, то назвали одного Ефимушка, а другого – Никитушка. И вот мы с сестрой Анной разделили их меж собой. Она должна была водиться с Ефимушкой, а я – с Никитушкой. Летом было жарко, и малыши лежали на потнике на полу. Я что-то осердился на Анну и чтобы отомстить ей, одной ногой, легонько, конечно, наступил на головку её воспитаннику Ефимушке: вот, мол, знай, как меня обижать.

С давних пор в Волынкиной на Ишиме были мельницы. Река была перегородена земляной плотиной. С левой стороны плотины – две мельницы, а с правой – одна. Держали эти мельницы на паях несколько человек. С правой стороны плотины, где стояла наша мельница на четыре пайщика, каждую весну плотину размывало большой водой. Летом её ремонтировали, заваливали чашой и дёрном. Мужики из ближних деревень помогали ремонтировать, а зимой за это мололи зерно бесплатно.

Ниже плотины был глубокий омут, где водилось много всякой рыбы: налимы, щуки, язи и другие. Рыбу ловили фитилями, сетями, неводами и перемётами, а также удочками. Ставили мы с Иваном перемёт – это остро отточенные крючки, навязанные на поводок, у самого крючка пробка – когда налим хватает пробку, крючок цепляется за налима. Большинство срывалось, оставляя на крючке только шкуру. И вот Иван прорубил лёд в нескольких местах и стали мы с ним ставить самоловы. Он из деревянного корытца удочки спускает в прорубь, а я должен был тянуть шнур из другой проруби. Но так как шнур мокрый и мне не хотелось мочить варежки, я взял шнур в руки и потихоньку попятился назад. Вмиг очутился в проруби, выпустил из рук поводок, разбросив руки в стороны, и закричал благим матом. Иван подбежал ко мне и вытащил меня. Отправил на мельницу, где дежурил дедушка Григорий. Я там согрелся и просушил одежду.

Каждую весну к нам с Тобольска приходил пароход, притаскивал одну, а то и две гружёных баржи с солью. Их у нас разгружали в мангазеи – так назывались склады, а от нас увозили зерно или муку. Дальше пароход пройти не мог из-за плотины. Было у нас таких четыре мангазеи: Ротчева, Кармацких и Плотниковых. Около мангазей – караульное помещение, где находились сторожа. Отец тоже одно время был сторожем этих складов, и они в ночное время поочерёдно с Иваном ходили сторожить. С каким нетерпением мы ждали прихода этих пароходов! Вся деревня приходила встречать. Бывало, только издали увидим дымок, сразу бежим на пристань.

Вечерами, а в праздники и днями, парни и девушки на берегу реки водили хороводы. Играли кругом, в мячик и другие игры. Летом, в тёплые дни, малыши и даже взрослые купались в реке, переплывая реку туда и обратно на соревнование – кто быстрее. Один раз купались около парохода, и одного мальчишку лет десяти потянуло течением под пароход. Матрос увидел, прямо в одежде прыгнул в воду и спас утопающего.

В одно лето ремонтировали плотину, возили дёрн и чащу заваливать промоину и не заметили, как снизу вновь стало промывать землю. Перевертывали воз с дерном, земля обрушилась, и лошадь с телегой и трое мужиков вместе с дёрном ушли под воду. Одному удалось спастись, а двое утонули. И только через пять дней всплыли около пристани. Их трупы сильно были раздутые и смердели.

Весной 1926 года старший брат Григорий переехал жить в Волынкину, и наши поездки в Долгушину прекратились. Был там пожар, сгорело полдеревни, как ни старались тушить, нечего сделать не могли.

Юношество

В селе Викулово проводилась Покровская ярмарка. После ярмарки люди разъезжались по своим деревням и начиналась гулянка. Было так и у нас. После ярмарки к нам заехали сестра Марфа с мужем Иваном погулять. Зять Иван был хорошим человеком – и как работник, и как человек. Но один был у него недостаток – слабость к женскому полу, любил поволочиться за чужой женой или вдовушкой. Первые годы с Марфой они жили хорошо, имели четырёх детей, две дочери и два сына: Анастасия и Таисья, Александр и Георгий. Самой старшей было семь лет, а младшему один годик.

Погостив у нас до пяти часов вечера, Марфа уехала домой к детям и управлять с хозяйством, а Иван остался ещё погостить. От нас пошли к брату Григорию. Там тоже хорошо выпили, закусили и пошли обратно к нам. Я как всегда был с гармошкой. На обратном пути повстречали компанию молодёжи, сидевшую около дома Марфы Михайловны. Эта женщина была незамужняя, но большая любительница до чужих мужей. Поэтому и потянуло нашего Ванюшу к ней на огонёк, да и сам он был любитель приключений. Перебросившись с сидевшей на лавочке у дома молодёжкой несколькими словами, он решил зайти в дом хозяйки, потянул за собой и меня.

Хозяйка любезно приняла гостя, пригласила присесть, я даже что-то играл на гармошке. Но так как Иван был изрядно выпивши, он посидел полчаса, от избного тепла его разморило ещё больше и потянуло в сон. Он вышел на двор, свалился на крыльце и заснул, загородив своим телом входную дверь в избу. Хозяйке не понравилось такое поведение гостя, она вышла и стала гнать его с крыльца. Но до его слуха, видно, не доходили её слова. Она стала пинать его ногами. Тут он, видно, почувствовал боль, вскочил на ноги и ударил её по лицу кулаком, да так, что у неё потекла кровь из носа. Ударив, он повернулся и пошёл прочь. Но хозяйка не хотела оставаться в долгу. Она взяла в руки заплотину метра полтора длиной и сантиметров десять толщиной и ударила его сзади по голове. Он упал. Тогда она взяла другую палку с метр длиной, которой приставляла ворота, и стала наносить ему удары по голове один за другим. Я стал её уговаривать, потом держать, чтобы она не била его. Но ничто не могло её остановить. А тут ещё как назло стояла рядом её квартирантка Нюрка Трофимова и подзадоривала её: «Бей его, Марфа, так его!». А она, войдя в азарт, била и била, пока досыта не натешилась. Была она женщина сильная и здоровая, любого слабого мужчину могла побить.

Когда она натешилась и отошла, я схватил Ивана в охапку, оттащил метров на десять от дома и побежал домой, чтобы взять подводку и увезти его домой. Прибежав домой, при свете лампы я увидел, что руки мои были в крови. Тут только я понял, что произошло. Сообщив матери, что Марфа Михайловна избила Ивана Ефимовича, я побежал во двор, за две минуты

*Половодье.
Село Викулово.
1950-е гг.
Фотография. Викуловский краеведческий музей.*

запряг Карька и погнал галопом. По пути встретил отца и Григория, которые шли к нам, коротко сообщил им о произошедшем. Они прыгнули в телегу и все трое мы погнали коня. Подъехав к дому, мы увидели, что те же молодые люди были около дома. Но Марфа и её сестра закрылись в избе на крючок. На требование Григория выйти для объяснения она была вынуждена открыть дверь и выйти на крыльцо. Григорий с отцом спросили, что тут произошло. Она стала оправдываться и сваливать всю вину на Ивана. Я же взял ту заплотину, которой она его ударила первый раз, и говорю: «Вот так она его ударила!», поднял заплотину и отпустил ей на голову. Она как сноп свалилась на землю. Тут её сестра и квартирантка быстренько затасили Марфу в избу и закрылись на крючок. Тем самым спасли и их от расправы и нас от беды.

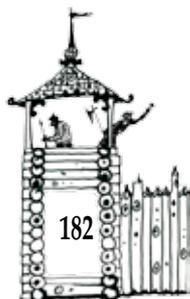
Взяв до полусмерти избитого Ивана, положили на телегу и отвезли домой. Когда внесли его в дом и рассмотрели при свете лампы, то оказалось, что в нескольких местах у него пробита голова, выбиты зубы, на две части рассечено ухо. Мы с отцом, уложив его на подушки на телеге, повезли в больницу. По дороге он сильно стонал. Прожив пять суток, он скончался. Марфа осталась с четырьмя малолетними детьми. Много пришлось ей пережить, воспитывая четырёх малолетних детей и слепого свёкра. И по миру ходили, и голодали. А потом все вчетвером работали в колхозе.

Старший сын Александр погиб на войне в 1945 году на Дальнем Востоке от пуль японских самураев. Второй сын Георгий уехал в г. Таштагол и там работает шофёром. Там же – Марфа и дочь Таисья тоже. А самая старшая – Анастасия – с мужем и двумя детьми живёт на Кубани.

Вот так и юность ко мне подошла незаметно. Всё был мальчишкой, росту маленького, меньше всех ребят в деревне. А на пятнадцатом году так вытянулся, что за один год стал выше ростом всех дружков. Стал покуривать папироски, выпивать в компаниях пиво и водку и ухаживать за девушками. В них недостатка не было, за мной как музыкантом особенно девчонки гонялись.

Помнится такой случай. Напротив нас жил Ефим Полуянов, у него была дочь Настя. Маленькими мы не дружили, часто даже дразнили друг друга. Таська была небольшого роста, блондинка, лицо немного корявое, испорченное оспой, но на личико недурна. Хотя гулять мы с ней не гуляли, но иногда заглядывались друг на друга. Уж больно её матери хотелось нас, видимо, поженить. Потому она старалась, чтобы мы бывали вместе. Однажды мать Таськи устроила вечеринку у своей сестры и пригласила меня с гармошкой на эту вечеринку.

В самый разгар вечера в квартиру зашли двое пьяных – мой двоюродный брат Пётр и Филипп Дрёмов. Стали скандалить и придираться к хозяину. Я страшно не любил разного рода скандалов, да ещё среди пьяных. Незаметно взял гармонь и вышел на улицу, а потом и домой. Только пришёл, как на улице закричали: «На пожар!». Я выскочил на улицу и тоже побежал вместе с людьми. Оказывается, там, где мы гуляли, из их ограды кто-то выстрелил, и от пыжа у соседа Сидора загорелась изба. Пожар быстро ликвидировали, и я снова пошёл домой. Только разделся и лёг в постель, как в окно застучали, я узнал голос двоюродного брата Николая. Он звал на помощь: «Убили Петьку!».

Как после выяснилось, уже после моего ухода с вечеринки хозяин квартиры стал просить непрошенных гостей, чтобы они вышли. Им же, видно, только этого и нужно было, чтобы затеять скандал. Они вытащили хозяина во двор и стали избивать. Неизвестно откуда взялась с ножом в руках жена Петра и стала хозяину дома наносить ножевые удары. Так и не установили, кто ударил Петра курком от телеги по голове и проломил череп. Он сразу же скончался. А хозяина квартиры, истекающего кровью, нашли за огородами у реки Исток и увезли в больницу. Он сам объяснить не мог как там оказался.

Смерть матери

Июньский день 1930 года был особенно тёплым, когда отец и мать поехали на Карьке в село [Большое] Сорокино в 70 км от Волынкиной, чтобы матери там в больнице сделали операцию. В то время в Викуловой ещё не оперировали. А в Сорокино был такой «коновал». Сейчас вот больного будут неделю, а то и больше готовить к операции. А тогда – отец привёз её вечером, а утром ей уже сделали операцию. Вырезали кисту, которую она лет десять носила в себе. Сердце было слабое, она не выдержала и умерла. Много лет она ходила с большим животом, без клизмы не могла сходить «на двор» по-большому. А тут ещё привязалась какая-то чесотка. Весь 1929 год она пролежала в постели вся в сплошной коросте. И только весной ей стало лучше. Измученная болезнями и разными переживаниями, она совершенно подорвала свой организм. Десять лет не могла решиться на операцию, а тут после такой болезни решилась. Видимо, судьба её была – умереть от ножа хирурга. Могли бы лет пять-шесть ранее съездить в город Ишим, Омск или, чего лучше, в Красноярск, где жил Иван, так нет, тянули до самого послета. А врачи в то время в городах были уже хорошие.

На третий день рано утром, ещё до рассвета, в дверь к нам постучали. Это была мать учительницы Елены Петровны. Она принесла нам печальное известие: моя дочь умерла, а вашу мать зарезали на операции. В больнице лежала вторая её дочь, сестра Елены Петровны, а отчего умерла, я уж не помню.

Летом я спал в амбаре. Когда меня разбудила Анна и сообщила о смерти матери, я просто ошеломился. Когда взошло солнце и осушило росу, к нашему дому подъехала та же подвода, только с остывшим телом матери. Всю ночь отец вёз домой умершую свою любимую жену. Вдвоём с отцом мы внесли покойницу в дом. Пришли старушки соседки, обмыли тело, одели и положили на лавку под образа, а на третий день мы её похоронили. Провожали в последний путь все родные и знакомые.

Долго мы не могли забыть своей родимой маменьки, так мы её всегда называли. Да она и заслуживала того, что бы её так называли. Она была доброй не только для нас, но и для всех людей.

Вскоре после смерти матери мы уехали в Красноярск, к брату Ивану. Вначале уехали отец с Анной, оставив меня дома, а после и я укатил, сдав цыганам дом в аренду под честное слово. До отъезда я занимался мыловарением, копил деньги себе на дорогу. А в ноябре всё движимое имущество перевёз к Григорию, и он отвёз меня и куму Нюрку Полуянову, подругу Анны, до ст. Маслянской, где мы сели в поезд и отправились к месту назначения в город Красноярск.

Цыгане, прожив в доме зиму, весной бросили дом и уехали табаром странствовать по району. Дом и остальные постройки, оставшиеся беспризорными, были разграблены до основания. Через некоторое время от моей родной усадьбы осталось пустое место...

*Рукопись Н.Я.Молодых
«Автобиографические заметки из жизни простой русской семьи
за период с 1918 по 1980 год» предоставлена для публикации
В.Д.Ермиковым (Новосибирск) и Р.Ю.Фёдоровым (Тюмень).*

Линки прошлого и настоящего

Т. А. Краймор

Православное духовенство и восстание 1921 года

Вопрос о мере участия православных священноцерковнослужителей в Западно-Сибирском крестьянском восстании 1921 года до сих пор остаётся открытым. Большинство историков вообще обходит эту тему. «Общим местом» остальных исследований является мнение о безусловной поддержке ими повстанцев.

Так, К.Я.Лагунов пишет: «Огромную помощь штабу [повстанцев в Тобольске] оказывало духовенство и церковь. Священнослужители пропитывали контрреволюционной идеей каждое богослужение, будь то молебен или панихида»¹. Подобной точки зрения придерживается И.В.Курьшев: «Вполне понятно, что проявлявшаяся по отношению к священнослужителям ненависть была связана с тем, что большая их часть поддержала повстанцев, участвовала в проведении торжественных молебнов в поддержку восставшего крестьянства по случаю освобождения от коммунистов, крестных ходов и т.п.»².

Однако когда встаёт вопрос об эмпирическом подтверждении (или опровержении) данного тезиса, то оказывается, что фактическая сторона вопроса крайне скудна. Данная статья – попытка собрать воедино разрозненные по мемуарным рукописям, музейным и архивным материалам, газетным публикациям факты, касающиеся реального участия православного духовенства в кровавых событиях 1921 года.

1.

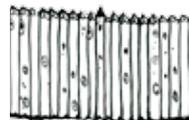
Первая задача исследователя – снять с выявленных фактов неизбежный налёт политической ангажированности и, в связи с этим, проверить их правдивость. Последнее наиболее затруднительно ввиду фрагментарности сохранившихся архивов «смутного времени» гражданского противостояния.

Например, нет такой документации по «духовному ведомству» (не велась или не сохранилась), которая позволила бы проверить факты массовой гибели священников, о которых сообщала повстанческая тобольская газета «Голос Народной армии» 20 марта 1921 года: «Согласно корреспонденции «Бесчинства коммунистов», основанной на данных крестьянской разведки, неподалёку от города Ишима коммунисты собрали по окрестностям 22 священника, которые были тут же расстреляны. Так, после издевательств коммунистами был расстрелян священник села Усть-Ламенского отец Иван Снигирёв. «Где собака-поп? Куда девался?» – спрашивали по падью в поисках малоскарединского священника А.Д.Садовникова. «Мальшевского священника отца Виктора Соколова, – добавлял автор, назвав-

¹ Лагунов К.Я. Двадцать первый. Хроника Сибирского мятежа // Урал. – 1989. – № 6. – С. 156.

² Курьшев И.В. Восстание 1921 года на страницах повстанческой газеты «Голос Народной армии» // Коркина слобода. Вып. 10. – Ишим, 2008. – С. 171.

³ Там же.

⁴ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. – Тобольск: Епархиальное братство св. влч. Димитрия, 1913. – Ч. 4. – С. 50.

⁵ ГА в г. Ишиме, ф. 82, оп. 1, д. 9, л. 7.

⁶ ГА в г. Ишиме, ф. 2, оп. 1, д. 114, лл. 25об, 26об, 33.

⁷ ГА в г. Ишиме, ф. 135, оп. 2, д. 3, лл. 23, 51.

⁸ См. массив дел: ГА в г. Ишиме, ф. 3, оп. 6.

⁹ Курьшев И.В. Преступность и бандитизм в Ишимском уезде в начале 1920-х гг. // Коркина слобода. Вып. 10. – Ишим, 2008. – С. 23.

¹⁰ Попов А.А. «Этого невозможно забыть...». Машинопись. – Ленинград, 1978. – С. 20-21.

¹¹ Лагунов К.Я. Двадцать первый. – С. 151.

¹² Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы. В 2-х тт. Сост. В.И.Шишкин. – Т. 2. – М.: Фонд «Демократия», 2001. – С. 187.

¹³ Лагунов К.Я. Двадцать первый. – С. 148-149.

ший себя Ишимцем, – раздевали и уводили на расстрел с матушкой, но за них заступился телефонист, и их отпустили до другого раза, но сняли со священника наперсный крест, а с матушки золотое кольцо. И так коммунисты не признают ничего святого, никаких законов, топча ногами всё возвышенное, они действуют хуже разбойников и зверей»³.

Из всех вышеупомянутых священников в справочных изданиях Тобольской и Омской епархий 1913-1914 гг. можно найти сведения только об одном. Это Иван Снигирёв, священник на диаконской вакансии при Устьламенской церкви Ишимского уезда с 1913 года⁴. В «Книге регистрации религиозных общин», материалы которой составлены сотрудниками милиции и административного отдела при окружном исполнительном комитете в 1922-1925 гг., в приходах сёл Усть-Ламенское, Малышенское, Мало-Скарединское мы видим другие фамилии священников, нежели в вышеприведённой заметке. Они могли действительно погибнуть, но могли и выехать за пределы округа. Гибель 22 священников наверняка не осталась бы вне церковной памяти – хотя бы в устных преданиях. Возможно, они были арестованы как заложники, но не расстреляны. Возможно, эта цифра просто преувеличена – пропагандистским гротеском не брезговала ни одна из противоборствующих сторон.

«Широту» участия духовенства в повстанческом движении архивные документы также не подтверждают. Донесения карательных отрядов пестрят именами «бандитов», но, хотя в ежедневных сводках уездного отдела управления была выделена особая графа «Духовенство и повстанцы», упоминания священников в подобных документах единичны, а описания их действий лишены конкретики. В начале января 1921 года сотрудники Тюменской губчека Козлов и Петров докладывали из Пегановской волости Ишимского уезда: «В Окунёвом селе старообрядческий поп участвовал в подготовке восстания»⁵ (оно там произошло, кстати, ещё 31 декабря 1920 года). А вот сводки за один месяц восстания (по Ишимскому уезду). 19 марта: «Кротовская волость. Духовенство выбыло с бандитами. В Преображенском селе арестован участник восстания священник Иваницкий»; 21 марта: «Викуловская волость. Ревком[ом] духовенство арестовано»; 26 марта: «Каргалинская волость. Замечен в агитации священник Ермаковской церкви, проводится дознание»⁶. Кстати, упомянутый здесь о. Георгий Иваницкий в середине двадцатых годов вновь служил в селе Скаредное Голышмановского района, а в селе Кротово – тот же о. Герасим Овчинников, что и в 1921 году⁷. О нём и о селе Кротово, кстати, ещё пойдёт речь далее.

Важный источник о священноцерковнослужителях первого десятилетия советской власти – списки лиц, лишённых избирательных прав. В них попадали как представители духовного сословия, так и крестьяне – участники восстания. Однако ни в одном списке против имени священника не стоит ремарка типа «мятежник»⁸.

Зафиксированы – преимущественно в мемуарных рукописях, составивших спустя полвека после событий 1921 года и потому принимаемых в научный оборот как источник с известными оговорками – лишь единичные случаи прямого участия священства в повстанческом движении. Так, в селе Дубыньское Ишимского уезда (ныне Казанский район Тюменской области) была совершена расправа на 144 членами коммуны «Заря», и в воспоминаниях жителя данного села Н.Я.Швецова (хранятся в Дубыньском краеведческом музее) рассказывается, что после сбора коммунаров на главной площади «отец Клавдий, священник дубыньской церкви, крикнул: «Распять антихристов!»»⁹. А в селе Суерка Ялуторовского уезда (ныне Упоровский район Тюменской области), по воспоминаниям А.А.Попова, сына председателя ревкома (1978 г., хранятся в Упоровском краеведческом музее) священник Андрей Астрахов стал одним из командиров повстанческого отряда, который базировался в деревне Липиха.

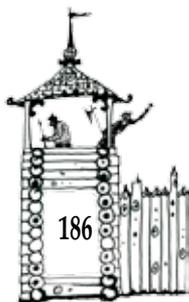
Согласно данному источнику, этот отряд долго скрывался в сосновом бору, пока в понедельник 21 июня (кстати, понедельник после Троицы – Духов день) не решился взять реванш, напав на Суерку в тот момент, когда отряд ревкома был выведен из села обманым манёвром. Вот выборка ярких картин с участием этого священника:

Село Суерка. Кладбищенская Серафимовская церковь. Братская могила погибших в 1921 году (находится напротив того места, где до сер. XX в. стояла церковь Смоленской иконы Божией Матери). Октябрь 2015 г. Фотографии автора.

¹⁴ Курьшев И.В. Преступность и бандитизм в Ишимском уезде в начале 1920-х гг. – С. 23.

«Без единого выстрела, вооружённые до зубов главари бандитов со своими отрядами мятежников, впереди – священник Андрей с распущенными по ветру волосами на сивояблочном коне, в левой руке крест с нагайкой, в правой руке обнажённый острый меч, под чёрной рясой за поясом заткнуты пистолеты и гранаты, – ровно в 12 часов дня с трёх сторон с криками «ура» ворвались в Суерское». До поздней ночи повстанцы хозяйничали в селе, помимо прочего устроили публичную казнь председателя ревкома А.И.Попова. «...Стали избивать кто чем попало, а поп Андрей, размахивая нагайкой и крестом, приговаривал: «Тебе, коммунисту, анафема, всему твоему ревкому проклятие»... «Казнить его самыми лютыми, медленными пытками, как в аду мучают великих грешников»... Когда Попову меняли на шее петлю, с криком подбежал поп Андрей, в левой руке крест: «Целуй перед смертью крест!». Попов правой рукой отвёл в сторону руку попа с крестом. Поп Андрей вскипел и резко нагайкой ударил Александра Ивановича по левому плечу...»¹⁰. Рано утром 23 июня повстанцы покинули село, и их дальнейшая судьба автору осталась неизвестна.

Образ «всадника Апокалипсиса» в сцене «Попов и поп» нарисован яркий, но возникает вопрос: какой же рукой он держался за поводья, если в одной были крест и нагайка, а в другой – меч или сабля? Если же всё описанное – правда, то картина вырисовывается ужасающая. Устроить кровавую расправу в Духов день – второй после Страстной субботы «день покоя» по православному преданию, когда даже крестьяне не вели никакие работы на огороде, дабы «природа отдохнула» – чудовищное святотатство. Однако материала для перекрёстной проверки у нас нет, приходится верить мемуаристу на слово. Можно, конечно, допустить подобные факты отступничества духовенства от дававшейся при поставлении в сан обязательства «быти трезвену, целомудру, благоговейну..., не пьянице, не бийце..., образ быти верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою...» (из текста ставленнической грамоты), но даже в мемуарной литературе о подобных фактах поведения духовенства говорится ничтожно мало.

К.Я.Лагунов, основываясь в основном также на устном материале, собранном им в середине 1960-х годов, пишет о том, что будущий начальник гарнизона захваченного повстанцами Тобольска В.М.Желтовский ещё до начала восстания поддерживал «постоянную связь с ишимским вожаком мятежа попом Садовниковым»¹¹. Эту фамилию мы уже встречали – вероятно, этот тот самый малоскарединский священник А.Д.Садовников, о котором сообщала публикация в «Голосе Народной армии» 20 марта. Но ни в одной боевой сводке имя этого «вожака мятежа» не встречается.

2.

Таким образом, судить о прямом участии священства в кровавых боях мы не можем за скудостью источниковой базы. Другое дело, что «народное благочестие» их паствы во время восстания приобретало весьма далёкие от христианской морали формы, и свидетельствующие об этом факты куда более многочисленны и не вызывают сомнения. Далёкое от тонкостей богословской диалектики мировоззрение простых крестьян, поставленных перед угрозой голодной смерти, однозначно отождествляло коммуниста-безбожника с дьяволом, то есть недюдью и нечистью, которая, естественно, не заслуживала никакой жалости и снисхождения. Подобное отношение к «беззаконникам», которые «идут вслед скверных похотей плоти, прези-

Село Дубынка.
Космодами-
новская церковь
(утрачены
алтарь, купол
и колокольня).
Памятник на
месте сожжённой
коммуны и за-
хоронение ком-
мунаров. Ноябрь
2013 г. Фотогра-
фии автора.

¹⁵ Попов А.А. «Этого невозможно забыть...». – С. 30.

¹⁶ Курышев И.В. Крестьянское восстание 1921 года в Ишимском уезде: облик и поведение участников // Коркина слобода. Вып. 3. – Ишим, 2001. – С. 27.

рают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших» можно увидеть и в послании апостола Петра: «Они, как бессловесные животные, водимые природою, рождённые на уловление и истребление, злословя то, чего не понимают, в растлении своём истребятся». Но апостол «возмездие за беззаконие» возлагает на Господа, который хранит их «ко дню суда, для наказания» (2 Пет., 2:9-12). Повстанцы же решили взять дело суда Божьего в свои руки.

Наиболее ярко эту ветхозаветную мировоззренческую позицию выражает воззвание повстанческого штаба Лапушинской волости Курганского уезда, датированное 15 февраля 1921 года: «...Они [коммунисты], не признававшие Бога, хотели и детей наших заставить забыть Его. Они – враги наши. Кто был в их партии? Одни воры, вечные лентяи и грабители и вообще самый негодный элемент. Кто был их вождь? Жид Троцкий, а все жида с Рождества Христова – враги православного люда. Что ждало нас при их власти? Нас ждала гибель. Товарищи! Мы начали великое и святое дело – дело освобождения нашей измученной и

исстрадавшейся родины от проклятого гнёта коммунизма. Так доведём его до конца, выловим кровожадных зверей – коммунистов...»¹².

Конечно, придерживающиеся такой позиции оказывались однозначно, безо всякой диалектики, антагонистами большевистской власти, и впоследствии по умолчанию ставились «красными судьями» на сторону виновных. Тем более что из всей сельской интеллигенции только представители духовенства, как правило, не подвергались расправе со стороны повстанцев. Действительно, среди лозунгов «крестьянской армии», вступившей в Тобольск 23 февраля 1921 года, был и такой: «За православную церковь и религию», а 8 марта, на одном из первых заседаний повстанческого крестьянско-городского совета, рассматривался вопрос о восстановлении «преподавания Закона Божия и вывешивания икон»¹³.

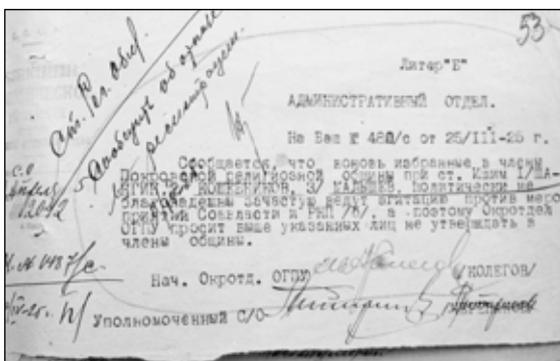
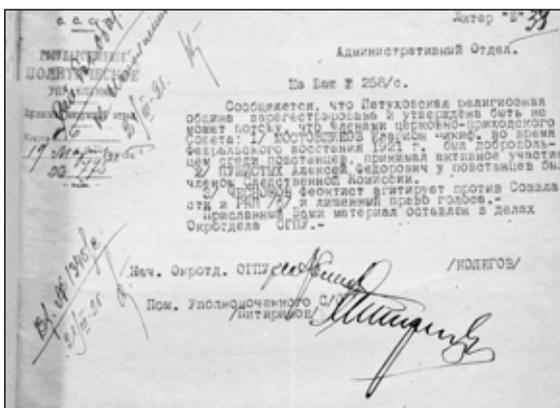
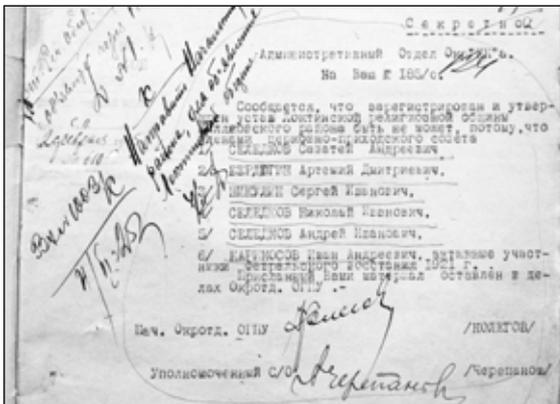
А вот как эти народные воззрения реализовывались на практике.

В том же селе Дубынское местный житель Устин Заповлев настолько болезненно воспринял уход из семьи дочери, которая без родительского благословения и без церковного венчания стала жить с коммунаром, что во время расправы на площади собственноручно зарубил её топором с криком: «Получай, христопродавка!»¹⁴.

В Суерке повстанцы после неудачной попытки казни жены А.И.Попова Софьи Александровны дали ей такой наказ: «Мы тебе на этот раз даруем жизнь, но ты обязана выполнить наши требования. Мужа и дочь похоронить только со священником, тогда мы поверим, что ты не коммунистка. Обещай, что дети не будут учиться и никогда не станут коммунистами. Если похоронишь без священника, то мы снова приедем и живём сожжём всех, а пепел по ветру бросим»¹⁵.

И.В.Курышев приводит факт из архивных документов: «члены РКП(б) Прытков и Смирнихин сообщали о том, что 11 арестованных доктинских коммунистов доставили в пегановский штаб Народной армии, раздели их донага, кололи пиками, загоняя в холодное помещение; затем выводили снова и повторяли удары. Продержав арестантов в холодном амбаре около трёх часов, с 12 на 13 февраля их нагими поместили на подводы и увезли в село Локти. При этом сопровождавшие коммунистов мятежники кричали: «Будете или нет Бога признавать?»¹⁶.

В деревне Останина Пегановской волости Ишимского уезда во время «бабьего бунта» 31 декабря 1920 года, когда жена одного из арестованных по-

Ответы из ОГПУ с отказом в регистрации религиозных общин. 1925 год.
ГА в г. Ишиме.

188

встанцами «просила Христом и Богом подать одежду своему мужу Чернову, то Андреян Бердюгин сказал, что подлецы коммунисты сейчас Бога узнали и так и не дал одежду передать»¹⁷.

Церковные здания во время восстания тоже часто использовались совсем не по назначению. В колокола били, извещая о начале боя: «Первое выступление кулацко-белогвардейского отряда было ночью 7 февраля 1921 года. Население села Суерского от страшного шума проснулось. Везде был шум, крики, на обоих церквях звонили набат...»¹⁸, «Во время атаки красных [на село Травное] страшенно били церковные колокола...»¹⁹. Также на колокольнях устраивались наблюдательные пункты или даже огневые точки с пулемётами; о повсеместности такой практики докладывал командир 85 бригады ВНУС Н.Н.Рахманов²⁰; в частности, пулемёт стоял на колокольне Михаилоархангельской церкви в том же селе Травное²¹ (Ново-Травное, ныне – Ишимский район Тюменской области). Аналогично поступали и карательные отряды; так, 13 февраля пулемёт «куманьков» (так повстанцы называли коммунистов) был установлен на колокольне Петровской церкви в селе Безруково²².

3.

Последствия восстания были опустошительны для сибирской деревни. Немалая часть работоспособного населения погибла. Двадцать первый принёс голод, засуху и болезни. Неудивительно, что даже в 1924 году местная газета сообщала, что «в селе Травное Ларихинского района местный поп с бывшим учителем Кумниковым проповедует среди крестьян о скорой кончине света»²³.

Восстание ещё «аукнулось» в жизни приходов через несколько лет, когда понадобилось проходить перерегистрацию в органах исполнительной власти. Вместе с заявлением подавались списки членов религиозной группы (от

20 человек) или общества (от 50 человек) и церковного совета. В него входили, конечно, самые уважаемые и активные жители села, которые в большинстве случаев «запятнали» себя перед органами участием в восстании. Потому более половины заявлений возвращалось назад после обязательного рассмотрения в органах ГПУ. Вот несколько примеров.

«Государственное политическое управление.

Ишимский окружный отдел.

2 февраля 1925 г. № 610.

Секретно. Административный отдел ОкрИКа.

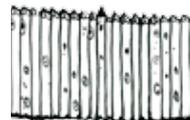
На Ваш № 185/с

Сообщается, что зарегистрирован и утверждён устав Доктинской религиозной общины Жиялковского района быть не может, потому что члены церковно-приходского совета

1/ Селедков Саватей Дмитриевич, 2/ Бердюгин Артемий Дмитриевич, 3/ Никулин Сергей Иванович, 4/ Селедков Николай Иванович, 5/ Селедков Андрей Иванович, 6/ Кариков Иван Андреевич, активные участники Февральского восстания 1921 г.

Присланный вами материал оставлен в делах Окротд[ела] ОГПУ.

Нач. Окротд. ОГПУ /Ив.Колегов/»²⁴.

¹⁷ ГА в г. Ишиме, ф. 82, оп. 1, д. 9, л. 7.

¹⁸ Попов А.А.
«Этого невозможно забыть...». – С. 2.

¹⁹ Проскурякова Н.Л.
Колочий январь двадцать первого // Коркина слобода. Вып. 8. – Ишим, 2006. – С. 37.

²⁰ Проскурякова Н.Л.
Колочий январь двадцать первого. – С. 36.

²¹ Богданов М.А.
Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. – Тюмень: Тюменское кн. изд-во, 1961. – С. 49.

²² Курьшев И.В.
Крестьянское восстание 1921 года в Ишимском уезде: облик и поведение участников. – С. 32.

²³ Серп и молот. – 1924. – 15 августа. – № 14. – С. 3.

²⁴ ГА в г. Ишиме, ф. 135, оп. 2, д. 12, л. 14.

²⁵ Там же, л. 17.

²⁶ Там же, л. 19.

²⁷ Там же, л. 7.

²⁸ Там же, л. 20.

²⁹ Там же, л. 34.

³⁰ Там же, л. 18.

³¹ Там же, л. 6.

Аналогично, от 11 февраля 1925 года:

«Сообщается, что Федотовская религиозная община Усть-Ламенского района зарегистрирована и утверждена быть не может, т.к. членами приходского совета [являются]:

1/ Козлов Семён Степанович, 2/ Пономарёв Степан Михайлович, 3/ Пинигин Егор Аввакумович, 4/ Шатайлов Афанасий Иванович, 5/ Герасимов Яков Харитонович, 6/ Клапотовский Пётр, 7/ Несмочный Степан, 8/ Ефимов Семён Захарович, активные участники крестьянского восстания 1921 г. и полит. неблагонадёжные»²⁵.

От той же даты:

«Сообщается, что Уктузская религиозная община Бердюжского района зарегистрирована и утверждена быть не может, потому, что члены приходского совета: Волосатов Андрей Пр. и Москвин Матвей Трофимович лишены права голоса за активное участие во время Февральского восстания 1921 г.»²⁶.

Ответы старообрядческим общинам показывают, что их члены были не менее (а может, и более) активными участниками восстания, чем православные-«никониане».

От 11 декабря 1924 года:

«Окротдел ОГПУ сообщает, что утверждение устава Теплодубровской старообрядческой религиозной общины Петуховского района быть не может потому, что членами приходского совета:

1/ Бабыкин Аким Семёнович, 2/ Богданов Павел Андреевич, 3/ Захаров Павел Константинович были активные участники Февральского восстания 1921 года»²⁷.

От 11 февраля 1925 года:

«Сообщается, что Старо-Рямовская старообрядческая религиозная община Бердюжского района зарегистрирована и утверждена быть не может потому, что членами приходского совета:

1/ Богданов Федосей Федосеевич, 2/ Сугутов Иван Осипович, 3/ Журавлёв Сергей Осипович, активные участники во время Февральского восстания 1921 года против Соввласти»²⁸.

От 19 марта 1925 года:

«Сообщается, что зарегистрирована и утверждена Гусиновская старообрядческая религиозная община быть не может потому, что членами приходского совета:

1/ Долгушин Иван Иларионович, активный участник Февральского восстания 1921 г. и в настоящее время находится под судом, обвиняется по 73 ст. Уг.Кодекса.

2/ Тюменов Фил. участник восстания 1921 г., был Нач-к бандитского штаба.

3/ Журавлёв Иван Иванович, участник февральского восстания.

4/ Ведерников Авериян принимал активное участие в восстании был у бандитов в штабе.

5/ Журавлёв Феоктист тоже»²⁹.

И так далее. Из отложившихся в рассмотренном нами архивном деле заявлений 20 общин после первичного рассмотрения получили отказ (из них 3 старообрядческих), и 17 (из них 2 старообрядческих – Балаганская Викуловского района и Окунёвская Бердюжского района) были зарегистрированы с первого раза, – примечательно, что среди них значится и Ново-Травнинская община³⁰, а ведь это село было одним из активнейших центров сопротивления. Получившие отказ общины подавали новые списки, исключив из них скомпрометированных перед советской властью членов, и тогда уже получали долгожданную (каждое заявление рассматривалось не менее месяца³¹) регистрацию.

4.

Сказалось ли восстание на количестве приходов и численности священноцерковнослужителей? Прямо ответить на этот вопрос сложно, привлечём косвенную статистику.

Согласно «Справочным книгам» Тобольской и Омской епархий³² (с 1895 года приходы Ишимского уезда были разделены между ними) по состоянию на 1913-1914 гг. на территории уезда действовало (с единоверческими,

³² Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. – Тобольск: Епархиальное братство св. вмч. Димитрия, 1913. – Ч. 2. – 227 с.; Справочная книга Омской епархии. Сост. свящ. Иоанн Голошубин. – Омск: Типография «Иртыш», 1914. – 1250 с.

³³ ГА в г. Ишиме, ф. 135, оп. 2, д. 11, л. 48, 49.

³⁴ ГА в г. Ишиме, ф. 135, оп. 2, д. 3, 154 л.

³⁵ ГА в г. Тобольске, ф. И-57, оп. 2, д. 56, л. 7.

³⁶ «В руку Твою жребий мой». Воспоминания членов семьи священника М.Г. Красноцветова. – СПб.: Арт Деко, 2004. – С. 49-50.

³⁷ «В руку Твою жребий мой». С. 9-10.

³⁸ ГА в г. Ишиме, ф. 31, оп. 1, д. 89, л. 46.

³⁹ ГА в г. Ишиме, ф. 31, оп. 1, д. 63, л. 60.

но без старообрядческих) 114 приходов; в среднем в каждом было по одному священнику и псаломщику. Через десять лет, согласно справке Ишимского окрисполкома от 3 сентября 1924 года, на территории Ишимского округа (по площади в основном она соответствовала прежнему уезду) насчитывалось 145 православных религиозных обществ, 13 – старообрядческих, 1 католическое и 1 баптистское; религиозных групп не зарегистрировано³³. Из этих 158 православных/единоверческих/старообрядческих общин 152 прихода имели своих священников, о чём свидетельствует «Книга регистрации религиозных общин» за 1922-1925 годы³⁴.

При сравнении этих значений следует, конечно, учитывать рост числа приходов, который произошёл в предреволюционные годы, но не был отражён в печатных изданиях. Работа с делами Синода в РГИА показывает, что число таких приходов – не менее двух десятков, но для указания точного количества требуется более скрупулёзный подсчёт. Тем не менее мы можем уверенно говорить о том, что заметного падения числа приходов после восстания 1921 года не последовало, а появившиеся (ввиду гибели или бегства части духовенства) вакансии незамедлительно восполнялись приехавшими из европейской России или новорукоположенными священниками. Но кадровая проблема, связанная с событиями Гражданской войны и восстания, существовала, и об этом свидетельствуют слова благочинного о. Гавриила Панаева, адресованные архиепископу Тобольскому и Сибирскому Николаю в октябре 1921 года: «В настоящее тяжёлое время, когда изнывающие от переживаемого люди всю надежду свою полагают в Боге, как страдают те приходы и прихожане, где нет сейчас пастыря! А таких приходов немало»³⁵.

Одна такая история, напрямую связанная с событиями 1921 года, но мало известная их исследователям, достойна более подробного изложения.

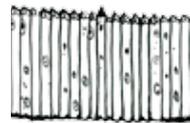
5.

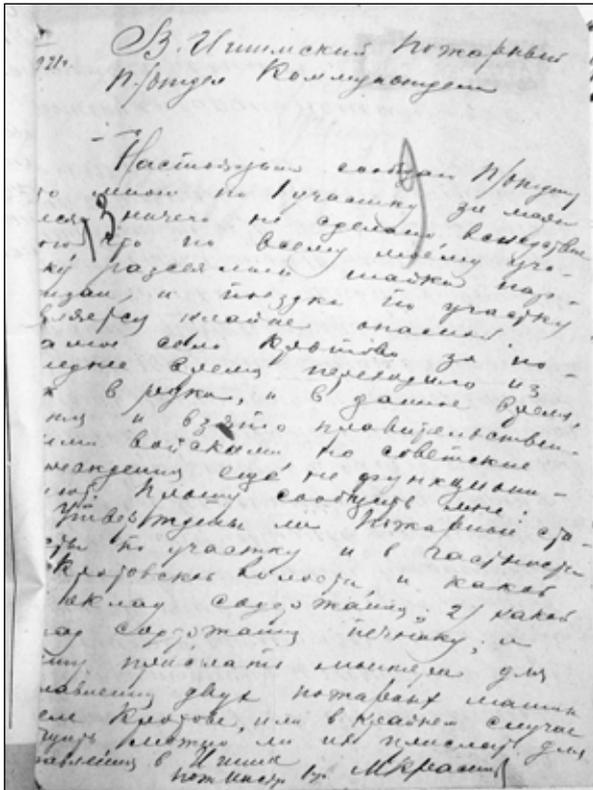
Михаил Григорьевич Красноцветов (1885-1937), представитель старинного священнического рода, после полутора лет обучения в Калужской духовной семинарии избрал в духе предреволюционных настроений интеллигенции внецерковное служение, получил юридическое образование и работал мировым судьёй во Владимирской области.

По воспоминаниям его сына Владимира – пятого ребёнка, появившегося на свет в 1919 году, – после его рождения родители приняли решение бежать от голода и всеобщей разрухи «как можно дальше от центра, в самую глушь, где, может быть, люди живут по-старому, в страхе Божию, ничего не зная о пришествии ада на землю». И М.Г.Красноцветов получил назначение за две тысячи вёрст – судьёй в знакомое нам село Кротово Ишимского уезда Тюменской губернии. «...Отцу удалось получить вагон теплушечного типа, куда были погружены домашние вещи, книги и пианино..., там же разместились семья»³⁶. По приезду их ожидала неустроенность. Жить пришлось на квартире, судебная «камера» – разгромлена, «все «дела» изорваны на сигарки солдатами проходивших по этой местности отрядов, принадлежавших то белым, то зелёным и ещё каким-то авантюристам. «Камеру» восстановить не было никакой возможности. Отец написал в Москву – никакого ответа, очевидно, окраины были предоставлены самим себе... Продовольствия нам никто не давал, и пришлось приобретать всё в обмен на свой скарб»³⁷, – вспоминала супруга М.Г.Красноцветова Мария Николаевна.

Выявленные недавно заместителем директора Ишимского госархива Л.Ю.Оленьковой дела по организации пожарного дела в Приишимье вносят, однако, коррективы в эти мемуары.

По всей видимости, Михаил Григорьевич вначале съездил «на разведку» в представлявшуюся им хлебной Сибирь. 31 (? – нрзб.) августа 1920 года заведующий общим подотделом Тюменском губсовета народного хозяйства А.Тубина сообщает заведующему Ишимским уездным пожарно-страховым отделом Ф.Ф.Суханову: «Командируемый к Вам новый страховой инструктор Ишимского уезда тов. Красноцветов Михаил Григорьевич едет пока в Ишим, чтобы осмотреться, выбрать на месте район будущей своей деятельности и постоянного местожительства, затем проедет во Владимирскую гу-

Рапорт М.Г. Красноцветова (автограф) в пожарный подотдел окрисполкома. Апрель 1921 г. ГА в г. Ишиме.

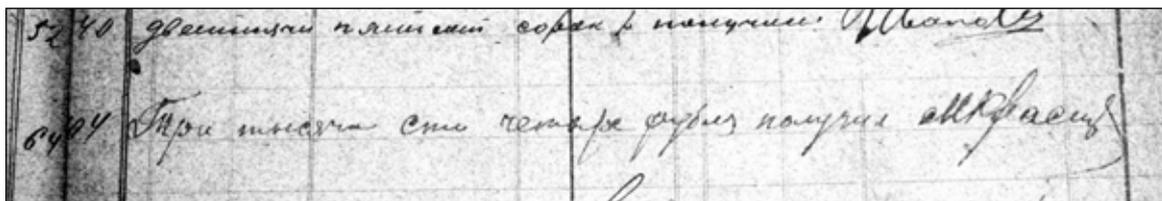
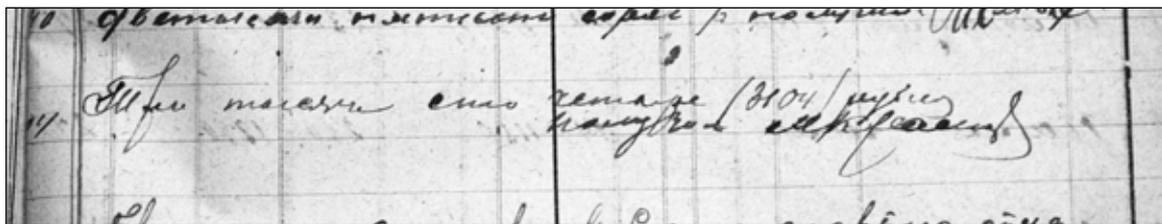
бернию за семьёй и, возвратившись обратно, приступит к работе. Просим Вас оказать ему помощь как в смысле приискания места поселения, так и посодействовать ему в получении пропуска для поездки в Россию за семьёй. Тов. Красноцветов изъявил желание работать в качестве страхового инструктора в уезде и получил уже от соответствующий мандат и некоторые инструкции. Дальнейшие, более подробные указания и разъяснения дадите Вы ему лично...»³⁸.

Первоначально Фёдор Фёдорович намеревался дать новому сотруднику 3-й пожарно-страховой участок на юге Ишимского уезда, включающий в себя 12 волостей (со 124 селениями), в том числе и пригородные. Село же Кротовское, куда по факту направили Красноцветова, находилось в 1 участке, состоявшем из 7 волостей с тем же количеством селений³⁹. Почему намерения изменились – можно только гадать.

Обратимся вновь к воспоминаниям М.Н.Красноцветовой: «Вдруг началось ужасное восстание: мужики не вынесли изъятия последних мешков хлеба и пошли воевать... Перебили в селе, где мы жили, всех учителей и служащих в сельсовете, арестовали и нашего отца... Вот когда была мо-

литва! Всю ночь мучилась, бросаясь от окна к иконам. Утром смотрю, идёт отец и [сын] Гриша с ним. Когда он убежал, я в скорби своей не заметила. А он прибежал в сельсовет с криком: «Папа мой не коммунист, пустите его!»; в это время туда пришёл наш сосед Сенченко, которому отец дал какой-то юридический совет, очень помогший в его деле, и сказал: «Ребята, он не коммунист, у него икон полон угол», и они отпустили его... После этого началось настоящее междоусобье. Приехали «усмирители», и кровь полилась рекой. Мы жили всё время под страхом смерти... Вваливается ватага солдат. Вид дикий. Какие-то инородцы, не то киргизы, не то татары. Уселись, пьют чай. Дверь в нашу комнату закрыть не смею и боюсь, что увидят мужа и озвереют. Отец сидел с [сыном] Володей на руках, остальные дети прижались к нему. В комнате стояло пианино, которое мы привезли в наивной надежде, что я буду давать кому-то уроки». Один из солдат принял музыкальный инструмент за военное оружие, и Марии Николаевне пришлось продемонстрировать его работу. «О, музыка! Никогда ещё не оказывала ты мне такой услуги, никогда ещё аудитория не была так довольна, как в тот раз. Настроение у солдат смягчилось, а главное, о муже они на этот раз забыли. Ушли наконец». Однако село Кротово шесть раз переходило из рук в руки. И однажды к Красноцветовым явился сам командир повстанческого отряда Пётр Шевченко, «мужик умный и хороший организатор. Он сумел собрать настоящее войско, посадил мужиков на коней, и его кавалерия победоносно изгоняла «усмирителей» из своих деревень. Вошёл к нам и прямо обращается к мужу: «А вы, товарищ, что же? Коли за нас, так пойдёте с нами!»... Вот когда взмолилась душа моя, всё существо моё в едином порыве возопило к Богу о помощи, и молитва была услышана... Я говорю: «Товарищ Шевченко, муж мой для вас совершенно бесполезный человек, он плохо видит, очки спадут с носа – и он как слепой, а потом, что же я буду делать одна с детьми, у нас ни дома, ни родных, ни знакомых, мы приехали, не зная, что тут делается, пожалейте детей!» – «А это всё ваши дети?»... Смотрю, он вычеркнул фамилию мужа из своего списка, встаёт и уходит. Как плакали тогда мы оба, с какой благодарной мольбой смотрели на святые иконы Милосердного Господа и Пресвятой Девы, защиты и прибежища всех беспомощных и беззащитных!»⁴⁰.

Автографы М.Г. Красноцветова в ведомостях на выдачу зарплат. 1921 г.

ГА в г. Ишиме.

⁴⁰ «В руку Твою жребий мой».

С. 10-12.

⁴¹ ГА в г. Ишиме, ф. 31, оп. 1, д. 74, л. 9.

⁴² ГА в г. Ишиме, ф. 31, оп. 1, д. 71, лл. 4об-5, 14об-15; д. 75, лл. 1об-2.

⁴³ «В руку Твою жребий мой».

С. 12-13.

⁴⁴ ГА в г. Тобольске, ф. И-57, оп. 2, д. 56, л. 4.

⁴⁵ Там же, л. 7.

⁴⁶ «В руку Твою жребий мой».

С. 15-16.

⁴⁷ ГА в г. Тобольске, ф. И-57, оп. 2, д. 56, лл. 1а, 2.

⁴⁸ «В руку Твою жребий мой». С. 185.

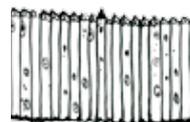
В апреле 1921 года пожарный инструктор 1-го участка М.Г.Красноцветов пишет рапорт в Ишимский пожарный подотдел уездного отдела коммунального хозяйства: «Настоящим сообщаю п/отделу, что мною по 1 участку за март месяц ничего не сделано вследствие того, что по всему моему участку разсеялись шайки партизан, и поездка по участку является крайне опасной. Самое село Кротово за последнее время переходило из рук в руки, и в данное время, хотя и взято правительственными войсками, но советские учреждения ещё не функционируют...»⁴¹.

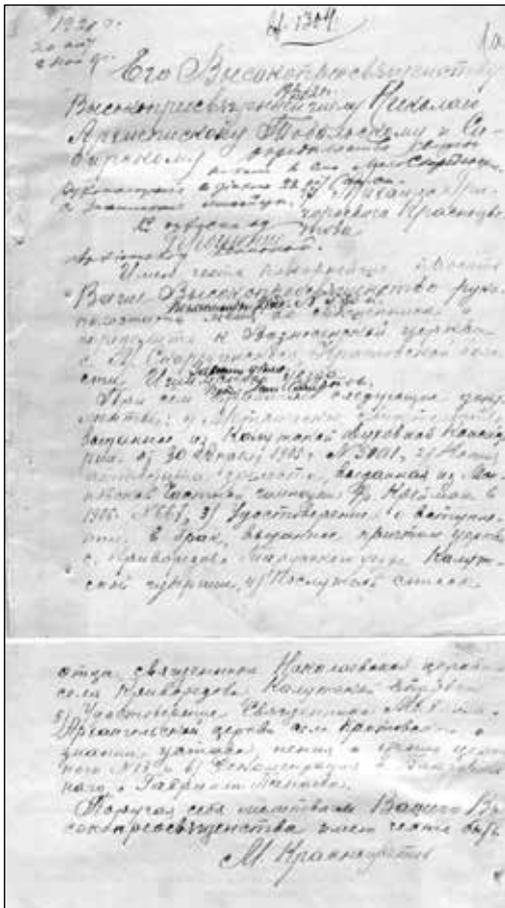
Имя М.Г.Красноцветова упоминается далее в сохранившихся ведомостях на выдачу зарплаты сотрудникам пожаротдела за май и июль 1921 года⁴².

Однако жалованья на содержание большой семьи не хватало. «Купили корову на средства, вырученные за очень хорошие стенные часы, которые понравились нашей соседке. Дети стали получать молоко, а на хлеб пришлось зарабатывать. К счастью, со мной была швейная машина, и я начала шить по заказам, кому что, вплоть до мужских брюк... – вспоминала Мария Николаевна. – По соседству с нами жила семья священника, как-то разговорились, и он посоветовал мужу ехать в Тобольск к архиерею и принять сан, тем более что он сын священника и учился в семинарии. Думали мы долго и решили спросить Господа, чтобы узнать Его волю святую. Написали записочки, положили в алтаре на престоле. Помолились, и вышло «быть священником». Как-то всё так складывалось, что другого ничего не оставалось. Ресурсы наши истощились окончательно... Можно подумать, что это было главной побудительной причиной нашего решения. Нет, не только это, но и глубокий внутренний переворот. Нам было ясно показано, как неосновательны надежды на свои силы, на положение в обществе»⁴³.

18 октября 1921 года уже знакомый нам настоятель кротовской Михаилоархангельской церкви о. Герасим Овчинников выдал своему прихожанину рекомендацию в том, что он «человек весьма религиозно-нравственный, любящий посещать храм Божий с живым участием в церковном чтении и пении, и последнее может исполнить вполне самостоятельно и уставно»⁴⁴. Благочинный о. Гавриил Панаев в своей рекомендации от 20 октября отметил, что отец Герасим «ещё в июле месяце сего года при личном свидании со мной горячо отзывался о подателе сего... тем более, что Михаил Григорьевич внук и сын священника, по крови сроден служителю церкви, что и доказал, несмотря на соблазны слева, оставшись верующим и глубоко верующим христианином, предпочитая терпеть лишения, лишь бы быть со Христом»⁴⁵.

По дороге в Тобольск М.Г.Красноцветову выпало новое испытание решимости в вере – его арестовал продотряд, однако мандат сотрудника и горячая молитва спасли его от расправы; более того, командир попросил своего пленника наладить счётные дела и даже уговаривал остаться с ними. Оказав помощь в счетоводстве и пробыв для этого в отряде две недели, Михаил Григорьевич всё же продолжил путь и наконец встретился с архиепископом Николаем, который «принял его как сына, обласкал и посвятил сначала во диакона, а потом и в священника. Подарил ему много книг и

Пршение М.Г. Красноцветова (автограф) о рукоположении в священнический сан с резолюцией архиепископа Николая. 2 ноября 1921 г. ГА в г. Тобольске.

уговаривал остаться у него в Тобольске, но муж не захотел, а просил места где-нибудь в глуши»⁴⁶. Рукоположение во диакона состоялось 4 ноября, в праздник Казанской иконы Божией Матери, а во священника – 15 ноября (все даты приведены по новому стилю). Определили о. Михаила по его прошению к Вознесенской церкви села Мало-Скарединское, в 20 верстах от Кротово⁴⁷. (Вспомним: там служил священник Садовников, но его место оказалось вакантным.)

В 1925 году Красноцветовы переехали в село Аромашево, где о. Михаил служил в Покровской церкви. В 1931 году он был арестован и сослан в концлагерь на р. Вишера на Северном Урале. Семья скиталась и бедствовала. После освобождения в 1936 году жили в Тюмени, где о. Михаил служил сверхштатным священником во Всехсвятском храме. 5 июля 1937 года был повторно арестован и расстрелян 12 октября того же года. Трое сыновей его стали священниками, внук о. Павел Красноцветов ныне – митрофорный протоиерей, ключарь (настоятель) Казанского собора в Санкт-Петербурге⁴⁸.

История семьи Красноцветовых – уникальный материал как для историка Церкви, так и для исследователя событий 1921 года, живо воссоздающий их картину глазами не только их непосредственного свидетеля, но и свидетеля постороннего, для которого реалии сибирской жизни новы и поэтому воспринимаются острее.

Напоследок у читателя может возникнуть вопрос: хорошо, духовенство в большинстве своём не участвовало в восстании, сохраняло позицию нейтралитета, но почему же пастыри не призвали своих пасомых воздержаться от кровопролития и братоубийства? На этот вопрос трудно ответить, не имея фактического материала. Скорее всего, призывы удержаться от совершения смертного греха были. Но они не были услышаны. Командиры повстанческих отрядов подходили к священникам и, дыша табаком и перегаром, изрекали: «Батя, я тебя уважаю, но лучше не встревай, а помолись за нас». Когда народ превращается в толпу, движимую низменными инстинктами, слово становится малоубедительным. Особенно если это слово изрекает представитель не крестьянского сословия. Вспомним судьбу авторитетных командиров повстанческого движения учителя Владимира Родина и сына торговца Григория Атаманова, казнённых их же подчинёнными.

Вышеизложенные факты позволяют сделать вывод о том, что тезис о широкой и всесторонней поддержке духовенством повстанцев во время крестьянского восстания 1921 года не находит достаточного документального подтверждения, как и утверждения о массовых казнях духовенства со стороны карательных отрядов. Число православных приходов после восстания практически не уменьшилось, хотя «ротация кадров» заметна. Свидетельства об участии священников в кровавых расправах над коммунистами и советскими работниками крайне немногочисленны, основываются на воспоминаниях полудекадовой давности и политически ангажированы. Вместе с тем их прихожане – участники восстания, номинально являясь православными христианами, руководствовались языческим по сути определением «коммунист – безбожник – нелюдь», оправдывающим мучительные убийства даже близких по крови. События 1921 года стали серьёзным испытанием верности своим религиозным идеалам, которые либо терялись, либо укреплялись, чему свидетельство – история семьи Красноцветовых.

«Не могу отказаться быть священником...»

Судьба Михаила Красноцветова

«По Вагаю места хороши... Земля расчищена по реке... Переехав Вагай, места становятся пустее. От Кусеряка до Готопутова – волок, т.е. пустые места, где начинают строиться мужики из-за Ишима. 10 вёрст от Кусеряка места становятся выше, по Ишиму очень хорошие...».

Эти строки были написаны Александром Николаевичем Радищевым в 1790-м году, хотя знаменитый путешественник-правдолюбец проехал по аромашевским местам дважды: сначала в ссылку, спустя несколько лет – обратно.

Через сто тридцать лет тем же путем пройдёт дальний потомок первого русского революционера – аромашевский священник Михаил Григорьевич Красноцветов. Ссылка прадеда закончится в Калуге. Крестный путь отца Михаила – в тюменской тюрьме, в скорбном 37-м...

Род Красноцветовых происходит из Калужской губернии, где уже с XVIII века его представители были псаломщиками, чтецами, а затем диаконами и священниками. Священниками были отец и дед Михаила Григорьевича – оба служили в калужских храмах. Там, в Калуге, и пересеклись два рода – Радищевых и Красноцветовых. Об этом свидетельствует сохранившаяся в семейном альбоме старинный дагерротип, на котором изображена молодая женщина. На обратной стороне подпись: «...от любящей тётки Веры Радищевой». Прадед отца Михаила – Григорий Александрович Красноцветов – был женат на урождённой Марии Радищевой, сестре той самой Веры. Кем они приходились знаменитому писателю, ещё предстоит выяснить любителям дворянских родословий: у него было семь детей от двух жён.

Казалось, путь Михаила Григорьевича Красноцветова был предопределён: окончив Калужскую духовную семинарию, он неминуемо должен был продолжить дело своих предков. Однако неожиданно для родни поступил на юридический факультет Московского университета.

Сведения о дальнейшей его жизни в разных источниках несколько расходятся. Так, по воспоминаниям супруги и внуков, окончив в 1906 году университет, молодой юрист служил судьёй в судебной камере на Таганке. Однако сам Михаил Григорьевич приводит несколько иные факты своей биографии: «В 1909 году, не окончив университет, вышел и поступил на службу сельским учителем в село ... Меленковского уезда Владимирской губернии, где проживал и служил в данной должности по 1911 год. С 1911 по 1917 год служил участковым земским страховым агентом. В 1917 году при правительстве Керенского избран мировым судьёй, после Октябрьской революции оставлен народным судьёй в городах Меленки и Гусь-Хрустальном до 1920 года».

Наверное, этим сведениям стоит верить, ибо зафиксированы они в уголовном деле № 115 во время допроса в тюменском ГПУ в 1931 году.

Ещё будучи студентом, Красноцветов принимал участие в революционных волнениях и даже задерживался полицией. В те же годы женился – избранницей его стала девушка из обедневшей дворянской семьи, получившая, впрочем, хорошее образование: Мария Николаевна, урождённая

Михаил и Мария
Красноцветовы.
1916 год. Архив
семьи Красноцветовых.

Давыдова, была пианисткой и преподавала музыку в приюте для сирот. К 1917 году в семье родилось уже пятеро детей.

Именно о них, в первую очередь, думали супруги Красноцветовы, когда в страну, измученную революцией и Гражданской войной, пришёл ещё и голод. Жалования народного судьи не хватало, чтобы прокормить семью. Продавали и меняли на продукты всё, что было ценного в доме... Не помогало. А если прибавить к этому ещё и постоянный страх перед арестом: происхождение, образование, занимаемая должность – меньшего было бы достаточно для расправы...

К тому же религиозно настроенную Марию Николаевну пугали воцарившиеся нравы. Ей казалось, что началось пришествие Антихриста. Хотелось бежать. Но куда? В Центральной России народ умирал от голода. Зато за Уральскими горами, словно призрачное Эльдorado, манили бескрайними хлебными полями просторы загадочной Сибири... На семейном совете решено было ехать именно туда.

В показаниях М.Г. Красноцветова (1931 г.) читаем: «В 1920 году я прибыл в Сибирь, в с. Кроново бывшего Ишимского округа, где поступил на должность пожарного страхового инструктора...». Судя по всему, Красноцветовы не имели ни малейшего понятия о том, куда едут. Должно быть, Сибирь представлялась им сытым, благословенным краем, где живут нравственно чистые, добрые, богобоязненные люди, и казалось, что с этим переездом закончатся их беды. Они не подумали о том, что Гражданская война, словно цунами, уже прокатилась и по сибирским деревням и сёлам. Они не знали, что непонятное слово «продразвёрстка» с лета двадцатого года стало воплощением беды для сибирского крестьянина... И кому какое дело было до их семьи, бежавшей из голодной России в поисках покоя и благополучия?..

Мария Николаевна Красноцветова вспоминала: «Муж пошёл смотреть свою «камеру» (контору) и пришел в ужас от царившего там разгрома. Бумаги «дел» изорваны на сигарки проходившими по этой местности войсками – то Колчака, то красных, то каких-то авантюристов, восстановить что-либо не было никакой возможности. Муж писал в Москву, но никакого ответа не получил... Продовольствия нам никто не давал, пришлось всё менять на свой скарб...».

Называется – приехали... Но самое страшное ещё ожидало впереди.

Февраль 1921 года обрушился на Аромашевский район не только метелями, но и кровавым крестьянским мятежом. В течение всего предыдущего года советская власть выгребала из закромов зерно, которое так нужно было пухнувшим от голода городам Центральной России. Крестьянин скрипел зубами, но расставался с хлебушком, добытым нелегким трудом и политым солёным мужицким потом. Но терпение русского народа оказалось не беспредельно, когда пришли забирать и семенное зерно...

Из воспоминаний М.Н. Красноцветовой:

«В это время была очередная продразвёрстка, опять забирали у людей так называемые «излишки». Наконец, народ возмутился отнятием последнего мешка хлеба, и началось ужасное восстание. Мужики пошли воевать – трудно передать этот ужас. Не щадили и не разбирали ничего. Советский служащий – значит, враг... В селе, где мы жили, перебили всех служащих в сельсовете и всех учителей... Скоро началось настоящее междоусобие – приехали красные «усмирители», кровь полилась рекой. Жили всё время под страхом смерти – от рук не одних, так других...».

Из огня да в полымя... Ирония судьбы: сын священника, бывший царский служащий, бежавший подальше от всевидящей «чрезвычайки», в одночасье снова оказался в списках врагов, но теперь уже восставшего против коммунистов народа.

*Село Кротово.
Вид от места,
где стоял храм
Михаила Архан-
гела. На переднем
плане - памятник
погибшим за со-
ветскую власть.
Май 2005 г.
Фотография
Г.А.Крамора.*

Из показаний М.Г. Красноцветова (1931 г.):

«В 1921 году наша местность, т.е. с. Кротово, была захвачена повстанцами, и нас, несколько человек совслужащих, арестовали, но потом выпустили...».

Мир не без добрых людей... Спасать отца, рискуя собственной жизнью, бросился старший сын Григорий. Прибежав в сельсовет, где повстанцы решили судьбы арестованных, он закричал: «Папа мой – не коммунист! Отпустите его!».

«В то время там находился наш сосед Семченко, – вспоминала позже Ма-

рия Николаевна, – муж однажды дал ему какой-то юридический совет, который очень помог. Этот сосед подтвердил слова Гриши, сказав: «Ребята, он – не коммунист, у него икон полон угол». Мужики послушали его и отпустили мужа. Разве это не чудо Божие?»

Чудо случилось ещё однажды. Как-то в дом Красноцветовых вошёл Пётр Семёнович Шевченко, командир повстанческого отряда: «...мужик очень умный, организатор, он собрал и устроил правильное войско, посадил своих солдат на коней, и эта кавалерия отовсюду победоносно прогоняла «усмирителей».

– А вы, товарищ, что же? – обратился он к хозяину. – Коли за нас, так пойдём с нами воевать.

Мария Николаевна пришла в ужас. Остаться одной, с пятью детьми на руках, без всяких средств к существованию, в глухой сибирской деревне?.. «Вот когда взмолилась душа моя, все существо моё в едином порыве возопило к Богу о помощи!»...

– Товарищ Шевченко, – сказала она, – муж мой для вас совершенно бесполезный человек, он плохо видит... Да и что же я буду делать одна с детьми? Пожалейте детей!

Шевченко огляделся.

– Это все ваши?

– Да, наши...

Шевченко вычеркнул Красноцветова из списка, который держал в руках, встал и вышел из дома.

И всё-таки от судьбы не уйдешь... Видно, Михаилу Красноцветову, юристу, не востребованному советской властью, признававшей только один закон – закон силы, на роду было написано продолжить дело отца и деда, став священником. А может, испытания, выпавшие на его долю, привели к такому решению, тогда казавшемуся единственно верным, но в итоге ставшему роковым.

Из показаний аромашевского крестьянина Ивана Павловича Жвакина (1931 г.):

– По словам жены священника с. Кармацкое о. Василия Плешкевича, будто бы Красноцветов сам открылся ему, что в священники пошел потому, что, когда было восстание в 21-м году, то его, как сов. служащего, заперли в подвал и хотели казнить. Но он дал мужикам и Богу обет, что, если жив будет, уйдёт с советской службы и посвятит себя служению народу...

Для него между понятиями «служение Богу» и «служение народу» стоял знак равенства!

Из показаний М.Г. Красноцветова (1931 г.): «...считаю несовместимым служить в сов. аппарате на ответственных постах и быть религиозного убеждения».

Переезд в Сибирь не стал спасением. Юрист и пианистка – их знания и таланты оказались никому не нужны в этой глухомани. Не до музыки – выжить бы... В деревнях, опустошённых продразвёрсткой, начался голод. Когда стало ясно, что ни работы, ни жалованья не будет, Михаил Григорье-

Новый Покровский храм в селе Аромашево и старое здание бывшей церковно-приходской школы. Январь 2014 г. Фотография Г.А.Крамора.

выходивших к жилью, чтобы разжиться продовольствием. Мог попасть в руки красных, гонявшихся за повстанцами, что тоже не сулило ничего хорошего: стреляли и рубили, не разбирая, кто прав, кто виноват, без суда и следствия. А тут – интеллигент из бывших.

Его задержали-таки в каком-то селе по дороге на Тобольск. При обыске обнаружил в портфеле документы об образовании и письмо к архиерею от кротовского священника. Для расстрела вполне достаточно. Но опять, в очередной раз Бог, в которого так верил Михаил Григорьевич, отвёл занесённую для удара руку: поостыв, арестовавшие его продразвёрстчики попросили помочь наладить учёт реквизируемого хлеба. Красноцветов согласился. Впрочем, у него не было выбора... До Тобольска он добрался только через месяц, а спустя ещё один вернулся домой – уже в сане священника.

Из Кротово семья перебралась в село Мало-Скарединское – там в маленькой церкви должен был служить отец Михаил. Поселились в доме священника, жили своим хозяйством, как все вокруг, и на пожертвования. Жили скудно, бедно, едва сводя концы с концами, – к 1924 году в семье прибавилось ещё двое детей. Семеро по лавкам...

А беды не отступали. Сельские власти решили открыть в деревне начальную школу и не нашли под неё лучшего помещения, чем дом священника. Семью батюшки, не задумываясь, выбросили на улицу. Никому и в голову не приходило, что крова над головой лишились ни в чём не повинные дети! Отец Михаил вынужден был ночевать в церковной сторожке, а Мария Николаевна с малышами ютилась в маленькой заброшенной избушке. Так продолжалось, пока Михаила Григорьевича не перевели в Аромашево – районный центр. Продав всё, что можно, семья с трудом наскребла небольшую сумму денег и построила собственный дом. Казалось, можно сделать выдох – теперь у них была своя крыша над головой. Завели огород, небольшую пасеку; отец Михаил крестил детей, отпевал умерших, в Рождество ездил с детьми по селу христомлавить – тогда семье перепало немного денег и продуктов. А тучи тем временем стужались над его головой...

Борьба с классово чуждым элементом в деревне принимала часто изощренные формы. К примеру, дети священнослужителей не имели права учиться в школе. Чем уж они так провинились перед советской властью? Самого отца Михаила регулярно арестовывали, увозили на допрос и допытывались: как посмел он оставить должность советского служащего, уехать из Кротово да ещё и стать священником? Забавно: сначала упразднить должность, оставив человека без работы, а потом это же ставить ему в укор...

Но всё это были только цветочки. Когда началась коллективизация, Красноцветовых, едва сводивших концы с концами, объявили... кулаками! Со всеми последствиями: семью раскулачили, отняли последнее имущество и выгнали из собственного дома...

Из показаний Андрея Егоровича С., крестьянина с. Аромашево (1931 г.): – Священника Красноцветова я знаю с момента назначения в Аромашевский приход. Он проявил себя как противник существующего строя.

Фотография М.Г. Красноцветова из следственного дела 1931 года. АУФСБТ юмО.

Говорил: «...вот рабочие имеют свои права, а крестьяне нет, и даже своего союза не дают организовать. Потому что советская власть крестьянского союза боится, старается задавить попытки крестьян организовать». ...По убеждению он крайне реакционный, но пользуется большим авторитетом среди крестьян-верующих. ...Говорил, что если не встать на защиту церкви, то православие уничтожат, что нужно организовать и объявить борьбу Советской власти за... мучение православия».

Из показаний Трофима Ивановича А., крестьянина с. Аромашево (1931 г.):

– Священника Красноцветова я знаю как личность, настроенную против существующего строя и всё время ведущего почти открыто агитацию. Призывает бороться с колхозами как организациями антинародными: «Советская власть говорит, что не против религии, а на самом деле даже не даёт свободно молиться. Прав папа Римский, когда призывает народ к крестовому походу против этих извергов-большевиков... Надо объединиться и идти на защиту храма, и если мы этого не сделаем, храм уничтожат».

Были эти наговоры правдой, нет ли – трудно сейчас судить. Скорее всего, общаясь с прихожанами, отец Михаил мог, не сдержавшись, резко отозваться о действиях власти – тогда, в конце 20-х, за это ещё не наказывали. Кто же мог знать, что пройдёт всего несколько лет, и неосторожно сказанные однажды слова повлекут за собой большие неприятности? Кто же мог знать, что наказывать в государстве, провозгласившем победу всеобщего равенства и социальной справедливости, начнут не за действия, а за слова и даже за мысли?.. Которых, возможно, и не было...

29 марта 1931 года М.Г. Красноцветов был арестован – за контрреволюционную агитацию против советской власти.

Постановление о начале следствия: «...Используя своё служебное положение и фанатизм масс в контрреволюционных целях, в своих проповедях агитировал крестьян против вступления в колхозы и за не отпуск детей в школу. Ведёт агитацию среди населения о создании крестьянского союза».

Отец Михаил виновным себя, конечно, не признал, что не помешало следователю ОГПУ Никитину написать в обвинительном заключении: «...инкриминируемая преступная деятельность ... следствием вполне установлена и свидетельскими показаниями подтверждается». Приговор тройки ПП ОГПУ по Уралу гласил: «Красноцветова Михаила Григорьевича заключить в концлагерь сроком на 5 лет».

В конце 20-х – начале 30-х в Советском Союзе был только один лагерь для политических заключенных – СЛОН: Соловецкий лагерь особого назначения. В 4-м его отделении на реке Вишера, печально известном по произведениям Варлама Шаламова, бывшего зека Вишерлага, отбывал свой срок и аромашевский священник Михаил Красноцветов. Ему ещё «повезло», если можно считать болезнью везением: на корчёвке пней отец Михаил, надорвавшись, заработал себе кровотечение и был переведён на работу счетоводом. Но вместе с остальными заключёнными жил в бараке, – сколоченные из досок, они продувались всеми ветрами, не спасая от холода, и зимой за ночь волосы примерзали к стене. Уму непостижимо, как можно было выжить в таких условиях, но кто-то выживал...

Ещё из тюрьмы о. Михаил написал письмо своей семье. Судя по тому, что оно сохранилось в деле, никто и не собирался передавать детям благословение отца: «Дети! Слушайте маму и не огорчайте её ничем, друг

Тюмень. Последний семейный снимок.

12 июля 1937 г.
Архив семьи Красноцветовых.

** Далеко не случайно! До своего ареста в 1931 году (ему дали 3 года концлагерей, чуть меньше, чем Красноцветову) Лев Кондаков был благочинным по Тюмени и настоятелем Всехсвятского храма. Родился он в в 1885 году в селе Истошино Ишимского округа. В 1915-1919 годах (может, и позднее) был настоятелем Шабалинской церкви в Ишимском уезде - доставлял её. (Прим. ред.)*

друга не обижайте... Всем посылаю своё благословение; лично я совершенно спокоен, т.к. знаю, что на всё воля Божия! Будьте спокойны и вы, не ропщите ни на кого: ведь не могу же я отказаться быть священником. Целую всех и благословляю».

В 1936-м, отбыв свой срок «от звонка до звонка», Михаил Григорьевич приехал в Тюмень, куда к этому времени переехала его семья.

Улица Таборная до сих пор существует в городе – между улицами Циолковского и 50 лет Октября. Здесь когда-то располагался торговый табор – площадь, где разворачивали торговлю кожами с временными складами для их хранения. На этой улице в начале тридцатых годов в маленьком, на два окна, ветхом, но зато

своём доме под номером 20 поселилась семья опального священника – в нескольких минутах ходьбы от храма во имя Всех Святых.

К 1930 году все храмы Тюмени были закрыты. Все, кроме Всехсвятской церкви. Её собирались отдать под школу, но по какой-то причине передумали, и церковь долгие годы оставалась единственным открытым культовым зданием в Тюмени.

В истории храма, опубликованном на официальном сайте Тобольско-Тюменской епархии, имя о. Михаила Красноцветова не упоминается, однако, вернувшись с Соловков, он служил священником именно здесь. А в свободное от службы время занимался домашними делами – топил печь, варил обеды, помогал жене – она зарабатывала тем, что стегала одеяла. В общем, вёл обычную жизнь, радуясь домашнему покою и общению с близкими, по которым так скучал долгие пять лет в Вишерлаге.

12 июля 1937 года, в праздник св. Петра и Павла сын Григорий решил сфотографировать на память всю семью; уговорили и отца Михаила, который не любил фотографироваться. На этом снимке – в последний раз вся семья вместе. В ту же ночь Михаил Григорьевич Красноцветов был арестован...

Заговоры против советской власти мерещились её адептам повсюду. Но война с призраками оборачивалась войной с реальными людьми. В июле-августе 1937 года Тюменским отделом НКВД были арестованы 36 человек – священнослужителей и верующих – по обвинению в участии в контрреволюционной организации, целью которой, конечно же, была борьба с советской властью. Читать материалы дела № 2099 за 1937 год и смешно, и горько. Одним из главных его фигурантов стал некто Л.Я. Кондаков*. В обвинительном заключении о нём говорится следующее: «Обвиняемый Кондаков показал, что в 1936-37 годах было вовлечено в контрреволюционную организацию 17 человек. Так, весной 1936 года у себя на квартире он одновременно завербовал Татищеву, Румянцеву и Носыреву, в сентябре на квартире Носыревой завербовал Сажина, Алексеева и Белавину... В мае 1937 года Кондаков около сада им. Шверника завербовал своего бывшего знакомого Миртова...».

Вот так – пришёл, увидел, завербовал...

Кто вовлёл в «контрреволюционную деятельность» Михаила Красноцветова, осталось за кадром. В постановлении о предъявлении обвинения написано: «Вступив в контрреволюционную организацию контрреволюционно настроенного духовенства, повёл активную работу по спланированию духовенства и других контрреволюционно настроенных лиц для борьбы с советской властью... Красноцветова М.Г. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58, п. 10-11 УК РСФСР, а мерой пресечения способного уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в тюменской тюрьме».

Дело «контрреволюционной организации» представляет собой огромный фолиант. Всё, что не имеет отношения к М. Красноцветову, закрыто для исследователя белыми листами бумаги – чужие тайны! Из 36 арестованных показания дали только тринадцать. Остальным, по всей видимости,

*Всехсвятская церковь в Тюмени.
Конец 1970-х гг.
Фотография
Л.В.Фролова.*

вообще нечего было сказать. Но и эти якобы свидетельства вполне безобидны и уж никак, с нашей сегодняшней точки зрения, не могут служить обвинением:

– Священники Красноцветов, Ленков и Рождаев говорили: «Нам сейчас дали церковь, и мы будем молиться, наша задача привлечь больше верующих, и для этого надо развернуть работу за то, чтобы больше было верующих...».

В чём тут криминал?

На допросе 7 июля Михаил Григорьевич отвечает на вопрос следователя:

– Виновным себя не признаю. Членом контрреволюционной организации не состою, контрреволюционной агитации не вёл, на контрреволюционных собраниях никогда не участвовал.

– Ваше показание ложно, – заявляет ему следователь. – Следствие требует от вас правдивых показаний. – Я говорю только правду.

На втором и последнем допросе 19 июля Красноцветов продолжает стоять на своём: виновным себя не признаю.

Впрочем, его признание уже никому не нужно...

Осенью, едва похолодало, Мария Николаевна решила передать мужу тёплые вещи, но их у неё не приняли. Последним отца видел сын Григорий: как-то утром по дороге на работу он встретил группу арестантов. Куда их ввели? Зачем? Отец Михаил тоже заметил сына и крикнул: «Прощай, Гришенька!». Уже знал свой приговор? Или предчувствовал близкую развязку?

Выписка из протокола № 31 заседания тройки УНКВД Омской области от 10 октября 1937 года: «Слушали дело № 4447 Тюменского горотдела НКВД по обвинению Красноцветова М.Г. ...Виновным себя не признал, но полностью изобличён показаниями свидетелей и обвиняемых. Постановили: расстрелять».

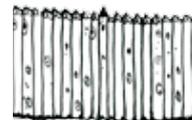
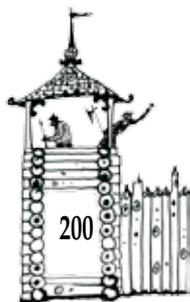
Приговор приведён в исполнение 12 октября 1937 года.

Остаётся добавить: из 36 арестованных по делу о контрреволюционной организации духовенства 35 были расстреляны.

P.S. Заключение по архивно-следственному делу № 1165 от 19 декабря 1956 года:

«Я, старший следователь Управления КГБ при Совете министров СССР по Тюменской области капитан Быков, рассмотрев следующее дело № 1165, нашёл: ...Обвинение предъявлено без оснований, т.к. контрреволюционной организации, членами которой якобы являлись обвиняемые по делу лица, не существовало. Обвинение доказано не было».

9 февраля 1957 года Михаил Григорьевич Красноцветов реабилитирован по делу 1937 года. 14 сентября 1989 года – реабилитирован по делу 1931 года.

Герои Советского Союза земли ИШИМСКОЙ

75 лет минуло с того страшного дня, когда настужь распахнулись огромные, от Баренцева до Черного морей, двери войны. Много воды унесла река времени... Заросли шрамы окопов, исчезли пепелища сожжённых городов, выросли новые поколения. Но в памяти человеческой 22 июня 1941 года осталось не просто как роковая дата, а как рубеж, начало отсчета долгих 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. Мы безгранично благодарны тем, кто отдал свои жизни во имя Родины. И наш долг – помнить о них. Герои умирают не когда их убивают, – герои умирают, когда их забывают. Только осмысление своей истории, уважение к прошлому выявляют в человеке те душевные качества, которые определяют его как личность, как гражданина, а не «Ивана, не помнящего родства». Знания о народном подвиге, о героях войны должны воспитывать у молодого поколения патриотизм.

Среди защитников Отечества особой гордостью пользуются Герои Советского Союза. Их именами названы школы и улицы. 109 наших земляков-тюменцев удостоены этой высшей степенью отличия, 13 стали полными кавалерами ордена Славы.

Проблематика данной публикации – кого из тюменцев считать ишимскими Героями Советского Союза на основании вновь выявленных архивных материалов.

В трёх изданиях книги «Герои земли тюменской» и в последующем издании «Тюменцы – Герои Советского Союза» число наших земляков указано по-разному – от 68 до 97. В книге «Свет Великой Победы» (Тюмень, 2010) список расширился до 105. В Геральдическом альбоме Тюменской области (Тюмень, 2014) перечислены фамилии уже 109 Героев Советского Союза. Однако это – не новые имена. Все они названы в двухтомнике «Герои Советского Союза» (Москва, 1987, 1988) в числе 12 700. Разница в цифрах по регионам связана с тем, что за 70 лет так и не определены общепризнанные критерии отнесения героев к той или иной территории. Большинство занимающихся этой темой считают, что критерий должен быть единый. Это – отношение личности к региону: где он родился или учился, жил или работал, был призван в ряды Советской Армии, и т.д., причём независимо от продолжительности пребывания на территории.

Сложность подсчёта убедительно показал один из авторов Геральдического альбома Тюменской области: «Во-первых, принцип подсчёта весьма спорен – кого считать «тюменцем»: человека, родившегося на территории области, и, возможно, более никогда не жившего здесь, или по рождению не тюменца, но всю жизнь посвятившего трудам на благо области? Или в период представления к государственной награде жившего в области? Или переехавшего из другого региона уже награждённым и всю жизнь прожившим в области? А учитывая непростые «движения» нашей области из одной территориальной единицы в другую как в целом, так и отдельных её частей, передачи тех и других в различные соседние образования, сделать точный подсчёт практически невозможно. Процесс этот непрерывный, идёт поиск в разных направлениях, появляются новые имена, многие сведения требуют уточнения и проверки».

Эту позицию – «привязывать» личность к региону по самому факту проживания здесь – в тюменских СМИ отстаивают, например, Л.Шорохова, В.Кубочкина, Ю.Лысков и др. Именно по такому принципу работает кра-

евед и патриот, автор книги «Герои Тюменского края» А.И. Бажин. Анатолий Иванович несколько десятилетий вёл поиск информации о тюменских героях, используя всевозможные источники: архивные документы, книги о героях, изданные во всех уголках Советского Союза и России, материалы из музеев, СМИ, интернет-ресурсов. В результате в книге названы имена 215 (!) Героев. В таком объёме по этой теме материалы ещё никто никогда не делал.

В 2011-2014 гг. при подготовке материалов для 2-го тома «Ишимская энциклопедия. Приишимье» был сформирован список героев из 10 районов Приишимья. При этом город Ишим и Ишимский район пришлось сделать одной строкой, т.к. деление их на городских (5 Героев) и районных (4 Героя) за многие десятилетия привело к путанице. В результате даже общее количество стали называть по-разному: 8, 9 иногда 10. Разделить Героев на городских и районных невозможно, т.к. кто-то, например, родился в районе, а жил и работал или учился в городе.

Подобная картина связана и с другими районами Приишимья. М.Н. Гурьев родился в Абатском районе, но в Ишиме он учился в школе, окончил ж.д. училище, до войны работал в паровозном депо ст. Ишим. И.П. Горчаков пять классов окончил в Абатске, но среднее образование получил в Ишимской городской школе № 31, а после войны работал начальником отдела кадров Ишимской обувной фабрики. Так же выглядит ситуация и по вновь выявленным героям, имеющим отношение к г. Ишим и Ишимскому району.

Например, П.Д. Гурьев в 1940-1941 гг. работал в Сладковском районе, а в 1932-1940 гг. был на партийной работе в Ишимском районе. Неоднозначную оценку у читателей может вызвать включение в ишимский список дважды Героя Советского Союза К.К.Рокоссовского, участвовавшего в освобождении Приишимья от белогвардейцев в годы Гражданской войны, когда он был ранен и находился на лечении в ишимском госпитале.

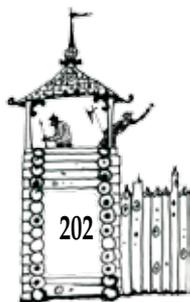
Нашлись новые материалы с фактами причастности к ишимской земле ещё двух Героев Советского Союза – П.А. Бабичева, работавшего в 1955-1958 гг. в Ишимском горвоенкомате в должности старшего офицера и А.Г. Филонова – техника на ст. Ишим (1935-1938).

На сегодня сложилась такая ишимская «арифметика»: 13 героев Советского Союза и один полный кавалер трёх орденов Славы – Я.И. Чупин.

Ещё несколько фактов из некоторых источников об ишимских героях. В 1975 году в апрельских номерах газеты «Ишимская правда» прошла серия публикаций о 10 ишимских Героях Советского Союза. Среди них: Алексей Филиппович Унжаков, 1923 г.р., из Ильинки, представлен как уроженец Ишимского района (?). Как известно, Ишимский район был создан в 1931 году, и дальнейшая биография А.Ф. Унжакова никак не связана с Ишимом или Ишимским районом. Другая неточность: здесь же нет Героя Советского Союза Ф.В. Чижикова, однако есть неизвестный ишимцам Герой Советского Союза Сергей Александрович Черных с такими данными: родился и учился в Ишиме, воевал в Испании, удостоен звания Героя Советского Союза, погиб в бою в июле 1941 года. Из других источников: родился, учился и работал до войны в Нижнем Тагиле, воевал в Испании, там же заслужил звание Героя Советского Союза. В 1941 году командир 90-й авиадивизии ВВС Западного ОВО генерал С.А.Черных расстрелян, впоследствии реабилитирован. Кстати, в московском двухтомнике он также представлен как погибший в бою. Такова правда о неизвестном для Ишима и известном для мира 29-летнем генерале ВВС.

К 40-летию Победы «Ишимская правда» от 16.04.1985 года на двух страницах газеты сделала подборку биографий 10 личностей под заголовком «Герои Советского Союза – наши земляки». Пожалуй, это редкий случай, отражающий реальное положение по этой теме, за исключением ошибки, допущенной в 1975 году: в очередной раз включён А.Ф. Унжаков.

Как получилось, что за последующие 30 лет количество героев трансформировались из девяти в четыре и шесть? В 2013 году вышла в свет коллективная монография «Ишим и Приишимье: страницы истории», в ко-

Открытие памятного стенда, посвящённого Героям Советского Союза земли ишимской. 19 мая 2016 г. Фотографии Г.А.Крамора.

торой названы 10 героев. О двух из них: К.И. Ражеве и Ф.К. Анташкевиче дана подробная информация, фамилии ещё шестерых просто перечислены. Кто они, ещё двое из десяти? Причём инициалы Л.И. Васильева и И.П. Горчакова указаны с ошибками. Ошибка допущена в фамилии Н.В. Чихарева.

В книге «Мы выстояли и победили» (Тюмень, «ВекторБук», 2010) перечислены Герои Советского Союза по всем муниципальным образованиям Тюменской области. И опять нестыковка: в Ишиме их три, а в Ишимском районе только два. В «Исторической энциклопедии Сибири» (Новосибирск, 2009) в списке 68 Героев Тюменской области нет Анташкевича, Горчакова, Гурьева, Копеца, Чижикова.

Хотелось бы выразить уверенность в том, что исследовательская работа будет продолжена и получена единая достоверная информация. Точку на этом не ставим.

Кратко о героях десяти районов Приишимья

Как было отмечено выше, в 2014 году впервые сделан общий свод героев Приишимья – десяти муниципальных районов, территории которых до 1930 года входили в состав Ишимского округа, кстати, занимавшего частично ещё и земли Курганской области и Республики Казахстан. Общая площадь территории округа составляла более 40 тыс. кв. км. Это больше, чем территория Молдавии (33,7 тыс. кв. км.), больше, чем Брянская и Тамбовская области (34,9 и 34,3 тыс. кв. км. соответственно), больше, чем территория Бельгии (30,5 тыс. кв. км.).

При работе со многими источниками выявилось отсутствие данных о месте рождения или призыва Героев. Очень скудны биографические сведения об их жизни и деятельности в довоенный и послевоенный периоды, в т.ч. в четырёхтомнике «Большая Тюменская энциклопедия» (Тюмень, 2004). К тому же из 105 тюменских героев в энциклопедии не значатся 34 (!) Героя Советского Союза и один полный кавалер ордена Славы. Много проблем в связи с разноречивостью информации на интернет-сайтах. В изыскании дополнительных материалов для этого издания большую помощь оказали музеи и библиотеки, архивы регионов России и стран Ближнего Зарубежья.

Так удалось сделать свод из 47 Героев Советского Союза Приишимья и пяти полных кавалеров ордена Славы. Выявлены два Героя Советского Союза: И.М. Грек и И.А. Конюша из Сладковского района, в списке 109 тюменских героев их не было. Уточнены данные о полном кавалере ордена Славы К.Д. Шестакове. Родился он в д. Мишина Пегановской волости Ишимского уезда (в настоящее время территория Бердюжского района). Однако, с чьей-то лёгкой руки в своё время в его биографии была сделана запись: «село Первопесьяново, Ишимский район». Поиск был длительным и завершился подтверждением данных из Тюменского областного госархи-

ва о наличии актовой записи в метрической книге о его рождении и крещении в Пегановской волости (ф. 255, оп. 2, д. 266, л. 44об-45).

В результате сейчас в списке Приишимья – 47 Героев Советского Союза и 5 полных кавалеров ордена Славы. Если же взять за критерий место рождения, в точном соответствии с административно-территориальным делением Тюменской области, когда эти территории были в составе Ишимского уезда (округа), то по праву из 47 и пяти можно считать ишимскими 34 Героя Советского Союза и три полных кавалера ордена Славы.

Герои Советского Союза, родившиеся в 1902-1925 гг. в Ишимском уезде/округе

1. Ахременко Никифор Акимович, 1914 г.р., д. Татарка Соколовской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. с. Новоникольское Кызылжарского района Североказахстанской области).

2. Алексеев Григорий Федотович, 22.01.1918 г.р., с. Истошинское (Истошенское) Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Бердюжский район).

3. Бельский Алексей Ильич, 30.03.1914 г.р., с. Гольшмановское Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Гольшмановский район).

4. Гапоненко Даниил Васильевич, 24.12.1921 г.р., с. Викулово Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Викуловский район).

5. Гурьев Михаил Николаевич, 21.11.1924 г.р., д. Костылева Абатского района Ишимского округа Уральской области (в н.в. Абатский район).

6. Дозорцев Федор Иванович, 24.05.1922 г.р., д. Борки Викуловской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Викуловский район).

7. Еськов Иван Егорович, 1923 г.р., село Юдино Ишимского уезда Тюменской губернии (ныне г. Петухово Курганской области).

8. Закоркин Николай Степанович, 27.02.1917 г.р., д. Стрункина Маслянской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Сладковский район).

9. Земляных Филимон Иосифович, 29.12.1915 г.р., д. Логашкина Истошинской (Истошенской) волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Бердюжский район).

10. Зенковский Аркадий Иванович, 09.02.1920 г.р., с. Большой Кусеряк Кротовской волости Ишимского уезда Омской губернии (в н.в. Аромашевский район).

11. Иванин Егор Иванович, 13.01.1918 г.р., д. Покровка (Греховская) Усовской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Сладковский район).

12. Игнатенко Илья Ефремович, 02.08.1920 г.р., д. Шипунова Абатской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Абатский район).

13. Исаков Александр Варфоломеевич, 03.03.1911 г.р., село Новотроицкое Утчанской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (ныне Частозёрский район Курганской области).

14. Казак Иван Емельянович, 05.07.1919 г.р., д. Новоберезовка Кротовской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Аромашевский район).

15. Кармацкий Владимир Дмитриевич, 05.01.1924 г.р., д. Таловая Аромашевского района Ишимского округа Уральской области (в н.в. Аромашевский район).

16. Кармацкий Тимофей Фёдорович, 15.12.1919 г.р., с. Кротово Кротовской волости Ишимского уезда Омской губернии (в н.в. Аромашевский район).

17. Кошуков Вениамин Борисович, 11.09.1922 г.р., с. Ильинское (Епанчино) Ильинской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Казанский район).

18. Мариков Иван Ефимович, 05.09.1907 г.р., д. Останина Локтинской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Бердюжский район).

Примечания:

1. До 05.04.1918 г.
Ишимский уезд
входил в состав То-
больской губернии.

2. С 05.04.1918 г.
до 27.08.1919 г.
и с 21.04.1920
до 03.11.1923 г.
Ишимский уезд
входил в состав
Тюменской губер-
нии.

3. С 27.08.1919 г.
до 21.04.1920 г.
Ишимский уезд
входил в состав
Омской губернии.

4. С 03.11.1923 г.
до 08.08.1930 г.
Ишимский округ
входил в состав
Уральской обла-
сти.

Сведения об
образовании,
упразднении или
переименовании
административно-
территориальных
единиц взяты из
справочника «Ад-
министративно-
территориальное
деление Тюменской
области» (Тюмень,
2003).

19. Марчук Пётр Васильевич, 02.12.1920 г.р., с. Новоберезовка Кротовской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Аромашевский район).

20. Маслов Николай Васильевич, 22.12.1902 г.р., д. Узлова Абатской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Абатский район).

21. Молодых Павел Петрович, 08.03.1915 г.р., с. Усть-Ламенское Усть-Ламенской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Гольшмановский район).

22. Петялин Сергей Васильевич, 04.10.1925 г.р., д. Чigareва Аромашевского района Ишимского округа Уральской области (в н.в. Аромашевский район).

23. Путилов Сидор Антонович, 15.05.1916 г.р., д. Лапушная Ражевской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Гольшмановский район).

24. Ражев Константин Иванович, 07.09.1922 г.р., с. Ражево Ражевской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Гольшмановский район).

25. Санников Степан Григорьевич, 06.01.1918 г.р., с. Большие Ярки Казанской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Казанский район).

26. Сотников Николай Яковлевич, 01.08.1926 г.р., с. Малоскарденное Аромашевского района Ишимского округа Уральской области (в н.в. Аромашевский район).

27. Сысоев Василий Романович, 10.02.1917 г.р., д. Стрункина Маслянской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Сладковский район).

28. Унжаков Алексей Филиппович, 06.08.1923 г.р., с. Ильинское (Епанчино) Ильинской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Казанский район).

29. Фёдоров Николай Григорьевич, 28.12.1918 г.р., д. Сорочкина Жиялковской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Ишимский район).

30. Филонов Александр Григорьевич, 05.09.1920 г.р., д. Слободская Усть-Ламенской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Омутинский район).

31. Черемнов Яков Дмитриевич, 02.08.1919 г.р., с. Гагарьевское Гагарьевской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Казанский район).

32. Чихарев Николай Васильевич, 09.05.1910 г.р., с. Боровое Боровской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Ишимский район).

33. Шевчук Григорий Лаврентьевич, 04.09.1923 г.р., д. Гагарысова Гольшмановской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Гольшмановский район).

Кавалеры трёх орденов Славы (I-II-III степеней)

1. Астрахов Фёдор Михайлович, 10.08.1919 г.р., д. Бобыльская Абатской волости Ишимского уезда Тюменской губернии (в н.в. Абатский район).

2. Чупин Яков Иванович, 29.10.1925 г.р., с. Мизоново Жиялковского района Ишимского округа Уральской области (в н.в. Ишимский район).

3. Шестаков Кузьма Дмитриевич, 10.10.1914 г.р., д. Мишина Пегановской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Бердюжский район).

4. Юрлов Пётр Михайлович, 14.03.1918 г.р., д. Свистуха Усть-Ламенской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (в н.в. Гольшмановский район).

Веды красоты художника Анатолия Шорохова

Небольшая квартира в нижнем этаже старого дома на ул. Новороссийская в центре г. Севастополь. Именно здесь, в своей мастерской, назначил мне встречу заслуженный художник автономной республики Крым Анатолий Шорохов.

– Для меня Ишим – вторая родина, – сразу же признаётся Анатолий Фёдорович. – Родился-то я 19 января 1935 года в совхозе «Морфлот» под Владивостоком. Туда родители переехали из села Огнёво Казанского района Тюменской области. Но моё юношеское становление, взросление – это Ишим. Лучшее – будь оно связано с искусством, со спортом, с музыкой – заложено сибирским городом. На всё в жизни есть причина и следствие. Ишим – начало начал, он дорог учителями, друзьями. Ниточек до сей поры много, – он показывает на натюрморт «Окно детства» ишимского художника Валентина Манухина, заслуженного работника культуры РФ, а для него – друга и одноклассника. – Это – я в тельняшке, это – Энгельс, его брат родной, и Неля Суханова.

Я что-то знала о творчестве Шорохова из монографии «Восхождение», из «Ишимской энциклопедии». Мы даже мельком были знакомы с Анатолием Фёдоровичем. В 2005 году он приезжал в Ишим и как почётный гость участвовал в мероприятиях Дня города. Кроме того, к 70-летию Великой Победы в Ишиме вышел в свет «Севастопольский альбом Анатолия Шорохова», подготовленный искусствоведом В.М. Лузиной. Презентация книги состоялась в ИГПИ им. П.П. Ершова и вызвала большой интерес. Но живая многочасовая беседа, детальное рассмотрение живописных работ А.Ф. Шорохова непосредственно в Севастополе стали настоящим откровением.

Открываться он будет постепенно, наблюдая за моим восприятием его рассказа и картин, словно решая, надо ли явить лик следующей дорогой ему работы как следующей жизненной вехи. Творческий диапазон мастера широк: живописные полотна на героико-патриотические, философские темы, портреты, натюрморты, пейзажи. Его мастерская – это и рабочая лаборатория, и хранилище... Всему картинному багажу здесь явно тесно. Собственного помещения для просторной галереи Шорохов не имеет, а идти в частное владение – не его принцип. В целом-то художник ценителями искусства, зрителями почитаем. Его картины в разных жанрах экспонируются на российских, республиканских, городских выставках. Одна из последних персональных была развернута в зале Севастопольского регионального отделения ВТОО «Союз художников России» и приурочена к 80-летию со дня рождения автора.

– Юбилейную выставку назвал «Познание». На своеобразный отчёт за огромную творческую жизнь в основном представил графику за разные годы, от студенческих до зрелых: акварельные работы, наброски, этюды к живописным работам, иллюстрации к литературным произведениям, зарисовки для газет, – рассказывает Анатолий Фёдорович.

Центральную стену в его мастерской занимает монументальное по композиции и размерам полотно «Синопский бой» (1983).

– В Синопском сражении в 1853 году на Чёрном море крупную победу над турецким флотом Осман-Паши одержал контр-адмирал Павел Нахимов. Первоначально планировалась диорама во Владимирский собор, – переключает внимание на конкретные полотна Анатолий Фёдорович. – Но её оформление передали в студию имени Грекова, и я решил по эскизам

*Анатолий Фёдорович Шорохов.
Севастополь.
1980-е гг. Фотография из архива
А.Ф.Шорохова.*

написать свою картину. Непросто сжать смысл диорамы до одного полотна, передать в одном сюжете историческое значение боя, явить патриотизм. Мне изначально не нравилась компоновка диорамы. На обсуждении я сказал: «Ребята, вы неправильно повели раскрытие темы, вынесли на передний предметный план территорию Турции, а наши корабли – на море. Получается, мы стоим на чужой территории и в нас стреляют». Я выстроил композицию по-другому: русские на корабле, на палубе «Императрицы Марии», это – часть нашей земли. Изучил много материалов в Морской библиотеке, музеях Севастополя, в Ленинграде, в Центральном музее Военно-Морского Флота, зарисовал архитектуру кораблей, брал консультации у историка, по расчётам палубы – у знатока флота по вооружению Полонского.

В 1979 году Шорохов, получив мастерскую, решил не терять тему, поставил холст 1,25х2 метра и с ходу написал картину. «Синопский бой» сразу же взяли в музей М.П. Крошицкого на республиканскую выставку к 200-летию Севастополя. С улыбкой Анатолий Фёдорович вспоминает, как картина сама заявила о своём месте. Художники Киева, занимаясь развязкой выставки,

по уговору «а этого художника мы не знаем» поставили «Синопский бой» в угол. Но когда секретарь обкома КПСС обходила выставку до начала открытия, то распорядилась вынести картину на центральное место. Председатели Союза художников СССР, Крыма, Грузии и другие – свита была большая – потом долго стояли, рассматривали. Ещё и на лепнину рамы, отливающую позолотой, обратили внимание. Как это сделано? Пришлось Шорохову рассказать, что он считает рамы визитной карточкой картин, как у книг – обложки, что прав Илья Глазунов, утверждая, что картина без рамы – что генерал в бане. Поэтому Анатолий Фёдорович сам изготавливает их из мастики по специальным рецептам, продумывает украшения. Так, для рамы «Синопского боя» жена Люба сплела сеточку из макраме.

– Двойную плату предлагали. Но я работы не продаю. Даже был гонец с намерением приобрести эту картину на саммит в Санкт-Петербурге, опять отказал, – категоричен в своих принципах художник. – Я показал исторический путь Севастополя: «1783 год. Начало строительства Севастополя» (1992), «Освобождение», «Очаковцы» (1987) – севастопольское восстание матросов 1905 года, серия «Севастополь строится», портреты героев-севастопольцев, многое другое. Темой севастопольской я не торгую.

Художник переходит к следующей стене мастерской, где на невысокой подставке скреплённые крепким шпагатом одна за другой выстроены картины в добротных рамах.

– Это – патриотический жанр, – комментирует он, развязывая узлы шпагата. – Два дня назад выносил их во двор дома, где с широкой панорамы делали съёмку для книги «Художники Крыма о Великой Отечественной войне».

Первый серьёзный подступ к этой теме у Шорохова – преддипломная работа «Воспоминание о войне»: мирное хлебородное поле, у трактора – отец и сын. Сын-подросток держит в руках солдатскую каску, которая вывернулась с землёй из-под плуга. Щемящая боль всколыхнула память у тракториста, посерьёзней и мальчишка. Мужество защитников Родины как внутреннее преодоление, как нравственный выбор Анатолий Шорохов выберёт одной из главных тем своего творческого поиска, отразит в полотнах: «Подвиг» (1965), «Память» (1974), «Жажда» (1975), «Северная сторона» (1978), «Последний бой на 35-й», восьмиметровом эскизе панорамы «Балаклавское сражение 25 октября 1854 года» (2004), «Освобождение» (2009) и многих других.

– Я насыщен темой баталей, – продолжает экскурсию для меня, благодарного зрителя, Анатолий Фёдорович, – много раз бывал в этих местах. Важно кистью раскрыть высоту человеческого духа, ведь в момент опасно-

А.Ф.Шорохов показывает свою картину «Победа». Севастополь, 2016 г. Фотография автора.

Афиша персональной выставки графики А.Ф.Шорохова. Фотография автора.

сти люди ведут себя по-разному. Это экзамен на зрелость. Вот картина «Высота» (1984 год). Всё реально было. Когда немцы заняли Севастополь, вдоль берега оставались и мирные жители. Они надеялись, что их заберут корабли. Немцы сбрасывали бочки с горючим, чтобы выкурить людей с береговой части. Мне потом один историк задавал вопрос, откуда я знал, что в числе штурмующих высоту бойцов 35-й береговой батареи была женщина с ребенком? А я не знаю откуда, так увиделся сюжет.

Полотно «Колоски» написано накануне 40-летия Победы. На метровой ещё не запаханной золотистой стерне – группа ребятешек, прижавшихся друг к другу и к учительнице. Это – воспоминание и о своём сибирском детстве. «Мы собирали колоски, – говорит Анатолий Фёдорович. – Упаси Бог зёрнышко припрятать, сдавали все до единого, ведь поля охраняли колхозные всадники. Учительница, скорее всего, эвакуированная из Ленинграда, она детей оберегает, заключила их словно в колосок».

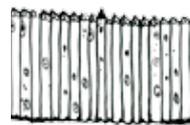
– А ведь эта картина вполне могла стать иллюстрацией многих материалов в двухтомнике «Согретье Сибирью», который я в подарок привезла Вам. О сборе колосков рассказывают на её страницах многие, – с удивлением от такого совпадения добавляю я.

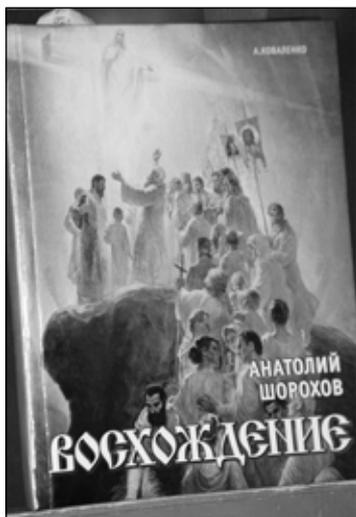
Оставлены на время картины. Анатолий Фёдорович листает книги, я рассказываю о проекте «Согретье Сибирью», об акции открытия мемориальных досок в городах и сёлах, где были детские дома, о Российской акции журналистов.

– Какой богатейший материал: и архивный, и беседы, и живые воспоминания! – откликается А.Ф. Шорохов. – Каждый город и район Тюменской области отобразили? Сильны ваши журналисты! Молодец Иван Кнапик, что так задумал. Знакомые имена, – добавляет он, просматривая материалы по Ишиму. – Нелли Валентиновна Деева, одноклассница, друг нашей семьи, Ольга Самсонова была у меня в гостях, записала видеofilm. Серьёзное издание – «Согретье Сибирью»: и текст, и фотографий столько, рисунки хорошие. Кто художник? Сульженко? Лица тех лет – совершенно другие. Это же такой сильный по духу пласт материалов! Этим проектом вы оставили исторический след. «Живи затем, чтоб след оставить. А не затем, чтоб наследить».

В его судьбе тоже была эвакуация – с мамой Ефросиньей Фёдоровной и двумя братьями Михаилом и Владимиром. Жили на границе с Китаем. Отца призвали на «финскую» войну, затем – на Великую Отечественную. На востоке тоже было не спокойно. Стали поговаривать об эвакуации гражданского населения. Собрав пожитки, Шороховы вместе с соседями по бараку отправились вглубь страны, в Читинскую область, в г. Бaley. Наладить жизнь в абсолютно чужом месте оказалось сложно. Спасала швейная машинка, на которой мама шила и тем самым зарабатывала кое-какое пропитание. И всё-таки решили эвакуироваться в Тюменскую область, в д. Большая Ченчерь Казанского района. Там жили бабушка по линии отца, тётки, дяди.

Рассказ о сибирском деревенском детстве у Анатолия Шорохова овеян ощущением внутренней ребячьей свободы и тёплой благодарности. Прежде всего – маме – за веру в его способности, ведь в каждое письмо отцу на фронт она вкладывала его рисунки. И бабушке Дуне. Бабушка часто собирала детишек родни, кормила чем Бог послал. Помнятся Анатолию предновогодние вечера, когда вся многочисленная родня мастерила ёлочные игрушки. У бабушки в хозяйстве находили мальчишки всякие железки и мастерили самоходные машины. А ещё печь в доме бабы Дуни спасла, когда он целую зиму проболел воспалением лёгких, потом – малярией. Именно в Большой Ченчери ходил Толя со сверстниками в поле собирать коло-

Книга-альбом
А.Ф.Шорохова
«Восхождение»
(Симферополь,
2005).

Графическая
работа
А.Ф.Шорохова из
альбома «Восхо-
ждение».

ски и всегда выполнял норму. Начальная его школа – один кабинет в сельсовете, где одновременно занимались учащиеся 1-4 классов. Учительница умудрялась, разделив классную доску на четыре части, дать всем задания, провести опрос. Саму же школу отдали под учебный центр по подготовке красноармейцев.

– И наконец пришла победа, – продолжает Анатолий Фёдорович. – После возвращения отца мы переехали в Ишим.

О важнейшем в жизни ишимском периоде А.Ф. Шорохов расскажет чуть позднее. Пока же на очереди в его мастерской картина «Победа».

– Написана в 1985 году. Накатило это видение случайно. Ехал в троллейбусе на работу. Солнце так светило. Тема крутилась, ведь приближался День Победы. Давай рассуждать: победа – женского рода, надо найти образ женщины, именно женщины, которая воевала. Она должна представлять символ, как богиня Ника. Дай-ка попробую... Пришёл в редакцию и сразу набросал, чтобы не забыть, на клочке бумаги. Потом – в мастерскую, заказал подрамник и начал писать «Победу», с маленького набросочка выстроил композицию. Пригласил позировать для лица юную Наташу Свиркину, курьера из редакции. За два часа сделал два наброска маслом. И потом создавал этот образ Победы – яркая, улыбающаяся, солнечная, разброс рук в форме буквы «V» – «виктория». Крепкие мужские руки держат её, держат жизнь. Панорама в картине открывается и за счёт рамы. Как-то звонит председатель Союза художников Крыма Николай Моргун: «Решили твою «Победу» в Москву на выставку без рамы, там какую-нибудь обложку сделаем. Она занимает много места при транспортировке». «Никаких! – отвечаю. – Это – право автора, образ картины и рамы у меня единый». Потом в российских новостях показывали выставку, хорошо смотрелась в экспозиции моя «Победа».

Именно эту картину использовали для оформления фасада Ишимского историко-художественного музея к 70-летию Великой Победы в 2015 году, за что автор признателен.

В 1999 году Анатолий Шорохов написал картину «Веды красоты», своеобразный зримый манифест своего предназначения. В композицию включены шедевры мирового искусства, олицетворяющие поиск красоты: «Чёрный квадрат» Малевича, египетские росписи, сюжеты из Боттичелли, Джорджоне, Тициана, Рафаэля, Рембрандта, Рубенса, Кустодиева, Дали, Рериха («Мадонна Орифламма»), Ренуара, Бруллова («Последний день Помпеи»). Перед белым холстом – художник. Девушка-натурщица держит чёрную рамку. Чуть сбоку – Венера.

– Я ей нарисовал руки, в которых – венок-нимб. Через него на кончик кисти спускается луч, соединяющий земное и небесное, дух и материю, – объясняет Анатолий Фёдорович. – Что напишет художник? Какую красоту создаст? Здесь всё сложно. Я даже не стал делать никакого контура. Белое поле – поле творчества. А рамка чёрная – рамка нашего бытия. Что он в неё втиснет? Разбитая рама напоминает звезду Давида. Тут ещё один секрет: колорит разный, фиолетовый переходит в красный, красный – в оранжевый... Это – радуга, это – до, ре, ми, фа, соль, ля, си – гармония мироздания. Как важно нам этот луч уловить, поймать, и уже техническая сторона не волнует. Я, когда пишу, словно это и не я... Кто-то свыше водит моей рукой.

– Пишу чисто интуитивно, не делаю эскизы, ставлю холст и начинаю кистью выстраивать композиции, – продолжает художник. – Смотрю уже на законченные: что можно было сделать по-другому, и понимаю, что всё на месте. Нельзя убрать вот это или вот это, крепко всё, слаженно композиционно найдено от и до, – такое предисловие делает Анатолий Фёдорович к триптиху «Камо грядеши? Куда идём?» («Камо грядеши», «Quo vadis», «Куда идёшь» – исторический роман польского писателя Генрика Сенкевича). Затем комментирует картину «Противление» (1989), – на нас

А.Ф.Шорохов в своей студии.

истины, справедливости. Мир и любовь – основа всего. Святое – защита Отечества, а когда рушат Отечество – это преступление».

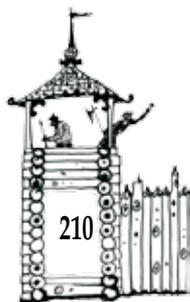

Свидетельство о присвоении А.Ф.Шорохову звания «Заслуженный художник АР Крым».

– «Покаяние» написано в 1991 году, – продолжает художник, – Я понял, что грядёт гражданская буза между республиками. Начались августовские события в Москве, а я уже написал троих погибших, такое получилось совпадение. Тема веры здесь – главное. Женщина – миротворица, миротворица, образ Пресвятой Богородицы, она показывает на содеянное, ограждает от дальнейшей резни. На фоне – Успенский собор в Москве. Рядом – памятник солдатам Великой Отечественной войны, получается, что выводы из истории не сделаны. Войны продолжают на земле.

Исторические параллели и реалии, предвидение и призыв во всё м исходя из веры и любви пронизывают и другие картины: «Прозрение» (1995), «Восхождение» (1994), «Время демократии» (1998). Анатолий Фёдорович продолжает «листать» картины на стеллажах, снимает их, показывает пейзажи, портреты, натюрморты. Благодать истекает с картины «Весна» (1985). На зеленеющей поляне мама играет с малышом, саженец выбросил первые листочки, алеют маки, цветут яблони и вишни. В перспективе – море, на берегу – дома-высотки, наверняка, в будущем они поглотят эту весеннюю улицу с частными домиками. Любованием миром и одновременно предупреждением о его хрупкости пронизаны и картины «Севастопольские маки» (1985), «Севастопольская бухта» (1999), «Весна» (2001), «Цветение» (2002), «Тихий вечер», «Девушка с цветами», «Максимова дача» (1983), «Осень под Форосом» (1999), другие многочисленные крымские пейзажи. Картина «Пробуждение», где преобладают белый и бело-розовый цвета, – гимн природе, гимн женщине. На обороте пометка: «Начата 18 февраля 2006 года, окончена в мае 2007 года». На этюднике, приспособленном под управляемый мольберт (кстати, рисует художник только стоя), ещё добирает цвета свежий этюд «Ялта. Скала Шаляпина». Ишимская тема читается в полотнах «Уж небо осенью дышало» (1985), «На родине», «Хлеба созрели» (2001). Прав исследователь творчества Шорохова А.Коваленко: «Маленький пейзаж становится символом эпического бытия», символом «обобщённого образа Родины».

– Свердловчане как-то приехали на двух автобусах в Севастополь и зашли на выставку, где было два зала с моими картинами, – рассказывает об одной из встреч Анатолий Фёдорович. – Позвонили, хотя со мной встретиться. Я приехал. Мне аплодируют. Просят провести обзор экспозиции. Рассказываю о замысле, исполнении. И вот последняя картина... И вопрос: «Скажите, а какая картина Вам самому больше всего нравится?». Я с некоторой иронией посмотрел и отвечаю: «А мне никакая не нравится». –

*А.Ф.Шорохов
в студии у ав-
топортрета.
Севастополь, 2016 г.
Фотография автора.*

*В изокружке
Дома пионеров.
В центре - Г.И.
Шарапов, справа
- Анатолий Шо-
рохов. 1950-е гг.
Фотография
из архива
А.Ф.Шорохова.*

«Как?». А так, мне нравится сам процесс. Когда я закончу – это как решение задачи, дважды два четыре, она меня уже не интересует. Мне хочется новую начать, тему по-новому решить, по-новому выдать её. Улучшить невозможно. Расписался и больше не возвращаюсь, это уже прошедшее время, такой был момент, такой взгляд. И – за следующую работу.

Именно поэтому запечатлённые Шороховым в картинах мгновения вечности исчисляются тысячами. Их покупали с выставок, на них делали заказы. Однако никогда, ещё раз подчеркивает художник, продажа не была самоцелью. Только крайней необходимостью, когда нужны краски и кисти для новых воплощений.

– В жизни главный дидактический принцип – это наглядность. Художник начинается с того, что он видит вокруг и с чего черпает темы. Я люблю людей, человек для меня – главное. Каждый образ в сюжете поёт своим голосом. Нужно так образы расположить, чтобы в картине каждому была задана работа, опорный смысл, и каждый работал на раскрытие единой темы. Художник – и режиссёр, и артист, и сценарист, – отвечает А.Ф. Шорохов на мой вопрос о том, как открыть в себе призвание художника.

Его изумление красками началось задолго до Ишима. Когда отца призвали в армию, Толя с мамой поехали его проведать. Вечером встретились. «Он другой, в форме даже не похож на моего папку», – то немногое, что подумал мальчишка, сморённый сном. Утром он выглянул в окно дома, где их приняли. Величественная тайга расстилалась вокруг. У дома стоял мальчишка, а перед ним – цветы необычайной расцветки. Увидев Толю, он заулыбался и показал металлическую плоскую коробку. Любопытство взяло верх, и Толя вышел познакомиться. В металлической коробке оказались краски. «Представляете? – вновь переживает нахлынувшее тогда на него удивление Анатолий Фёдорович. – Вот цвета красок, а вот это цветение тайги... Меня это поразило. Какая красота! Мы познакомились. Он развёл краску, стал делать мазки. Я вообще был в восторге. Стал мечтать о своих красках. Но вначале появились карандаши цветные. Рисовал окружающих меня людей, животных. Всё получалось относительно моего умения и возраста. Увлечение начинается с малого. Возможностей становится больше, когда вырастешь, учишься».

Настоящие учителя появились уже в Ишиме. В 1946 году стал заниматься в изокружке Дома пионеров. Во время войны здесь размещался госпиталь. Из оставшихся от госпиталя деревянных щитов мальчишки во главе с учителем В.Е. Непомнящим сделали мольберты. Первые успехи в рисовании окрылили: в 1948 году на смотре художественной самодеятельности дали грамоту и книги за первое место. Неожиданная смена учителя тогда приведёт к признанию сегодня: «Самым близким человеком станет для меня Г. И. Шарапов. Всё, что от него получено, и стало впоследствии моей профессией. Рисовал много, Григорий Иванович рисунки разбирает – что в папки, что на выставки, что на печать в «Ишимскую правду».

– Меня увлекало и многое другое, – рассказывает Анатолий Фёдорович. – Играл в оркестре Ишимского ГДК, поначалу на альте, «секунда» называется, потом перешел на вторую трубу, это ближе к солистам, на барабане, приходилось меняться инструментом с другими музыкантами. В музыке натаскивал учитель Фёдор Шабанов. Играл я в городской команде «Спартак» в футбол и хоккей, имею второй и третий разряды, ещё второй по стрельбе из винтовки. Был в числе первых дружинников Ишима. Получалось так, что я везде был как-то нужен, везде успевал.

Учился он в зданиях трёх ишимских школ: на ул. Пономарёва (впоследствии сгорела), потом в шестой, она располагалась в здании педучи-

Портрет Анатолия Никитина, выпускника школы № 1 г. Ишим, награждённого орденом Мужества (посмертно). 2016 г. Передан А.Ф.Шороховым в дар школе № 1.

лица (ул. Ленина, 1), выпускался же из первой. Поэтому и поддерживает связи с музеем этой школы. Учащаяся Снежана Gladkova писала о нём работу, получила диплом 1 степени на конференции «Первые шаги в науку». В дар музею по заказу его руководителя Л.К. Соскиной художник написал портрет Анатолия Никитина. Юноша погиб при исполнении воинского долга в Чечне, представлен посмертно к ордену Мужества.

В жизни своей Анатолий Шорохов более всего благодарен Г.И. Шарапову, он вложил в юношу и специальные знания, и уверенность в жизни. Именно Шарапов посоветовал сходить на конкурс и дал ему рекомендацию в художники кинотеатра. 15-летний Анатолий только окончил седьмой класс. Директор кинотеатра им 30-летия ВЛКСМ Горбатенко встретил мальчишку сообщением, о том, что конкурс уже завершён, но выдал всё-таки щит под художественную рекламу. И Анатолий с ходу написал громадную афишу. Жюри оценило, и уже после обеда последовал ответ: «Пиши заявление».

Этот шаг потянул за собой следующий. В кинотеатре проходили призывные комиссии. В специальный набор в сентябре 1954 года нужно было 16 человек. Выходит майор Огрызков и натывается взглядом на Шорохова: «А ты не хочешь в Москву? Ты художник, музыкант, спортсмен... Именно такие нужны». – «Так я уже записан на службу в Киев». – «Переоформим!». Горбатенко поддержал: «И я хотел бы, чтобы ты с моим сыном Володькой служил». И закрутилось. За день успел собраться, получить расчёт, сняться с учёта в горком комсомола. Мама – в слёзы... Г.И. Шарапов пришёл проводить. «Так я отбыл в Москву. Всё время мне сопутствовало какое-то провидение свыше», – замечает А.Ф. Шорохов. Потом с юмором рассказывает, как на переключке поваров, музыкантов, художников, спортсменов он никуда не вышел и направился копать траншею. Через несколько дней вызывают его к полковнику Горскому. Тот как гаркнет: «Ты куда пришёл? Ты в армию пришёл, почему на разводе не вышел?». – «Я считаю...» – попробовал оправдаться. «Это мы считаем... Иди в муззвод». В свою очередь капельмейстер приказал: «Бери вторую трубу, ноты». Марш победителей сыграл, «Прощай, товарищ» сыграл. «Трубачей у меня навалом, – говорит капельмейстер. – А ты не хочешь на ударник? Дубась «двочки» на мешке». Короче, дали второй тенор в оркестре, и пошла служба на Даниловской площади в Чернышевских казармах.

– Но служба моя – не одна музыка, – уточняет Шорохов, – и полы драил, и дневальным стоял. Первым нарядом после принятия присяги был караул в штабе у знамени полка. Часто отправляли оформлять стенды, кабинеты, столовую. Постепенно стал правой рукой художника – старослужащего латыша из Риги Имантца Озолиньша. Он передал мне навыки росписи потолков, стен, – лучшего шрифтовальщика я не встречал. Когда оформление военного городка стабилизировалось, мне разрешили заниматься в художественной студии Всесоюзного Дома народного творчества им. Н.К. Крупской у профессора Кравченко. Я обегал в Москве все выставки – в Третьяковке, Музее изобразительных искусств имени Пушкина, в парке Горького, в галерее на Кузнецком мосту, посмотрел спектакли.

В конце 1956 года Анатолий получил отпуск, во время которого в Ишиме женился на однокласснице Любове Гайдук. В 1957 году в Москве проходил Международный фестиваль молодежи и студентов. Работы прибавилось: оформление классов, смена агитационных стендов, написание портретов. Последнее задание – оформление четырёх радиоцентров – выполнил на «отлично». И приказ: домой!

После октябрьских праздников и короткого отпуска стал искать работу. Г.И. Шарапов вновь взял под крыло, подбросил заказ: написать портрет В.И. Ленина в конференц-зал Ишимского райисполкома и пейзаж. Затем за несколько месяцев работы художником в Доме культуры Шорохов заменил всё оформление, директор К.А. Осинцев радовался, что заполу-

Отец и мать - Николай и Татьяна Никитины с внучкой Катей и родными на музейном уроке в школе № 1. 12 октября 2016 г. Фотография С.С.Сафронова.

На музейном уроке в школе № 1, посвящённом А.Ф.Шорохову. 12 октября 2016 г. Фотография С.С.Сафронова.

чил такого профессионала. И опять-таки Григорий Иванович взялся уговаривать Осинцева отпустить Анатолия на учёбу в Москву.

В Московское областное художественное училище «Памяти 1905 года» за отличные показатели на вступительных экзаменах Шорохов прошёл вне конкурса. Учился увлечённо, был старостой группы, комендантом общежития, подрабатывал в московских газетах, в Центральном управлении ВМФ СССР.

– Когда перешёл на пятый курс, приехал на практику в Севастополь, – рассказывает Анатолий Фёдорович. – Город был закрыт, нас с женой пригласила тётя. Бе-

гал, рисовал. Как-то выскочил на улицу Маяковского, а там – редакция газеты «Слава Севастополя». Дай, думаю, зайду, познакомлюсь с художником, чем он занимается. В редакции старичок был, но ещё энергичный, сидел на ретуши. Разговорились. Я показал удостоверение внештатного художника «Московской правды». Он меня – к ответственному секретарю Вере Гавриловне Кузьминой. Она попросила принести рисунки, которые были напечатаны, ведь лучше один раз увидеть. Приношу на следующий день. Сразу просьба: «Сделайте плакат ко Дню Военно-Морского флота». Делаю, печатают, ещё задания – нарисовать лучшего плотника, строителя... Выполнил серию рисунков с текстовками, перевёл на тушь. Я быстро работал: рисунки для газет, книжные иллюстрации. Когда недавно устраивал

выставку графики, насчитал семь тысяч с чем-то и сбился. Выбирал на выставку по темам, разный материал: акварель, тушь-перо, тушь-кисть, монотипия, уголь, соус.

К моменту распределения на Анатолия Шорохова пришли запросы из Министерства культуры Севастополя, от редакции «Московской правды», из клуба Центрального управления ВМФ, оставляли его и преподавателем рисунка и комендантом общежития в самом училище. Но семья Шороховых выбрала Севастополь.

– Я уже восемь лет жил в Москве: три года служил, пять учился, – объясняет Анатолий Фёдорович. – А родился-то я на море да уже побывал в Севастополе. Тут

такая тема громадная. Шла стройка после войны. Поехал осваивать целину. Ни разу не пожалел. Сразу устроился художником-оформителем в «Славу Севастополя», стал творить и вытворять. Работал в газете более 30 лет, с 1963 года. Окончил Московский полиграфический институт. С 1964 года сотрудничал с книжным издательством «Таврия», иллюстрировал более 50 книг.

Шорохов – член Союза журналистов СССР с 1977 года. В 1994 году принят в Союз художников Украины. Заслуженный художник автономной республики Крым. Член Союза творческой интеллигенции Севастополя, член правления фонда истории и культуры им. Г. Черкашина. Награждён Золотой медалью Союза художников России. Знаков общественного признания у Шорохова много. Особо гордится подарками за патриотическую работу: от Президента России Владимира Путина – швейцарские часы с гравировкой «Победителю. Спасибо за Победу!» и от Народного артиста СССР, председателя фонда «Армия и культура» Василия Ланового – Почётный диплом и статуэтка Александра Невского.

Ещё одно профессиональное увлечение: абсолютный чемпион Крыма, призёр Украины, Советского Союза, мастер спорта по подводному плаванию и подводной стрельбе.

Лидия Константиновна Соскина рассказывает о портрете Анатолия Никитина, написанном А.Ф.Шороховым. 12 октября 2016 г. Фотография С.С.Сафронова.

– Всё Черноморье и Приднестровье изучил, – комментирует эту строку биографии Анатолий Фёдорович. – Прошёл курсы водолазов, для института биологии Южных морей доставал мидий, крабов, чтобы проверить на радиоактивность. Море интересно и под водой. Крымская природа очень разнообразна. Это достойно кисти и поэзии. Мне, куда не сунься – всё красиво. Всё зависит от того, как ты сам мир воспринимаешь.

Листаем фотоальбом о поездке в Ишим в 2005 году. Художник рассказывает о тёплых встречах с главой города Виктором Рейном, с одноклассниками – Валентином Манухиным и Нелли Деевой (Сухановой), с художниками – Борисом Коньшиным, Николаем Шутовым, Дмитрием Новаковым, с родными. «Меня сразу окунули в общественные встречи. В музее проходила выставка работ, состоялась презентация книги Александра Плотникова, которую я помогал оформлять. Как-то я обласкан всеми».

Обласкана оказалась и личная жизнь. Более 50 лет супружеский стаж Анатолия и Любови Шороховых. У них – дочь Инна, два внука – Василий и Иван, правнуки-двойняшки – Катя и Роман. «Им уже по 14. Граждане России!» – с гордостью говорит А.Ф. Шорохов.

Своеобразным наказом всем восприняла я ещё одно полотно художника. Уже записана беседа, сказаны слова благодарности, переданы со мной письма друзьям в Ишим и портрет А.Никитина в школу № 1. И тут Анатолий Фёдорович снимает со стены белую ткань, а под ней – картина «Благовесть». Снова на первом плане – Женщина, Пресвятая Богородица. Снова – философское осознание времени, желание, чтобы царила в мире жизнь по свету и духу, вера в то, что путь один – творить красоту.

Наш вернисаж

В. М. Лузина

Актуальный реализм художника Анатолия Шорохова

*«Никакого снижения цен на поступки,
Благородство которых не зависит от спроса,
Никакой распродажи, ломбарда и скупки,
Честь и доблесть – не вещи с процентом износа».*
Юнна Мориц.

В 2016 году многие ишимцы смогли познакомиться с творчеством Анатолия Шорохова благодаря выходу в печать «Севастопольского альбома», где достаточно широко представлен масштаб художественной деятельности мастера: его батальные, исторические картины, пейзажи, портреты, книжная графика...

Анатолий Шорохов всегда подчёркивал, что как художника его взрастил Ишим. Именно на малой родине он определился с выбором профессии, в студии у Г.И. Шарапова получил необходимые навыки в искусстве, позволившие ему учиться в столичном художественном заведении.

После окончания Московского художественного училища «Памяти 1905 года» Анатолий Шорохов по распределению приехал работать в Севастополь. Легендарная и героическая история этого города стала темой, которая определила этический масштаб творчества художника, поскольку вся история России «пульсировала» в героическом прошлом и настоящем города.

Работа в течение тридцати лет художником-журналистом в газете «Слава Севастополя» способствовала философскому осмыслению материала. Художник поднимается на определённую высоту видения и пытается увидеть не только прошлое, настоящее, но и заглянуть в будущее. Его взгляд не сиюминутен, не конъюнктурен. Шорохова интересует мир во всём его многообразии.

Как цельная личность, он никогда не сдаёт позиций героев, о которых повествует в своих картинах на протяжении всего долгого творческого пути. Это герои – защитники Севастополя, люди труда, ветераны Великой Отечественной войны.

Сам А.Шорохов подчёркивает, что главным в его творчестве всегда является Человек. Одними художественными средствами, без вульгарной социологизации, он утверждает право человека на свободу, на созидательную жизнь; способность выстоять, сохранить достоинство и бросить вызов судьбе в самых сложных обстоятельствах рассматривает как основу героизма.

Чтобы осветить эти темы, художник обращается к многофигурным монументальным полотнам.

В наш век преобладающего «этнодного» направления в живописи Шорохов сохраняет и утверждает значимость жанровой картины, которая может говорить со зрителем о вечных непреходящих ценностях. Художник создал более девяти тысяч произведений; есть среди них и картины, посвящённые малой родине – Ишиму: «Колоски» – о голодном военном детстве, «Уж небо осенью дышало» – вид с горы Любви в Синоцинском бору, «Берёзы» и другие.

История Севастополя отражена в таких произведениях как «Строительство Севастополя», «Очаков», «Синоцкий бой» (победа адмирала Нахимова над турецким флотом Осман-паши); героической обороне Севастополя в годы Великой Отечественной войны посвящены картины «Жажда», «Подвиг», «Высота», «1941 год. Северная сторона». В полотнах «Восхождение» и «Высота» Анатолий Шорохов рассматривает восхождение к подвигу и духовным истинам в одном ключе, подобно Ларисе Шепитько – автору знаменитого фильма «Восхождение» (по произведению В.Быкова «Сотников»).

«Нельзя хоронить прошлое, нельзя забывать, какой ценой досталась Победа – одна из составляющих Славы нашего отечества, гордости нашей нации», – утверждает своим творчеством художник.

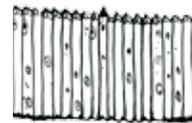
Следует остановиться на двух значительных работах А.Шорохова, которые появились в 90-е годы накануне Перестройки. Это картины-размышления, картины-прозрения. Ещё до 1991 года художник задаётся вопросами о разрушительных последствиях грядущих событий.

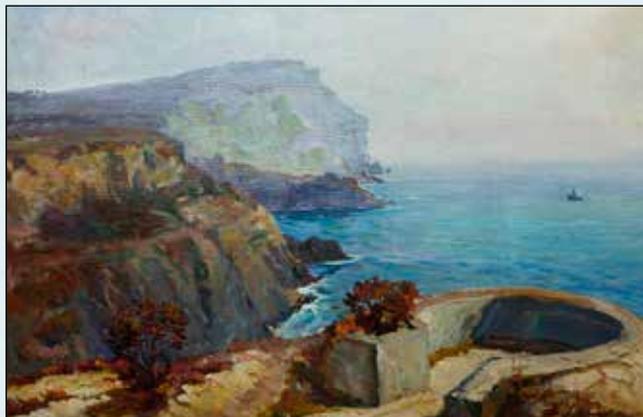
В центре полотна «Противление» – мощный круговорот стихии, вода подступает со всех сторон, её потоки обрушиваются на людей... Идёт борьба за выживание, проверка на выносливость, на сопротивление. «На нас всё время что-то накатывает – политические, экологические, нравственные беды. На нас идёт сила, которую мы стараемся сдерживать... Центром картины является мужчина, который защищает женщину – основу жизни», – так говорит о работе автор.

Одна из самых глубоких и сложных картин художника «Единение» (1990) – это призыв беречь основные скрепы нации. Художник, как и все, в поиске. Он не даёт прямых ответов на вопросы, которые встали перед страной, но уверен в одном – предшествующие достижения и Победа 1945 года не могли быть напрасными. Хоронят участника Великой Отечественной войны, коммуниста, уходит в прошлое целая эпоха. На переднем плане – растерянный мальчик, олицетворяющий собой новое поколение. На фоне – эпическая панорама истории России с войнами, революциями, достижениями, взятием Рейхстага и Победой. Что же может объединить разные политические убеждения, конфессии? В чём же заключается Единение? В Чувстве Родины, которое невозможно разменять, в непрестанном поиске правды, справедливости, мира. Звучит набат Херсонесского морского колокола, пилоны которого возносятся до неба и напоминают печи Хатыни. Это произведение, написанное 25 лет назад, актуально как никогда в настоящее время, когда уроки прошлого часто оказываются легкомысленно забытыми.

Только Большой Мастер способен прозревать будущее. «Победа» Анатолия Шорохова – одно из самых известных его произведений. И сейчас, всматриваясь в это полотно, поражаешься тому настроению триумфа Победы, радости и восторга, которые художник передал столь лаконично, что работа могла бы прекрасно вписаться в плакатное искусство военной эпохи как завершающее звено, как мощный аккорд.

Парящая фигура ликующей девушки – реальной, земной и в то же время перекликающейся с образом крылатой Ники, греческой богини Победы – безусловно размещена на полотне. Её руки, в одной из которых – развевается знамя Победы, воздеты вверх подобно крыльям. Внизу – подхватывающий это движение лес поднятых рук солдат-победителей. В этом жесте множество смыслов. Это руки, выпестовавшие Победу, торжественно чествующие её и свой триумф, сохраняющие её. Женщина, парящая в небе – гимн наступившему миру, олицетворение надежды и счастья, олицетворение будущего. Она – символ Родины и самой жизни.

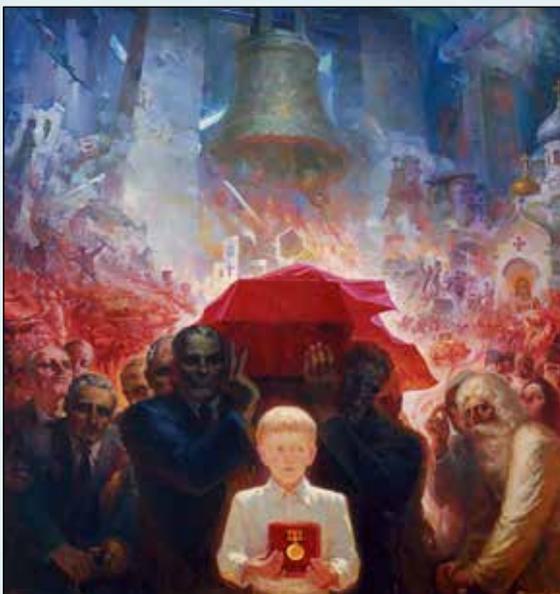

Фиолент. 1983. Холст, масло. Дар ИИХМ в 2016 г.

Автопортрет. 1975. Холст, масло. Собственность художника.

Синопский бой. 1983. Холст, масло.
Собственность художника.

Единение. 1990. Холст, масло.
Собственность художника.

Колоски. 1984. Холст, масло.
Собственность художника.

К статье Г. А. Крамора «Зданию Ишимского духовного училища – 130 лет».

Фасады и интерьеры 1-го корпуса ИПИ им. П.П.Ершова. 2009-2016 гг. Фотографии автора.

К статье Т. П. Савченковой
«Ершов и Свяжск».

*Виды Свяжска и Успенского монастыря, который в 1858 году посетил П.П.Ершов.
Август 2015 г. Фотографии автора.*

К статье А. К. Омельчука ««Тёплый Ишим» Сергея Козубенко».

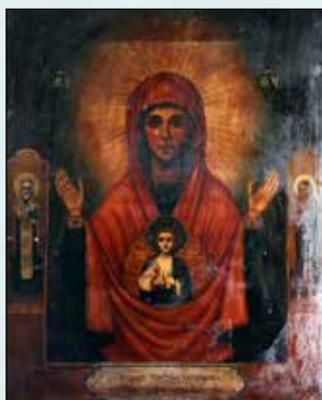

*Открытие памятника П.П.Ершову (скульптор С.Г.Полегаев), подаренного Ишиму С.П.Козубенко.
13 июня 2015 г. Фотография Г.А.Крамора.*

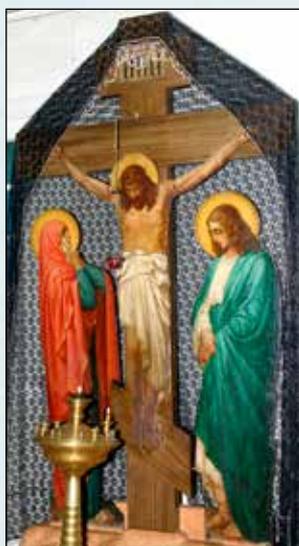
К статье Г. А. Крамора «Век Покровской церкви на станции Ишим».

Божественная литургия в престольный праздник Покрова Богородицы и празднование 100-летия храма. На кафедре, в центре - митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий (Капалин), справа - епископ Ишимский и Аромашевский Тихон (Бобов), слева - епископ Евстихий (Курочкин). 14 октября 2016 г.

Распятие с предстоящими, список Абалакской иконы Божией Матери, образ Спас Нерукотворного сохранились со времени основания храма.

Западные ворота. Сделаны в нач. 1980-х гг. по эскизу блаж. Геннадия Ишимского.

Фрагмент иконы «Страшный суд». Написана Елизаветой Черепановой в начале 1980-х гг.

К статье Г. А. Крамора «Век Покровской церкви на станции Ишим».

Епископ Ишимский и Аромашевский Тихон (Бобов). Первый визит в храм после назначения на епархиальное служение. 10 ноября 2013 г.

Епископ Омский и Тюменский Максим (Кроха) с прихожанами Ишима во дворе Покровской церкви. 23 мая 1982 г. Фотография А. В. Дюгаева.

Иерей Пётр Лысенко служит панихиду по почившему Патриарху Алексию II. 9 декабря 2008 г.

Иерей Сергей Рыбакин и прихожане храма после Крещенского водосвятия на реке Ишим. 19 января 2010 г.

*Раздача пасхальных яиц после Крестного хода на Фомину неделю. 27 апреля 2009 г.
Все фотографии - автора (кроме отмеченной особо).*

Коркнна слобода

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
РОССИЙСКОГО ПРИИШИМЬЯ

Адрес редакции:

627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. Советская, 30, Музей П.П.Ершова
(структурное подразделение МАУК «ИИХМ»).

Тел./факс (34551) 2-31-41.

E-mail: gkr@rambler.ru.

Электронная версия на сайте: www.ershov.ishimkultura.ru.

Отпечатано в филиале «Ишимская типография» ОАО «Тюменский издательский дом».

627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. им. Чкалова, 17.

Заказ № 1612 . Формат 60x84 1/8. Тираж 500 экз.

Объём 25,11 усл. печ. л. Печать офсетная. Бумага офсетная; мелованная.

Гарнитура Palatino Linotype. Подписано в печать 25.12.2016 г.